

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2021

№ 72

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

**Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»**

***Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жилиякова (Томск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

***Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

***Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalkchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

***Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)
M.N. Lipovetsky (Boulder, US)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, US)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Белоусов К.И., Баранов Д.А., Зелянская Н.Л., Пономарев Н.Ф., Рябинин К.В. Когнитивно-информационное моделирование социальной реальности: концепты, события, приоритеты	5
Глушенко В.А., Пискунов А.В. Феномен праязыка в трудах ученых московской лингвистической школы	27
Дементьев В.В. О некоторых содержательноцентричных тенденциях в современной отечественной лингвистике	42
Кондратьева О.Н. Стратегии легитимизации царской власти в древнерусской публицистике (на материале посланий Ивана Грозного)	74
Lenart I., Markovina I.Yu., Endrody O. Preschool children's verbal image of the world: a cross-cultural Russian-Hungarian comparison based on word associations	91
Панова Ю.С. Фреквентальные цепочки в интерактивном блоке коммуникативно-прагматической структуры французского диалога (на материале современной художественной литературы)	119
Рыжкова Т.С., Зайкова И.В. Семантический объем прилагательного <i>friendly</i> в современном английском языке	134
Смирнова А.Ю., Толочин И.В. Avenging angel: от словосочетания к сложному слову	153
Шубина Э.Л., Блюдорн Х. Именные группы типа <i>eine Art + Attr. + Subst.</i> в немецком языке (в синхронии и диахронии)	176
Якоба И.А. Параметризация дискурса выступления Г. Тумберг в ООН	199

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ерохин А.В. Ф.М. Достоевский в оценке Вальтера Беньямина	212
Жданов С.С. Немец как герой пути (по повести А.П. Чехова «Дуэль»)	232
Казакова И.Б. Этические воззрения У. Вордсворта в контексте английской моральной философии XVIII в.	248
Николаева М.Н., Томская Н.Н. Особенности техники потока сознания в абсурдистских пьесах С. Беккета	264
Никонова Н.Е. Образы свободы в правовом дискурсе В.А. Жуковского: по материалам эгодокументов и неопубликованного конспекта сочинения К.Э. Ярке «Die rechtliche Freiheit» (1831)	276
Темиргазина З.К., Ибраева Ж.Б. Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева)	290

ЖУРНАЛИСТИКА

Агапов В.Л. Борьба прессы и администрации в Приморской области накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.)	308
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	332

CONTENTS

LINGUISTICS

Belousov K.I., Baranov D.A., Zelyanskaya N.L., Ponomarev N.F., Ryabinin K.V. Cognitive-Information Modeling of Social Reality: Concepts, Events, Priorities	5
Glushchenko V.A., Piskunov A.V. The Phenomenon of a Parent Language in the Works of Scholars of the Moscow Linguistic School	27
Dementyev V.V. About Some Content-Centric Trends in Modern Russian Linguistics	42
Kondratyeva O.N. Strategies for Legitimization of the Royal Power in Old Russian Publicism (On the Material of the Letters of Ivan the Terrible)	74
Lenart I., Markovina I.Yu, Endrody O. Preschool Children's Verbal Image of the World: A Cross-Cultural Russian-Hungarian Comparison Based on Word Associations	91
Panova Yu.S. Frequent Chains in the Interactive Section of the Communicative-Pragmatic Structure of the French Dialogue (On the Material of Modern Fiction)	119
Ryzhkova T.S., Zaykova I.V. The Semantic Scope of the Adjective <i>Friendly</i> in Modern English	134
Smirnova A.Yu., Tolochin I.V. Avenging Angel: From a Collocation to a Compound	153
Shubina E.L., Blühdorn H. Noun Phrases of the Type <i>eine Art +Attr. +Subst.</i> in German (In Synchrony and Diachrony)	176
Iakoba I.A. Parametrization of the Discourse of Greta Thunberg's Speech at the U.N. Climate Action Summit	199

LITERATURE STUDIES

Erokhin A.V. Fyodor Dostoevsky in Walter Benjamin's Assessment	212
Zhdanov S.S. A German as a Character of the Way (Based on Anton Chekhov's Novella <i>The Duel</i>)	232
Kazakova I.B. William Wordsworth's Ethical Views in the Context of 18th Century English Moral Philosophy	248
Nikolaeva M.N., Tomskaya N.N. Features of the Stream of Consciousness in the Absurdist Plays by Samuel Beckett	264
Nikonova N.Ye. Images of Freedom in the Legal Discourse of Vasily Zhukovsky: Based on Ego-Documents and the Unpublished Abstract of Karl Ernst Jarcke's "Die Rechtliche Freiheit" (1831)	276
Temirgazina Z.K., Ibraeva Zh.B. An Observer in Poetic Narrative (In the Poems of Pavel Vasiliev)	290

JOURNALISM

Agapov V.L. The Struggle Between the Press and the Administration in Primorskaya Oblast on the Eve of World War I (1910–1914)	308
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	332
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'33:81'23:81'27

DOI: 10.17223/19986645/72/1

**К.И. Белоусов, Д.А. Баранов, Н.Л. Зелянская,
Н.Ф. Пономарев, К.В. Рябинин**

КОГНИТИВНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: КОНЦЕПТЫ, СОБЫТИЯ, ПРИОРИТЕТЫ¹

Описана исследовательская программа когнитивно-информационного моделирования социальной реальности в массовой коммуникации. Моделирование рассматривается как метод исследования концептуализированных фрагментов социальной реальности, образующих и формирующих медиасферу – иерархическую гиперсеть, образуемую концептами национальной концептосферы и медиасобытиями. В качестве материала используются 207 обучающих текстовых выборок, каждая из которых посвящена одному медиасобытию, входящему в медиаповестку российских массмедиа за годовой период.

Ключевые слова: концептосфера, медиасобытие, медиаповестка, классы событий, медиасфера, социальные медиа, текстовый контент, машинное обучение, научная визуализация

Введение

Развитие Интернета, социальных сетей, мессенджеров, игровой среды (геймификация), технологий виртуальной и дополненной реальности, IoT значительно расширило и изменило медиасферу, которая стала рассматриваться не только как часть обыденной социальной реальности [1, 2], но и как автономная медийная реальность, «основанная на собственных системных правилах и механизмах» [3. Р. 83–84].

Медиатизация реальности представляется двунаправленным процессом. С одной стороны, медиатизация обусловлена непрерывным преобразованием журналистами, блогерами, пиар-менеджерами, маркетологами (медиаагентами [4]) значимых для активных экономических, политических, культурных и подобных субъектов (влиятельных акторов и их коалиций) фрагментов социосферы в мультимедийные медиапродукты, представляющие собой пристрастные интерпретации реальности [5].

С другой стороны, медиаконтент, генерируемый медиаагентами в виде медиапродуктов, проходит через фильтры, в качестве которых выступают концептуальные системы [6] медиапользователей, в результате чего медиа-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект FSNF-2020-0023).

контент либо принимается (в том числе с какими-то ограничениями), либо отвергается той или иной концептуальной системой. Популярность медиапродукта, выражаемую показателями объема генерируемого им трафика и его производными (переходы по ссылкам, отметки «нравится» и т.п.), можно рассматривать как легкость / сложность адаптируемости системы концептов медиапродукта: а) к множеству отдельных концептуальных систем потребителей массмедиа; б) к обобщенным концептуальным системам целевых групп пользователей и к обобщенной (моделируемой) концептуальной системе всего медиасообщества. Концептуальная совместимость / несовместимость системы концептов медиапродукта с концептуальными системами целевых групп и всего сообщества, по нашему мнению, является основным ориентиром процесса медиатизации социальной среды.

Роль медиапользователей состоит в поддержке канала для трансляции контента в психологическую реальность собственных концептуальных систем; с точки зрения медиа обычные потребители являются той частью медиареальности, для которой медиаагенты (и весь «организм» массмедиа) «совместно производят, редактируют и перемешивают ряд симулякров, порождая среду, (необходимую медиаюзерам) для избегания, фантазий и отвлечения» [2].

Таким образом, медиаагенты активно создают медиапродукты и транслируют их по доступным каналам, но только потребители массмедиа наделяют эти продукты «жизнью», т.е. медийной онтологией, «размещая» их между двумя полюсами, на одном из которых медиа воспринимается еще как часть социальной реальности, а на другом – как отдельная реальность со своими объектами, процессами, законами и соответствующей им семиотикой. Между этими двумя полюсами располагаются тысячи преломленных в массмедиа событий социальной реальности, причем можно предположить, что тотальная цифровизация постепенно приводит к тому, что дрейф медиатизации событий сдвигает их концептуальную массу к полностью автономному от социальной реальности полюсу. Происходит это потому, что медиатизация реальности со временем начинает все сильнее «сгущаться» у «ближнего круга» индивида и, вероятно, проникает внутрь этого «круга», внутрь телесно переживаемой жизни.

В свете сказанного поиск принципов, закономерностей развития медиасферы как относительно автономной, изменяющейся во времени-пространстве полиструктурной информационной среды становится важной научной проблемой. Данная работа посвящена описанию программы когнитивно-информационного моделирования медиасферы и отдельных результатов, полученных в ходе исследования.

Медиасобытие как модус социальной реальности

Одним из базовых понятий, используемых в работе, является понятие **медиасобытие**, которое рассматривается в качестве механизма когниции и культуры. Цель работы механизма медиасобытия – первичное структури-

рование элементов, компонентов и фрагментов медиасферы вокруг преломленных в медиатекстах событий, имевших место в социальной реальности и / или медиареальности.

Основу медиасобытия составляют концепты национальной концептосферы, образующие структуры (фреймы, сценарии и др.), освоенные и транслируемые культурой. Концептуальная самостоятельность медиасобытия обусловлена первичностью концептов, из которых оно конструируется, а реализация той или иной схемы, связующей концепты в медиатекстах, представляет собой осознанный или неосознанный выбор медиаагентами того или иного культурного сценария, в результате «любое событие реального мира, каким бы необычным или отталкивающим оно ни было, оказывается втиснутым в заранее приготовленные формы» [7. Р. 68].

Медиасобытия – это не зеркальные *отражения* социальной реальности, а модусы ее существования для массовой аудитории: «Термин ‘медиасобытие’ указывает на то, что в постмодернистском мире мы больше не можем полагаться на стабильные отношения или четкое различие между «реальным» событием и его опосредованным представлением. Следовательно, мы больше не можем работать с мыслью о том, что «реальное» является более важным, значительным или даже «истинным», чем репрезентация. Таким образом, медиасобытие – это не просто представление того, что произошло, оно имеет собственную реальность, которая вбирает в себя реальность события, которое ему предшествовало или не предшествовало» [8. Р. 2].

Формирование системы медиасобытий представляется нам двухуровневым процессом, основу которого составляет «фрейминг новостей» как «отбор, выделение и сортировка в связные нарративы некоторых фактов или наблюдений и вычеркивание многих других» [9. Р. 203].

На верхнем уровне медиаагентами создаются конкретные медиасобытия, конкурирующие в медиадискурсе с другими медиасобытиями. В результате такой конкуренции складывается актуальная конфигурация медиадискурса, которая легитимирует одни социальные интересы за счет других, связывает конкретные события с одними социальными феноменами в ущерб другим. На формальном уровне конкуренция медиасобытий приводит к появлению *медиановестки* как закрытого ранжированного списка тем, проблем и событий.

На нижнем уровне конкурентная борьба разворачивается «внутри» одного и того же медиасобытия, существующего в медиасреде в разных вариантах, отражающих точки зрения новостных, пропагандистских, коммерческих медиаагентов и дискурсивных коалиций. Каждая из этих точек зрения есть «один из вариантов» реальности [10], а все они в совокупности – «множество различных версий реальности, некоторые из которых могут входить в противоречие друг с другом, так как все они являются результатом коммуникации, но не отражениями некоей извечной, объективной истины» [11. Р. 11].

Конкуренция медиаагентов и дискурсивных коалиций на нижнем и верхнем уровнях формирования системы медиасобытий приводит к появ-

лению доминирующей системы координат для понимания спорных вопросов и, главное, очерчивает границы допустимых и желательных действий политических, экономических и прочих акторов. Такая система координат, формируя отдельные сегменты медиасферы, актуальна и для отдельно взятого медиасобытия благодаря механизмам медиафрейминга.

Фрейминг новостей с учетом того, что новостные медиа используют для интерпретации множества разных социальных феноменов *ограниченное* число медиафреймов, приводит к тому, что в создаваемом массиве медиаконтента, посвященном определенному медиасобытию (и репрезентации множества его версий), можно выделить *концептуальное ядро* – набор ключевых концептов данного события. Концептуальное ядро, с одной стороны, оказывает доминирующее влияние на понимание события пользователями, а с другой – служит средством опознавания самого события (в частности, является инструментом релевантного запроса в поисковых системах).

Медиаповестка как инструмент мониторинга национальной медиасферы

Мы исходим из того, что все социально значимые события, происходящие в действительности, в том или ином виде репрезентируются в медиасфере, в первую очередь в социальных медиа. Разные медиаагенты выбирают разные события как сырье для медиапродуктов в соответствии с медиалогикой, ситуативным контекстом, собственными задачами. Если влиятельные (с большим трафиком) институциональные массмедиа, руководствующиеся редакционной политикой, и пиар-менеджеры, реализующие коммуникативные стратегии по поручению акторов, осознанно участвуют в дискурсивной конкуренции, формируют медиаповестку и медиасобытия, то контент социальных медиа порождается и ранжируется стихийно, поэтому медиаповестки в этих «публичной» и «групповой» зонах, которые дополняют друг друга как *тематизаторы* реальности, не совпадают. В том и другом случае речь идет об интерференции тематических приоритетов разных медиаагентов в публичной или групповой зоне, в результате чего медиаранг попавших в резонанс медиасобытий резко возрастает.

Медиаповестку, задаваемую в традиционных СМИ, можно рассматривать как инструмент отбора / фильтрации для мониторинга социально значимых медиасобытий. Медиасобытие, входящее в действительную медиаповестку, должно удовлетворять двум требованиям: а) быть представлено в социальных медиа в виде многочисленных репостов медиапродуктов, посвященных данному событию, при этом б) сами медиапродукты должны принадлежать широкому спектру источников (т.е. отражать разные мнения по отношению к медиасобытию).

Таким образом, интерференция тематических приоритетов в «публичной» и «групповой» зонах делает возможным мониторинг национальной медиасферы по «реперным точкам» социально значимых медиасобытий (т.е. событий, входящих в медиаповестку).

Концептуальное моделирование медиасобытий и мониторинг медиасферы

Медиасобытие как субститут социального события в медиасфере на когнитивном уровне представляет собой кластер из ядерных концептов, которые являются общими для множества медиатекстов, посвященных исходному социальному событию или взаимосвязанным социальным действиям.

Под *концептом* понимается элемент коллективной (национальной или групповой) концептосферы как лингвокультурного пространства, сформированного и модифицируемого в процессах социальной коммуникации (в частности, речевой деятельности) (ср. «концептосфера языка – это в сущности концептосфера <...> культуры» [12. С. 284]). Между концептами существуют многочисленные связи разной силы и направленности, приводящие к образованию разнообразных структур (полей, сетей, фреймов и пр.), которые в медиадискурсе реализуются в знаковых (в том числе лингвистических) последовательностях, вплоть до медиатекстов.

Следует отметить, что каждый концепт имеет имя, выражаемое словом или словосочетанием; содержание концепта в индивидуальных концептуальных системах может заметно отличаться и определяется его концептуальным окружением (другими концептами), посредством которых он получает свою интерпретацию [6. С. 100–102]. Концептуальное окружение в такой концептуальной сети определяется языковым, профессиональным (и др.) опытом человека.

В социальной коммуникации субъекты по своему произволу комбинируют концепты в когнитивные структуры для презентации социальных феноменов в формате медиатекстов. Разные медиаагенты с разными дискурсивными интенциями (информирование, критика, осмеяние, аналитика) создают событийные интерпретации, которые отличаются как по набору ядерных концептов, так и по их связям друг с другом. Соответственно, одни и те же референты могут соотноситься с разными концептами (напр., «ополченцы» – «сепаратисты» – «террористы»). Таким образом, формируются многочисленные когнитивные версии социальных феноменов; в то же время в профессионально-языковых сообществах, в частности в журналистике, могут формироваться определяемые редакционной политикой издания схожие варианты концептуальных паттернов, т.е. наборов концептов, дающих свои интерпретации медиасобытию.

Медиасобытие, в свете сказанного, является естественным (но временным!) способом объединения фрагментов национальной концептосферы в систему, содержание и структура которой имеют большую социальную значимость. Поскольку состав концептов медиасобытий может в той или иной мере повторяться, медиасобытия оказываются связаны друг с другом посредством набора общих концептов и могут подвергаться кластеризации. В результате кластеризации множество медиасобытий упорядочивается, появляется возможность выявления *доминирующих концептуальных*

приоритетов медиасферы. Кроме того, медиасобытия можно подвергнуть экспертной классификации в соответствии с реализованной в них тематикой (например, внешняя политика, спорт, наука и др.). При этом создаваемые иерархии тематического классификатора могут быть многоуровневыми. Заметим, что здесь классифицируются не концепты, а медиасобытия.

Концепты могут объединяться как в «естественные» структуры, возникающие в дискурсивной деятельности медиаагентов (т.е. медиасобытия), так и в «экспертные» таксономии, являющиеся результатом лингвистического анализа. Речь идет о классификации концептов в соответствии с разработанным многоуровневым семантическим классификатором (см., например, [13]). В данном случае моделируемые в результате классификации структуры концептов не зависят от временных параметров. В качестве концепции многоуровневого семантического классификатора можно взять как категории, представленные, например, в идеографических словарях русского языка [14, 15], так и категории, выделенные на основе фреймовой структуры события (акторы, причины, действия, цели, инструменты, последствия, сеттинг (пространство и время)) [16, 17].

Описанная когнитивно-информационная модель медиасферы представлена на рис. 1.

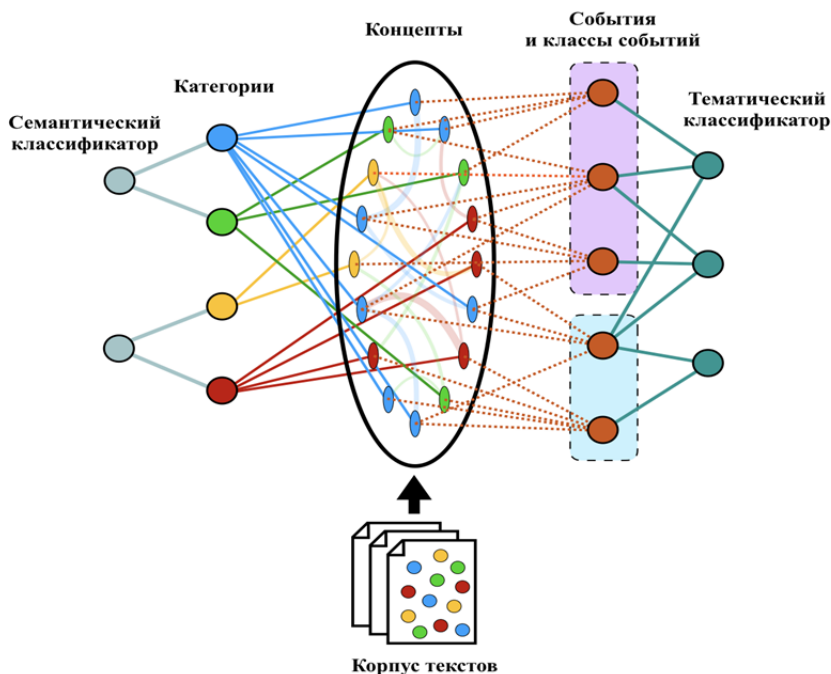

Рис. 1. Когнитивно-информационная модель медиасферы

Модель функционирует на основе тематически и семантически размеченного *корпуса медиатекстов*, репрезентирующих анализируемые ме-

диасобытия. Корпус текстов может иметь множество дополнительных параметров, таких как геометка события, дата произошедшего медиасобытия, дата публикации текста, название издания, CTR публикации (показатели кликабельности текстов) и мн. др.

Срединная часть модели отражает множество ключевых концептов (и сети концептов) наиболее значимых медиасобытий. Цветом передается категориальный признак концептов (акторы, причины, действия и др.); при этом категории события составляют семантический классификатор концептов (левая часть модели).

Правая часть модели состоит из медиасобытий (на рис. 1 – события), каждое из которых образуется набором концептов, относящихся к разным семантическим классам (категориям). То есть медиасобытие может включать акторов, причины, действия, цели, инструменты и другие составляющие структуры события. Медиасобытия, в свою очередь, на основе кластеризации могут либо объединяться в классы (представлены пунктирной линией), либо становиться частью тематического классификатора.

Таким образом, модель медиасферы является многопараметрической и полионтологичной (концепты, семантические категории, тематические рубрики, пространственные, временные и другие аспекты). Сами концепты относятся к национальной концептосфере; медиасобытия, т.е. сочетания (композиции) концептов, – к реальности массмедиа; тематический тезаурус – к сфере культуры (культуры массмедиа); тезаурус концептов – к пространству национального языка, а корпус текстов представляет языковой материал (медиаконтент), на основе которого извлекается релевантная информация о медиасфере как полиструктурной, изменяющейся во времени и пространстве информационной среде.

В данной статье будет рассмотрена небольшая часть описанной модели, включающей концепты, медиасобытия и их классы.

Методы исследования

Моделирование концептосферы, актуализированной в массмедиа, строится с применением методов машинного обучения в рамках подхода «обучение с учителем»; в качестве материала используются выборки медиатекстов, каждая из которых сгруппирована вокруг медиасобытия, входившего в определенный период в медийную повестку дня. Результатом применения методов машинного обучения на выборке медиатекстов, посвященных одному медиасобытию, становится модель медиасобытия. Эта модель создается для автоматической классификации новостного контента, размещаемого пользователями социальной сети.

Рассмотрим поэтапный процесс создания модели медиасобытия в приложении автоматизированной классификации текстов СМИ.

1. Поиск медиасобытия. Модератор анализирует медиаповестку дня, представленную в ведущих российских СМИ, и выделяет медиасобытие, для которого будет создаваться модель.

2. Создание обучающей выборки. Модератор с помощью гибкой системы фильтрации контента, поступающего в онлайн-режиме с платформы МирТесен (<https://mirtesen.ru/>), вручную отбирает тексты, подходящие под освещаемую в СМИ тематику моделируемого медиасобытия. При таком отборе текстов в выборку попадают медиапродукты, принадлежащие широкому спектру медиаагентов, представляющих самые разные дискурсы российских массмедиа. Объем выборки должен превышать сто текстов (повторяющиеся тексты не включаются в выборку), иначе использование модели медиасобытия приводит к ошибкам в процессе тегирования новых текстов, размещаемых на платформе МирТесен пользователями социальной сети. Сформированной выборке назначался тег (класс), который представляет собой наименование моделируемого медиасобытия.

3. Создание антивыворки (образцов публикаций «без класса»). Помимо обучающей выборки, из всех доступных текстов автоматически (случайно) выбирается набор медиатекстов, не относящихся к моделируемому событию (антивыворка) такого же или большего объема (рис. 2). Вероятность ошибки (попадания в антивыворку текста, относящегося к классифицируемому событию) составляет менее 10^{-5} (общий объем контента в базе данных МирТесен свыше 14 200 000 текстов).

4. Машинное обучение. Большинство алгоритмов машинного обучения требуют, чтобы исходные данные были числовыми. Поэтому на данном этапе обучающая выборка преобразуется из текстового в числовой формат методом TF-IDF [18]. Данный метод ставит в соответствие каждому уникальному слову в документе числовое значение из отрезка $[0;1]$, которое вычисляется как отношение частоты слова в данном документе к обратной частоте документа в корпусе (обучающей выборке). Результатом применения метода TF-IDF к обучающей выборке является матрица, строки которой соответствуют документам обучающей выборки, а столбцы – признакам (уникальным словам выборки). Каждая ячейка определяет значимость данного слова для данного документа согласно TF-IDF. В зависимости от объема обучающей выборки разнобразие слов, а значит, и размер (ширина) матрицы могут быть очень большими. При этом большинство слов встречается очень редко и не оказывает влияния на результат, следовательно, их можно исключить из исходных данных (матрицы). Для этого используется либо механизм выбора K -наиболее значимых слов – SelectKBest [18], либо заданного перцентиля – SelectPercentile [18]. Для определения значимости слов используется статистический тест зависимости класса от слова с критерием χ^2 или ANOVA F.

5. Обучение классификатора. На данном этапе производится непосредственно обучение классификатора одним из методов машинного обучения с учителем: методом опорных векторов (SVM, Support Vector Machine) с обучением по алгоритму стохастического градиентного спуска (SGD, Stochastic Gradient Descent).

Этап представляет для нас интерес, поскольку обучение может производиться многократно в случае появления ошибок в результатах последующей автоматической классификации текстов. В данном случае неправильно теги-

рованные медиатексты (т.е. медиатексты, ошибочно приписанные тому или иному событию) могут вноситься в антивыворку. Если тегирование новых медиатекстов сопровождается ошибками, то обучающая выборка может пополняться релевантными медиатекстами для снижения вероятности появления ошибки, а это значит, что расширение обучающей выборки приведет к коррекции атрибутов первоначальной модели события.

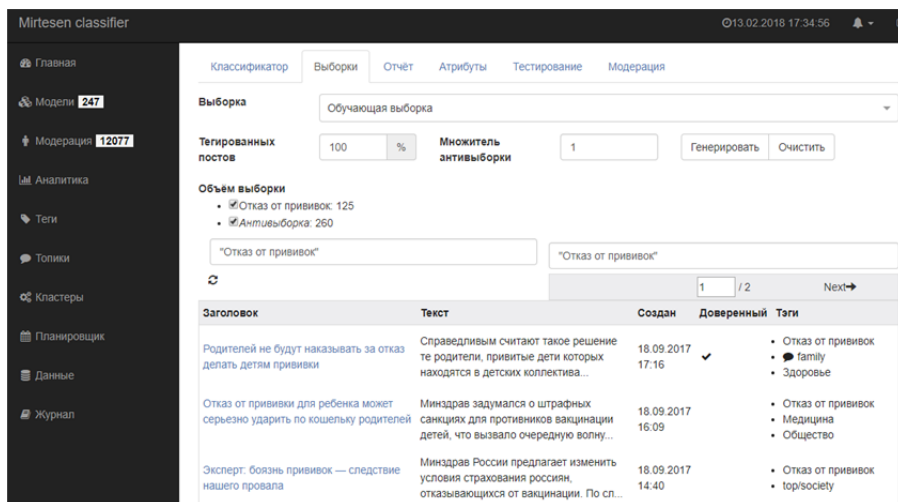

Рис. 2. Окно «Выборки» в программном средстве «Автоматизированный классификатор новостного контента»

6. Автоматическая классификация медиатекстов. Обученный классификатор используется в дальнейшем для автоматизированного тегирования новых медиатекстов. Количество медиатекстов, приписанных определенному медиасобытию, показывает значимость данного события для медиасферы.

7. Выбор слов – репрезентантов события. Используемые методы машинного обучения позволяют работать с атрибутами модели медиасобытия. После ранжирования по критерию χ^2 или ANOVA F производится выбор N-наиболее значимых слов для репрезентации медиасобытия. Отбор наиболее значимых концептов из ранжированного списка можно осуществлять разными методами: а) с помощью статистических критериев; б) с опорой на единообразный отбор 10, 50, 100 концептов, имеющих наибольшие ранги. Предварительный анализ показал, что статистические критерии (для χ^2 , ANOVA F, 95-й перцентиль и др.) не могут использоваться для «отсечения» значимых концептов от незначимых.

В то же время топ-10 результатов поиска текстов в поисковых системах по запросам, состоящим из наборов топ-10 ключевых концептов какого-либо медиасобытия, с вероятностью 0.95 содержат релевантные материалы, т.е. по данным концептам и их комбинациям опознается само медиасобытие. Поэтому опора на единообразный отбор 10, 50, 100 концептов,

имеющих наибольшие ранги, может использоваться для формирования ядра концептов медиасобытия.

Поскольку в нашем случае методы машинного обучения «работают» со словами, для представления медиасобытий как кортежа наиболее значимых концептов требуется дополнительная экспертная работа, включающая в себя:

- восстановление концептов, представленных на лексическом уровне словосочетаниями (например, Государственная дума);
- разрешение многозначности слов (например, *Воскресение* как религиозный символ и / или праздник и как день недели);
- исключение из списка личных имен (например, Владимир), создающих ложные связи между концептами;
- исключение из списка слов, имеющих совпадающую область референции, в первую очередь синонимов (например, прививка – вакцинация); слов, представленных в разных словоизменительных формах (родители – родитель; дети – ребенок), а также слов разных частей речи, в первую очередь отглагольных существительных и глаголов (отказ – отказаться) и др. В представленных парах были оставлены слова, имеющие большую значимость по критерию хи-квадрат. Полагаем, что перечень задач и проблем экспертной постобработки результатов машинного обучения может быть расширен.

В результате экспертной работы с атрибутами модели медиасобытия оно представляется списком концептов, репрезентированных в медиатекстах. Каждый концепт, выраженный на лексическом уровне словом или словосочетанием, в совокупности медиатекстов, репрезентирующих определенное медиасобытие, «прирастает» разнообразными контекстами употребления. Многообразие точек зрения на медиасобытие приводит к «снятию» возможной лакуарности (которая, вероятно, может оставаться в виде «запретных тем») и созданию сетевого континуума социально-политической концептосферы.

Результаты исследования

Классы медиасобытий и их концептуальное содержание

Материалом исследования послужили выборки текстов, посвященных 207 медиасобытиям, отраженным в медиаповестках дня ведущих отечественных СМИ за годовой период с 17.10.2016 по 19.10.2017. Выбор временного интервала обусловлен исходной датой – началом работы приложения автоматизированной классификации новостного контента социальной сети МирТесен и новостного агрегатора СМИ2.

Каждое медиасобытие было представлено десятью наиболее значимыми концептами, репрезентированными в атрибутах её модели, построенной на основе математической обработки не менее ста уникальных публикаций в российских СМИ. Выявленные в результате применения метода TF-IDF лексические единицы (слова и словосочетания) мы наделяем статусом

концептов в силу того, что они в своей системе служат знаниевым конструктом, задающим восприятие и понимание данного события. Иными словами, ведущие акторы через контролируемые ими СМИ формируют желательное прочтение произошедшего события, ядром которого служит система концептов, тиражируемая посредством медиапродуктов (в том числе медиатекстов), размещаемых на популярных интернет-площадках. Медиатизация события предполагает целенаправленную работу дискурсивных коалиций медиаагентов и стоящих за ними акторов, имеющих в основе общую когнитивную базу и поэтому последовательно в границах интенциональных рамок создающих схожие интерпретации новых событий. Медиаюзеры, в свою очередь, каждый раз получают знакомый (варируемый тематически) набор концептов, обеспечивающий привычное прочтение, подкрепляющее базовые ценностные / мировоззренческие концепты индивидуальных концептуальных систем.

В контексте сказанного даже «неполитические» события демонстрируют паттерны привычных интерпретаций, возникающих в ходе медиатизации. Например, медиасобытие «Отказ от прививок» (см. рис. 2) можно представить в виде следующего списка концептов: прививка; родители; Вероника Скворцова; Минздрав; дети; отказ; больничный; страхование; здравоохранение; министр. Сам набор ядерных концептов, посредством которых событие транслируется в массмедиа, призван не показать проблемы, вследствие которых происходит отказ от прививок, а направлен на рост медийности и представление в нужном «освещении» руководителя Минздрава.

Поскольку каждое медиасобытие характеризуется десятью концептами, можно считать эти концепты связанными друг с другом в локальной сети (подграфе). В то же время некоторые концепты встречаются в двух и более списках, репрезентирующих медиасобытия; это означает, что данные концепты связывают локальные сети концептов в протяженной гиперсети (*графе*), представляющей национальную социально-политическую концептосферу, сформировавшуюся в массмедиа в определенный период. Всего в построенном графе 1317 узлов (концептов) и 8822 ребер.

На рис. 3 с помощью метода модулярности (аналог кластерного анализа для сетевого представления данных) осуществлялось разбиение графа на классы (части графа). Анализ осуществлялся с помощью программного средства Gephi [19]. В результате применения алгоритма модулярности [20] было выделено 20 классов модулярности, включающих от 1,21 до 10,48% всех вершин (концептов) гиперсети. Заметим, что классы графа не равны подграфам, в качестве которых выступают множества из топ-10 концептов, представляющих медиасобытия.

Инструментарий Gephi позволяет рассматривать каждый из выделенных классов графа, в отдельных рабочих областях (рис. 4–7).

Заметим, что выделенные классы модулярности как фрагменты гиперсети обособлены друг от друга лишь условно: любая из вершин данного класса может иметь связи с другими вершинами гиперсети, относящимися к разным классам модулярности.

Рис. 3. Гиперсетевая модель российской социально-политической концептосферы (октябрь 2016 – октябрь 2017 г.)

В строгом смысле можно говорить о размытости границ для групп медиасобытий, составляющих отдельные классы модулярности концептов, и использовать упоминавшуюся выше метафору облака концептов.

«Происшествия»

Наиболее значимый класс модулярности, состоящий из 10,48 % вершин сети, отображен на рис. 4. На нем видно, что медиасобытия, объединившиеся в самый большой класс модулярности, репрезентируются такими концептами, как *Турция*, *теракт*, *взрыв*, *авария* и под. Событийные локальные сети в данном случае транслируют семантику 'разрушения, катастрофы, неподконтрольности человеку и отрицательного, вплоть до трагедии, исхода'.

Этот фрагмент гиперсети можно обозначить как ПРОИСШЕСТВИЯ, принимая во внимание фатальность и невозможность предотвращения событий, привлечших внимание медиаобщественности.

Указанная легко прочитываемая тенденция задает интерпретационный контекст и для таких медиасобытий, как московская программа реновации.

Разрушительный характер здесь объективно неявен, он привносится медиасредой, продуцирующей сходный общественный отклик и потому уравнивающей реновацию с катастрофами, терактами и авариями (на начальном этапе, действительно, программа воспринималась неоднозначно и часто подвергалась критике).

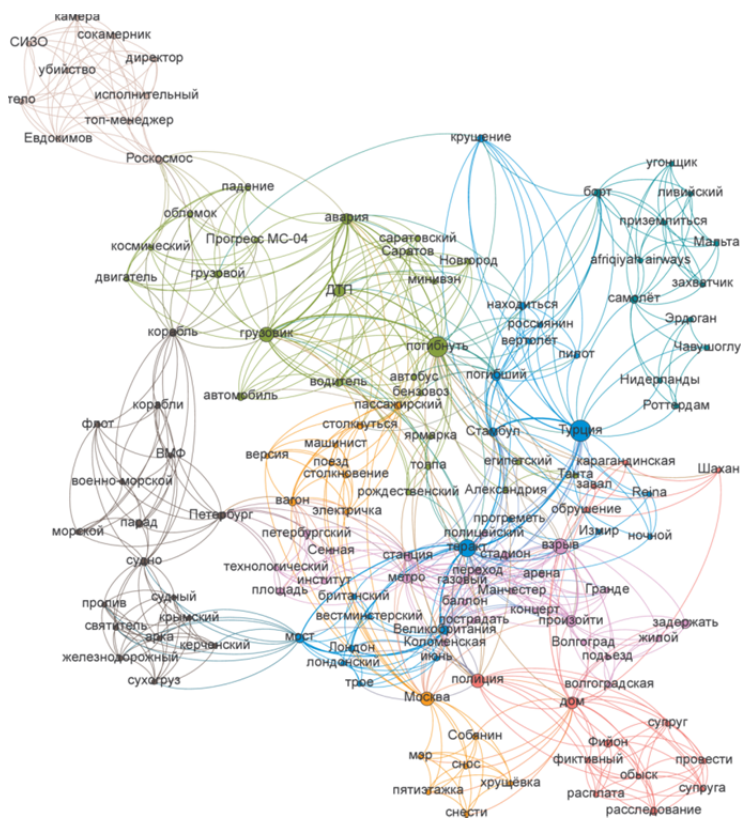

Рис. 4. Класс модулярности ПРОИСШЕСТВИЯ

Так, наиболее значимый для общественного сознания класс модулярности строится вокруг проблем, признанных обществом критическими, опасными, имеющими разрушительный для нормального состояния вещей потенциал (терроризм, техногенные катастрофы, ДТП, коррупция и др.). Полагаем, что подобные группы событий можно назвать «эсхатологическим» полюсом информационного пространства, который притягивает к себе интерес архетипически.

«Персонифицированная власть»

Логично, что следующий по значимости класс модулярности (9,79%) образуют события, находящиеся в своеобразной дихотомической связи с

The graph visualization displays a complex network of relationships between various entities. The nodes are colored circles of varying sizes, and the edges are colored lines of varying thicknesses. The nodes are organized into several clusters: a large cluster on the left with orange and yellow nodes (Russia, USA, etc.), a central cluster with purple nodes (Putin, President, etc.), a cluster on the right with blue nodes (BRICS, etc.), and a cluster at the top with green nodes (USA, etc.). The edges represent relationships between these entities, with some nodes having many more connections than others.

Концептом, который репрезентирует в современном информационном пространстве власть (или упорядочивающую силу), стал политический субъект – президент. Появление связанных с ним смыслов первично. Даже при восприятии медиасообществом других значимых медиаперсон (лидеров на других должностях), ведущих геолокусов и событий – экономических, культурных, политических (Евросоюз, Запад, США; ЮНЕСКО, БРИКС; ПМЭФ, Иннопром и т.д.) – сначала возникает образ президента как источника, центрального персонажа или значимого организующего начала.

Интересно то, что понимание активности российской власти амбивалентно. С одной стороны, это деятельное начало, контролирующее экономические события, решающее внешнеполитические вопросы, смещающее

губернаторов. И этот сектор связан с концептом Президент. С другой стороны, есть ипостась, соотносящаяся с декларациями планов и намерений, идеализированная и дистанцированная от проблем внешней и внутренней политики, она олицетворяет лидерство как таковое. В медиапространстве данный образ присущ концепту Путин. Отметим также, что событийный блок, репрезентирующий явную или скрытую конфронтацию России и запада (США), с Путиным прямой связи также не имеет.

Медиаобразы Президент и Путин практически полностью вбирают в себя представления о субъективированной российской власти. Остальные персоны, обнаружившие медиаактивность, – Лавров, Песков – выполняют опосредующие функции. Кроме того, информационное пространство, которое отражено вторым классом модулярности, дихотомично и с точки зрения дифференциации мира по критериям «свое – чужое». Данное противопоставление традиционно для любой попытки категоризации действительности. Но вопреки ожиданиям «свое» медиапространство оказывается здесь менее дифференцированным, оно практически полностью подменяется главным субъектом власти. В то время как «чужое», хоть и подчинено концепту США как самому влиятельному, представлено более подробно и в событийном плане, и в географическом, и с позиции количества привлеченных внимание конкретных активных личностей.

«Украина»

Следующим по значимости для российской медиасферы является класс модулярности УКРАИНА – 8,5% от всех концептов (см. рис. 6). Класс интересен тем, что в нем помимо собственно украинской тематики, в том числе войны на Донбассе (группы концептов ДНР и ЛНР), заметно присутствие тем, непосредственно не связанных с Украиной (выставка шедевров Ватикана в Третьяковской галерее и передача РПЦ Исаакиевского собора – в этом контексте появляется и фигура министра культуры Владимира Мединского). Происходит это вследствие наличия общего концепта Музей, который, с одной стороны, входит в медиасобытие СПОР О СКИФСКОМ ЗОЛОТЕ, а с другой – в обозначенные медиасобытия. Музей в данном случае помимо историко-культурного локуса становится частью политического пространства – политическим локусом.

На рис. 6 видно, что самопровозглашенные республики Донбасса не образуют единое целое; более того, окружающие их концепты задают разные социокультурные сценарии.

В ЛНР «создается» переговорный фон: миротворец, Волкер, а в ДНР доминирует террористическая активность, направленная против полевых командиров. Политическая власть в Киеве «втянута» в противостояние нынешнего руководства в лице Петра Порошенко с оппозицией, персонифицированной в медиаобразе Михаила Саакашвили (ср. контекст Верховной рады, представленной концептами митинговать, требования, палатки).

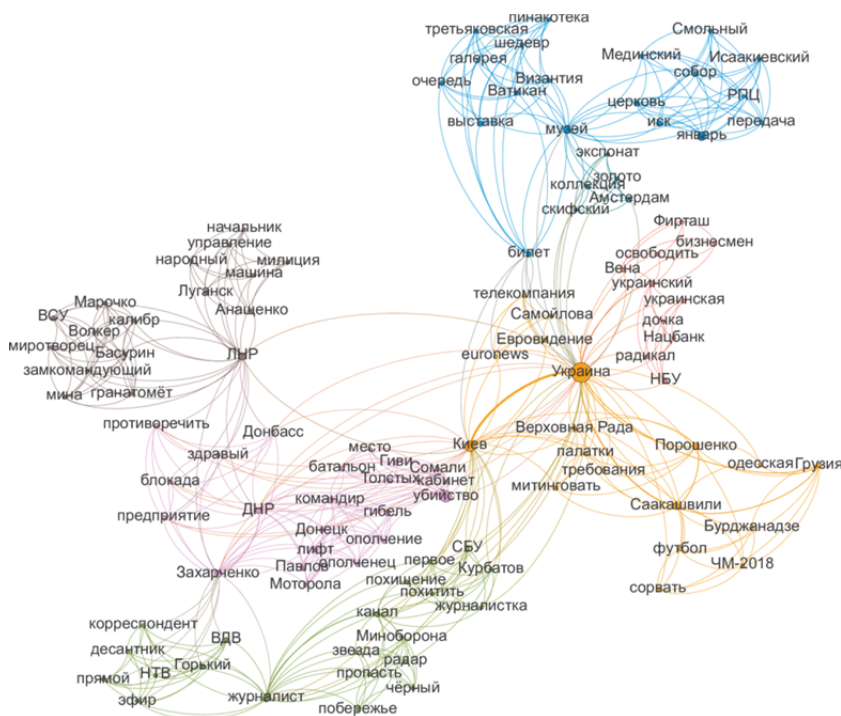

Рис. 6. Класс модулярности УКРАИНА

«Суд»

Класс модулярности СУД (7,2% от всех концептов) также является одним из наиболее значимых (см. рис. 7). СУД – одна из форм власти, кроме того, данным термином обозначается «разбирательство чьей-либо вины <...> наказание, возмездие» [21. С. 1287]. СУД является одним из базовых социокультурных концептов, имеющих архетипическую природу и воплощение в разнообразных религиозно-мифологических образах (*Божий суд*, *Страшный суд*). Концепт имеет сильную эмоционально-экспрессивную составляющую в силу двойственности СУДА (суд правый / суд неправый) и связи с прямым влиянием на судьбу человека (*судьба – суд*, *судилище*, *правосудие*).

На рис. 7 видно, какие судебные истории интересовали медиа-сообщество в 2016–2017 гг. Резонансные дела связаны с экономическими преступлениями представителей политической элиты (Улюкаев, Хорошавин), политическими процессами на Украине (Янукович), экстрадицией российского гражданина из Белоруссии в Азербайджан (Лапшин), оправданием «приморских партизан» (Ковтун, Никитин), политическим делом оппозиционера (Дадин), делом о госизмене (Севастиди) и делом стритрейсера (Багдасарян).

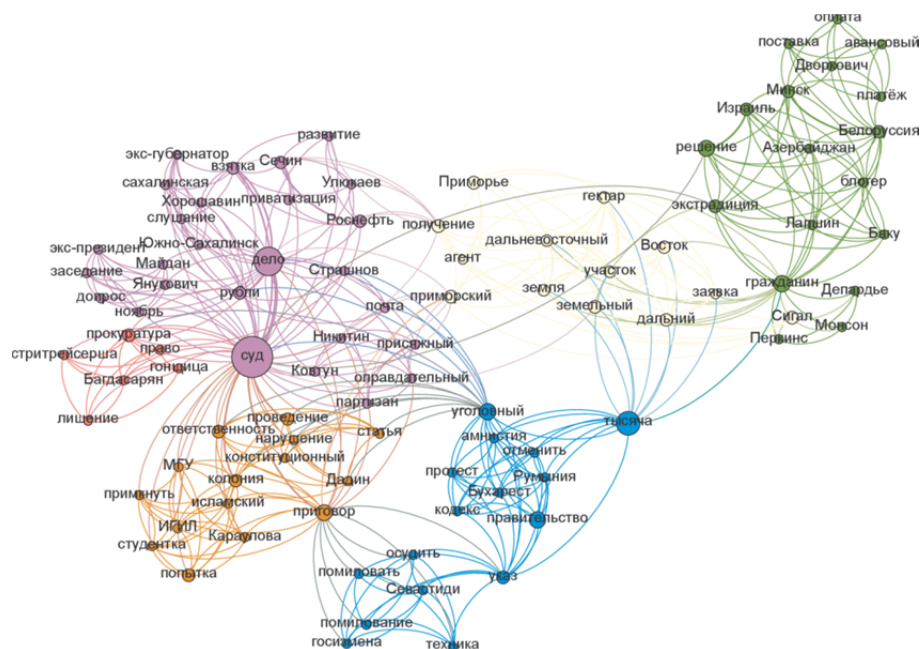

Рис. 7. Класс модулярности СУД

СУД представлен традиционными концептами Дело, Допрос, Слушание, Заседание, Приговор, Уголовный, Амнистия, Осудить, Помиловать, Колония, Присяжные, Статья, Кодекс и др. В то же время отсутствуют концепты морально-этической оценки (например, Справедливость / Несправедливость, Правда / Ложь, Искренность / Скрытность и пр.).

Остальные классы событий (ПРАЗДНИКИ (6,53%), ВЫБОРЫ (5,54%), СПОРТИВНЫЕ И ВОЕННЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ (5,24%), АКЦИИ ОППОЗИЦИИ (5,24%) не имеют четко выраженной концептуальной доминанты, в частности, класс АКЦИИ ОППОЗИЦИИ (5,24%), формирующийся вокруг протестной деятельности А. Навального и М. Касьянова, объединяется с рядом концептов, не имеющих отношения к протестной деятельности и акциям (объединение осуществляется на основе указания на одно и то же время (например, апрель) и под.). Данное обстоятельство ставит задачу дальнейшего совершенствования метода мониторинга медиасобытий.

Модель взаимосвязи медиасобытий

Для демонстрации временной последовательности (и возможной взаимосвязи) медиасобытий, устанавливаемой на основе наличия общих концептов, целесообразно использовать круговой граф с делением на сектора как отрезки времени (например, месяцы). Пример подобной модели можно увидеть на рис. 8 (апробацию модели см. [22]).

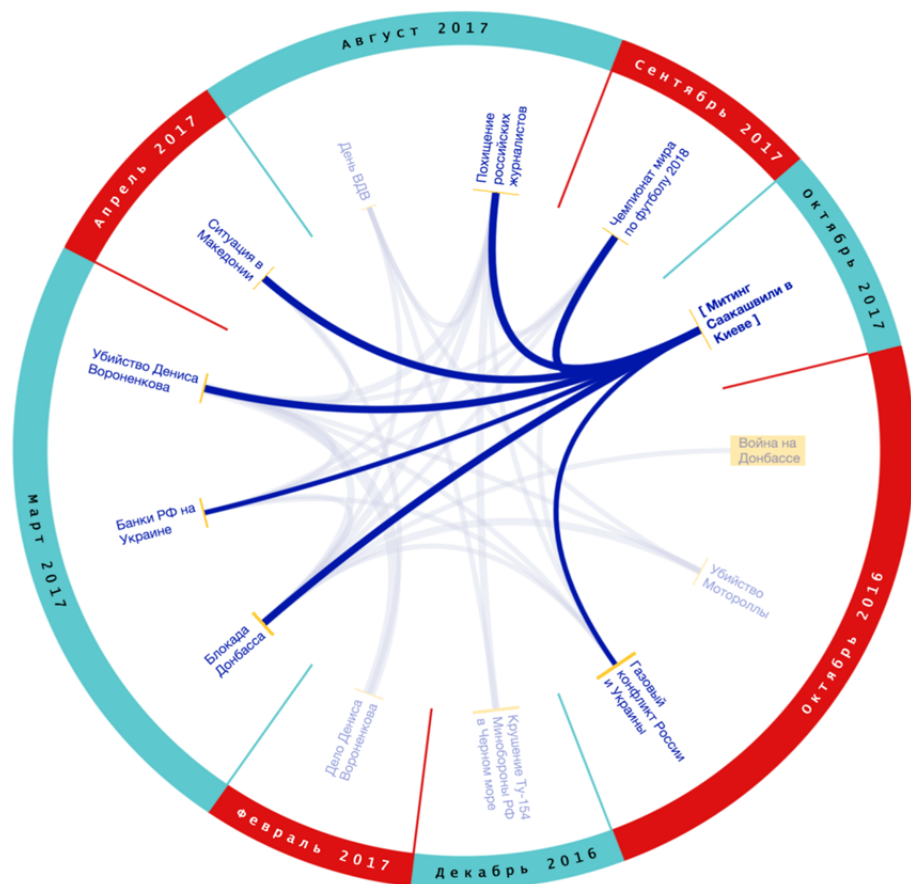

Рис. 8. Связь медиасобытий в одном классе модулярности

Длина окрашенного столбца соответствует количеству протегированных медиатекстов. Данная модель пока не может использоваться в полной мере для нахождения закономерностей между событиями и прогнозирования, поскольку зачастую связь между событиями устанавливается на основе концептов, не играющих значимой роли (например, наименования временных отрезков или мероприятий общего уровня организации (совещания, заседания и т.п.)). В то же время виден объясняющий и прогностический потенциал модели.

Заключение

Исследования медиасферы традиционно концентрируются на выявлении в массовой коммуникации (чаще всего в политической) *ad hoc* схем, которые побуждают аудиторию к специфическому восприятию и оценке представленных в медиапродуктах разнообразных социальных феноменов:

социальных проблем, индивидуальных и коллективных имиджей (медиа-образов), политической конкуренции (оправдание и дискредитация), общественного мнения (пропаганда и антипропаганда), гражданских инициатив и т.п. Такой ракурс предполагает рассмотрение медиасферы в качестве фрагмента «социальной реальности».

В этой связи рассмотрение медиасферы, с одной стороны, как относительно самостоятельной области жизнедеятельности человека и общества, а с другой – как целостного и системно организованного предмета исследования представляется значимой научной проблемой. В качестве варианта ее решения нами была предложена исследовательская программа когнитивно-информационного моделирования медиасферы, нацеленная на изучение объективного процесса концептуализации фрагментов социальной реальности в массмедиа.

В работе представлены первые результаты реконструкции классов медиасобытий и установления их иерархии, т.е. концептуальные приоритеты национальной медиасферы. Также продемонстрирована графовая модель взаимосвязи медиасобытий. На данном этапе развития метода можно говорить, что он способен решать задачи разного масштаба, начиная с мониторинга активности отдельных акторов и реконструкции их концептуального окружения во временной динамике, заканчивая мониторингом и оценкой состояния медиасферы.

Дальнейшее развитие метода мы связываем с возможностью получения ряда новых, теоретически и практически значимых результатов, в частности: а) выявления наиболее частотных концептов разных тематических областей; б) создания типологии медиасобытий на основе их фреймового и тематического представления; в) обнаружения тематических, семантических, пространственно-временных и каузальных зависимостей между медиасобытиями исходя из анализа текстовых корпусов. Такие результаты могут дать представление о закономерностях организации медиасферы в динамическом аспекте (существует ли периодичность в появлении медиасобытий, каким законам распределения подчиняются медиасобытия, как разные типы медиасобытий связаны с событийным фреймом и типом издания; как системно проявляется точка зрения определенных изданий и мн. др.). В прикладных сферах представленная исследовательская программа может применяться для решения клиентоориентированных задач, начиная с мониторинга активности отдельных акторов и выявления стратегий медиаагентов, заканчивая мониторингом и оценкой состояния национальной медиасферы вплоть до прогнозирования медиасобытий с конкретной тематикой и концептуальным наполнением.

Литература

1. *Coman M.* Media anthropology: An Overview // Paper for European Association of Social Anthropologists (EASA) Media Anthropology Network e-seminar. May 17, 2005.
2. *Deuze M., Blank P., Speers L.* A life lived in media // *Digital humanities quarterly*. 2012. Vol. 6 (1). URL: <http://digitalhumanities.org/dhq/vol/6/1/000110/000110.html>

3. *Langer R.* Towards a constructivist communication theory? Report from Germany // *Nordicom information*. 1999. № 1–2. P. 75–86.
4. *Бурдые П.* О телевидении и журналистике. М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002.
5. *Hajer M.A.* Discourse coalitions and the institutionalization of practice: The case of acid rain in Britain // *The Argumentative Turn* / ed. F. Fischer, J. Forester. Durham : Duke University Press, 1993. P. 43–76.
6. *Павиленис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М. : Мысль, 1983. 286 с.
7. *Abel E.* Television in international conflict // *The news media and national and international conflict* / ed. A. Arno, W. Dissayanake. Boulder : Westview Press, 1984. P. 63–70.
8. *Fiske J.* Media matters. Everyday culture and political change. Minneapolis : Minnesota University Press, 1994.
9. *Entman R.M., Herbst S.* Reframing public opinion as we have known it // *Mediated politics: Communication in the future of democracy* / ed. by W.L. Bennett, R.M. Entman. N.Y. : Cambridge University Press, 2001. P. 203–225.
10. *Vasterman P.* Media hypes. A framework for the analysis of publicity waves. URL: <http://vasterman.blogspot.com/1995/09/media-hypes-framework-for-analysis-of.html>
11. *Watzlawick P.* How real is real? N.Y. : Vintage Books, 1977.
12. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // *Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол.* М., 1997. С. 280–287.
13. *Belousov K.I., Baranov D.A., Boronnikov N.V., Erofeeva E.V., Zelyanskaya N.L.* Interdisciplinarity and Polyparadigmality in Domestic Linguistics (Corpus research of projects funded in the field of linguistics) // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 87, № 6. P. 491–501.
14. *Баранов О.С.* Идеографический словарь русского языка. М. : ЭТС, 1995. 820 с.
15. *Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание. синонимы. антонимы* / под ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.
16. *Позднякова Е.М.* Событие как когнитивная структура // *Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук.* М., 2017. С. 93–111.
17. *Khemlani S.S., Harrison A.M., Trafton J.G.* Episodes, events, and models // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2015. Vol. 9. P. 590. DOI: 10.3389/fnhum.2015.00590
18. *Machine Learning in Python.* URL: <http://scikit-learn.org> (дата обращения: 15.02.2018).
19. *Визуализатор графов Gephi.* URL: <https://gephi.org/> (дата обращения: 15.02.2018).
20. *Lambiotte R., Delvenne J.-C., Barahona M.* Laplacian Dynamics and Multiscale Modular Structure in Networks. 2009. URL: <https://arxiv.org/pdf/0812.1770.pdf> (дата обращения: 15.02.2018).
21. *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
22. *Ryabinin K.V., Baranov D.A., Belousov K.I.* Integration of Semograph information system and scivi visualizer for solving the tasks of lingual content expert analysis // *Scientific Visualization*. 2017. Vol. 9, № 4. P. 67–77.

Cognitive-Information Modeling of Social Reality: Concepts, Events, Priorities

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 5–26. DOI: 10.17223/19986645/72/1

Konstantin I. Belousov, Dmitrij A. Baranov, Natalya L. Zelyanskaya, Nikolai F. Ponomarev, Konstantin V. Ryabinin, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: belousovki@gmail.com / baranov@semograph.com / zelyanskaya@gmail.com / aprioripr@gmail.com / kostya.ryabinin@gmail.com

Keywords: concept, conceptual sphere, media event, media agenda, event classes, media sphere, social media, text content, machine learning, scientific visualization.

The study is carried out under the state assignment of the RF Ministry of Science and Higher Education (Project No. FSNF-2020-0023).

The article describes the research program of social reality cognitive-information modeling in mass communication. Modeling in this case is considered as a method to investigate conceptualized fragments of social reality, which form and shape the media sphere. The media sphere appears as a hierarchical hyper network, the lower level of which is constituted by the concepts of the national concept sphere, while the upper levels represent media events along with their various clusters. Media events are not understood as mirror images of social reality phenomena, but rather as modes of their existence for mass audiences. In order to select media events for this study, we considered the current media agenda, which consists of issues with a significant number of reposts of relevant messages by a wide range of sources that reflect different views on specific social events. The study included the implementation of the following steps. (1) Media events were collected, and each of them was presented in the form of a sample of unique texts (publications in the media). The material was collected through the web application “Automated Classifier of News Content”, tagging text messages of users of the social network MirTesen. As a result, 207 training text samples were studied, each of which is devoted to a single media event that is included in the media agenda of the Russian mass media over a year. Within the framework of the supervised machine learning methods, each sample of at least one hundred unique publications in the Russian media was used to create a model of the event. Such models were used for automatic tagging classification of new texts placed on the MirTesen platform (automatic classification revealed the relevance of each created media event model). The total amount of training samples was more than 40,000 media texts; the total number of tagged texts is more than 1 million. (2) Each media event was designated by ten most significant concepts represented in the attributes of its model. The model was built on the basis of mathematical processing of a texts sample. The units (words and word combinations), identified as a result of applying the TF-IDF method and ranked by criterion χ^2 , were regarded as concepts due to the fact that in their system of presenting media events they serve as a knowledge construct that sets the perception and understanding of a given event in the interests of leading actors. (3) The concept hyper-network, representing the national sociopolitical concept sphere, which was formed in the Russian mass media in the studied time period, was reconstructed. In total, there are 1,317 nodes (concepts) and 8,822 edges in the constructed hypernet. (4) Clustering using the hypergraph modularity method and subgraph selection was made. (5) The most significant classes of events were described/interpreted. As a result of the research, a conceptual apparatus has been developed for modeling the media sphere, which combines methods of machine learning, linguistic analysis, network analysis and visual analytics. In this work, the classes of media events were reconstructed, their hierarchy (conceptual priorities) was established, and the relationship between media events was revealed. The most significant classes of media events were the EVENTS (10.48% of the vertices of the hypergraph network), PERSONIFIED POWER (9.79%), UKRAINE (8.5%) and COURT (7.2%). The presented research program can be used to solve client-oriented tasks, starting with monitoring the activity of individual actors and reconstructing their conceptual environment in time dynamics, and ending with monitoring and evaluating the state of the media sphere.

References

1. Coman, M. (2005) *Media anthropology: An Overview*. Paper for European Association of Social Anthropologists (EASA) Media Anthropology Network e-seminar. May 17.
2. Deuze, M., Blank, P. & Speers, L. (2012) A life lived in media. *Digital Humanities Quarterly*. 6 (1). [Online] Available from: <http://digitalhumanities.org/dhq/vol/6/1/000110/000110.html>.
3. Langer, R. (1999) Towards a constructivist communication theory? Report from Germany. *Nordicom Information*. 1-2. pp. 75–86.

4. Burd'e, P. (2002) *O televidenii i zhurnalistike* [About television and journalism]. Translated from French. Moscow: Fond nauchnykh issledovaniy "Pragmatika kul'tury", Institut eksperimental'noy sotsiologii.
5. Hajer, M.A. (1993) Discourse coalitions and the institutionalization of practice: The case of acid rain in Britain. In: Fischer, F. & Forester, J. (eds) *The Argumentative Turn*. Durham: Duke University Press. pp. 43–76.
6. Pavilenis, R.I. (1983) *Problema smysla: sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka* [The problem of meaning: modern logical-philosophical analysis of language]. Moscow: Mysl'.
7. Abel, E. (1984) Television in international conflict. In: Arno, A. & Dissayanake, W. (eds) *The news media and national and international conflict*. Boulder: Westview Press. pp. 63–70.
8. Fiske, J. (1994) *Media matters. Everyday culture and political change*. Minneapolis: Minnesota University Press.
9. Entman, R.M. & Herbst, S. (2001) Reframing public opinion as we have known it. In: Bennett, W.L. & Entman, R.M. (eds) *Mediated politics: Communication in the future of democracy*. N.Y.: Cambridge University Press. pp. 203–225.
10. Vasterman, P. (1995) *Media hypes. A framework for the analysis of publicity waves*. [Online] Available from: <http://vasterman.blogspot.com/1995/09/media-hypes-framework-for-analysis-of.html>.
11. Watzlawick, R. (1977) *How real is real?* N.Y.: Vintage Books.
12. Likhachev, D.S. (1997) Kontseptosfera russkogo yazyka [The concept of the Russian language]. In: Neroznak, V.P. (ed.) *Russkaya slovesnost': ot teorii slovesnosti k strukture teksta* [Russian literature: from the theory of literature to the structure of the text]. Moscow: Academia. pp. 280–287.
13. Belousov, K.I. et al. (2017) Interdisciplinarity and Polyparadigmality in Domestic Linguistics (Corpus research of projects funded in the field of linguistics). *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 87 (6). pp. 491–501.
14. Baranov, O.S. (1995) *Ideograficheskiy slovar' russkogo yazyka* [Ideographic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: ETS.
15. Babenko, L.G. (ed.) (2005) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [Big Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
16. Pozdnyakova, E.M. (2017) Sobytiye kak kognitivnaya struktura [Event as a cognitive structure]. In: Zabotkina, V.I. (ed.) *Reprezentatsiya sobyitiy: integrirovanny podkhod s pozitsii kognitivnykh nauk* [Representation of events: an integrated approach from the perspective of cognitive sciences]. Moscow: YaSK. pp. 93–111.
17. Khemlani, S.S., Harrison, A.M. & Trafton, J.G. (2015) Episodes, events, and models. *Frontiers in Human Neuroscience*. 9. p. 590. DOI: 10.3389/fnhum.2015.00590
18. *Machine Learning in Python*. [Online] Available from: <http://scikit-learn.org> (Accessed: 15.02.2018).
19. *Gephi*. [Online] Available from: <https://gephi.org/> (Accessed: 15.02.2018).
20. Lambiotte, R., Delvenne, J.-C. & Barahona, M. (2009) *Laplacian Dynamics and Multiscale Modular Structure in Networks*. [Online] Available from: <https://arxiv.org/pdf/0812.1770.pdf> (Accessed: 15.02.2018).
21. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
22. Ryabinin, K.V., Baranov, D.A. & Belousov, K.I. (2017) Integration of Semograph information system and scvi visualizer for solving the tasks of lingual content expert analysis. *Scientific Visualization*. 9 (4). pp. 67–77.

УДК 811. 16'34 – 115"18 / 19"
DOI: 10.17223/19986645/72/2

В.А. Глущенко, А.В. Пискунов

ФЕНОМЕН ПРАЯЗЫКА В ТРУДАХ УЧЕНЫХ МОСКОВСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Исследована проблема праязыка в трудах ученых московской школы. Праязык рассматривали как языковую систему (с конкретными особенностями на фонетико-фонологическом и морфологическом уровнях), представляющую динамическое явление (праязык раннего / позднего периодов). В праязыке допускалась диалектная дифференциация. Реконструкция праязыка трактовалась буквально, имела избыточный характер. Моделировались дивергентные и конвергентные процессы. Использовались ретроспективная и обратная реконструкция.

Ключевые слова: праязык, лингвистическая реконструкция, реальная языковая система, праязык раннего и позднего периодов, диалектная дифференциация, дивергентные и конвергентные процессы, ретроспективная и обратная реконструкции

В XIX – начале XX в. в европейском сравнительно-историческом языкознании активно обсуждалась проблема праязыка. Значительный вклад в ее решение внесли ученые московской лингвистической (фортунатовской) школы, однако, поскольку их взгляды можно с достаточной полнотой понять и интерпретировать лишь в контексте научных работ их предшественников и современников, в данной статье мы обращаемся и к научному наследию ученых харьковской, лейпцигской, казанской лингвистических школ, а также таких исследователей, как А.Х. Востоков, А. Шлейхер, И. Шмидт и др.

К сожалению, мы вынуждены констатировать факт недостаточности лингвоисториографических исследований по проблеме праязыка, осуществленных на основе системного анализа значительного по объему конкретного материала. Несмотря на то, что в конце XX – начале XXI в. круг исследуемых проблем праязыковой реконструкции расширился, не все аспекты реконструкции праязыка изучены с надлежащей полнотой. И одна из причин этого заключается в том, что работ по истории языкознания, в которых освещалась бы праязыковая проблема, публикуется очень мало. Проблема праязыка лишь косвенно затрагивается в некоторых исследованиях [1–3]. В частности, не дается ответа на вопрос о том, как ученые московской школы и их современники трактовали праязык – как реконструкт или как реальную языковую систему; видели ли они в праязыке статическое или динамическое явление; как они соотносили праязыковую реконструкцию и генеалогическую классификацию языков. Эти вопросы затрагиваются в наших публикациях [4–6]. Однако в них феномен праязыка рассматривается в кругу других феноменов, связанных с реконструкцией и не является самостоятельным предметом исследования. Предлагаемая статья, надеемся, восполнит эту лакуну.

Освещая специфику феномена праязыка в трудах ученых московской школы, мы будем стремиться раскрыть взгляды лингвистов на следующие основополагающие вопросы: 1. Является ли праязык реальной языковой системой, или же его необходимо рассматривать как только реконструкт? Статическое или динамическое явление представляет собой праязык? Праязыку присуща монолитность, или же для праязыков допускается диалектная дифференциация? 2. Имеет ли феномен праязыка методологическую ценность? Можно ли вообще реконструировать праязык? Как следует трактовать реконструкцию праязыка: в буквальном смысле или с осознанием определенной условности реконструкции? Возможно ли реконструировать праязык как динамический феномен? Следует ли ориентироваться на реконструкцию диалектных праязыковых явлений? Как соотносятся праязыковая реконструкция и генеалогическая классификация языков? 3. Каким должен быть характер праязыковой реконструкции – проспективным или ретроспективным?

1. Для А. Шлейхера праязык (а он, как известно, оперировал индоевропейским языковым материалом, реконструируя праиндоевропейский язык) был реальной языковой системой: это средство общения древних индоевропейцев. Поэтому на реконструированном праиндоевропейском языке можно составлять тексты. Хрестоматийным примером стала написанная А. Шлейхером басня на праиндоевропейском языке.

Большинство младограмматиков (ученые лейпцигской лингвистической школы) также трактовало праязык как реальную языковую систему. Именно такой была позиция А. Лескина, Г. Остгофа, Г. Пауля. Противоположную позицию занимал Б. Дельбрюк, который воспринимал праязык как только реконструкт [7. С. 16–17]. Аналогичными были взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ. Он интерпретировал праязыки как «фикции, которым никогда не соответствовало никакой реальности» [8. Т. I. С. 131]; праязыки «...в том виде, как они воссоздаются наукою, представляют не комплексы действительных явлений, а только комплексы научных фактов, добытых дедуктивным путем» [8. Т. I. С. 70].

Ученые московской лингвистической школы признавали праязык как таковой, а в «предыстории» восточнославянских языков – такие праязыки, как праиндоевропейский, балто-славянский, праславянский, правосточнославянский. Эти праязыки в реконструкциях ученых московской школы предстают как реальные феномены. Показательным является капитальный труд А.А. Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка» [9], в котором реконструированы архетипы и фонетические законы этих праязыков как реальных систем. Наряду с указанными праязыками А.А. Шахматов выделял эпоху южно-восточнославянского языкового единства, не придавая ему статуса праязыка [9. С. 99–108]. Сходным путем шел Б.М. Ляпунов, но он, в отличие от А.А. Шахматова, писал об эпохе западно-восточнославянского языкового единства [1. С. 165–166]. Кроме того, при изучении истории западнославянских языков А.А. Шахматов выделял общезападнославянское «промежуточное состояние» [11. С. 254, 276], не употребляя и в этом случае термина *праязык*.

При этом праязык предстает как динамический феномен: как и всякому языку, ему присуща возможность развития, поэтому для каждого рассматриваемого праязыка (например, праславянского языка) могут быть выделены как минимум два периода: начальный (период «выделения» из предшествующего праязыка; для праславянского языка это балто-славянский язык) и конечный (период «распада»). Между этими двумя периодами могут реконструироваться «промежуточные эпохи». Иллюстрируя это положение материалом славянских языков, Ф.Ф. Фортунатов писал: «Между этими двумя периодами общеславянского (праславянского. – В.Г., А.П.) языка, между начальной эпохой его существования и последним периодом, наука может открывать и промежуточные эпохи в жизни этого языка из сопоставления фактов обоих этих периодов» [12. С. 22].

Концепция А. Шлейхера не предусматривала наличия в праязыках диалектных явлений.

Иначе подходили к этому вопросу ученые московской школы. Для праязыков допускалась диалектная дифференциация, однако, по мнению представителей московской школы, значительные диалектные явления в праязыках возникают в конечном периоде существования праязыка – в периоде накануне «распада». Так, А.А. Шахматов, говоря об «общерусском праязыке», имел в виду правосточнославянский язык раннего периода – от момента «выделения» из праславянского языка до возникновения в правосточнославянском значительных диалектных различий. Этот последний, т. е. правосточнославянский язык позднего периода с присущими ему значительными диалектными различиями, А.А. Шахматов называл древнерусским языком. Таким образом, в концепции А.А. Шахматова «общерусский праязык» и древнерусский язык представлены как два периода развития одного и того же языка. Это отразилось и в терминах: в некоторых случаях А.А. Шахматов писал не об общерусском и древнерусском языках, а о соответствующих периодах.

Согласно А.А. Шахматову в VIII–IX вв. «общерусский праязык» распался на севернорусское, восточнорусское и южнорусское наречия [9. С. 288]. Это время и является началом древнерусского периода (древнерусского языка), который просуществовал до конца XIII – начала XIV в. – времени возникновения самостоятельных восточнославянских языков (русского, украинского и белорусского). Отметим также, что, как считал А.А. Шахматов, некоторые диалектные различия существовали и в «общерусском праязыке» [9. С. V–VI].

Таким образом, по мнению А.А. Шахматова, значительные диалектные различия в праязыках возникают в конечном периоде их существования, однако некоторые диалектные различия могут быть присущи и праязыкам раннего периода. Это положение логически выводится из идеи постепенности языковых изменений, которой придерживались Ф.Ф. Фортунатов и его ученики.

2. Методологическую ценность понятия праязыка и возможность и важность его реконструкции вслед за А. Шлейхером [13. S. 109–110] при-

знавали К. Бругман [14. С. 39], Б. Дельбрюк [7. С. 18], И.А. Бодуэн де Куртенэ [8. Т. I. С. 70] и другие языковеды. Такой же была позиция ученых московской лингвистической школы [9. С. XX; 15. С. 24–25]. В частности, Ф.Ф. Фортунатов подчеркивал: «Таким образом, изучая историю известного языка, лингвист путем правильного сравнения этого языка с языками, родственными по происхождению, открывает то прошлое в жизни изучаемого языка, когда он составлял еще одно целое с другими родственными с ним языками» [15. С. 24].

Как трактовалась реконструкция праязыка: в буквальном смысле или с осознанием определенной условности реконструкции?

Приведем положение Р. Якобсона о двух тенденциях в реконструкции праиндоевропейских архетипов на фонологическом уровне: с одной стороны, речь идет о «наивном эмпиризме» с его стремлением к «фонографической фиксации индоевропейских звуков», с другой – об «агностическом отказе от изучения системы индоевропейских фонем» [16. С. 103]. Несомненно, это положение имеет общелингвистическое значение и может быть применено к праязыковой реконструкции как таковой (с учетом различных уровней языковой системы). В связи с этим отметим, что при буквальном понимании реконструкции возникает опасность реконструкции не языковых, а речевых единиц, а поскольку речевые единицы реконструировать невозможно, это может приводить к неубедительным результатам (с низкой экспланаторностью). Противоположная же позиция ведет к агностицизму.

Как известно, первая из этих тенденций была последовательно реализована А. Шлейхером [13]. Большинство младограмматиков также трактовало лингвистическую реконструкцию как воссоздание языковых фактов прошлого в буквальном смысле. Именно такой была позиция А. Лескина, Г. Остгофа, Г. Пауля.

Подобным образом подходили к праязыковой реконструкции и ученые московской школы: праязыки в их работах предстают как реальные феномены с присущими им конкретными особенностями на фонетико-фонологическом и морфологическом уровнях, при этом на фонетико-фонологическом уровне реконструировались не только языковые, но и речевые факты. В этом случае есть основания говорить об избыточности реконструкции, которая заключается в воссоздании разнообразных «оттенков» звуков (фонем). В качестве примеров таких «оттенков» можно привести разграничение А.А. Шахматовым кратких, полукратких, долгих, полудолгих гласных, гласных [ö] и [o], мягких и полумягких, лабиализованных и полублабиализованных согласных, звуков [i] неслогового и [j] [9. С. 1–2, 286, 305–306].

Реконструкция «оттенков» в трудах ученых московской школы была связана с тем, что приоритетным источником изучения истории языка они считали современные диалектные данные. Возможности древних письменных памятников в этом плане ограничены: письмо не может передать «оттенков» тех или иных звуков, это подвластно лишь слуху в «живой ре-

чи» [17. С. 8–9]. В связи с этим А.А. Шахматов отмечал, что «небольшой в наше время оттенок» дает исследователю возможность реконструировать «большие различия и резко разграниченные явления в прошлом» [17. С. 9]. На это же указывал Е.Ф. Будде [18. С. 7]. Таким образом, ученые Московской школы были уверены в том, что многие современные различия между языками и диалектами можно объяснить различиями, существовавшими в праязыке. По мнению С.К. Булича, именно такая установка заставляла Ф.Ф. Фортунатова и его учеников реконструировать в праязыках тончайшие и разнообразные «оттенки» звуков. С.К. Булич отметил, что этот «прием» не является специфической чертой московской школы, однако никто из языковедов не применял его столь широко и систематически [19. С. 323].

Вторую тенденцию реализовал И. Шмидт. Его учитель А. Шлейхер в значительной мере идеализировал праязык. Однако собранные компаративистами факты поставили под сомнение корректность предложенной А. Шлейхером реконструкции праиндоевропейского языка и экспланаторность праязыковой модели. В связи с этим представляется закономерным то обстоятельство, что наряду с теорией «родословного древа» А. Шлейхера возникла еще одна теория, которую обычно называют «волновой» и связывают с именами И. Шмидта [20] и Г. Шухардта [21]. И. Шмидт пришел к выводу, в определенной мере закономерному для автора «волновой» теории: праиндоевропейский язык следует рассматривать как «научную фикцию». По мнению И. Шмидта, материал индоевропейских языков разных групп свидетельствует о том, что ни один из реконструируемых архетипов не может рассматриваться как элемент праиндоевропейского языка; любой архетип территориально ограничен внутри индоевропейского языкового континуума [20. S. 15–17].

Подобным образом подошел к проблеме и Б. Дельбрюк. Прежде всего отметим, что он указывал на чрезвычайную сложность проблемы интерпретации реконструированных архетипов. Буквальная трактовка вызывала у Б. Дельбрюка решительное неприятие. Он воспринимал архетипы и фонетические законы реконструированных праязыков как фикции, научные абстракции, полученные дедуктивным путем [7. S. 16–17]. В трудах Б. Дельбрюка много форм «под звездочкой», но автор не рассматривал эти формы как реальные словоформы реального языка. Именно Б. Дельбрюк первым всесторонне обосновал «агностическую» позицию [22. С. 24]. Он отмечал, что разные фонемы в составе реконструированной морфемы могут принадлежать разным хронологическим срезам праязыка, а отдельные параллельные формы могли возникнуть в родственных языках после «распада» праязыка [7. S. 19].

Не подлежит сомнению важность этого вывода для дальнейшей работы по совершенствованию лингвистической реконструкции. Вместе с тем учет указанных факторов, по мнению А.В. Десницкой и А.С. Мельничука, не дает достаточных оснований для нигилистической (свойственной позитивизму) оценки реальной значимости реконструируемых архетипов и фонетических законов. Такая позиция объективно приводила к снижению эффективности сравнительно-исторического исследования языков [16. С. 24]

к отрицанию «научной значимости той огромной работы по изучению родства индоевропейских языков, которая была осуществлена на протяжении ряда десятилетий» [23. С. 176].

Б. Дельбрюк и К. Бругман считали возможной реконструкцию отдельных элементов праязыка, а не праязыка в целом. В частности, неосуществимой задачей представляется реконструкция праиндоевропейского языка как языка, на котором в определенную эпоху и на определенной территории говорили древние индоевропейцы [7. S. 21; 14. S. 39]. Вместе с тем реконструкции архетипов и фонетических законов Б. Дельбрюк и К. Бругман уделяли значительное внимание.

Возможно ли реконструировать праязык как динамический феномен? Для ученых московской школы ответ на этот вопрос мог быть только положительным: поскольку они видели в праязыке динамический феномен с возможностью выделения в истории праязыка раннего и позднего периодов (см. выше), ученые московской школы ставили перед собой задачу реконструкции языковых особенностей этих периодов.

Большое внимание уделялось «промежуточным этапам». Реконструкцию «промежуточных» праязыков ученые московской школы рассматривали как необходимое условие достоверности историко-лингвистических исследований.

По мнению А.А. Шахматова, недостаточное внимание к праязыковым явлениям неизбежно приводит исследователя к неточным реконструкциям и неверным выводам.

Так, серьезным методологическим недостатком магистерской диссертации Е.К. Тимченко «Функции генитива в южнорусской языковой области» А.А. Шахматов считал выведение украинских форм родительного падежа непосредственно из праславянских, «минуя эпоху общерусского праязыка» [24. С. 59].

Ряд замечаний методологического характера содержит и развернутая рецензия А.А. Шахматова на книгу С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера «Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache». Считая этот труд «ценным приобретением для славяноведения», А.А. Шахматов вместе с тем отмечал, что грамматика С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера не внесла ничего нового в историческое и сравнительное изучение славянских языков, хотя авторы ставили перед собой такую цель. Раздел грамматики, посвященный вопросу о месте украинского языка среди других славянских, «с точки зрения исторической науки не выдерживает критики» [25. С. 7]. Такую резкую оценку А.А. Шахматова вызвали отрицание авторами правосточнославянского языка и выведение украинского языка непосредственно из праславянского [25. С. 8]. Не мог принять А.А. Шахматов и положение С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера о том, что между украинским и русским языками существует не большее родство, чем между другими славянскими; сходные черты украинского и русского языков следует объяснять их географическим соседством. Между тем украинский язык очень близок к сербскому, что нельзя объяснить этим фактором. Отсюда вывод

авторов грамматики о том, что в прошлом украинцы имели большую исконную языковую общность с сербами, а не с русскими.

Однако, по мнению А.А. Шахматова, этот вывод научно не обоснован. Критикуя положения С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера, А.А. Шахматов обращает внимание на хронологизацию явлений языковой истории, на необходимость разграничения ранних (праязыковых) и более поздних изменений. Он демонстрирует это на примере северновеликорусского и южновеликорусского наречий и указывает на значительные различия между ними в достаточно древних явлениях и на общие черты более позднего происхождения, что, по А.А. Шахматову, свидетельствует об относительно поздних объединительных процессах. Вместе с тем эти наречия имеют и много общих явлений древнего происхождения, объединяющих их с украинским и белорусским языками. Именно это позволяет говорить о православнославянском языке [25]. Рассмотрев языковой материал в грамматике С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера, А.А. Шахматов пришел к выводу, что ни один из десяти приведенных этими учеными признаков, объединяющих украинский язык с сербским и отличающих его от русского, не имеет силы научного аргумента. Главная причина этого заключается в отсутствии исторического подхода к языковым явлениям и в упрощенной локализации. Так, А.А. Шахматов отмечал, что сохранение звонкости согласных в конце слова не является особенностью, общей для украинского и сербского языков, поскольку в части украинских и сербских говоров здесь имеет место оглушение. Кроме того, этот признак не может свидетельствовать об особой древней близости указанных языков потому, что условия изменения звонких согласных в глухие возникли после падения редуцированных гласных [25. С. 17–18].

В рецензии на «Украинскую грамматику» А.Е. Крымского А.А. Шахматов высказал мнение, согласно которому историк украинского языка должен был бы более подробно охарактеризовать православнославянский язык. Это стало бы тем крепким фундаментом, на котором можно было бы строить историю восточнославянских языков. По мнению А.А. Шахматова, в книге А.Е. Крымского такого фундамента нет, а это привело к тому, что украинский язык «представлен в ней языком без рода, без племени» [26. С. 143].

Как отмечал А.А. Шахматов, в книге Л.В. Щербы «Восточнолужицкое наречие» игнорируются «промежуточные состояния» – «обшелужичское» и «общезападнославянское», при этом звуки мужаковского говора выводятся непосредственно из праславянских. Это, по мнению А.А. Шахматова, недопустимо [11. С. 254, 276].

В основе шлейхеровской модели «родословного древа» лежит дивергенция (дифференциация) языков: первоначальный праязык распадается на ряд дочерних праязыков, которые, в свою очередь, делятся на новые языки, и т.д., вплоть до говора отдельного населенного пункта. Этой схеме следовали и младограмматики.

О дивергенции языков много писал и Ф.Ф. Фортунатов. Однако он уделял значительное внимание и конвергенции (интеграции) языков, что дает

основание говорить о теории дивергентно-конвергентной эволюции языка Ф.Ф. Фортунатова [27. С. 317].

По мнению В.К. Журавлева, есть основания говорить о том, что Ф.Ф. Фортунатов противопоставил свою теорию дивергентно-конвергентной эволюции языка теории «родословного древа» [27. С. 317]. Однако, на наш взгляд, принимая во внимание преемственность как важнейшую особенность развития науки, точнее было бы говорить о дальнейшем развитии теории «родословного древа» А. Шлейхера в теории дивергентно-конвергентной эволюции языка Ф.Ф. Фортунатова.

Ф.Ф. Фортунатов подчеркивал, что «историю какой-либо семьи языков нельзя представлять себе только как постепенное дифференцирование языков»; отношения родственных языков «могут быть гораздо более сложными»: разъединение, вновь соединение, опять распад и т.д., что объясняется историей «общественных союзов» [15. С. 70]. Идя за Ф.Ф. Фортунатовым, А.А. Шахматов связывал конвергентные процессы с влиянием политических и культурных факторов. В связи с этим необходимо отметить, что ученые московской школы постоянно подчеркивали тесную связь дивергентно-конвергентных процессов с историей народа [15. С. 24–25, 69–71; 17. С. 11–12].

Предпочтение отдавалось дивергенции. Анализ трудов ученых московской школы показывает, что они исследовали главным образом дивергентные процессы. Это обусловлено двумя факторами. Во-первых, по мнению ученых московской школы, реально существует лишь язык отдельного индивида, а язык этнической общности представляет собой фикцию (этой точки зрения придерживались также Г. Пауль, И.А. Бодуэн де Куртенэ и многие другие ученые 70-х гг. XIX в. – 30-х гг. XX в.). Нет даже двух людей, говорящих совершенно одинаково. Существующие различия с течением времени возрастают. Во-вторых, усложнение связей между отдельными диалектами в истории языка ведет к тому, что наряду с разъединением осуществляется и объединение диалектов. Таким образом, чем далее в прошлое, тем меньший вес имеет конвергенция. Иначе говоря, дивергенция была характерна для ранних эпох истории того или иного языка, а конвергентные процессы усиливались в более позднее время.

На практике такой подход реализовал А.А. Шахматов, моделировавший конвергентные процессы для относительно поздних этапов «предыстории» и истории восточнославянских языков: для XII в. это падение редуцированных гласных (общеюгославянский характер которого А.А. Шахматов объяснял объединяющей ролью Киева и влиянием древнекиевского койне), а для XIII в. – такое древнейшее общевеликорусское явление, как переход напряженных редуцированных в гласные [o], [e] [9. С. XLIX].

Таким образом, ученые московской школы вслед за А. Шлейхером и младограмматиками соотносили праязыковую реконструкцию с генеалогической классификацией языков, реконструируя не только праиндоевропейский, праславянский, правосточнославянский языки, но и балтославянский праязык и «промежуточные» состояния (см. выше).

3. Проведенный анализ трудов русских языковедов 20–60-х гг. XIX в. свидетельствует о том, что лингвистическая реконструкция в них имела проспективный характер. Так, А.Х. Востоков, стремясь расшифровать звуковое значение кириллических юсов и еров, шел от употребления этих букв в древних письменных памятниках к данным «живого» произношения в современных исследователю славянских языках [28. С. 7–13]. Такая методика применялась современниками А.Х. Востокова и в процессе праязыковой реконструкции.

Иначе подходили к реконструкции ученые харьковской лингвистической школы – А.А. Потехня, М.А. Колосов и П.И. Житецкий. Их исследованиям присущ ретроспективный характер лингвистической реконструкции, что получило в их трудах и теоретическое обоснование [29. С. 158; 30. С. IX; 31. С. 260]. Правда, ученые харьковской школы не считали реконструкцию праязыков важнейшей задачей историко-лингвистического исследования, на что прямо указывал П.И. Житецкий [31. С. 259].

Намного больший вес имеет праязыковая реконструкция в трудах ученых московской школы. Ей свойствен ярко выраженный ретроспективный характер, что хорошо видно на примере реконструированных А.А. Шахматовым таких фонетических законов, как [ɛ] > [ǣ] носовое > [a] > [a]; [e] > [ō] > [o]; [ь] > [ь] переднее > [o]; [e] > [ǣ] > [a]; [ē] > [ǣ] долгое > [a], хронологически соотнесенных с праславянским и правосточнославянским языками [9. С. 117–119, 126, 134–136].

Надежность результатов исследования ученые московской школы связывали с ориентацией на современные диалектные данные как приоритетный источник изучения истории языка и с ретроспективным характером лингвистической реконструкции [26. С. 144].

Ученые московской школы активно использовали в дополнение к ретроспективной обратную реконструкцию, представляющую собой разновидность внешней реконструкции. И это закономерно: обратная реконструкция позволяет воссоздавать факты «промежуточных» языков. Размышляя о моделировании соответствующих языковых явлений, А.А. Шахматов писал, что сравнительно-историческое изучение родственных языков неминуемо приводит исследователя к реконструкции праязыка; сравнение фактов этого праязыка с явлениями современных языков и языков, зафиксированных в древних письменных памятниках, дает возможность исследовать «промежуточные» явления, связывающие в единую нить факты разных эпох.

В применении к истории восточнославянских языков использование обратной реконструкции связано с таким источником изучения истории языка, как данные других славянских языков (западно- и южнославянских) [17. С. 127, 299; 32. С. 18–22; 33. С. 11]. Так, Н. Н. Дурново указывал: «Сравнивая русский язык (восточнославянские языки. – В.Г., А.П.) с другими славянскими языками, мы получаем представление о фактах общеславянского языка, т. е. такого языка, от которого произошли все славянские языки, в эпоху его распада, т. е. в то время, с которого начинается

независимое существование русского и других славянских языков» [32. С. 18]. Это позволяет определить «начальный момент в истории русского (православнославянского. – В.Г., А.П.) языка» [32. С. 18]¹.

Конечным же моментом для компаративиста выступают современные восточнославянские языки. Задача лингвиста в этом случае заключается в том, чтобы вести исследование из «двух пунктов» [33. С. 11]. На материале восточнославянских языков это означает осуществление ретроспективной реконструкции (от современных восточнославянских языков к православнославянскому) и как бы навстречу ей – обратной (от уже реконструированного на материале славянских языков праславянского к тому же православнославянскому).

Такой принцип систематизации материала лежит в основе многих трудов ученых московской школы, в частности шахматовского «Очерка древнейшего периода истории русского языка» [9]. В начале лингвистической части книги А.А. Шахматов дает обзор фонетических явлений праславянского языка перед его «распадом», причем источником их реконструкции выступает материал современных славянских языков [9. С. 1–98]. Это дает возможность в дальнейшем реконструировать явления «эпохи южно-восточнославянского единства» и перейти к характеристике православнославянского языка, причем основными источниками реконструкции православнославянских архетипов выступают, с одной стороны, явления современных восточнославянских языков (ретроспективная реконструкция), с другой – уже реконструированные архетипы праславянского языка (обратная реконструкция) [9. С. 108–160]².

В качестве примера можно рассмотреть исследование А.А. Шахматовым мягких согласных перед гласными переднего ряда в православнославянском языке. Изучая мягкие консонанты, А.А. Шахматов, во-первых, обращается к материалу современных восточнославянских языков (ретроспективная реконструкция). Он отмечает, что во всех восточнославянских языках мягкими являются согласные перед рефлексами [ĕ], перед [а] (< [ĕ]) и [а] (< [ä] долгому), перед утраченным [ь], перед [о] и другими рефлексами православнославянского [ö] (< [е], [ь]). Наличие в украинском языке твердых согласных перед исконными [и], [е] ученый интерпретирует как «позднейшее отверждение» [9. С. 126–127]. Во-вторых, А.А. Шахматов выводит мягкие согласные православнославянского языка из «полумягких»

¹ А.А. Шахматов считал лекционный курс старославянского языка Ф.Ф. Фортунатова [12] основополагающим и для изучения истории восточнославянских языков, поскольку в нем охарактеризован тот древнейший период, который предшествовал выделению православнославянского языка из праславянского и обусловил характер дальнейшего развития восточно-, западно- и южнославянских языков.

² Ученые московской школы последовательно выводили православнославянские фонетические явления из праславянских; они выступают как закономерный результат развития праславянской фонетики. Фонетические архетипы и законы православнославянского языка исследованы во многих трудах ученых московской школы. См.: [9. С. 108–160; 10. С. 173–184; 12. С. 22–256; 25. С. 11; 32. С. 143–155] и другие работы.

праславянского [9], что следует интерпретировать как обратную реконструкцию. «Полумягкие» консонанты, в свою очередь, реконструируются на материале всех славянских языков: поскольку в южнославянских языках, в отличие от восточно- и западнославянских, представлены твердые согласные перед гласными переднего ряда, для праславянского языка следует реконструировать не мягкость, а именно «полумягкость», которая легко объясняет как мягкость (восточно- и западнославянские языки), так ее отсутствие (южнославянские языки, кроме некоторых болгарских говоров) перед гласными переднего ряда [9. С. 60].

Подобным образом, используя материал индоевропейских языков, ученые московской школы реконструировали праславянский язык древнейшего периода [12; 17. С. 300, 338–340].

Литература

1. Академик А.А. Шахматов – жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). / ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб. : Нестор-История, 2015. 1037 с.
2. Колесов В.В. История русского языкознания: очерки и этюды. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003. 471 с.
3. Макаров В.И. «Такого не бысть на Руси прежде...»: повесть об академике А.А. Шахматове. СПб. : Алетей, 2000. 390 с.
4. Глуценко В.А. П.Г. Житецкий і О.О. Шахматов: методологічний аспект // Мовознавство. 2019. № 4. С. 35–48.
5. Глуценко В.А. Порівняльно-історичний метод в українському та російському мовознавстві XIX ст. – 30-х рр. XX ст. : монографія. Слов'янськ : Вид-во Б.І. Маторіна, 2017. 255 с.
6. Глуценко В.А., Піскунов О.В. Лінгвістична реконструкція у працях учених Московської школи. // Актуальні проблеми іноземної філології: Лінгвістика та літературознавство : міжвуз. сб. наук. ст. / відп. ред. В.А. Зарва. Бердянськ, 2010. Вип. 5, ч. 1. С. 53–65.
7. Delbrück B. Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1919. VIII, 168 s.
8. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. 384 с.; Т. 2. 391 с.
9. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. 1915. Вып. 11. XXVIII, II, L. 369 с.
10. Ляпунов Б.М. Древнейшие взаимные связи языков русского и украинского и некоторые выводы о времени их возникновения как отдельных лингвистических групп // Русская историческая лексикология. / гл. ред. С.Г. Бархударов. М., 1968. С. 163–202.
11. Шахматов А.А. Заметки по истории лужицких языков: По поводу книги Л.В. Щербы: Восточнолужицкое наречие. Т. 1 (С приложением текстов). Пг., 1915 // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1916. Т. 21, кн. 2. С. 237–276.
12. Фортунатов Ф.Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка // Избр. тр. : в 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 3–256.
13. Schleicher A. Compendium der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1861. Bd 1. XVI, 432 s.; Weimar, 1862. Bd 2. XII, 416 S.
14. Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904. XXVIII, 777 S.

15. *Фортунатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение. Общий курс // Фортунатов Ф.Ф. Избр. тр. : в 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 21–197.
16. *Якобсон Р.* Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. 1963. Вып. 3. С. 97–108.
17. *Шахматов А.А.* Курс истории русского языка (читан в С.-Петербургском ун-те в 1908–9 уч. г.). Введение. 2-е [литогр.] изд. СПб., 1910–11. Ч. 1. 407 с.
18. *Будде Е.Ф.* К истории великорусских говоров: Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896. 377, II с.
19. *Булич С.К.* Фортунатов (Филипп Федорович) // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1902. Т. 36. С. 322–323.
20. *Schmidt J.* Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1872. XIV, 148 s.
21. *Шухардт Г.* Избранные статьи по языкознанию. М. : Изд-во иностр. лит., 1950. 292 с.
22. *Мельничук А.С.* Проблематика реконструкции в сравнительно-историческом языкознании // Актуальные вопросы сравнительного языкознания / отв. ред. А.В. Десницкая. Л., 1989. С. 20–32.
23. *Десницкая А.В.* Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. 332 с.
24. *Шахматов А.А.* Наброски возражений на диспуте Тимченка. 23 февраля 1913 г. (Неопубликована праця) / публ. В.А. Глущенко // Мовознавство. 1984. № 4. С. 52–60.
25. *Шахматов О.О.* До питання про початок української мови. Кілька слів на нову працю з граматики українського языка: Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von S. von Smal-Stocky und T. Gartner. Wien, 1913 // Україна. 1914. Кн. 1. С. 7–19.
26. *Шахматов А.А.* [Рец.:] А.Е. Крымский. Украинская грамматика для учеников высших классов гимназий и семинарий Приднепровья. М., 1907–8 // Rocznik slawistyczny. 1909. Т. 2. С. 135–174.
27. *Журавлев В.К.* Московская фортунатовская школа // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 317–318.
28. *Востоков А.Х.* Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам // Востоков А.Х. Филологические наблюдения. СПб., 1865. С. 1–27.
29. *Потебня А.А.* История русского языка. Лекции, читанные в 1882–3 ак. г. в Харьковском ун-те / публ. С.Ф. Самойленко // Потебнянські читання / відп. ред. Г.П. Іжакевич. Київ, 1981. С. 119–168.
30. *Колосов М.А.* Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI столетие. Варшава, 1872. 192 с.
31. *Житецкий П.И.* Очерк звуковой истории малорусского наречия. К., 1876. IV. 376 с.
32. *Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка. М. ; Л. : Госиздат, 1924. 376 с.
33. *Поржезинский В.К.* Краткое пособие к лекциям по исторической грамматике русского языка, читанным на б. Высших женских курсах. Введение и фонетика. 3-е изд. М. : Госиздат, 1920. 152 с.

The Phenomenon of a Parent Language in the Works of Scholars of the Moscow Linguistic School

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 27–41. DOI: 10.17223/19986645/72/2

Vladimir A. Glushchenko, Alexander V. Piskunov, Donbass State Pedagogical University (Slavyansk, Ukraine). E-mail: sdpunauka@ukr.net / piskunov.oleksandr@gmail.com

Keywords: parent language, linguistic reconstruction, real linguistic system, parent language of early and final periods, dialect differentiation, divergent and convergent processes, retrospective and reverse reconstructions.

The problem of a parent language in the works of scholars of the Moscow linguistic (Fortunatov) school is studied. The authors of the article strive to reveal the linguists' views on the following fundamental questions: 1. Is a parent-language a real language system, or should it be considered as a reconstruction? Is a parent-language a static or dynamic phenomenon? 2. Does the phenomenon of a parent-language have a methodological value? How should the reconstruction of a parent-language be interpreted: literally or with awareness of a certain conventionality of reconstruction? Is it possible to reconstruct a parent language as a dynamic phenomenon? Should we focus on the reconstruction of dialectic parent-lingual phenomena? How do parent-language reconstruction and genealogical classification of languages correlate? 3. Which should be the nature of a parent-language reconstruction – prospective or retrospective? The Moscow school scholars considered a parent language as a dynamic phenomenon revealing early and final periods in its history. Though in the aspect of a parent language dialect differentiation was allowed, however, according to the representatives of the Moscow school, significant dialect changes in parent languages arose in the final period of the existence of a parent language – in the period on the eve of the “collapse”. According to A.A. Shakhmatov, some dialectal differences might be inherent in the parent languages of the early period. This point was logically inferred from the idea of the gradualness of linguistic changes, supported by F.F. Fortunatov and his followers. Linguistic reconstruction was treated as a reconstruction of the linguistic facts of the past in the literal sense: in the works by Fortunatov and his followers, parent languages were presented as real phenomena with their specific features at the phonetic-phonological and morphological levels, and both linguistic and speech facts were reconstructed. Taking into account Fortunatov's divergent-convergent language development theory, the scholars of the Moscow school studied mainly divergent processes. Following A. Schleicher and the neogrammarians, the scholars of the Moscow school correlated the parent-language reconstruction with the genealogical classification of languages and reconstructed not only the Proto-Indo-European, Proto-Slavonic, Proto-Eastern-Slavonic languages, but also the Baltic-Slavonic parent language and “intermediate” states. Reliability of research results obtained by the scholars of the Moscow school is connected with the direction towards modern dialect facts as a priority source of language history study and the retrospective character of linguistic reconstruction.

References

1. Krylova, O.N. & Priemysheva, M.N. (eds) (2015) *Akademik A.A. Shakhmatov – zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Academician A.A. Shakhmatov: life, activity, scientific heritage (on the 150th anniversary of birth)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
2. Kolesov, V.V. (2013) *Istoriya russkogo yazykoznaniya: ocherki i etyudy* [History of the Russian linguistics: essays and studies]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
3. Makarov, V.I. (2000) “*Takogo ne byst na Rusi prezhe...*”: *povest ob akademike A.A. Shakhmatove* [Such a person has never been in Russia: a story of academician A.A. Shakhmatov]. St. Petersburg: Aleteyya.
4. Glushchenko, V.A. (2019) P.H. Zhytetskyi and O.O. Shakhmatov: methodological aspect. *Movoznavstvo – Linguistics*. 4. pp. 35–48. (In Ukrainian).
5. Glushchenko, V.A. (2017) *Porivnialno-istorychnyi metod v ukrainskomu ta rosiiskomu movoznavstvi XIX st. – 30-kh rr. XX st* [Comparative-historical method in the Ukrainian and Russian linguistics of the 19th century – the 1930s]. Sloviansk: Vyd-vo B.I. Matorina. (In Ukrainian).

6. Glushchenko, V.A. & Piskunov, O.V (2010) Linhvistychna rekonstruktsiia u pratsiakh uchenykh Moskovskoi shkoly [Linguistic reconstruction in the works of the Moscow school scientists]. In: Zarva, V.A. (ed). *Aktualni problemy inozemnoi filolohii: Linhvistyka ta literaturoznavstvo* [Topical issues of foreign philology: linguistics and literature studies]. Vol. 5. Part 1. Berdiansk: BDPU. pp. 53–65. (In Ukrainian).
7. Delbruck, B. (1919) *Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen*. Leipzig.
8. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963) *Izbrannye trudy po obshemu yazykoznaniyu* [Selected works on general linguistics]. Moscow: USSR AS.
9. Shakhmatov, A.A. (1915) Ocherk drevneishego perioda istorii russkogo yazika [Essay of the ancient period of the Russian language history]. In: *Entsiklopediya slavyanskoi filologii – Encyclopaedia of Slavonic philology*. Vol. 11. Petrograd: Imperial Academy of Sciences.
10. Lyapunov, B. M. (1968) Drevneishie vzaimnye svyazi yazykov russkogo i ukrainskogo i nekotorye vyvody o vremeni ikh vozniknoveniya kak otdelnykh lingvisticheskikh grupp [The ancient interrelated connections of the Russian and Ukrainian languages and some conclusions on the time of their origin as separate linguistic groups]. In: Barhudarov, S.G. (ed.) *Russkaya istoricheskaya leksikologiya* [Russian historical lexicology]. Moscow: Nauka. pp. 163–202.
11. Shakhmatov, A.A. (1915) Zametki po istorii luzhitskikh yazykov. Po povodu knigi L.V. Shcherby: Vostochnoluzhitskoe narechie [Notes on history of Lusatian languages. On the book by L.V. Shcherba: Eastern Lusatian dialect]. *Izv. Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti*. 21 (2). pp. 237–276.
12. Fortunatov, F.F. (1957) *Izbr. trudy: v 2-h t.* [Selected works in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Uchpedgiz. pp. 3–256.
13. Schleicher, A. (1861–1862) *Compendium der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Bd 1, 2. Weimar.
14. Brugmann, K. (1904) *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Strassburg, XXVIII, 777 p.
15. Fortunatov, F.F. (1956) *Izbr. trudy: v 2-h t.* [Selected works in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Uchpedgiz. pp. 21–197.
16. Jakobson, R. (1963) Tipologicheskie issledovaniya i ikh vklad v sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie [Typological researches and their contribution into comparative-historical linguistics]. *Novoe v lingvistike*. 3. pp. 97–108.
17. Shakhmatov, A.A. (1910–1911) *Kurs istorii russkogo yazyka*. (chitan v S.-Peterburgskom un-te v 1908–9 uch. g. Vvedenie [Course on the Russian language history. Taught at St. Petersburg University in the 1908/9 academic year. Introduction]. 2nd ed. Part 2. St. Petersburg: elektrich. skoropech. Ya. Rashkova.
18. Budde, E.F. (1896) *K istorii velikorusskikh govorov. Opyt istoriko-sravnitel'nogo issledovaniya narodnogo govora v Kasimovskom uezde Ryazanskoj gubernii* [To the history of Great Russian dialects. Experiment on historical-comparative investigation in Kasimov district of Ryazan Province]. Kazan.
19. Bulich, S.K. (1902) Fortunatov (Filipp Fedorovich). In: Brokgaus, F.A. & Efron, I.A. (eds) *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopaedic dictionary]. Vol. 36. St. Petersburg: F.A. Brokgaus, I.A. Efron. pp. 322–323
20. Schmidt, J. (1872) *Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen*. Weimar.
21. Shukhardt, G. (1950) *Izbrannye stat'i po yazykoznaniyu* [Selected articles on linguistics] Moscow: Izd-vo inostr. lit.
22. Mel'nichuk, A.S. (1989) Problematika rekonstruktsii v sravnitel'no-istoricheskom yazykoznanii [Reconstruction problems in comparative-historical linguistics]. In: Desnitskaya, A.V. (ed.) *Aktual'nye voprosy sravnitel'nogo yazykoznaniya* [Topical issues of comparative linguistics]. (pp. 20–32). Leningrad: Nauka.

23. Desnitskaya, A.V. (1955) *Voprosy izucheniya rodstva indoevropskikh yazykov* [Problems of investigation of the relationship of the Indo-European languages]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
24. Shakhmatov, A.A. (1984) Nabroski vozrazheniy na dispute Timchenka. 23 fevralya 1913 g. (Neopublikovana praca) [Publikatsiya V. A. Glushchenko] [Notes of objection at Timchenko discussion. February 23, 1913. (Unpublished work) [Published by V.A. Glushchenko]]. *Movoznavstvo – Linguistics*. 4. pp. 52–60.
25. Shakhmatov, O.O. (1913) Do pytannya pro pochatok ukraïnskoyi movy. Kilka sliv na novu praci z gramatyky ukraïnskogo yazyka: Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von S. Von Smal-Stockyj und T. Gartner [To the question on the beginning of the Ukrainian language. Some notes on a new work on the Ukrainian language grammar: Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von S. Von Smal-Stockyj und T. Gartner]. *Ukrayina – Ukraine*. 1. pp. 7–19. (In Ukrainian).
26. Shakhmatov, A.A. (1909) [Rets.:] A.E. Krymskii. Ukrainskaya grammatika dlya uchenikov vysshikh klassov gimnazij i seminarij Pridneprov'ya [Review:] Krymskii, A.E. (1907–1908) Ukrainian grammar for senior students of gymnasiums and seminaries of the Dnieper region]. *Rocznik slawistyczny*. 2. pp. 135–174.
27. Zhuravlev, V.K. (1990) Moskovskaya fortunatovskaya shkola [Moscow Fortunatov school]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow: Sov. Entsiklopediya. pp. 317–318.
28. Vostokov, A.Kh. (1865) *Filologicheskie nablyudeniya* [Philological observations]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 1–27.
29. Potebnya, A.A. (1981) Istoriya russkogo yazyka. Lektsii, chitannye v 1882–3 ak. g. v Khar'kovskom un-te [Publikatsiya S.F. Samoylenko] [History of the Russian language. The lectures taught in 1882/3 academic year at Kharkiv University. Published by S.F. Samoylenko]. In: Yizhakevich, G.P. (ed.) *Potrebnyans'ki chitannya* [Potebnya readings]. Kyiv: Nauk. Dumka. pp. 119–168.
30. Kolosov, M.A. (1872) *Ocherk istorii zvukov i form russkogo yazyka s XI po XVI stoletie* [Essay on history of sounds and forms of the Russian language from the 11th till the 16th centuries]. Warsaw.
31. Zhitetskii, P.I. (1876) *Ocherk zvukovoy istorii malorusskogo narechiya* [Essay on sound history of Small Russian dialect]. Kyiv.
32. Durnovo, N.N. (1924) *Ocherk istorii russkogo yazyka* [Essay on the Russian language history]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
33. Porzhezinskiy, V.K. (1920) *Kratkoe posobie k leksiyam po istoricheskoy grammatike russkogo yazyka, chitannym na b. Vysshikh zhenskikh kursakh. Vvedenie i fonetika* [Concise textbook to the lectures on the historical grammar of the Russian language, taught at the former Higher Women Courses. Introduction and phonetics]. 3rd ed. Moscow: Gosizdat.

УДК 811.161.1'38
DOI: 10.17223/19986645/72/3

В.В. Дементьев

О НЕКОТОРЫХ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЦЕНТРИЧНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Обсуждаются направления современной отечественной лингвистики, которым присущ содержательноцентризм, т.е. тенденция изучать содержательные аспекты языковых и речевых единиц. С этой точки зрения рассматривается изучение концептов, речевых жанров, интернет-коммуникации, непрямой коммуникации, языковой личности. Устанавливаются наиболее релевантные для данных направлений признаки: перенесение внимания с языка-системы вовне, активное взаимодействие с культурологией, концептологией, литературоведением.

Ключевые слова: современная отечественная лингвистика, содержательноцентризм, концепты, речевые жанры, интернет-коммуникация, лингвокреативность, непрямая коммуникация, лингвоперсонология

Постановка проблемы: «содержательноцентризм» и «формацентризм» как характеристика лингвистических парадигм

В последние годы исследователями (например, [1–13] и др.) неоднократно предпринимались попытки выделить в развитии отечественной и зарубежной лингвистики тенденции общего характера – как более глобальные, так и более частные. Иногда данные тенденции понимались как в чем-то противопоставленные или противоречащие друг другу, и тогда их пересечения и противопоставления относились к значимым характеристикам конкретных направлений лингвистики.

Это может быть релевантно также при сравнении отечественной и зарубежной лингвистики: соотношение разных тенденций может составлять специфику каждой из них. Так, В.М. Алпатов отмечает, что их противопоставление, как и взаимонепонимание ученых, в последние годы усиливается: «После 1991 г. <...> при значительном расширении личных контактов между российскими и зарубежными учеными в плане научных концепций скорее происходит увеличение разрыва. <...> Российским исследователям оказывается нелегко вписаться в традиции, преобладающие в других странах» [4. С. 155].

Одной из главных характеристик многих направлений лингвистических исследований, включая преобладающие на том или ином этапе направления таких исследований (их можно понимать как общую характеристику этапа в целом), является преимущественное внимание к форме или содержанию языковых явлений.

В настоящей статье мы пытаемся показать, что для современной отечественной лингвистики характерно отчетливо выраженное стремление изу-

чать содержание языковых явлений – «содержательноцентризм» ($C_{Ц}$), что отличает ее, с одной стороны, от преобладающих направлений современной зарубежной (точнее, западной) лингвистики, с другой – направлений отечественной лингвистики предшествующих периодов. Своеобразие данного этапа современной отечественной лингвистики будет показано через ряд конкретных, как представляется, значимых направлений и школ.

Для более точной характеристики современного этапа полезно охарактеризовать направления, научные центры и этапы лингвистики прошлых периодов, даже если они сегодня представляют собой только факты истории науки.

В частности, нельзя не сказать хотя бы несколько слов о структурализме, как и о развившихся сначала внутри него, а впоследствии – как преодоление его постструктуралистских / антиструктуралистских тенденций (среди них многие можно с уверенностью охарактеризовать как содержательноцентричные). Важными в этом отношении представляются идеи В.Н. Волошинова (М.М. Бахтина) (противопоставление двух тенденций в лингвистике рубежа XIX–XX вв., несправедливо редко применяемое к характеристике современной лингвистики) и В.И. Абаева, которые также будут рассмотрены ниже.

В целом тенденции и направления современной отечественной лингвистики, конечно, более разнообразны, чем объединяемые нами в понятие $C_{Ц}$ (как и четкое разделение на две группы: содержательноцентрические и непосредственно противопоставленные им). Нельзя не учитывать присутствующие в составе отечественной лингвистики несомненно значимые формацентрические научные направления, такие как изучение неиндоевропейских языков в целом ряде научных центров, например группой под руководством Е.В. Рахилиной, а также научные направления и центры, придерживающиеся преимущественно западных традиций и подходов, например дискурсивные исследования под руководством А.А. Кибрика, прагмалингвистическое направление, сформировавшееся в РУДН под руководством Т.В. Лариной, и др. – их оценка и критика нами, полагаем, была бы неуместна (хотя краткая характеристика нужна и будет дана).

Однако и наиболее распространенными, и наиболее оригинальными, и наиболее представительными, и наиболее значительными в отечественной лингвистике являются именно содержательноцентрические исследования.

Противопоставление «содержания» и «формы» в лингвистике и их относительность

Отношения содержательноцентризма и формацентризма нельзя обсуждать без хотя бы краткого рассмотрения «вечной» лингвистической проблемы формы и содержания и их как взаимной противопоставленности, так и взаимной обусловленности, каковая проблема имела много разных решений в истории лингвистической науки. В. фон Гумбольдт, который ввел понятие «форма языка», вкладывал в него далеко не только «соб-

ственно форму» в современном значении, т.е. структуру, но и все и де и, которые были, будут или могут быть выражены на данном языке ([14. С. 74, 81] и далее). Ср. также положение последователя Гумбольдта А.А. Потебни, что грамматическая форма семантически, это способ организации семантики: «...грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным содержанием» [15. С. 29]. Грамматику Пор-Рояль (по В.Н. Волошину, представляющую наиболее яркий пример «абстрактного объективизма» – см. ниже) тоже нельзя понимать как изучение только одной формы, поскольку в центре внимания были *содержательные* категории (такие как падеж).

Мы исходим из традиционного семиотического понимания формы и содержания и их соотношения: к содержанию относятся значения элементов системы (значения языковых единиц – прежде всего лексические значения слов, но не только они), к форме – их взаимные отношения [16. Р. 17–36]. С этой точки зрения противопоставление лингвистических направлений, характеризующихся преимущественным форма- и содержаниецентризмом, может быть проиллюстрировано противопоставлением структурализма, изучающего фактически только второе, и постструктурализма, исправляющего ограничения и издержки структурализма, сосредоточивающегося на первом. (Это самый яркий и самый свежий пример, но далеко не единственный в истории науки.) При этом структурализм не исключал вовсе содержания – но только с точки зрения формы и в подчинении ей (*форма плана содержания*, по Л. Ельмслеву [17. С. 310]): во-первых, важной (по Ф. де Соссюру – важнейшей [18. С. 146–147]) составляющей означаемого считалась *значимость*, порождаемая взаимными отношениями языковых единиц и их значений; во-вторых, не менее, а более важными, чем лексические значения, считались и активно изучались (например, в американском дескриптивизме) значения нелексических, прежде всего служебных, языковых единиц: морфем, конструкций (словосочетаний, предложений). По Л. Ельмслеву, обсуждаемый нами S_C , вероятно, может быть понят как изучение *субстанции плана содержания*, которая противопоставлялась (изучаемой в структурализме) *форме плана содержания* и ввод в рассмотрение которой ознаменовал переход к постструктурализму.

Ср. также мнение В.И. Абаева, который был одним из наиболее серьезных критиков структурализма: «...в языке переплетаются две системы: познавательная и знаковая. Элементы первой соотносимы с элементами объективной действительности и отражают в конечном счете структуру последней. Вторая (знаковая) система определяется внутриязыковыми корреляциями. В первой системе элементами структуры являются значения, во второй – чистые отношения. Лексика есть преимущественная сфера первых, фонетика – вторых. Промежуточное положение между этими двумя полюсами занимают морфология и синтаксис» [19. С. 103]. Структурные методы, согласно этой точке зрения, пригодны лишь для изучения знаковой системы; поэтому их применение достигло успеха в фонологии, дало

лишь частичные результаты в морфологии и синтаксисе и потерпело неудачу в семантике. В.И. Абаев также подверг критике математизацию науки о языке. Признавая статистические методы исследования, он видел в выделении математической лингвистики как особой дисциплины «скрещение псевдолингвистики с псевдоматематикой» и, главное, «бегство от человеческого фактора» [19. С. 119, 122; 13. С. 181-182].

Активное привнесение в исследовательский аппарат содержания как преодоление ограничений структурализма означало возвращение к лексическим значениям, а также ко всему, что можно понимать как, с одной стороны, способы их прояснения и уточнения (референция, концепты, психические состояния человека), с другой – продолжение и отражение (состояние общества, языковая картина мира).

Следует отметить, что попытка характеристики (весьма условная) современной парадигмы в лингвистике как *когнитивной* (ср.: «Когнитивная лингвистика – активно развивающееся лингвистическое направление, во многом определяющее лицо современной мировой лингвистической науки» [20. С. 3]) во многом есть попытка объединить эти два направления: с одной стороны, показать когнитивную, т.е. ментальную, реальность значений слов и ассоциированных с ними многочисленных содержательных ассоциаций и коннотаций, с другой – такую же реальность грамматических элементов и моделей, однако в действительности то, что З.Д. Попова и И.А. Стернин считают когнитивной лингвистикой, распадается на два довольно трудно совместимых направления – когнитивную грамматику (Р. Лангакер [21]) и когнитивную семантику (Дж. Лакофф [22]), причем доля последней в общем объеме когнитивных исследований в сегодняшней лингвистике преобладающая – в этом отношении когнитивная лингвистика тоже может быть отнесена к C_{Π} , хотя и не полностью.

Таким образом, граница между формой и содержанием иногда относительна, и сами принципы противопоставления формы и содержания на разных этапах были разные (всё это тоже можно относить к важнейшим характеристикам того или иного этапа), однако в целом противопоставление формы и содержания остается одной из главных констант лингвистической теории.

Тенденции развития современной лингвистики: попытки систематизации

Кроме уже упомянутого противопоставления структурализма и постструктурализма, оппозицию реализуют другие, менее известные, но не менее значимые для характеристики современного этапа отечественной лингвистики направления.

Характеризуя тенденции развития современной лингвистики (прежде всего отечественной), используют следующие определения: *семантизация; функционализация; лингвистический антропоцентризм и когнитивизм; индивидуалистический субъективизм; сближение с «неточными науками».*

Семантизация, которая противопоставляется формальному описанию языковой структуры / «формацентризму» (частные случаи семантизации – большее внимание к лексике по сравнению с грамматикой, активное составление словарей, «словоцентризм» как одна из тенденций современной лингвосомиотики).

«Нынешняя эпоха развития лингвистики – это, бесспорно, эпоха семантики, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации», – писал Ю.Д. Апресян в книге «Лексическая семантика (синонимические средства языка)» в 1970 г.у (то, что книга была закончена к 1970 г., Апресян сообщает в переиздании 1995 г.). Апресян (как и Бахтин) охарактеризовал состояние в равной мере зарубежной и отечественной лингвистики.

Хронологически данная тенденция стоит на втором месте после противопоставления абстрактного объективизма и индивидуалистического субъективизма: она получила распространение в последнюю треть XX в. (хотя отдельные проявления были гораздо раньше – см. идеи Дж. Лакоффа и др.).

Семантизация распространяется на направления, изучающие план содержания языковых и речевых единиц и их комбинаций (включая диалогическое общение и художественные тексты), шире – содержательные аспекты коммуникативных ситуаций, в том числе состояния участвующих в них языковых личностей.

При этом противопоставляются значения лексических и грамматических языковых единиц и более масштабные содержательные феномены, такие как, с одной стороны, концептосферы, с другой – коммуникативные (ситуативные, диалогические) речевые феномены, где можно говорить не столько о значениях, сколько о смыслах. Конечно, граница между ними нечеткая (как в целом между лексикой и грамматикой): большое количество идей выражаются и языковыми / речевыми единицами, и моделями – словообразовательными, синтаксическими, прагматическими и т.д. (ср., например, традицию привлекать при описании концептов данные словообразования [23]).

В лингвистике также иногда различают «идеологию, выраженную в самом языке (как идеологической системе)», и «идеологию, выраженную с помощью языка (как коммуникативной системы)» [19], т.е. в более привычных сейчас терминах, «надо различать отражённую в языке картину мира и то или иное мировоззрение, выраженное средствами этого языка» [3. С. 8].

В этой связи следует вспомнить, что Гумбольдт, который, видимо, первым из лингвистов начал различать данные феномены, не противопоставлял их жестко, а, наоборот, объединял в понятии *sprachliche Weltansicht* [14], в котором сочетались «языковое мировоззрение» и «мировидение». Причем последователи Гумбольдта иногда трактовали его концепцию односторонне (отсюда и ошибки перевода: переводили *sprachliche Weltansicht* то

как «языковое мировоззрение», то как «мировидение»): «Предлагается говорить о *мировоззрении* для философских, политических и пр., а также социально-психологических («житейских») взглядов и о *мировидении* для взглядов, обусловленных языком. Можно сопоставить *мировоззрение* с *идеологией, выраженной с помощью языка*, а *мировидение* с *идеологией, выраженной в языке*» (см.: [24. S. 7–18]). В целом Гумбольдт, заложивший основы И_С, о котором говорит Бахтин, заложил и основы С_Ц, связывая во едино понятия *формы языка* и *духа народа*, причем, в понимании последнего, взгляды Гумбольдта продолжали традиции романтизма в Германии (Гердер, Гёте, Винкельман), где и была впервые высказана идея «национального духа» (*Volkgeist*), выражающегося в языке и искусстве: вводя понятия духа, национального духа и духа времени, которые рассматривались как формы коллективной идентичности, немецкие романтики признали язык выражением этого духа. Этот дух проявляется также как органичное выражение автора в конкретных произведениях искусства, представляющих единство мысли и языка [24. S. 7–18]. Таким образом, в язык, форму языка у Гумбольдта входили и *мировоззрение*, и *мировидение*, а разница между разными языками / формами языков в этом смысле заключается в том, что на одних языках в принципе можно / более удобно / можно будет / когда-нибудь обязательно будет (!) (при этом не важно, в сколь отдаленном будущем) выразить... нечто, на других – «другое нечто».

Нередко высказывается мнение, что современной лингвосомиотике присущ *словоцентризм*, проявляющийся в том, что естественный человеческий язык (или «главное в нем») определяется через слово. Ср. точку зрения одного из видных представителей данного направления А.Б. Соломоника: «Язык – это знаковая система, в которой базисным знаком выступает слово. Любая знаковая система, где слово играет ведущую роль, является для меня языком: жестовый язык немых, барабанные языки некоторых африканских племен, флажковая сигнализация на флоте, где каждый знак представляет то или иное понятие. Все это для меня языки, созданные для коммуникации между людьми и практически применяющиеся для этой цели. С другой стороны, часто используемые словосочетания “язык тела”, “язык музыки”, “язык танца” являются для меня лишь фигуральным обозначением соответствующего явления, поскольку в нем используются иные, а не слова, знаки – телодвижения, звуки или танцевальные па. Слово как знак выражает значение, приданное ему в соответствующем языке и известное общающимся на нем людям. Ни телодвижение, ни звук, ни танцевальное па не выражают жестко связанные с ними значения и поэтому не могут составить связную речь» [25. С. 14].

Отметим, что если полностью согласиться с А.Б. Соломоником, то, например, словарь – самый настоящий *естественный человеческий язык*, и ассоциативный эксперимент, и даже буриме. Кроме того, при таком подходе остаются «вечные сложности» (сложности и для лингвистов, и для всех людей) типа: «на столе» – два слова или одно? Или: как быть со сверхдлинными словами, которые, как известно, есть во всех языках: не

только чукотском, эскимосском и немецком, но и русском, и английском (*hippopotomonstrosesquippedaliophobia*).

В этой связи примечательно, что именно американские дескриптивисты, которых есть все основания считать предшественниками современного «западного» формацентризма, исключали слово и из определения языка, и из своего исследовательского аппарата. Дело, как известно, не только и не столько в исключении из этого самого исследовательского аппарата лексической информации, носителем которой является слово, сколько в отсутствии привычной для европейской лингвистической традиции, носителями которой были американские лингвисты XX в., границы между морфемой, словом и предложением во многих американских языках – основном объекте их рассмотрения.

• **Функционализация**, к которой относят, прежде всего, изучение различных аспектов речевой коммуникации: структуры коммуникативной ситуации, распределения коммуникативных ролей, специфических речевых, а не языковых единиц (речевые акты, жанры, стратегии, тактики). Данная тенденция характерна для современных дискурсивных, риторических, стилистических (функциональная стилистика) и (отчасти) социолингвистических исследований.

Поскольку данная тенденция уже очень подробно освещена в современной лингвистике (см., например, серию статей В.М. Алпатова [1–4, 13] и др.), не будем рассматривать ее подробно, отметим лишь, что ученый считает оппозицию формальной и функциональной лингвистики даже важнее, чем противопоставление семантизации и формацентризма, и именно через нее объясняет специфику отечественной лингвистики: «На Западе очень велика роль формальной лингвистики <...> а в России <...> в целом преобладают функциональные подходы к языку» [4. С. 155].

• **Лингвистический антропоцентризм** и **когнитивизм** в широком смысле, где внимание переносится с языковых (более или менее четких и непротиворечивых) моделей на (во многом «нелогичные») модели человеческого мышления, а также **биосемиотика**, конкурирующая с лингвосемиотикой (доминантные и ризоматические модели при объяснении языковых и речевых явлений и т.п.) [26–27].

Многие идеи, впоследствии составившие основу этого направления, изложены в статье А.Е. Кибрика «Лингвистические постулаты» (1983/1992), например: «Адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен «на самом деле» [28. С. 19]; «Всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [28. С. 20]; «Как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем» [28. С. 21]; «Исходными объектами лингвистического описания следует считать значения» [28. С. 24]; «Устройство грамматической формы отражает тем или иным образом суть смысла» [28. С. 25].

Ср. положение, сформулированное спустя три десятилетия А.А. Кибриком: «В основе современного когнитивного подхода к языку лежит идея

целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы. Реконструкция опирается на *постулат об исходной мотивированности языковой формы*: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру» [29. С. 32].

• **Индивидуалистический субъективизм**, точнее, оппозиция **абстрактного объективизма** и **индивидуалистического субъективизма** ($A_0 \sim I_C$): эту оппозицию ввел М.М. Бахтин / В.Н. Волошинов в работе «Марксизм и философия языка» по отношению к лингвистике XIX – начала XX в. (противопоставление «условного Соссюра» и «условного Гумбольдта») [30]:

В A_0 язык понимается как устойчивая система (langage, по Ф. де Соссюру), в I_C естественный язык, с одной стороны, есть деятельность, проявляющаяся в речевых действиях, с другой – регулярный творческий процесс говорящего индивидуума (В. фон Гумбольдт).

Характеризуя современную ему лингвистику начала XX в., Бахтин говорил о господстве в ней A_0 , что он считал ее недостатком, который необходимо было «исправлять» – привнесением I_C . Такими «исправлениями», которые должны пойти на пользу лингвистике будущего, Бахтин считал, с одной стороны, концепцию речевых жанров (и был безусловно прав), с другой – филологическую и стилистическую концепцию К. Фосслера (тут, пожалуй, ошибался).

Важно, что Бахтин так охарактеризовал состояние в равной мере зарубежной и отечественной лингвистики, принципиальной разницы между ними в тот период в этом отношении он не видел (в историческом плане по Бахтину, были противопоставлены скорее немецкая и французская: A_0 он считал французской традицией, I_C – немецкой). Конечно, сейчас, в начале XXI в., мы имеем другую картину, которую едва ли можно адекватно описать через оппозицию $A_0 \sim I_C$.

• **Сближение с «неточными науками»**, использование их методов, с подчеркиванием того, что традиционные (структурные) лингвистические методы не справляются с описанием реального («слишком большого», «слишком сложного», «противоречивого», «хаотичного» и т.п.) материала. Ср., например, такие направления, как лингвокультурологическое и жанроведческое: и то и другое периодически обвиняют в отсутствии четкой методики (это обвинение со стороны формацентризма), в порочном (так!) сближении с «неточными науками», прежде всего литературоведением.

Не принимая некритично и полностью ни одного из этих определений, мы видим между ними нечто общее – довольно трудно эксплицируемое, но существенное, даже относящееся к наиболее значительным характеристикам лингвистических направлений. Полагаем, было бы ошибкой распространить какую-то одну из приведенных дефиниций (*семантизация, функционализм, постструктурализм, индивидуалистический субъективизм* и т.п.) на все направления современной отечественной лингвистики: в раз-

ных конкретных направлениях данные тенденции могут проявляться по-разному, не полностью и в сочетании друг с другом в разных пропорциях.

Полагаем, можно выделить ряд признаков, наиболее релевантных для данных направлений и наиболее частотно проявляющихся в них: *перенесение внимания с языка-системы вовне* (это «вовне» может пониматься и как внеязыковая действительность, и как функционирование языка); *активное взаимодействие с культурологией и концептологией* (изучение языковой картины мира и национальных ЯКМ, концептосфер), *персонологией* (изучение языковых личностей), *литературоведением*.

Для многих направлений характерно также стремление исследователей (явное или неявное или даже бессознательное) активно привлекать материал особого рода – *наиболее яркие, а следовательно, редкие и даже единичные примеры*, при этом скорее большие, чем традиционные для лингвистики единицы «слово-предложение», – *большие тексты*, что действительно характерно скорее для литературоведения. Ср., например, тенденцию опираться при изучении коммуникации на художественные диалоги, для многих из которых характерна стилизация вместо типизации (привлечение для этой цели в последние годы материала корпусов только усиливает данную тенденцию). Все это также способствует *описательности* в лингвистических исследованиях.

Эту тенденцию мы и называем условно *содержательноцентризм* (С_Ц) – противопоставляя *формацентризму* (Ф_Ц), который был характерен для мировой лингвистики первых двух третей XX в. и в значительной степени – для современной зарубежной / западной лингвистики, хотя понимаем недостатки, внутреннюю противоречивость данного термина.

Подчеркнем, что главными характеристиками С_Ц являются особенности *методики*. Ни объект (например, изучение конкретных концептов, речевых жанров, речевое портретирование конкретных людей), ни предмет исследования (перенесение внимания с грамматики на лексику, с системы языка на ее функционирование) сами по себе не означают С_Ц, более того, могут противоречить ему.

Так, преобладание тенденции к С_Ц над Ф_Ц в современной отечественной лингвистике не означает замену изучения грамматики на изучение лексики, хотя некоторые отдельные проявления названной тенденции имеют выраженно лексический характер (ср., например, лексическую направленность типологических штудий Е.В. Рахилиной и ее школы [11]).

Формацентризму, формализации в целом не противоречили также активизировавшиеся в последнюю треть XX века словарное дело и та семантизация, о которой говорит Ю.Д. Апресян (см. выше): например, словарь И.А. Мельчука, главной задачей которого по определению было описание *смысла* («Смысл $\Leftrightarrow$ Текст»), не просто естественно сочетался с формализацией, но и в современной парадигме, безусловно, должен быть понят как один из самых ярких примеров Ф_Ц.

Напомним, что у И.А. Мельчука в его подходе к естественному языку как к преобразователю «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст», с одной стороны, основополагающим, с

другой – лишним, т.е. не интересующим лингвиста, понятием было заимствованное из кибернетики понятие черного ящика: модель естественного языка должна была обеспечивать нужный результат, а задача поиска адекватных реальности путей к нему не ставилась: «Поскольку лингвист как таковой не занимается и – по крайней мере в настоящее время – не должен заниматься нейрофизиологическим (нейрофизическим, нейрохимическим и т.п.) исследованием того, что в точности происходит в мозгу при говорении или понимании, постольку язык-преобразователь выступает для лингвистики в роли широко известного «черного ящика» [31. С. 13]; «Язык моделируется сугубо функционально, без попыток связать нашу модель с психологической (нейрофизиологической и т.п.) реальностью речевого поведения» [31. С. 27]. То, что происходит в процессе речи «на самом деле», И.А. Мельчука и его коллег не интересовало. Этим занимались либо лингвисты, специализировавшиеся в дисциплинах, тогда казавшихся маргинальными (экспериментальная фонетика), либо ученые, чья деятельность проходила вне тогдашних рамок лингвистики (А.Р. Лурия и его ученики в психологии) (см.: [13]).

По нашему мнению, ни составление словарей, ни разработка семантических метаязыков, ни описание плана содержания языковых единиц сами по себе также не составляют специфику современной отечественной лингвистики. Полагаем, не случайно опыт И.А. Мельчука более востребован в западной лингвистике, чем в отечественной; тогда как, например, пишущая и публикующаяся на английском языке А. Вежицкая с ее семантическими примитивами и культурными сценариями – более в отечественной, чем в западной.

Данный процесс – преобладание C_{Π} над Φ_{Π} – также не означает преимущественного исследования функционального аспекта языка, а исследование функционального аспекта языка не предполагает отрицание строгих методов (как и сосредоточение на структуре языка само по себе не предполагает их наличия, тем более – адекватного и плодотворного использования). Так, изучение речевых актов, относящееся, естественно, к функциональному направлению, в том виде, в каком создавалось и разрабатывалось прежде всего западными прагмалингвистами – с тенденциями к атомизму, формализации и формулизации (ср. сильно тяготеющий к формулам метаязык ТРА, стремящийся так передать различия между разными типами РА, особенности их структуры, последовательности), относится к Φ_{Π} – и в этом отношении противопоставляется «филологической» теории речевых жанров – это убедительно показала Вежицкая еще в 1983 г. [32].

Таким образом, то, что Φ_{Π} может быть присущ не только собственно структурному, но и функциональному направлению, совершенно естественно. Однако при изучении реальной живой речи (не говоря уже о художественной речи) удачных и адекватных материалу формальных моделей и конкретных исследований было на порядок-два меньше, чем содержательных. Не менее естественным и логичным кажется отсутствие прямых соответствий между выбором конкретного объекта / предмета исследования и C_{Π} и Φ_{Π} , однако менее прямые соответствия есть – и довольно часто приводят к их сближению.

Основные содержательноцентричные тенденции

Рассмотрим кратко тенденции отечественной лингвистики – прежде всего современные, но отчасти и предыдущих периодов, находящиеся (в соответствии с нашей логикой) преимущественно под влиянием $C_{Ц}$, и с точки зрения $C_{Ц}$: с чем были связаны трудности (что «пришлось преодолеть»), какие были самые большие достижения (а их наличие не подлежит сомнению).

- Изучение **концептов**, по популярности у современных лингвистов явно стремящееся в «научный топ»: выраженный содержательноцентричный характер данных исследований нет необходимости специально подчеркивать (они охватывают самые разные содержательные компоненты: узуальные, коннотативные, потенциальные, ассоциативные); отметим лишь несколько, на наш взгляд, особенно показательных качеств, присутствующих концептологическим исследованиям последних лет.

Прежде всего, это касается двух наиболее актуальных направлений концептологических исследований: изучения **национально-специфических концептов** (часто в связи с культурными сценариями, «национальными характерами», в сравнении с другими национальными культурами) и **художественных концептов**, при этом в обоих случаях, естественно, ищались закономерности, но на первый план часто выходила индивидуальность.

Если обобщить – анализировались наиболее тонкие, неочевидные, потенциальные и скрытые оттенки смыслов, вернее, значений, концептуализированных в языковых (а все чаще – речевых) единицах и, важно, их устойчивых, распространенных, продуктивных – и менее продуктивных, вплоть до аномальных – сочетаниях. Большое внимание уделялось потенциальным, ассоциативным, дополнительным, невербальным источникам данных смыслов – включая культурно и авторски обусловленные, национально и персонологически специфичные источники, т.е. тексты. Для обнаружения и изучения данных оттенков смысла обращались к все более обширным и – важно – все более ярким и оригинальным (не имеющим аналогов, а следовательно, затрудняющим или даже делающим невозможным выявление настоящих закономерностей) контекстам (в конечном счете такие всегда оказываются необходимы, во-первых, в силу их самой большой яркости; во-вторых, обнаружения потенциальных возможностей, «еще и так тоже может быть», конечно, важных для полного уяснения того или иного значения и его структуры), в результате с неизбежностью имело место именно изучение индивидуальных текстов, ситуаций, смыслов. (См. выше о взглядах Гумбольдта: в форму языка он включал и лучшие сформулированные идеи (от научных, философских, общественно-политических до эстетических, включая художественную литературу), и тексты на данном языке.)

Крайностями данного подхода были, с одной стороны, преувеличение, даже абсолютизация национально-специфического начала (отсюда и не-

огумбольдтианство, и «лингвонарциссизм»), с другой – то, что, несмотря на поиск закономерностей, в центр внимания помещаются «самые лучшие», т.е. принципиально индивидуальные, тексты.

Добавим, что *ценностный компонент концепта* (важнейший, по мнению многих ученых) принципиально не поддается формализации (в отличие, например, от понятийного компонента) и может быть выявлен только опосредованно, через разнообразные текстовые проявления. (О С_Ц в изучении ценностей см.: [2, 6, 7, 33].)

Пожалуй, еще в большей степени С_Ц-ориентированным является изучение *образного* компонента: иллюстрации данного компонента тем лучше, тем «более образные», чем они более яркие и нестандартные, метафоры – авторские, а не стертые, и т.д. (см.: [34]).

- Это хорошо иллюстрируется современными исследованиями по **дискурсу** в России. Данное направление, за относительно короткий промежуток времени – с 1980-х гг. – ставшее одним из наиболее авторитетных в лингвистике речи (по мнению многих ученых, появление и развитие дискурсивного анализа привело к переосмыслению многих (или даже всех) основополагающих положений лингвистики: распространенной является точка зрения, что сегодняшняя лингвистика не может выполнять даже свои традиционные задачи – изучать язык и речь – так, как будто бы не было дискурсивного анализа [8, 35, 36]), насчитывающее, без преувеличения, тысячи работ, характеризуется большим разнообразием подходов (ср. фундаментальные исследования по научному дискурсу [37], публицистическому [38], религиозному [39], политическому [40], педагогическому [41], медицинскому [42], судебному [43], разговорному [44], интернет-дискурсу [45]), при этом для абсолютного большинства исследований по дискурсу в России характерен выраженный С_Ц.

Так, дискурс анализируется с позиций **лингвокультурологии** (исследуются отраженные в дискурсе культурные доминанты, концепты, ценности и другие *содержательные* категории и единицы); **нарратологии**, т.е. с точки зрения нарративных типов, сюжетов, ролей и т.п.; наконец, дискурс идентифицируется, классифицируется и членится через **сферы** человеческой культуры и коммуникации, в связи с социальными структурами, идеологическими установками, а также психическими состояниями ведущих дискурс языковых личностей, их целеполаганием и другими особенностями (ср. гедонистический, охотничий, банный дискурс).

(Исключение составляют работы, ориентированные на западные традиции, например на подходы Т. Гивона, Т. Лангакера и др.)

- Отдельно следует рассмотреть активно развивающуюся в России **теорию речевых жанров**, иногда понимаемую как одно из центральных направлений теории дискурса (некоторые ученые считают теорию речевых жанров главным направлением теории дискурса, а РЖ – главной единицей дискурса [8, 46]).

С_Ц-ориентированность данного направления несомненна: хотя Бахтин понимал РЖ как стандартные *формы* высказываний (РЖ являются «типич-

ческой формой высказываний, но не самими высказываниями» [47. С. 192]) и, по логике, в центре внимания должны быть описание и систематизация стандартных речевых форм, в реальности (по крайней мере, сегодняшней) данные исследования более тяготеют к $C_{Ц}$, чем $\Phi_{Ц}$: просто сегодня лингвистика не готова дать аргументированный ответ на наиболее принципиальные вопросы ТРЖ, например: какие именно механизмы позволяют носителю языка идентифицировать речевые жанры в тех случаях, когда ни конкретная языковая форма реплик, ни их последовательность не имеют ничего общего с теми, с которыми он уже сталкивался в своей речевой практике? Часто высказываемая исследователями идея «ключевых» слов, опорных реплик или типических интенций не может быть эффективно применена во многих случаях, поскольку известные заранее «ключевые» конструкции и речевые фигуры могут вообще не встретиться во вполне гладко протекающем речевом общении.

Известнейшая формальная модель при изучении живой речи – упомнутая (западная) ТРА, как известно, забуксовывает, как только дело доходит до описания более или менее объемных фрагментов и целых разговоров: насколько нам известно, дальше «сценариев» Т.А. ван Дейка (тоже достаточно локальных) дело в целом не пошло.

Показательно, что ТРЖ, изначально претендующая на описание и систематизацию принципиально более объемных единиц – РЖ (и многими исследователями понимается поэтому как более удачная альтернатива ТРА – ср., что об этом говорит А. Вежбицкая в 1983 г.), с одной стороны, скорее российская, чем западная, с другой – более содержательноцентричная, чем ТРА. Отсюда становятся востребованными соответствующие методы, напоминающие литературоведческие. Таким – сближающимся с литературоведческим – является анализ почти всех реальных художественных и нехудожественных текстов, а также устных разговоров через призму ТРЖ (такими были уже первые опыты да и исследовательский стиль Бахтина-лингвиста) (изначально, напомним, Бахтин был литературоведом). Зато этой литературоведоцентричности, как известно, полностью лишена ТРА, начиная от первых моделей Остина, Серля, Грайса.

«Исследователю, просматривающему списки “речевых актов”, обсуждаемых в лингвистической литературе, – пишет А. Вежбицкая в 1983 г., – трудно не вынести впечатления, что “речевой акт” является понятием не только никогда и нигде не определенным, но и не поддающимся определению, что это по сути гетерогенное понятие, мнимый продукт высвобождения прагматики из жестких рамок “мертвого” грамматического описания, а по сути пересечение чисто грамматического понятия – “предложения” – с нерешительно и непоследовательно популяризируемым понятием вербальной интеракции людей – носителей языка. Какие же “речевые акты” обычно привлекают внимание исследователей? Прежде всего вопросы (литература, касающаяся вопросов, пожалуй, больше, чем литература, касающаяся всех других “речевых актов”, вместе взятых); затем последовательно приказы, просьбы,

обещания, предостережения и угрозы, приветствия и прощания, поздравления и соболезнования, благодарности и извинения. То есть прежде всего высказывания очень короткие, в большинстве случаев однофразовые. Поэтому говорят: речевой акт, единица совершенно другого порядка, чем морфемы, слова или предложения; в действительности же понимают по-прежнему: предложение. Языковед чувствует, что пока он опирается на предложение – даже если он смотрит на это предложение с новой, неграмматической точки зрения – до тех пор у него под ногами твердая почва. Многофразовое высказывание – это, как ему представляется, зыбкая почва, подобная теории литературы и другим подотребным областям “не-точного” знания.

Но с функциональной точки зрения “речевые акты” – это, конечно, не только короткие, однофразовые формы – такие, как вопросы, приказы или ритуальные формы вежливости, – но также формы средние, большие и совсем большие – такие, как манифест, заявление, проповедь, выступление, беседа, дискуссия, ссора, а также трактат, биография, хроника, мемуары и т.д. По сути, здесь вообще не может быть речи о длине, измеряемой в таких единицах грамматической структуры, как предложение.

<...> Я думаю, что для выхода из тупика в необыкновенно важной для языкознания (а также многих других гуманитарных наук) теории речевых актов следует начать именно с перенесения акцента с понятия “речевой акт” на бахтинское понятие “речевой жанр”. Речь здесь отнюдь не о замене терминологии. И речь также совсем не о противопоставлении чего-то статичного чему-то динамичному. “Речевой жанр”, как его понимает Бахтин, является действием, а не продуктом (точнее говоря, он является кодифицированной формой действия). Слово “жанр” все же лучше, меньше вводит в заблуждение, чем слово “акт”, потому что “акт” вызывает представление о высказывании коротком, одноразовом (а следовательно, вообще говоря, однофразовом). В результате исследование речевых действий человека часто превращается (чтобы не сказать: “вырождается”) в исследование типов **предложений** – в особенности тех типов предложений, которые специализировались как орудия определенных жанров» [32. S. 125–127].

Подход, при котором будет господствовать Фц (вероятно, подобный ТРА), – образ идеального будущего ТРЖ, к которому она стремится, но который пока что кажется совершенно недостижимым.

Сегодняшняя ТРЖ объективно больше тяготеет к описательности, активно привлекает в качестве материала жанрово-ролевые сценки, т.е. изображенные в художественных произведениях диалоги персонажей различных жанров (*беседа, болтовня, разговор по душам, комплимент, признание в любви, флирт, ссора, угроза, оскорбление* и мн. др.) [46], подчеркнуто много внимания уделяет описанию индивидуальных содержаний, что тоже сближает сегодняшнюю ТРЖ с чем-то наподобие литературоведения.

Ряд исследователей отмечают целесообразность обращения к художественному материалу еще по одной причине. По мнению некоторых лингвистов, художественный материал имеет преимущества при изучении РЖ:

«...многие содержательные типы высказываний <...> используются в достаточно интимных ситуациях общения, что по вполне понятным этическим причинам ограничивает возможности их наблюдения и фиксации. И в то же время подобные высказывания получают весьма частое отражение в художественных текстах. Художественные тексты вряд ли могли бы служить надежной основой для наблюдений над лексическими или грамматическими чертами русской разговорной речи, однако жанровые особенности этой речи, на наш взгляд, получают в них достаточно адекватное отражение» [48. С. 67].

Отметим, что нам не представляется убедительной идея М.Ю. Федосюка, что по мере повышения уровня языковой / речевой единицы художественный диалог становится всё более надежным материалом исследования, а в случае речевых жанров – настолько же надежным, как записи разговорной речи. Мы далеки от того, чтобы считать материал, содержащийся в жанрово-ролевых сценках, в такой же степени надежным, как оригинальный (если таковой когда-нибудь будет собран), естественно, еще более далеки от того, чтобы считать жанрово-ролевые сценки единственным источником материала при изучении РЖ. Точка зрения М.Ю. Федосюка, как представляется, верна в том отношении, что, по мере продвижения от низших уровней языковых / речевых единиц к высшим, художественный материал становится всё более необходимым из-за того, что достоверного оригинального становится всё меньше. «Полевые» исследователи устной речи – литературной, просторечной, диалектной – знают, что для того, чтобы получить практически полное представление о фонемном составе языка / его варианта, достаточно нескольких страниц расшифрованных записей; всех формообразующих морфем – нескольких десятков страниц; словообразующих – нескольких сотен; базовых синтаксических конструкций – около тысячи. Чтобы представить весь лексикон, может быть недостаточно и нескольких тысяч страниц, и всё же в конечном счёте это представляется разрешимой задачей. Но собрать записи всех текстовых разновидностей речи, т.е. РЖ, в принципе невозможно – по крайней мере, при современном уровне развития техники, а также, так сказать, современном состоянии морально-этических устоев.

Сегодняшняя ТРЖ исходит из того, что художественная литература и фильмы в целом внимательны к важнейшим тенденциям и проблемам коммуникации. Поэтому обращение к художественному материалу для осмысления таких явлений, как речевая и речеганровая картины современности, закономерно: позволяет понять и сами по себе ситуации, в разной степени типичные, из которых могут быть извлечены жанрово-ролевые сценки; и общую речеганровую картину современности.

В конечном счете речь идет о приметах эпохи, отраженных в литературе, – как некоммуникативных, значимых для осмысления коммуникации лишь опосредованно, так и коммуникативных, неречевых (и невербальных) и речевых (в отдельных случаях – языковых):

1) технологии, быт, бытовая техника, мода, одежда, автомобили, средства связи;

- 2) ключевые слова эпохи;
- 3) прецедентные тексты;
- 4) заимствования и/или неологизмы;
- 5) (опосредованно) идеология и другие ценностные ориентиры, приоритеты, представления «о хорошем и плохом», включая эстетику;
- 6) межличностные отношения, социальная иерархия, коммуникация.

В некоторых случаях в произведении есть и коммуникативная (включая непосредственно речевую) **рефлексия**: она представляет собой особенно ценный материал, однако к ней надо относиться весьма осторожно, ибо такая рефлексия, как и жанрово-ролевые сценки, отражает лишь одну, с неизбежностью субъективную точку зрения – автора произведения. Поэтому информативнее может быть так называемая **непрямая рефлексия**, а именно: конфликты, например изображенное в литературе и фильмах взаимодействие носителей разных коммуникативных компетенций (а такое взаимодействие практически всегда в той или иной степени конфликтно), где нас прежде всего, в соответствии с нашими задачами (изучение отражения в литературе реальных проблем современной речевой коммуникации), интересуют коммуникативно значимые различия между ними: *олдтаймеры*, *лузеры* и *продвинутые*, *прошаренные*, *прошитые* и т.п. (эти наименования-неологизмы сами по себе очень интересны); столкновение старых и новых, общенациональных и специфических групповых норм, умений (и неумений), систем ценностей; возможен нравственный или идеологический вывод автора книги или фильма (например о деградации, «расчеловечивании» или, наоборот, «бесценном новом опыте», «освобождении от предрассудков / шор» и т.п.).

Тенденцией к содержательноцентризму отчетливо отмечена деятельность обоих **академических лингвистических институтов** в России – Института русского языка им. В.В. Виноградова и Института языкознания, а также Института русского языка им. А.С. Пушкина, точнее, ряда коллективов в них, о которых скажем подробнее:

Институт русского языка им. В.В. Виноградова:

- 1) словарное дело (толковые объяснительные словари): традиция, идущая от Ю.Д. Апресяна, Ю.Н. Караулова, Л.П. Крысина;
- 2) изучение русской разговорной речи в связи с ситуациями, ролями, жанрами, языковыми личностями (от М.В. Панова, Е.А. Земской, Е.Н. Ширяева);
- 3) лингвоперсонология (от Ю.Н. Караулова).

Институт языкознания:

- 1) психолингвистика (Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева);
- 2) логический анализ языка (Н.Д. Арутюнова).

В рамках данного направления изучаются **концепты**: *душа, правда, дружба, отношения, гостеприимство, справедливость, милосердие*. Главные содержательно-коннотативные характеристики этих концептов в рамках «школы» осмысляются через некоторые более **общие**, чем конкретные концепты, **категории**: в частности, такой принципиально значимой для

русской концептосферы, наполняющей содержанием практически все ее отдельные «ключевые концепты», московские исследователи считают категорию *пространства* (точнее – *огромных пространств*, на которых происходило становление русской нации, *загадочной русской души*).

Значимые для осмысления отдельных концептов и многих более общих особенностей русской культуры в целом **концептуальные оппозиции** типа *правда ~ истина*, *воля ~ свобода*, *простор ~ пространство*, *справедливость ~ законность*, *удаль ~ мужество*, *радость ~ удовольствие*, *жадность ~ сочувствие*.

Делаются попытки привести их к одному знаменателю, например свести их к одному пространственному измерению, как это делают Н.Д. Арутюнова и ее последователи: «Концепт “воли” хорошо согласуется с пространственной (бытийной) ориентацией русского языка, а также с понятием стихии и стихийных действий. *Простор – воля – стихия* образуют единый комплекс» [49. С. 813], вплоть до выявления клаустрофобии в качестве черты русского национального характера [50. С. 78]; ср. гедонистическое объяснение значений ключевых слов русской культуры («*Простор* – это когда легко дышится, ничто не давит, не стесняет, когда можно пойти куда угодно, когда *есть разгуляться где на воле*» [50. С. 75]).

В самом общем виде цели и основные результаты «лингвоконцептологической» работы московских ученых можно охарактеризовать следующим образом: исследуются, прежде всего, безэквивалентные концепты, представленные в единицах и системных отношениях русского языка (прежде всего в лексике).

Характеризуя **Институт русского языка им. А.С. Пушкина**, следует отметить деятельность Т.В. Нестеровой, исследующей непрямую коммуникацию [51], и В.И. Карасика (с 2018 г.), исследующего концепты, прежде всего, с точки зрения ценностей [52].

В этой связи сделаем важное замечание: пожалуй, наиболее яркие представители C_{Π} в современной лингвистике – **русисты** (ср. все приводимые выше данные об Институтах русского языка), однако не только они: C_{Π} ярко проявляется, например, в сравнительной лингвоконцептологии (В.И. Карасик, И.А. Стернин) и лексической типологии (Е.В. Рахилина); при этом **зарубежные** русисты (и некоторые ориентированные на зарубежные подходы отечественные лингвисты, такие как Анна Гладкова) ближе к зарубежной (западной) науке. Ср. спецвыпуск «Вестника РУДН», редактируемого Т.В. Лариной, посвященный современной русистике [53]: на страницах не оказалось представлено... ни одного отечественного лингвиста-русиста.

Добавим еще несколько тенденций и направлений исследований, возможно, не столь заметных, но, как представляется, не менее значимых:

- Изучение **интернет-коммуникации**. На первый взгляд это не самый характерный пример C_{Π} . Изучение интернет-коммуникации – одно из трех направлений отечественной лингвистики последних 10–15 лет, по частотности, интенсивности обращения к ним исследователей (осторожно не бу-

дем употреблять слова «актуальности»), на порядок превосходящих все остальные (на количество диссертаций, защитившихся по данным темам, в частности, было обращено внимание экспертами ВАК на рубеже 2000–2010-х гг.), наряду с дискурсивными и лингвокультурологическими исследованиями. Причем если СЦ-ориентированность двух последних очевидна (была рассмотрена выше на примере ТРЖ и концептологии), то с интернет-коммуникацией дело обстоит совершенно по-другому, по крайней мере на настоящем этапе.

Имеем в виду следующее.

Хотя интернет-коммуникации, как и коммуникации в целом, присуще стремление к влиятельности, а значит, к яркости (и в качестве иллюстраций, например, интернет-жанров исследователи выбирают не менее яркие и индивидуальные образцы, чем жанрово-ролевые сценки у исследователей устных жанров), на настоящем этапе более заметны противоположные формальные тенденции, проистекающие из технической (компьютерной) обусловленности интернет-коммуникации. Сюда относится, прежде всего, упорядоченный символический характер носителей информации в интернет-коммуникации, доступных для стандартного компьютерного анализа – опознавания, поиска и подсчета. В общении через посредство Интернета это проявляется в возможности искать интересующую информацию, находить и – что не менее важно – извлекать из *чужого* текста цитаты, как подтверждающие собственную точку зрения (например, в споре), так и иллюстрирующие точку зрения оппонента, с которой спорят. Не менее важно то, что данный поиск осуществляется по более или менее стандартным, узнаваемым, относительно объемным текстовым блокам от ключевых слов до ключевых фраз РЖ, частично варьируемым (современные интернет-поисковики позволяют это) [54].

Представляется, что эти характеристики интернет-коммуникации – причем как самой интернет-коммуникации, осознаваемые ее участниками и важные для них, так и исследований интернет-коммуникации, которые поэтому тоже приобретают формальный характер (а это противоречит СЦ), – являются определяющими, отличающими интернет-коммуникацию от других разновидностей коммуникации на данном этапе – и, несомненно, останутся таковыми на достаточно продолжительное время.

Но и здесь уже сейчас намечаются противоположные тенденции: именно из-за того, что названные технические, формальные характеристики интернет-коммуникации являются постоянными, они менее ценятся. Если, например, найти нужную информацию, ссылку, цитату теперь очень легко, то ценятся в общении другие вещи, которые невозможно достичь таким образом, – прежде всего «нелогичное творчество», об этом пишет, например, в свойственной ему парадоксальной манере, публицист М. Делягин: «Это будет означать, что человек будет концентрировать свои усилия на недоступной компьютеру компоненте мышления, в которой сохранится исключительная “человеческая монополия”, – мышлении внелогическом, образом (в том числе творческом или мистическом). Соответственно, и

конкуренция людей будет вестись на основе внелогического, образного мышления. Наибольшего успеха в конкуренции: как внутри обществ, так и в глобальном масштабе, – будут достигать склонные к такому мышлению люди и коллективы, в которых они будут играть наиболее значимую роль. Учитывая разницу между мужским, склонным к формальной логике, и женским, оперирующим образами и склонным к интуиции и озарениям типам интеллекта (их различие четко выражает афоризм “мужчина узнает, женщина знает”), развитие компьютерных технологий может вернуть нас в подобие матриархата. Вероятный предвестник этого – растущее (даже в не слишком демократических обществах) число занимающих руководящие посты женщин, вызывающих остервенение мужчин спецификой своей логики, во все большем числе случаев более эффективной» [55].

• Изучение *лингвокреативности* и *ЯИ* разных типов. На первый взгляд это такой же малохарактерный пример C_{Π} , как только что рассмотренное изучение интернет-коммуникации: в последнее время это направление исследований действительно очень сильно активизировалось (начиная с появления фундаментальных работ Й. Хейзинги, Э. Берна, еще раньше – Л. Виттгенштейна), а появление и распространение в последнее десятилетие видеоигр и онлайн-игр сделали данные исследования еще на порядок более актуальными и многочисленными. Однако прежде всего активизировались описания *правил игр* (в видеоиграх и онлайн-играх особенно), а это ближе к Φ_{Π} , чем C_{Π} , да и в изучении данных феноменов сильны западные традиции (а им присущ, как было показано, Φ_{Π}).

В пространстве игровой коммуникации сейчас происходит настоящий расцвет игровых онлайн-жанров (возможно, мы наблюдаем лишь начало такого расцвета – будущее покажет).

Вовлеченность пользователей, особенно молодых, в эти виды и жанры коммуникации уже привела к социопсихологическому сдвигу (некоторые социологи говорят о более жестком, чем в предыдущие периоды, противопоставлении поколений, основой которого является отношение и Интернету, и прежде всего – онлайн-играм) (так, у современных студентов слова «игра», «правила игр» вызывают новые устойчивые ассоциации: «ролевых»), причем это противопоставление, начавшееся с игровой коммуникации, впоследствии распространяется и на неигровую коммуникацию.

Данный феномен активно осмысливается философами, социологами¹, а также писателями¹.

¹ Ср. исследование, проведенное Сбербанком совместно с агентством Validata в 2016 г., целью которого было выявить новые ценностные ориентиры и приоритеты, изменения в профессиональной и коммуникативной компетенции, лидерские качества и т.д. современного «поколения Z», т.е. 15–20-летних, в России (в Москве, Саратове и Барнауле). К самым показательным выявленным результатам относят то, что «онлайн формирует реальность, а не наоборот», молодые лучше воспринимают информацию, представленную кратко и наглядно (средний период концентрации – восемь секунд), а иконки и смайлики всё чаще заменяют текст. Тренды меняются очень быстро, долгосрочные привязанности отсутствуют даже в музыке и кино, ярко выраженных субкульту-

Он активно изучается также в лингвистике (прежде всего в западной), теории коммуникации, теории игр и т.д.: ряд интересных исследований был посвящен:

- правилам онлайн-игр и видеоигр и (иногда) формируемым в результате коммуникативно-речевым практикам и даже нормам [56–59];
- складывающимся отношениям и ролям участников онлайн-игр и видеоигр, включая аспекты цифровизации и формализации интерактивных и скриптовых взаимодействий и социальный символизм, разговоры, взаимопонимание и конфликты игроков, функции коммуникации в многопользовательских ролевых играх, социальные идентичности в виртуальных мирах, личности и сообщества, фэндомы [56, 60];
- более общим вопросам: социальному и культурному значению онлайн-игр и видеоигр, компьютерам в индустрии развлечений, философии онлайн-игр и видеоигр [61–63].

В отечественной науке данному феномену, к сожалению, были посвящены лишь единичные исследования (см., например: [64–66]), причем фактически не было не только жанроведческих, но и серьезных лингвистических работ, что обязательно должно быть исправлено в будущем.

тур больше нет. С родителями у «поколения Z» сформировались партнерские, свободные отношения. Взрослые не являются абсолютным авторитетом, так как дети превосходят их во многих навыках. Современные молодые люди не любят и не могут быть одними, стремятся к популярности и больше всего ценят качества, которые помогают им общаться. При этом «каждый уверен в собственной исключительности и единым поколением с друзьями себя не считает» (Известия. 29.03.2017. URL: <http://izvestia.ru/news/674268>).

¹ Ср., например, роман Б. Акунина «Квест», где повествование постоянно прерывается тестовыми вопросами с последующими отсылками к разным страницам; произведение читается с начала и с конца («книга-перевертыш») и имеет несколько вариантов и сюжета, и финала; иллюстрации к роману названы «скриншотами» и т. д.

Представляет интерес также фантастический цикл Сергея Лукьяненко «Глубина», который составляют три произведения: романы «Лабиринт отражений» (написан в 1996–1997 гг.) и «Фальшивые зеркала» (1998) и повесть «Прозрачные витражи» (1999). В цикле Лукьяненко в Интернете появляется новая реальность – «глубина», в которой люди могут жить. В отличие от настоящего сегодняшнего Интернета, «глубина» не виртуальна, а субъективно реальна: специальная программа «*deer*» вводит человека в состояние гипноза, в результате происходящее на экране компьютера воспринимается им как полная реальность (включая боль, ранения и даже сытость от пищи и опьянение от алкоголя, «съеденных и выпитых» в «глубине»), недостающие детали которой автоматически «додумываются» подсознанием: авторы сайтов создают только самые общие очертания, эскизы как обстановки (здания, мебель, машины), так и внешности людей. Перед нами фантастическая реальность, в которой, с одной стороны, «возможно всё», но с другой – используется довольно ограниченное количество возможностей, поскольку ее «творят» реальные люди – наши современники, носители «обыкновенных» умений, привычек и потребностей. В этом отношении очень интересны, с точки зрения нашего исследования, именно те н о в ы е формы коммуникации (и связанные с ними преимущества и проблемы), которые возникают в этой фантастической «глубине», творимой обычными людьми (подробнее см.: [35].)

Отчетливый C_{Π} -характер изучения лингвокреативности и ЯИ состоит, прежде всего, в том, что оба феномена представляют собой разновидности *непрямой коммуникации*, в которой C_{Π} составляет основу ее природы.

•**Непрямая коммуникация.** Уже из определения НК, как и из разработки начальной модели ее анализа, следует, что содержательный план НК (аспекты интерпретации, включая особую активность интерпретативных усилий адресата речи по поиску актуальных смыслов) по сравнению с формальным является гораздо более значимым.

Так, имеет отчетливый C_{Π} -ориентированный характер общее **определение НК** (содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата); **модель НК**, включающая два аспекта (прочтение высказывания в НК определяется условиями ситуации общения; обязательным свойством НК является креативность); **классификация НК**, где основные типы выделяются тоже на C_{Π} -ориентированных основаниях – степень конвенциональности базовых диад (от ядерных предложений до нетипизируемой даже жанрово коммуникации).

Обобщая чрезвычайно популярные (и чрезвычайно разнообразные) исследования по НК последних лет (см. наш обзор: [67]), следует отметить две тенденции.

Во-первых, определяющим для НК считается наличие смыслов, которые выводятся не из буквального значения слов и синтаксических правил в высказывании, а *откуда-то еще*. Это «откуда-то еще» охватывает чрезвычайно широкий диапазон явлений самой разной семиотической природы, причем в отечественной традиции изучения не прямой коммуникации эта разнородность и обширность поля НК постоянно подчеркивается [51, 68, 69], тогда как в западной традиции косвенность обычно связывается с более ограниченным кругом явлений, и прежде всего – с интертекстуальностью. А именно: знание, память говорящего о том, что его высказыванию предшествовали чьи-то другие, похожие на него или нет, но обязательно каким-то образом с ним связанные, заставляет говорящего и слушающего в чем-то иначе интерпретировать это высказывание, а в чем-то – и иначе строить (например, какую-то часть, которую помнят из этих чужих предшествующих высказываний, можно просто опустить) [70–72].

Поэтому, во-вторых, закономерно, что очень многое для решения проблем НК дает активно развивающаяся в последние десятилетия и уже обобщавшаяся здесь **когнитивная лингвистика**, для которой все эти проблемы являются принципиальными (как и то, что аспекты «непрямоты» коммуникации и текста являются в высокой степени актуальными для когнитивной лингвистики).

Подчеркнем один принципиальный момент теории и методики изучения НК, который был в полной мере актуализован только с развитием когнитивной теории и ее активным применением в исследованиях по НК. Речь идет о том, что на смену исследованиям в собственно **лингвистике прямых и кос-**

венных значений, прежде всего *слов*, в **коммуникативистике** пришли исследования непрямого выражения коммуникативных *смыслов* (ср., например, выработанные соответствующими национальными культурами нормы и типы наиболее регулярных приемов использования косвенных высказываний); в **когнитивной лингвистике** – исследование того, как осуществляется прямое и не прямое отражение *концепта* и его многих содержательных аспектов (включая, например, этимологический и ассоциативный) в разных частях и аспектах текста и общей речемыслительной деятельности носителя языка.

Под прямым и непрямым отражением концепта, о котором мы говорим, в когнитивной лингвистике обычно понимается разная степень выраженности концепта в языке (семантические поля, категории, оценочные шкалы и т.д.), причем прямым обычно считается способ выражения концептов в *слове*, т.е. концепт выражен прямо, когда используется в тексте / есть в системе *лексема*. Часто наличие *названий* (в коммуникативном концепте – жанров, речевых актов, стратегий, тактик, ролей, типажей) признается определяющим фактором (хотя, как известно, при изучении концептов в целом лексический компонент – исключительно важный, но далеко не единственный). В качестве дополнительных средств выражения концепта выступают довольно многочисленные «спецсредства»: грамматика (когда есть), синтаксические конструкции, частицы, междометия, коммуникативы и т.д. В ассоциативном слое концепта, выявляемом экспериментально, выделяются *редкие* реакции на стимул (а значит, маркированные средства), которые тоже есть все основания считать непрямой реализацией концепта [73].

Для НК существенным является исследование: 1) коммуникативных единиц значительного объема (крупных), сложных, содержательно многомерных, включающих структурные составляющие принципиально разной (вербальной и невербальной) природы; 2) градуируемых, различающихся степенью, прежде всего своей жесткости, в разной степени упорядочивающих коммуникацию. Здесь обычно (но не всегда) выделяется «прямая» составляющая – наиболее конвенциональная, обычно вербальная, а точнее – лексическая.

Место когнитивной теории (как частный случай – когнитивной лингвистики) в общем ряду дисциплин, пересекающихся с теорией не прямой коммуникации / изучающих НК, определяется тем, какое место занимает данная теория среди дисциплин, изучающих различные способы передачи информации (обмена смыслами, коммуникативного взаимодействия) – как при помощи специализированных конвенциональных вербальных и невербальных знаковых систем, так и без помощи таких конвенциональных систем.

Итак, определяющими для НК, как мы ее понимаем, являются смыслы, источниками которых служат *не* конвенциональные значения языковых единиц (их изучает традиционная, т.е. системно-структурная, лингвистика).

Поэтому к ведению теории НК, в пределах собственно языковой системы, относится только языковая лакуарность, например выявляемая в межкультурной коммуникации, а также «асистемное в системе», т.е. язы-

ковая асимметрия – метафора, синонимы, полисемия, единицы, образующие поля, – вопрос, который, как известно, начали ставить еще в системно-структурной лингвистике (начиная с Ш. Балли, Э. Бенвениста, В. Матезиуса, С. Карцевского); настоящая же систематизация данных языковых явлений – это прерогатива теории НК.

• Еще одно активизировавшееся в последние десятилетия направление лингвистики, где C_{Π} является принципиальным и даже решающим фактором, – **персонологическая лингвистика** (или **лингвоперсонология**), изучающая проблемы **языковой личности**, особенно такая ее часть, как **портретирование ЯЛ**.

Показательно, что К.Ф. Седов назвал данное направление «*лингвистикой индивидуальных различий*»:

Необходимо соотнести предмет лингвистики индивидуальных различий с общим предметом ПЛ-науки. Таким предметом следует, по нашему мнению, считать коммуникативную компетенцию, которая рассматривается в индивидуально-психологическом аспекте. Предметом психолингвоперсонологии, в русле заявленного подхода, будет модель коммуникативной компетенции личности. Она включает в себя аспекты (границы), которые показывают коммуникативную составляющую разных уровней личности. Коммуникативная индивидуальность человека складывается из комбинации типологических черт коммуникативной компетенции, которые относятся к разным типологиям, дифференцирующим личностей на основе различных оснований. <...>

Такая модель, на наш взгляд, должна включать в себя пять уровней (аспектов) выражения коммуникативного поведения и речевого мышления:

1. Уровень врожденных предпосылок формирования коммуникативной компетенции.
2. Уровень формирования коммуникативных черт характера.
3. Уровень сформированности речевого мышления.
4. Уровень жанрово-ролевой компетенции.
5. Уровень культурно-речевой компетенции [8. С. 44–46].

Понятно, что при изучении языковой личности, еще больше – портретировании ЯЛ уникальный, малостандартный и нестандартный речевой материал является в высокой степени востребованным.

Заключение

Итак, нами был осуществлен краткий обзор направлений современной отечественной лингвистики, которым присущ C_{Π} , т.е. тенденция изучать содержательные аспекты языковых и речевых единиц и (хотя это не обязательно и обычно не декларируется прямо) меньше внимания уделять формальному аспекту.

Сравнивая эти направления, обнаруживаем ряд других общих важных свойств – теперь уже не столько тематических (предметных), сколько методических:

- отсутствие или несоразмерно малая доля лингвистического анализа конкретного материала – языковых и речевых единиц, предшествующий выводам более общего характера («перепрыгивание ступеней»), или, другими словами, преимущественно дедуктивный характер;

- принципиальная типологическая незамкнутость материала, распределяемого по анализируемым сферам, возможность (а иногда – обязательность) дополнения списка даже базовых противопоставлений (таких, например, как фатические и информативные речевые жанры; ценностно-, понятийно-, образно-ориентированные концепты и т.п.), при этом характер данных противопоставлений нежесткий;

- привлекаемому материалу свойствен креативно-центризм, а как следствие – единично-центризм, в результате анализу во многих случаях присуща определенная степень субъективизма, что сближает лингвистический анализ с литературоведческим.

Пользу приведенных суждений мы видим в осмыслении интегративных процессов, характерных для современной науки в целом и лингвистики в частности, а именно: могут быть намечены более естественные и менее естественные линии интеграции, обнаружены неочевидные, но важные сложности (например, интеграция отечественной и западной традиций, изучение формы и содержания, системы и ее функционирования в разных их аспектах и т.д.).

Именно подход с точки зрения интеграции наполняет смыслом рассуждения о *границах*, которые в основном и рассматривались в этой статье, – причем предлагаемые ответы, сознаем, были нередко субъективны и далеки от окончательных.

Сц склонен к экспансии, проникает и в те научные направления и центры, которым изначально не был свойствен, в частности упомянутые группы под руководством А.А. Кибрика, Е.В. Рахилиной (А.А. Кибрик хотя и активно опирается на западные традиции, но является главой *когнитивного* изучения дискурса [74]; немаловажно и то, что в изучении дискурса А.А. Кибрик больше всего опирается на *семантические* идеи Уоллеса Чейфа; изучение неиндоевропейских языков в центрах под руководством Е.В. Рахилиной, Н.Р. Добрушиной и др. в последнее время приобретает отчетливый социолингвистический аспект (ср. регулярные публикации этого коллектива в журнале «Вопросы языкознания» [75, 76] и др.).

Наиболее, конечно, принципиальный вопрос – как отграничить изучение речевых структур – главного объекта жанроведения, причем, как все речевые структуры, они значимы для изучения языка – главного объекта лингвистики [77], – от изучения ярких индивидуальных речевых и авторских, индивидуально-коммуникативных (автор + партнер) «картинок»? И второе: возможно ли это? И следует ли вообще решительно отграничивать одно от другого?

Мы отдаем себе отчет в том, что опасности «спрямления изгибов», которой мы пытались избегать (например, не принимая некритично ни одно из существующих определений, таких как *индивидуалистический субъек-*

тивизм, семантизация, функционализм и т.п. — см. выше), избежать до конца не удалось. Некоторые тенденции, противоположные С_Ц, мы уже назвали, например подход В.А. Салимовского и др. к исследованию РЖ.

Литература

1. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. : Языки славянских культур, 2005. 432 с.
2. Алпатов В.М. О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры) // Жанры речи. 2014. № 1–2(9–10). С. 9–15.
3. Алпатов В.М. Что и как изучает языкознание // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 7–21.
4. Алпатов В.М. Русская лингвистика и мировая лингвистика // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка : труды и материалы / под ред. М.Л. Ремневой, О.В. Кукушкиной. М., 2019. С. 154–155.
5. Сиротинина О.Б. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–11.
6. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М. : Гнозис, 2013. 320 с.
7. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград : Парадигма, 2015. 432 с.
8. Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Языки славянских культур, 2016. 440 с. (Studia philologica).
9. Шмелева Т.В. Речеведение: в поисках теории // Stylistyka VI. Opole, 1997. S. 301–313.
10. Маслова В.А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Вестник РУДН. Серия: русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16, № 2. С. 172–190.
11. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика : сб. науч. тр. Вып. 36. М. : Русские словари, 1998. С. 274–323.
12. Haspelmath M. The Indeterminacy of Word Segmentation, and the Nature of Morphology and Syntax // Folia Linguistica. 2011. Vol. 45, № 1. P. 1–34.
13. Alpatov V.M. De Saussure à Sapir: la linguistique russe récente // Cahiers de ILLSL. 57. Université de Lausanne, 2018. P. 179–196.
14. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Радуга, 1984. 400 с.
15. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1, 2. Харьков, 1888–1899.
16. Peirce C.S. Elements of logic // Collected papers of Charles Sanders Peirce. Vol. 2. Cambridge, MA, 1960. 116 p.
17. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 264–398.
18. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31–285.
19. Абаев В.И. Статьи по теории и истории языкознания. М. : Наука, 2006. 150 с. (Памятники отечественной науки. XX век).
20. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. 314 с.
21. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford : Stanford University Press, 1987. 540 p.
22. Lakoff G. Cognitive Semantics // Umberto Eco (ed.), Meaning and Mental Representation. Bloomington : Indiana University Press, 1988. P. 119–155.

23. Крючкова О.Ю. Когнитивная лингвистика и эвристический потенциал словообразования // Предложение и слово. Саратов, 2013. С. 86–93.
24. Gajda St. Styl narodowy jako kategoria stylistyczna // Stylistyka XXI. 2012. Opole, 2012. S. 7–18.
25. Соломоник А. О языке и языках. М. : Спутник+, 2017. 394 с.
26. Maturana H.R. Reality: The search for objectivity, or the quest for a compelling argument // Irish Journal of Psychology. 1988. № 9 (1). P. 25–82.
27. Кравченко А.В. Биологическая реальность языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 55–64.
28. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. : Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
29. Кибрик А.А. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М., 2015. С. 26–47.
30. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. М. : Лабиринт, 1993. 196 с.
31. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл $\leftrightarrow$ Текст». Семантика, синтаксис. М. : Наука, 1974. 360 с.
32. Wierzbicka A. Genry mowy // Tekst i zdanie. Zbiór studiów / red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław itd. : PAN, 1983. S. 125–137.
33. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: Категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 336 с.
34. Балашова Л.В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М. : Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (Studia Philologica).
35. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
36. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
37. Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. 235 с.
38. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М.Н. Кожинной. СПб., 2012. 274 с.
39. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград : Перемена, 2007. 375 с.
40. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с.
41. Олешков М.Ю. Педагогический дискурс : учеб. пособие для студентов вузов. Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2012. 310 с.
42. Пономаренко Е.А. Речевые жанры в медицинском дискурсе (в произведениях русских писателей-врачей). Симферополь : Дом писателей им. Домбровского, 2011. 208 с.
43. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 40 с.
44. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 430 с.
45. Щиткина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск : Поморский университет, 2009. 238 с.
46. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
47. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров: Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Собр. соч. : в 5 т. М., 1996. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. С. 159–206.
48. Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. Саратов : Колледж, 1997. Вып. 1. С. 66–88.
49. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.

50. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с. (Язык. Семиотика. Культура. Series Minor).
51. Нестерова Т.В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5–1 (47). С. 156–162.
52. Карасик В.И. Языковые картины бытия. М. : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. 468 с.
53. Вестник Российского университета дружбы народов: Научный журнал. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 3: Коммодификация русского языка. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-3>.
54. Дементьев В.В., Степанова Н.Б. Корпусная генристика: проблема ключевых фраз // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 24–41.
55. Делягин М. Человек-трансформер: Техносоциальная эволюция в XXI веке // Завтра. 2019. 23 янв. URL: <http://zavtra.ru/blogs/chelovek-transformer>.
56. Crawford G., Rutter J. Playing the Game: Performance and Digital Game Audiences // Fandom: Identities and Communities in a Mediated World / eds by J. Gray, C. Sandvoss, C.L. Harrington. London : New York University Press, 2007. P. 271–281.
57. Drachen A., Smith J.H. Player Talk: The Functions of Communication in Multi-player Role-playing games // Computers in Entertainment. 2008. № 6/4. P. 1–36.
58. Falcão Th., Ribeiro J.C. The Whereabouts of Play, or How the Magic Circle Helps Create Social Identities in Virtual Worlds // Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games / eds. by G. Crawford, V.K. Gosling, B. Light. London : Routledge, 2011. P. 130–140.
59. Salen K., Zimmerman E. Rules of Play: Game Design Fundamentals. London : MIT Press, 2004. 128 p.
60. Drachen A. Analyzing Player Communication in Multiplayer Games // Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games / eds. by G. Crawford, V.K. Gosling, B. Light. London : Routledge, 2011. P. 201–223.
61. Cogburn J., Silcox M. Philosophy through Video Games. London : Routledge, 2009. 108 p.
62. Juul J. Half-Real: Video Games between Real Rules and Fictional Worlds. Cambridge : MIT Press, 2005. 211 p.
63. Mäyrä F. Introduction to Game Studies: Games in Culture. New York : SAGE Publications, 2008. 136 p.
64. Рыбалтович Д.Г. Психологические особенности пользователей онлайн-игр с различной степенью игровой аддикции : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 20 с.
65. Антоненко А.А. Интернет-зависимость подростков от компьютерных игр и онлайн-общения: клинико-психологические особенности и профилактика : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2014. 20 с.
66. Карасик В.И. Компьютерная игра «StarCraft»: лингвокультурные характеристики // Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М., 2012. С. 237–254.
67. Дементьев В.В. Актуальные проблемы не прямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013 // Жанры речи. 2014. № 1–2(9–10). С. 22–49.
68. Марюхин А.П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 20 с.
69. Паремзуашвили Э.Э. Речевая агрессия в не прямой коммуникации (на материале русской классической и современной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 20 с.
70. Tannen D. Indirectness in Discourse: Ethnicity as Conversational Style // Discourse Processes. 1981. № 4, pt. 3. P. 221–238.

71. Tannen D. That's Not What I Meant!: How Conversational Style Makes or Breaks Relationships. N.Y. : Harper Perennial, 1986. 224 p.
72. Tannen D. Indirectness at Work // Language in Action: New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy / eds. by J. Peyton, P. Griffin, W. Wolfram, R. Fasold. Cresskill, NJ : Hampton Press, 2000. P. 189–212.
73. Гольдин В.Е. Концептуальные переменные образа мира по данным ассоциативных словарей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог», Бекасово, 26–30 мая 2010 г.. М., 2010. Вып. 9 (16). С. 97–101.
74. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
75. Мороз Г.А. Слоговая структура адыгейского языка // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 82–95.
76. Добрушина Н.Р. Многоязычие в Дагестане конца XIX – начала XXI века: попытка количественной оценки // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 61–80.
77. Дементьев В.В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194.

About Some Content-Centric Trends in Modern Russian Linguistics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 42–73. DOI: 10.17223/19986645/72/3

Vadim V. Dementyev, Saratov State University (Saratov, Russian Federation).
E-mail: dementevvv@yandex.ru

Keywords: modern Russian linguistics, content-centrism, concepts, speech genres, Internet communication, linguistic creativity, indirect communication, linguistic personology.

The article discusses the trends of modern Russian linguistics, which are characterized by content-centrism, i.e. the tendency to study the content aspects of linguistic and speech units and (usually) pay less attention to the formal aspect. The most relevant signs for these areas include: transferring attention from the system language to the outside; active interaction with cultural studies and conceptology, personology, and literary criticism. From this point of view, the article considers: 1) the study of concepts (and their individual components: connotative, customary, potential, associative); 2) the study of speech genres (although Bakhtin understood speech genres as standard forms of utterance, today these studies are more inclined to content-centrism and descriptiveness, actively attract role-playing scenes as material, and emphasize a lot of attention to describing individual meanings); 3) the study of Internet communication; 4) the study of linguistic creativity and language games of various types; 5) the study of indirect communication as a whole (the general definition of indirect communication is of a clear content-centered orientation (meaningfully complicated communication in which the understanding of the utterance includes meanings not contained in the utterance itself and requires additional interpretative efforts by the addressee); classification of the indirect communication, where the main types are distinguished on the basis of content-centered orientation; 6) personological study of a linguistic personality, portrayal of linguistic personality. Comparing these directions, we find a number of common important methodological properties: 1) the absence or disproportionately small proportion of linguistic analysis of a specific material – language and speech units, preceding the conclusions of a more general nature, mainly deductive in nature; 2) the essential typological openness of the material distributed among the analyzed areas, the possibility (and sometimes mandatoriness) to supplement the list of even basic contrasts (such as, for example, phatic and informative speech genres; value-based, conceptual, figuratively-oriented concepts, etc.), while the nature of these contrasts is not rigid; 3) the material used is characterized by creative-centrism, and as a result, unit-centrism, the desire of researchers to actively attract the most striking, and there-

fore rare and even single examples. As a result, analysis in many cases has a certain degree of subjectivity, which brings linguistic analysis closer to literary analysis.

References

1. Alpatov, V.M. (2005) *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Alpatov, V.M. (2014) O dvukh "detskikh boleznyakh" sovremennoj lingvistiki: yazyk, ideologiya, rechevye zhanry [About two "childhood diseases" of modern linguistics (language, ideology, speech genres)]. *Zhanry rechi – Speech Genres*. 1–2 (9–10). pp. 9–15.
3. Alpatov, V.M. (2015) Chto i kak izuchayet yazykoznanie [What and how studies linguistics]. *Voprosy yazykoznanija – Topics in the Study of Language*. 3. pp. 7–21.
4. Alpatov, V.M. (2019) [Russian Linguistics and World Linguistics]. *Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost': VI Mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka: Trudy i materialy* [Russian Language: Historical Fates and the Present: VI International Congress of Russian Language Researchers]. Proceedings of the Congress. Moscow: Moscow State University. pp. 154–155. (In Russian).
5. Sirotinina, O.B. (2017) Linguo-Philosophical Reflection as a Result of a Long-Term Speech Monitoring Survey. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 17 (1). pp. 5–11. (In Russian).
6. Karasik, V.I. (2013) *Yazykovaya matritsa kul'tury* [The language matrix of culture]. Moscow: Gnozis.
7. Karasik, V.I. (2015) *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Language spiral: values, symbols, motives]. Volgograd: Paradigma.
8. Sedov, K.F. (2016) *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
9. Shmeleva, T.V. (1997) Rechevedenie: v poiskakh teorii [Speech studies: In search of the theory]. *Stylistika VI*. pp. 301–313.
10. Maslova, V.A. (2018) Osnovnyye tendentsii i printsipy sovremennoy lingvistiki [The main trends and principles of modern linguistics]. *Vestnik RUDN. Seriya: russkiy i inostranny yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. 16 (2). pp. 172–190.
11. Rakhilina, E.V. (1998) Kognitivnaya semantika: istoriya, personalii, idei, rezul'taty [Cognitive Semantics: the history, personalities, ideas and results]. In: *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics: collection of scientific works]. Vol. 36. Moscow: Russkiye slovari. pp. 274–323.
12. Haspelmath, M. (2011) The Indeterminacy of Word Segmentation, and the Nature of Morphology and Syntax. *Folia Linguistica*. 45 (1). pp. 1–34.
13. Alpatov, V.M. (2018) De Saussure à Sapir: la linguistique russe récente. *Cahiers de ILLSL*. 57. pp. 179–196.
14. Humboldt, W. von. (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* [Selected works on linguistics]. Moscow. [Online] Available from: www.lib.rus.ec/b/325096/read (Accessed: 27.06.2014).
15. Potebnaya, A.A. (1888–1899) *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From notes on Russian grammar]. Vols 1, 2. Kharkiv: D.N. Poluyekhtov.
16. Peirce, C. S. (1960) Elements of logic. In: Hartshorne, Ch., Weiss, P. & Burks, A.W. (eds) *Collected papers of Charles Sanders Peirce*. Vol. 2. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.
17. Yelmslev, L. (1960) *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to a theory of language]. In: *Novoye v lingvistike* [New in linguistics]. Vol. I. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury. pp. 264–398.
18. Saussure, F. de. (1977) *Trudy po yazykoznaniiu* [Works on linguistics]. Moscow: Progress. pp. 31–285.
19. Abaev, V.I. (2006) *Stat'i po teorii i istorii yazykoznaniya* [Articles on Theory and History of Linguistic]. Moscow: Nauka.

20. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad.
21. Langacker, R.W. (1987) *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford: Stanford University Press.
22. Lakoff, G. (1988) Cognitive Semantics. In: Eco, U. (ed.). *Meaning and Mental Representation*. Bloomington: Indiana University Press. pp. 119–155.
23. Kryuchkova, O.Yu. (2013) Kognitivnaya lingvistika i evristicheskiy potentsial slovoobrazovaniya [Cognitive linguistics and the heuristic potential of word formation]. In: *Predlozheniye i slovo* [Sentence and word]. Saratov: Nauchnaya kniga. pp. 86–93.
24. Gajda, St. (2012) Styl narodowy jako kategoria stylistyczna. *Stylistyka XXI*. pp. 7–18. (In Polish).
25. Solomonik, A. (2017) *O yazyke i yazykakh* [On language and languages]. Moscow: Sputnik+.
26. Maturana, H.R. (1988) Reality: The search for objectivity, or the quest for a compelling argument. *Irish Journal of Psychology*. 9 (1). pp. 25–82.
27. Kravchenko, A. V. (2013) Biologicheskaya real'nost' yazyka [The biological reality of the language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 55–64.
28. Kibrik, A.E. (1992) *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya* [Essays on general and applied questions of linguistics]. Moscow: Moscow State University.
29. Kibrik, A. A. (2015) Kognitivnyy podkhod k yazyku [Cognitive approach to language]. In: *Yazyk i mysl'. Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and thought. Modern cognitive linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 26–47.
30. Voloshinov, V.N. (1993) *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and the philosophy of language]. Moscow: Labirint.
31. Mel'chuk, I.A. (1974) *Opyt teorii lingvisticheskikh modeley "Smysl ↔ Tekst"*. *Semantika, sintaksis* [Experience of the theory of linguistic models "Meaning ↔ Text". Semantics, syntax]. Moscow: Nauka.
32. Wierzbicka, A. (1983) Genry mowy. In: Dobrzyńska, T. & Janus, E. (eds) *Tekst i zdanie. Zbiór studiów*. Wrocław itd.: PAN. pp. 125–137. (In Polish).
33. Demytyev, V.V. (2013) *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of the Russian Culture. Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow: GlobalCom.
34. Balashova, L.V. (2014) *Russkaya metafora: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* [Russian metaphor: past, present, future]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
35. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of discourse theory]. Moscow: Gnozis.
36. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic Circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
37. Salimovskiy, V.A. (2002) *Zhanryi rechi v funktsionalno-stilisticheskom osveshchenii* [Genres of speech in functional and stylistic aspects]. Perm: Perm State University.
38. Duskaeva, L.R. (2012) *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [Dialogic nature of the newspaper speech genres]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University.
39. Bobyeva, Ye. V. (2007) *Religioznyy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious Discourse: values, genres, strategy: based on the Orthodox Faith]. Abstract of Philology Dr. Diss. Volgograd.
40. Sheygal, E. I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
41. Oleshkov, M.Yu. (2012) *Pedagogicheskiy diskurs: Ucheb. posobiye dlya studentov vuzov* [Pedagogical discourse: Textbook for university students]. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy.

42. Ponomarenko, E.A. (2011) *Rechevye zhanry v medicinskom disurse (v proizvedeniyah russkikh pisateley-vrachey)* [Speech genres in medical discourse (in the works of Russian writers who were also doctors)]. Simferopol: Dom pisateley im. Dombrovskogo.
43. Dubrovskaya, T.V. (2010) *Sudebnyy diskurs: rechevoye povedeniye sudi* [Judicial discourse: speech behaviour of a judge]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.
44. Borisova, I.N. (2001) *Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika* [Russian colloquial dialogue: structure and dynamics]. Yekaterinburg: Ural State University.
45. Shchipsitsina, L.Yu. (2009) *Zhanry komp'yuterno-oposredovannoy kommunikatsii* [Genres of computer-mediated communication]. Arhangelsk: Pomor State University.
46. Dementyev, V.V. (2010) *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow: Znak.
47. Bakhtin, M.M. (1996) Problema rechevykh zhanrov [Problem of speech genres]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 5. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 159–206.
48. Fedosyuk, M.Yu. (1997) Issledovaniye sredstv rechevogo vozdeystviya i teoriya zhanrov rechi [Research of means of speech influence and theory of speech genres]. In: Gol'din, V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech genres]. Vol. 1. Saratov: Kolledzh. pp. 66–88.
49. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of the human]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
50. Shmelev, A.D. (2002) *Russkaya yazykovaya model' mira* [Russian language model of the world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
51. Nesterova, T.V. (2015) Nepryamaya kommunikatsiya v obikhnodnoy sfere (russkoyazychnoye obshcheniye) [Indirect communication in the everyday sphere (Russian-language communication)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 5–1 (47). pp. 156–162.
52. Karasik, V.I. (2020) *Yazykovyye kartiny bytiya* [Linguistic images of existence]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute.
53. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov: Nauchnyy zhurnal. Seriya Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*. (2017) 21 (3): Commodification of the Russian language. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-3
54. Dementyev, V.V. & Stepanova, N.B. (2016) Korpusnaya genristika: problema klyuchevykh fraz [Corpus genristics: a problem of key phrases]. *Zhanry rechi – Speech genres*. 1. pp. 24–41.
55. Delyagin, M. (2019) Chelovek-transformer: Tekhnosotsial'naya evolyutsiya v XXI veke [Transformer-Man: Technosocial Evolution in the 21st Century]. *Zavtra*. 23 January 2019. [Online] Available from: <http://zavtra.ru/blogs/chelovek-transformer>.
56. Crawford, G. & Rutter, J. (2007) Playing the Game: Performance and Digital Game Audiences. In: Gray, J., Sandvoss, C. & Harrington, C.L. (eds) *Fandom: Identities and Communities in a Mediated World*. London: New York University Press. pp. 271–281.
57. Drachen, A. & Smith, J.H. (2008) Player Talk: The Functions of Communication in Multi-Player Role-Playing games. *Computers in Entertainment*. 6/4. pp. 1–36.
58. Falcão, Th. & Ribeiro, J. C. (2011) The Whereabouts of Play, or How the Magic Circle Helps Create Social Identities in Virtual Worlds. In: Crawford, G., Gosling, V.K. & Light, B. (eds) *Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games*. London: Routledge. pp. 130–140.
59. Salen, K & Zimmerman, E. (2004) *Rules of Play: Game Design Fundamentals*. London: MIT Press.
60. Drachen, A. (2011) Analyzing Player Communication in Multiplayer Games. In: Crawford, G., Gosling, V.K. & Light, B. (eds) *Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games*. London: Routledge. pp. 201–223.
61. Cogburn, J. & Silcox, M. (2009) *Philosophy through Video Games*. London: Routledge.

62. Juul, J. (2005) *Half-Real: Video Games between Real Rules and Fictional Worlds*. Cambridge: MIT Press.
63. Mäyrä, F. (2008) *Introduction to Game Studies: Games in Culture*. New York: SAGE Publications.
64. Rybaltovich, D.G. (2012) *Psikhologicheskiye osobennosti pol'zovateley onlayn-igr s razlichnoy stepen'yu igrovoy addiktсии* [Psychological features of users of online games with varying degrees of game addiction]. Abstract of Psychology Cand. Diss. St. Petersburg.
65. Antonenko, A.A. (2014) *Internet-zavisimost' podrostkov ot komp'yuternykh igr i onlayn-obshcheniya: kliniko-psikhologicheskiye osobennosti i profilaktika* [Internet addiction of adolescents to computer games and online communication: clinical and psychological features and prevention]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Moscow.
66. Karasik, V.I. (2012) *Komp'yuternaya igra "StarCraft": lingvokul'turnyye kharakteristiki* [Computer game "StarCraft": linguistic and cultural characteristics]. In: Kolokol'tseva, T.N. & Lutovinova, O.V. (eds) *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet communication as a new speech formation]. Moscow: Flinta: Nauka. pp. 237–254.
67. Dementyev, V.V. (2014) Actual problems of indirect communication and its genres: A view from 2013. *Zhanry rechi – Speech Genres*. 1–2 (9–10). pp. 22–49. (In Russian).
68. Maryukhin, A.P. (2010) *Nepryamaya kommunikatsiya v nauchnom diskurse (na materiale russkogo, angliyskogo, nemetskogo yazykov)* [Indirect communication in a scientific discourse (based on Russian, English, German languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
69. Paremuzashvili, E.E. (2013) *Rechevaya agressiya v nepryamoy kommunikatsii (na materiale russkoy klassicheskoy i sovremennoy literatury)* [Verbal aggression in indirect communication (based on the Russian classical and modern literature). Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
70. Tannen, D. (1981) Indirectness in Discourse: Ethnicity as Conversational Style. *Discourse Processes*. 4 (3). pp. 221–238.
71. Tannen, D. (1986) *That's Not What I Meant!: How Conversational Style Makes or Breaks Relationships*. N.Y.: Harper Perennial.
72. Tannen, D. (2000) Indirectness at Work. In: Peyton, J. et al. (eds). *Language in Action: New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy*. Cresskill, N.J.: Hampton Press. pp. 189–212.
73. Goldin, V.E. (2010) Kontseptual'nye peremennyye obraza mira po dannym assotsiativnykh slovarej [Conceptual variability of the image of the world according to the associative dictionaries]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii – Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 9 (16). pp. 97–101.
74. Kibrik, A.A. (1994) Kognitivnyye issledovaniya po diskursu [Cognitive research on discourse]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 5. pp. 126–139.
75. Moroz, G.A. (2019) Slogovaya struktura adygeyskogo yazyka [Syllabic structure of the Adyghe language]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 2. pp. 82–95.
76. Dobrushina, N.R. (2011) Mnogoyazychiye v Dagestane kontsa XIX – nachala XXI veka: popytka kolichestvennoy otsenki [Multilingualism in Dagestan at the end of the 19th – beginning of the 21st centuries: An attempt at a quantitative assessment]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 4. pp. 61–80.
77. Dementyev, V.V. (2020) What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics? *Zhanry rechi – Speech Genres*. 3 (27). pp. 172–194. (In Russian).

УДК 81'04; 81'42
DOI: 10.17223/19986645/72/4

О.Н. Кондратьева

СТРАТЕГИИ ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛАНИЙ ИВАНА ГРОЗНОГО)¹

Предлагаемая статья представляет собой опыт лингвистического рассмотрения проблемы легитимизации в историческом ракурсе. Описаны особенности реализации легитимирующих стратегий, выделенных Т. ван Левеном, в посланиях Ивана Грозного. Установлено, что главной специфической особенностью всех используемых первым российским царем стратегий является их религиозное наполнение, что свидетельствует о формировании особого типа легитимизации – «сакральной легитимизации».

Ключевые слова: легитимизация, стратегии легитимизации, коммуникативные стратегии, древнерусская публицистика, Иван Грозный

Введение

Проблема легитимности существует столько же, сколько и сама публичная власть, и хотя институт власти на протяжении веков значительно «трансформировался, принимая все новые и новые формы и постоянно нуждаясь в новых обоснованиях и объяснениях» [1. С. 3], во все времена неизменным оставалось стремление любой власти доказать, во-первых, что власть необходима, а во-вторых, что она необходима именно в том виде, в каком существует. Благодаря этому вопросы легитимности и легитимизации власти традиционно находились в фокусе исследовательского внимания политологов, социологов, историков, а с относительно недавних пор и лингвистов.

Представители гуманитарных наук сосредоточены на определении самого феномена легитимности, на выявлении основных ее факторов, анализе механизмов легитимизации в разных лингвокультурах и на разных этапах развития общества (см., например, работы К.Ф. Завершинского [2], Н.Ф. Пономарева [3], А.В. Скорнякова [4], А.А. Чупиной [5] и др.). В итоге на современном этапе под легитимностью понимается «способность поддерживать веру граждан в то, что существующие институты максимально соответствуют их интересам, а также морально оправданное право власти использовать силу по отношению к гражданам» [4. С. 7], а под легитимизацией – «подтверждение законности прав и полномочий физических и юридических лиц» [6].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект».

Всплеск интереса к проблемам законности власти и правомерности политических решений в лингвистике связан с развитием дискурс-анализа. Дискурс-аналитики квалифицировали легитимизацию как разновидность дискурсивной стратегии, заключающейся в конструировании чьей-либо легитимности или нелегитимности (см. P. Cap [7], N. Fairclough [8], E. Vaara, J. Tienari [9], А.В. Колмогорова [10] и др.). Таким образом, исследования лингвистов ориентированы на изучение стратегий и тактик, посредством которых подтверждается законность прав и полномочий различных субъектов и общественных институтов в разных видах дискурса (политическом, медийном, рекламном и др.), и на анализ риторических приемов и языковых средств, реализующих соответствующие стратегии и тактики.

Объектами внимания зарубежных исследователей становились особенности легитимизации политической власти в Китае [11], политических протестов против Х. Мубарака в Египте в [12], новой системы учета расходов государственных денежных средств в Италии [13], автократии в университетской среде Марокко [14], политической деятельности кандидатов в президенты США [15]. Работы российских исследователей были посвящены анализу легитимизации ситуации в Сирии [16–18], позиции Евросоюза и США в сирийском конфликте [19], политических и экономических санкций против России [20], событий в Венесуэле в январе 2019 г. [21], выборов президента Российской Федерации 2018 г. [22], однополых браков [23].

Как видно из приведенного выше краткого обзора, выбор лингвистами объектов исследований подтверждает тезис о том, что механизмы легитимизации приобретают особую значимость в периоды политических противоречий и кризисов, поскольку именно в такие моменты правительству / политике необходимо доказать свое право на власть и принимаемые решения [24. Р. 3; 17. С. 41 и др.].

Также представленный обзор позволяет увидеть, что все лингвистические исследования легитимизации выполнены на современном материале, в то время как вполне очевидно, что «избираемый и культивируемый формат языковой «упаковки» информации для завоевания и удержания власти имеет специфический набор семантико-стилистических и риторических признаков, комплекс которых идентифицирует власть и её представителей **в определённое время и на определённом уровне властных полномочий** (выделено нами. – О.К.)» [25. С. 11]. Соответственно, необходимо изучить особенности реализации и языкового воплощения стратегии легитимизации в разные исторические эпохи. Однако до недавнего времени исследования подобного плана выполнялись преимущественно политологами и историками, а не лингвистами (см. [4, 26, 27] и др.).

Материал исследования

Предлагаемая статья представляет собой опыт лингвистического рассмотрения проблемы легитимизации в историческом ракурсе. В качестве

материала исследования использованы послания Ивана Грозного князю Андрею Курбскому, шведскому королю Юхану III, польскому королю Стефану Баторию, английской королеве Елизавете I [28].

Выбор для исследования публицистического наследия Ивана Грозного объясняется определяющей ролью первого российского царя в формировании российской государственности и в обосновании как ее легитимности, так и собственного права на престол и на принятие политических решений (см. подробнее, например, в работе И.А. Толчева [29]). С.М. Соловьев отметил, что «Иоанн IV был первым русским царем не потому только, что первым принял царский титул, но потому, что первым осознал вполне все значение царской власти, первым составил сам, так сказать, ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически» [30. С. 432–433]. Таким образом, хотя первые опыты легитимизации присутствовали в произведениях Владимира Мономаха, Даниила Заточника, Иосифа Волоцкого и других древнерусских авторов, именно Ивану Грозному принадлежат развернутые и аргументированные произведения, посвященные обоснованию законности собственной власти и принимаемых им единолично политических решений, соответственно, анализ избираемых им стратегий и тактик и реализующих их языковых средств является важным шагом в изучении истории механизмов легитимизации.

Результаты исследования и их обсуждение

В зависимости от объекта традиционно различают легитимизацию 1) власти как института; 2) политического режима; 3) конкретного органа власти; 4) политического курса [4. С. 7]. В посланиях Ивана Грозного легитимизации подвергается власть, в частности постулируется ее божественная природа, и вытекающее из этого право правителя на единоличное управление государством (*единовластие*), его политический курс и морально оправданное право царя использовать силу по отношению к подданным, обусловленное его ответственностью перед Богом за подданных, что давало Грозному, по его мнению, право жестоко карать зло, поражать грешников подобно Божьей грозе.

Легитимизация любого объекта как макростратегия осуществляется через ряд дискурсивных стратегий, описанных в зарубежных исследованиях (см., например, работы Т. van Leeuwen [31], А. Reyes [32]). Разработанные названными авторами классификации дискурсивных стратегий активно используются российскими исследователями при изучении особенностей обоснования правового статуса как власти в целом, так и ее отдельных проявлений (см., например, работы А.В. Колмогоровой [23], И.В. Савельевой [21] и др.). Наибольшую известность получила типология легитимизирующих стратегий Т. Левена, выделившего четыре основных способа обоснования законности и правомерности своих действий: 1) ссылка на авторитет; 2) этическая оценка; 3) рационализация; 4) мифопоэтика [31]. Рассмотрим реализацию названных стратегий в произведениях Ивана Васильевича Грозного.

1. Ссылка на авторитет. Данная стратегия предполагает легитимизацию через обращение к традиции, обычаю, закону, лицам, представляющим институционную власть. Тип авторитета, к которому апеллирует актер, определяет выявление частных субстратегий.

1.1. Субстратегия *«Апелляция к авторитету предков»* является, на наш взгляд, модификацией выделенной Т. Левенем субстратегии *«Апелляция к личному авторитету человека, имеющего высокий социальный статус и особую значимую роль в обществе»* и в то же время представляет собой логическое продолжение распространенной на Руси концепции «династической легитимности» (см. подробнее, например, в статье А.А. Иванова [33]), основанной на идее преемственности власти.

Аргументируя свое право на власть, подтверждая ее законность, Иван Грозный в качестве несомненных авторитетных личностей приводит имена своих предков, наиболее уважаемых на Руси. В их число входят князь Владимир, Владимир Мономах, Александр Невский, Дмитрий Донской, а также его дед и отец – великие князья Иоанн и Василий. Перечисляя имена своих предшественников, первый русский царь называет и их заслуги: *Сего убо православия истиннаго Росийскаго царствия самодержавство Божимъ изволениемъ поченъ от великого князя Владимира, просвѣтившаго Рускую землю святымъ крещениемъ, и великого князя Владимира Мономаха, иже от грекъ высокодостойнѣйшую честь приимишу, и храбраго великого государя Александра Невского, иже над безбожными нѣмцы велию побѣду показавшаго, и хваламъ достойнаго великого государя Димитрия, иже за Дономъ над безбожными агаряны велию победу показавшаго...* (Курб., 1).

Вписывая свое имя в ряд правителей, добившихся серьезных успехов на государственном поприще и высоко почитаемых (большая часть из них причислена к лику святых), Иван Грозный не только подчеркивает законность собственного пребывания на престоле, но и отождествляет себя с ними, подчеркивает свои способности к управлению государством.

Обращение к авторитету предков является для Ивана Грозного регулярным, на языковом уровне рассматриваемая субстратегия реализуется посредством языковых маркеров *прародители, родители, батюшка, отец, дѣд*, а также посредством указания конкретных имен и прозвищ (как, например, это было в приведенном выше примере): *От прародителей нашихъ данную намъ власть от насъ отъяша...* (Курб., 1); *понеже бо Русская земля правится Божимъ милосердиемъ... и родителей нашихъ благословениемъ, и последи нами, своими государи, а не судьями и воеводы, ниже ипаты и стратиги* (Курб., 1); *Народиться есми Божимъ изволениемъ на царстве, и не мною того, какъ меня батюшка пожаловаль благословилъ государствомъ, да и взросъ есми на государстве* (Курб., 1).

Аналогичным образом Иван Грозный подтверждает свое право на захват чужих территорий и на жестокость в отношении подданных, указывая, что и предки его всегда стояли на страже интересов страны и жестоко наказывали провинившихся: *Аще бы и кристяне были в тѣхъ странахъ, и мы воюемъ по*

прародителей своих обычаю, яко же и прежде сего многажды случилось; нынѣ же вѣмы, в тѣхъ странахъ нѣсть християнъ (Курб., 1).

1.2. Субстратегия «Апелляция к авторитету Бога» представляет собой модификацию субстратегии «Апелляция к авторитету эксперта», ее появление и регулярное использование определяется религиозным характером древнерусской культуры и признанием особой роли Бога как творца мира и верховного Судьи, выносящего объективную и справедливую оценку правомерности всех поступков любого христианина, как обычного верующего, так и российского самодержца.

Языковыми маркерами данной субстратегии являются лексемы *Бог, Христос, Спас, Отец, Святой Дух: Се по твоему разуму «нечестие», еже от Бога данные намъ власти самѣмъ владѣти и не восхотѣхомъ подо властию быти попа и вашего злодѣяния?* (Курб., 1); *Всемогущие и вседержительные десница дланию содержащаго вся земли конца Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, иже со Отцемъ и Святымъ Духомъ во единстве покланяема и славима, милостию своею благоволи намъ удержати скифетры Російского царьства* (Курб., 2).

Активно применяет Иван Грозный апелляцию к Богу для обоснования законности своей власти и правомерности своих поступков в посланиях к польскому правителю Стефану Баторию, используя при этом прием контраста: регулярно отмечается, что самому Грозному власть дана Богом и правит его род со времен Рюрика, в то время как правление Батория началось «вчера» и обязан тот своим статусом людям, избравшим его, а не Богу, что ставит под сомнение легитимность действий польского правителя: *Намъ всемогущая десница Божия дала государство, а от человекъ никто же, и Божиею десницею и милостию владѣемъ своимъ государствомъ сами, а не от человекъ приемлемъ государство* (Батор., 1); *мы, смиренный, Иванъ Васильевичъ, сподобихомся носитель быти крестноносные хоругви и креста Христова Російскаго царства и иныхъ многихъ государствъ и царствъ и скифетродержатель великихъ государствъ, царь и великий князь всеа Руси <...> по Божію изволенію, а не по многмятежному человечеству хотѣнію, Стефану, Божьею милостию королю Полскому* (Батор., 2).

1.3. Субстратегия «Апелляция к «безличному» авторитету некоторой структуры, общественного института, нормы, закона». Специфика реализации названной субстратегии в посланиях Ивана Грозного также проявляется в их религиозном колорите. Если в Новое время доминирует апелляция к институту правосудия и к юридическим законам, то Грозный апеллирует к институту Церкви, а основным законом для него является закон Божий. Показательно, что в обосновании законности своей власти и своих решений первый русский царь совершенно не дает отсылку к правовым документам (будь то древнейший свод законов Русская Правда или созданный в его эпоху «Судебник»), но регулярно ссылается на текст Священного Писания как на главный закон, в соответствии с которым он и выстраивает свою деятельность правителя.

Языковыми маркерами анализируемой субстратегии являются номинации *Святое Писание*, *Божественное Писание*, а также имя *Христа* и имена *апостолов* (в особенности – апостола Павла): *Тѣмъ же и вся Божественная Писания исповѣдуютъ, яко не повелѣваютъ чадомъ отцемъ противитися, а рабомъ господямъ кромѣ вѣры* (Курб., 1); *Господу нашему Иисусу Христу глаголющу: «Аще царство само на ся разделится, то не можетъ стояти царство то»*. Како же можетъ бранная люте понести противу врага, аще междоусобными бранми растлится царство? (Курб., 1); *Якоже рече апостоль: «Овехъ убо милуйте разсуждающе, овехъ же страхомъ спасайте, от огня восхищающе»*. Видиши ли, яко апостоль страхомъ повелѣваетъ спасти? Тако же и во благочестивыхъ царѣхъ и временехъ много обрящеши злѣйшее мучение (Курб., 1). Как видно из приведенных примеров, подобный способ легитимизации используется не только для обоснования права на престол и единоначальной царской власти, но и для обоснования жестокости в отношении своих подданных.

1.4. Субстратегия *«Апелляция к авторитету традиции»*. Сущность названной субстратегии проявляется в развитии тезиса «это правильно, потому что мы так всегда делали». Для патриархальной Руси уважение к традиции, существовавшей многие века, было одной из констант национальной ментальности и находилось в тесной взаимосвязи с уважением к авторитету предков, которыми эти традиции были заведены и длительное время поддерживались.

Языковыми маркерами субстратегии являются лексемы и сочетания лексем с темпоральной семантикой, указывающие на длительность существования традиции, а также на повторяемость событий – *издавна*, *изначала*, *доселе*, *от роду*, *по обычаю*, *во времена благочестивейших царей*, *прежде*, *многожды*, *всегда*, *постоянно* и др.: *А Российское самодержавство изначала сами владѣютъ своими государствами* (Курб., 1); *...и мы воюемъ по прародителей своихъ обычаю яко же и прежде сего многожды случилось* (Курб., 1); *Доселе русские владатели не истязуемы были ни от кого, но волны были подовластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судилися с ними ни передъ кѣмъ* (Курб., 1).

Для обоснования легитимности царской власти Иван Грозный также использует указание на конкретные годы, с которых начинает править и принимать управленческие решения династия Рюриковичей, кроме того, царь выстраивает связи своего рода с древнейшими правителями, например кесарем Августом, тем самым углубляя в прошлое традицию русской власти. Наиболее активно этот прием он использует в посланиях правителям других стран (Польши и Швеции), укрепляя тем самым свои позиции: *мы от Августа кесаря родствомъ ведемся, а ты усужаешь намъ то противно Богу – что намъ Богъ дал, и ты и то у нас отнимаешь; мало тебѣ насъ укарять, и ты на Бога уста разверзь* (Юхан., 2); *И ты по тому ли нам великъ хочешь быти, что насъ отчитаешь от Августа кесаря?... Намъ всемогий Богъ благоволил во всем роду! Государствуем от великаго Рюрика 717 лѣтъ, а ты вчера на таком великомъ государстве* (Батор., 1).

1.5. Субстратегия «Апелляция к авторитету «большинства». Логика этой субстратегии заключается в том, что «это правильно, поскольку все так делают». Широта распространения традиции, ее повсеместность и, как следствие, легитимность, на языковом уровне реализуется за счет лексем с семантикой множества, а также за счет использования лексики, указывающей на широкое территориальное распространение традиции: *въсе, везде, во всех странах, в иных странах, во всех землях, во всей вселенной и т.д.: а еже о измѣнахъ и чародѣйстве воспомянулъ еси, ино **такихъ собакъ вездѣ казнятъ*** (Курб., 1); *А всеродно васъ не погубляемъ, а **измѣнникомъ бо вездѣ казнъ и опала живетъ**: в кою землю поѣхалъ еси, тамо о семъ страннѣйше явленна увѣси* (Курб., 1); *А в **ыныхъ земляхъ самъ узриши, елика содеваются злымъ злая – тамъ не по здѣшнему. То вы своимъ злобеснымъ обычаемъ утвердили измѣнниковъ любить, а в **ыныхъ земляхъ израдець не любятъ и казнятъ, да тѣмъ и утверждаются***** (Курб., 1).

2. Стратегия этической оценки предполагает обоснование законности власти и правомерности политических решений посредством обращения к моральным ценностям, реализуется оценочно нагруженной лексикой, апеллирующей к этическим концептам, а также через оценочные интерпретации, в итоге объект легитимизации характеризуется согласно шкале «хорошо – плохо».

Моральная (нравственная) оценка – это одобрение или осуждение деятельности человека с позиций тех требований, которые содержатся в моральном сознании общества, этнической группы, социальной общности людей, тех или иных личностей. К главным нравственным ценностям у всех народов относятся честность, верность, уважение к старшим, трудолюбие, патриотизм. В христианстве, как и в большинстве религий, высшие нравственные ценности связываются с верой в Бога и его почитанием. Использование рассматриваемой стратегии позволяет оценивать все соответствующее нравственным нормам как легитимное, а несоответствующее им – как нелегитимное.

2.1. «Оценочная» субстратегия реализуется посредством прилагательных, в семантике которых содержится оценочный компонент, – *истинный, должный, правильный* и т.д. Значимой в этом отношении является квалификация Иваном Грозным собственных поступков и решений как обусловленных истинной верой в истинного Бога и своей ответственностью перед его лицом за всех христиан: *А еже убо насъ «во православие и во пресвѣтлыхъ явившася» написалъ еси, и сие убо тако и есть: яко же тогда, тако и нынѣ вѣруемъ, вѣрую **истинною, Богу живу и истинну*** (Курб., 1).

Собственные поступки на благо государства Грозный интерпретирует не как нечто выдающееся, а как обычные для правителя, ключевым в этом отношении является понятие царского долга: ***Ни о чесомъ же убо хвалюся в гордости, и никако же убо гордѣния желаю, понеже убо свое царское содеваю и выше себе ничтоже творю. Паче убо вы гордитесь дмящися, понеже раби суще святителский санъ и царский восхищаете, учаще, и запрецающе, и повелевающе*** (Курб., 1).

В древнерусской культуре оценочная субстратегия реализуется на языковом уровне не только с помощью эксплицитных оценок, но и оценок имплицитных, основанных на частных оппозициях «православный – языческий», «праведный – греховный» и «взрослый – детский», в которых первый компонент положительно маркирован, а второй – отрицательно, соответственно, первый расценивается как показатель легитимности, второй – как знак нелегитимности.

Иван Грозный, формирующий представление о своей власти как о данной Богом, последовательно позиционирует себя как истинного христианина, болеющего за собственную душу и отвечающую за души своих подданных, при этом осознающего собственное несовершенство и готового за него ответить (но только перед Богом, и ни перед кем иным). Самоуверенность князя Курбского, его уверенность в собственной непогрешимости Грозный рассматривает как проявления греховности и даже ереси, тем самым делегитимизируя его поступки и подводя правовой фундамент под свои решения.

Языковыми маркерами данной субстратегии выступают прилагательные *православный, христианский, божий, священный* применительно к власти и поступкам Ивана Грозного, а прилагательные *безбожный, языцкий, варварский, бесовский* характеризуют его идеологических противников: *Сего православнаго истиннаго христианскаго самодержавства, многими владычества владѣющаго, повелѣния, нашъ же христианский смиренный отвѣтъ ... отступшему божественнаго иконнаго поклонения и поправшему вся священная повелѣния, – князю Андрею Михайловичю Курбскому (Курб., 1); А о безбожныхъ языцехъ, что и глаголати! Понеже тѣ всѣ царствию своими не владѣютъ: какъ имъ повелятъ работные ихъ, тако и владѣютъ. А Российское самодержавство изначала сами владѣютъ своими государствами, а не бояре и велможи!* (Курб., 1).

Одним из языковых маркеров нелегитимности поступков князя Курбского становится номинация *новацкая ересь*: *И сие убо навацкое и фарисейское мудрствуеши: наватское убо, еже выше естества человеческого велиши человекомъ быти, фарисейское же, еже самъ не творя, инымъ повелеваеши творити* (Курб., 1).

Оппозиция «взрослый – детский» репрезентируется языковыми маркерами *дѣти, дѣтский, лѣта* (года), *младенец, младоумный, немошный*, а также с помощью лексем, указывающих на «детскую» пишу (*млѣко*): *понеже убо до конца не вѣсте христианскаго мнишескаго устава, како подобаетъ наставникомъ покарятся, понеже бо немощни бысте слухи, требующе учителя лѣта ради, и понеже бысте требующи млѣка, а не крѣпки пици, сего ради тако сие глаголетъ* (Курб., 1); *Ино се ли «сопротивно разуму», еже не восхотѣхомъ в совершенномъ возрасте младенцемъ быти* (Курб., 1).

Иван Грозный подчеркивает детскую неразумность и детскую страшливость своих оппонентов, отмечая при этом, что, будучи по эмоциям и разуму сами детьми, они и его воспринимают как ребенка, нуждающегося в

детской пище и в руководстве учителя, в то время как он является взрослым и в руководстве не нуждается, поэтому вполне способен сам принимать решения и имеет на это полное право. Естественно, что дети, в отличие от взрослых, с точки зрения закона недееспособны, поэтому оценочная квалификация идеологических противников как детей, а себя как взрослого человека позволяет царю аргументировать правомерность принимаемых им самостоятельно решений и является важным средством легитимизации.

2.2. *Субстратегия «Абстрагирование»*, при которой оценка объекта легитимации производится за счет обобщений более высокого уровня абстракции. В посланиях Ивана Грозного абстрагирование проявляется в подведении авторитета царской власти под божественный авторитет, так как власть царя имеет божественное происхождение.

Названная субстратегия достаточно близка к субстратегии «Апелляция к авторитету Бога». Но при апелляции право на власть просто подкрепляется ссылкой на ее одобрение Всевышним, а при абстрагировании происходит полное отождествление власти правителя и власти Бога, поэтому несогласие с властью Грозного или его решениями приравнивается российским самодержцем к преступлению перед Богом и перед верой, т.е. к вероотступничеству: *Смотри же сего и разумѣй, яко противляйся власти Богу противится; аще убо кто Богу противится, – сей отступник именуется, еже убо горчайшее согрѣшение* (Курб., 1); *тѣмъ же наипаче противляйся власти Богу противится* (Курб., 1); *возъярився на челоуѣка и Богу прираститися; ино бо челоуѣческо есть, аще перфиру носить, ино же Божественно есть* (Курб., 1). Любая попытка «...хоть как-то ограничить его власть рассматривалась им как нарушение Божьего установления, которое необходимо пресечь любыми средствами, вплоть до самых жестоких» [34. С. 6]. Поэтому и поведение князя Курбского расценивается царем не просто как государственная измена, а как преступление перед Богом, попрание православия.

Соответственно, языковыми маркерами данной субстратегии являются лексемы, характеризующие политического оппонента, *крестопреступник* и *клятвопреступник*, тем самым дается оценка его поведения и делегитимизируются выдвинутые им обвинения: *нашъ же христьянский смиренный отвѣтъ... крестопреступнику честнаго и животворящаго креста Господня, и губителю христьянскому... князю Андрею Михайловичю Курбскому* (Курб., 1); *насъ же отвергшиеся, преступивше крестное целование, бесовъ подражающе, на насъ многоразличными виды всюду сѣти поляцающе...* (Курб., 1).

2.3. *Субстратегия «Аналогия»*, призванная обосновать необходимость приятия объекта легитимизации, «потому что он имеет некоторые свойства, сходные с характеристиками другого объекта, ценность и значимость которого неоспоримы и не подлежат сомнению» [23. С. 103]. Данная субстратегия практически не используется Иваном Грозным в чистом виде, ее проявления наслаиваются на субстратегию апелляции к личному авторитету и субстратегию апелляции к традиции, поскольку сопоставление первого рус-

ского царя с наиболее почитаемыми русскими правителями, которые ценны для всех православных, задает оценку и самого Грозного (см. подробнее п. 1.1). Усиление данной линии проявляется и в попытках Грозного «составить» свою родословную и провести аналогию между собой и римскими императорами (см. п. 1.4), моральный и властный авторитет которых очень высок, особенно в глазах иностранных правителей.

3. Стратегия рационализации призвана категоризировать и концептуализировать объект легитимизации в когнитивном опыте целевой аудитории при помощи ряда логических операций (генерализации, включения и т.д.) [23. С. 103]. Обозначенная стратегия достаточно редко используется Иваном Грозным, поскольку для его дискурсивного поведения, во многом обусловленного спецификой эпохи, характерна апелляция не столько к разуму, сколько к вере. Христианство предполагает веру, не требующую доказательств, поэтому указание на божественную природу царской власти вполне достаточно, с точки зрения Грозного, для обоснования законности царской власти и правомерности любых его решений и поступков. Поэтому нет необходимости в выстраивании сложной системы аргументов и использовании столь актуальных для современной политической легитимизации субстратегий цели, инструмента, результата, разъяснения и предсказания (см. подробнее [10, 31]). На эту особенность индивидуального стиля Ивана Грозного указывал и Д.С. Лихачев, отмечая, что, доказывая «свое право казнить и миловать своих подданных», «доказательств этого права он почти не предъявлял. Он требовал верить ему в этом и бранил противников» [35].

Кроме того, обосновывая свое право на власть, Грозный активно апеллирует не к разуму, а к эмоциям адресата, что проявляется в многочисленных риторических вопросах, восклицательных предложениях, драматизации, использовании эмоционально-окрашенной лексики: *Или убо сие свѣтъ, яко попу и прегордымъ лукавымъ рабомъ владѣти, царю же токмо председаниемъ и царскою честію почтенну быти, властію же ничимъ же лучши быти раба? А се ли тма, яко царю содержати царство и владѣти, рабомъ же рабская содержати повеленная? Како же и самодержецъ наречетъся, аще не самъ строитъ?* (Курб., 1). Подобные особенности риторики Грозного ставят под сомнение высказанный Л.Н. Синельниковой тезис о том, что «перемещение эмоций в мир политики – одна из **современных** тенденций (выделено нами. – О.К.), проявленных в дискурсе власти» [25. С. 11].

Сказанное позволяет сделать вывод, что стратегия рационализации занимает в посланиях Ивана Грозного периферийное положение, значительно уступая иным стратегиям.

4. Мифопоэтическая стратегия обращена к рудиментам мифопоэтического сознания и реализуется через субстратегии поучительного рассказа, апокрифического рассказа, повествования с ярко выраженной сюжетной линией и символического повествования (см. подробнее Т. Leeuwen [31], А.В. Колмогорова [10]). В посланиях Ивана Грозного данную стратегию можно назвать мифопоэтической достаточно условно, так как все рассказы подобного типа связаны с отсылками не столько к мифу в его клас-

сическом понимании, сколько к христианским сюжетам, что обусловлено религиозным характером средневековой культуры. Наибольшее распространение получили две первые субстратегии.

4.1. Субстратегия *«Поучительный рассказ»* реализуется в историях, когда протагонист действует согласно социальной модели-объекту легитимизации и получает за это награду. Чаще всего подобная субстратегия используется Иваном Грозным для обоснования правомерности собственной жестокости к подданным, в текст послания включаются отсылки к историям из жизни правителей прошлого, жестоко наказывавших тех, кто преступил закон, например истории императора Константина и князя Федора Ростиславича. Последующее причисление таких правителей к лику святых является дополнительным аргументом, оправдывающим для Грозного и его адресатов подобные действия: *Вспомяни же и в царѣхъ великого Константина: како царствия ради сына своего, рожденнаго от себе, убиль есть. И князь Феодоръ Ростиславичъ, прародитель вашъ, в Смоленсѣ на Пасху колики крови пролиять есть. И во святыхъ причитаются... Всегда бо царемъ подобаетъ обозрительнымъ быти: овогда кротчайшимъ, овогда же яримъ* (Курб., 1).

4.2. Субстратегия *«Апокрифический рассказ»* проявляется в том, что протагонист действует вопреки социальной модели-объекту легитимизации, что приводит к достаточно печальным последствиям. Примеры использования этой субстратегии связаны с обоснованием Иваном Грозным необходимости единоличной царской власти и недопустимости разделения властных полномочий царя с советниками: боярами и священнослужителями.

Свои аргументы правитель подкрепляет ссылками на историю Византии и на Ветхий Завет, демонстрируя печальную участь тех стран, где отошли от установленного Богом порядка вещей: *Нигдѣ же бо обрящеши, еже не разоритися царству, еже от поповъ владому. Ты же почто ревнуеши – иже во гресехъ царствие погубиша и туркомъ повинующимся? Сию убо погибель и намъ совѣтуеши?* (Курб., 1); *Вспомяни же, егда Богъ извождаше Израиля из работы, егда убо священника постави владѣти людьми, или многихъ рядниковъ? Но единого Моисея, яко царя, постави владателя над ними; священствовати же ему не повелѣнно, Аарону, брату его, повелѣ священствовати, людскаго же строения ничего не творити; егда же Ааронъ сотвори людскіи строи, тогда от Господа люди отведе. Смотри же сего, яко не подобаетъ священникомъ царская творити* (Курб., 1).

Выводы

1. В целом в произведениях Ивана Грозного представлены практически все типы стратегий, выделенных Т.В. Левенем применительно к современному материалу, что свидетельствует об их древности и эффективности, позволяющей результативно использовать сформировавшиеся в прошлом

стратегии до наших дней, но с некоторой поправкой на лингвокультурную ситуацию изучаемого периода.

2. Специфической особенностью всех стратегий и субстратегий легитимизации в посланиях Ивана Грозного является их религиозная характеристика, что обусловлено как спецификой эпохи, когда христианство являлось основой русской ментальности и русская культура имела религиоцентрический характер, так и особенностями биографии и личности автора – Иван Грозный не просто первым венчался на царство, но первым получил поддержку русской церкви и вышестоящего Константинопольского патриархата. Подтверждение легитимности из рук церкви стало одним из залогов формирования самодержавия, и Иван IV был «первым из московских государей, кто узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия» [34. С. 6]. Таким образом, сакрализация собственной власти стала главной коммуникативной задачей первого российского царя, именно священная природа власти постулировалась в его идеологической концепции одним из главных факторов легитимности.

3. Религиозная составляющая представлена во всех используемых Иваном Грозным стратегиях легитимизации: 1) в стратегии *Ссылка на авторитет* главным авторитетом и залогом легитимности выступают Бог, а также предки Грозного, в большинстве своем причисленные к лику святых, кроме того, регулярны апелляции к институту Церкви и закону Божию; 2) в стратегии *этической оценки* легитимизация осуществляется в соответствии с моральными ценностями христианства и оценивание базируется на оппозициях «православное» – «безбожное», «праведное» – «греховное»; 3) в мифопоэтической стратегии легитимизация реализуется через отсылки к сюжетам из Ветхого и Нового Заветов. Кроме того, показательна в этом отношении и незначительная роль *стратегии рационализации*, так как для религиоцентрической культуры характерна апелляция не к разуму, а к безоговорочной вере.

Перечисленные особенности, характеризующие описанные стратегии и субстратегии легитимизации, позволяют говорить о формировании в посланиях Ивана Грозного особого типа легитимизации – «сакральной легитимизации». Перспективы исследования видятся нам в дальнейшем исследовании стратегий легитимизации в историческом аспекте, в частности в изучении в подобном ракурсе материалов российских правителей разных эпох.

Литература

1. *Исаев И.А.* *Politica hermetica: скрытые аспекты власти.* М. : Юрист, 2002. 412 с.
2. *Завершинский К.Ф.* Символические структуры политической легитимации : дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2003. 314 с.
3. *Пономарев Н.Ф.* Стратегии и технологии медиалегитимизации власти. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2010. 192 с.
4. *Скорняков А.В.* Проблема легитимации власти в средневековой европейской политической мысли: Запад и Русь : дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2003. 179 с.
5. *Чупина А.А.* Легитимация политических решений в коммуникативном дискурсе общества и власти : дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2011. 171 с.

6. *Экономика и право: большой толковый словарь-справочник*. М. : Вуз и школа, 2003. 866 с. URL: <https://determiner.ru/slovari/kurakov.html> (дата обращения: 12.10.2019).
7. *Cap P.* Language and legitimization: Developments on the proximization model of political discourse analysis // *Lodz Papers in Pragmatics*. 2005. № 1. P. 7–36.
8. *Fairclough N.* Analysing discourse textual analysis for social research. London : Routledge, Taylor & Francis, 2003. 270 с.
9. *Vaara E., Tienari J.* A discursive perspective on legitimation strategies in multinational corporations // *Academy of Management Review*. 2008. Vol. 33. P. 985–993.
10. *Колмогорова А.В.* Легитимизация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа // *Политическая лингвистика*. 2018. № 1 (67). С. 33–40.
11. *Fairbrother G.P., Zhao Zh.* Paternalism, National Citizenship, and Religiosity in Chinese State Legitimation Discourse // *Journ. of Chinese Political Science*. 2016. Vol. 21. P. 417–434. DOI: 10.1007/s11366-016-9435-x.
12. *Sadeghia B., Hassanib M., Jalalic V.* Towards (De-)legitimation Discursive Strategies in News Coverage of Egyptian Protest: VOA & Fars News in Focus // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 98. P. 1580–1589. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.03.581.
13. *Liguori M., Steccolini I.* The power of language in legitimating publicsector reforms: When politicians “talk” accounting // *The British Accounting Review*. 2017 (in press). DOI: 10.1016/j.bar.2017.09.006.
14. *Thyen K.* Promising democracy, legitimizing autocracy? Perceptions of regime democraticness among university students in Morocco // *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*. 2017. Vol. 11. P. 325–347. DOI: 10.1007/s12286-017-0334-0.
15. *Ross A.S., Rivers D.J.* Digital cultures of political participation: Internet memes and the discursive delegitimization of the 2016 U.S Presidential candidates // *Discourse, Context and Media*. 2017. Vol. 16. P. 1–11. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001>
16. *Геворжян М.В.* Реализация стратегии легитимизации действий (на материале американских статей, посвященных конфликту в Сирии, 2013) // *Сибирский филологический журнал*. 2013. № 4. С. 226–229.
17. *Рядовая Н.С.* Аргументативные стратегии политического дискурса в кризисной ситуации // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. 2013. № 31. С. 40–47.
18. *Голубева Т.М., Поскребышева Т.А.* Языковые и риторические средства делегитимизации России и Сирии в речи представителей США при ООН // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 4(70) : в 2 ч. Ч. 1. С. 68–70.
19. *Голубева Т.М.* Лингвистические параметры стратегии легитимизации Евросоюза и делегитимизации Б. аль-Ассада в британском политическом дискурсе // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 392–396.
20. *Голубева Т.М.* Прагмалингвистические параметры легитимизации в политическом дискурсе (на материале выступления Д. Кэмерона) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2015. № 3 (27). С. 52–61.
21. *Савельева И.В.* Механизмы легитимизации в медиадискурсе (на материале интернет-СМИ) // *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология*. 2019. Т. 18, № 6: Журналистика. С. 188–198. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6- 188-198.
22. *Игнатова Ю.С.* Метафорическая делегитимизация результатов выборов в дискурсе политологов (на материале текстов В.Б. Пастухова) // *Лингвополитическая персоналогия: дискурсивный поворот / отв. ред. Н.Б. Руженцева*. Екатеринбург, 2019. С. 100–103.
23. *Колмогорова А.В.* Дискурсивные стратегии легитимации однополых браков в российском медиапространстве // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2018. № 2 (13). С. 99–117.
24. *Doudaki V.* Legitimation Mechanisms in the Bailout Discourse // *Javnost – The Public*. 2015. № 22 (1). P. 1–17. DOI: 10.1080/13183222.2015.1017284.

25. Синельникова Л.Н. Дискурс власти: от легитимизации до манипуляции // Учен. зап. Крымского фед. ун-та им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 10–15.
26. Бачинская Н.А. Дипломатические послания Ивана Грозного как публицистический Текст (послание Стефану Баторию 1581 г.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 6 (68). С. 159–165.
27. Чернышов С.А. Иван Грозный – потомок Чингиз-хана или Августа: легитимизация верховной власти московского царства в коммуникационных практиках XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. № 1. С. 159–174.
28. Послания Ивана Грозного / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 715 с.
29. Толчев И.А. Отражение взглядов Ивана Грозного на власть в социально-политической практике Московского государства 40–80-х гг. XVI в.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2010. 238 с.
30. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 3. М.: Голос, 1993. 758 с.
31. Leeuwen van T. Legitimation in Discourse and Communication // Discourse and Communication. 2007. № 1. P. 91–112.
32. Reyes A. Strategies of Legitimization in Political Discourse: From Words to Actions // Discourse & Society 22.6. 2011. P. 781–807.
33. Иванов А.А. Эволюция форм легитимации власти в истории древнерусского государства // Современные проблемы гуманитарных наук глазами студентов и преподавателей негуманитарного вуза. 2014. URL: <http://econfr.rae.ru/article/8717> (дата обращения: 05.01.2020).
34. Шапошник В.В. Штрихи к портрету первого царя // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2016. Т. 11. С. 44–54.
35. Лихачев Д.С. На пути к новому литературному сознанию (сочинения царя Ивана Грозного и князя Андрея Курбского) // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понярко. СПб., 2001. Т. 11: VI век. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8868>

Strategies for Legitimization of the Royal Power in Old Russian Publicism (On the Material of the Letters of Ivan the Terrible)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 74–90. DOI: 10.17223/19986645/72/4

Olga N. Kondratyeva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Kondr25@rambler.ru / Olnik25@mail.ru

Keywords: legitimization, strategies of legitimization, communicative strategies, old russian publicism, Ivan the Terrible.

The reported research was funded by the Russian Foundation for Basic Research and Kemerovo Region Administration, Grant No. 18-412-420003 p_a.

The article presents an experience of a linguistic consideration of the problem of legitimization in a historical foreshortening. The material of the research was the heritage of one of the brightest characters of the Russian history – the first Russian Tsar Ivan the Terrible, in particular, his letters to Andrey Kurbsky, the Swedish king Juhan III, the Polish king Stefan Batory, the English queen Elizabeth, i.e. texts in which questions of legitimacy of power are discussed and strategies for its legitimization are actively used. In Ivan the Terrible's letters, power is legitimized; namely, its divine nature and the resulting right of the ruler to individual government (autocracy), to his political line, the morally justified right of the tsar to cruelly punish for harm, to strike sinners similarly to the Divine thunderstorm are postulated. Legitimization of any object as macrostrategy is performed through a number of discourse

strategies. T. van Leeuwen has allocated four basic ways of legitimizing one's actions: 1) reference to authority; 2) moral evaluation; 3) rationalization; 4) mythopoetics. Ivan the Terrible uses all of them in his letters, but these strategies possess a specific character caused both by the epoch, and the language personality of the first Russian tsar. The main feature of all the strategies and substrategies of legitimization in Ivan the Terrible's letters is their religious characteristic: 1) in the strategy of reference to authority, the main authority and the guarantor of the legitimacy of imperial authority is God, as well as Ivan the Terrible's ancestors, most of them were canonized; appeals to the institution of the Church and God's law are also regular; 2) in the strategy of moral evaluation, legitimization it is carried out according to the moral values of Christianity, and evaluation is based on oppositions *Orthodox–infidel, righteous–sinful*; 3) in the mythopoetic strategy, legitimization is realized through references to plots from the Old and the New Testament. The insignificant role of the strategy of rationalization is indicative since for a religion-centered culture it is characteristic to appeal to unconditional faith, not to reason. The listed features of the described strategies and substrategies of legitimization make it possible to speak about the formation of a special – sacral – type of legitimization in Ivan the Terrible's letters.

References

1. Isaev, I.A. (2002) *Politica hermetica: skrytye aspekty vlasti* [Politica hermetica: hidden aspects of power] Moscow: Yurist.
2. Zavershinskiy, K.F. (2003) *Simvolicheskie struktury politicheskoy legitimatsii* [Symbolic structures of political legitimation] Political Science Dr. Diss. St. Petersburg.
3. Ponomarev, N.F. (2010) *Strategii i tekhnologii medialegitimizatsii vlasti* [Strategies and technologies of media legitimization of power]. Perm: Perm State University.
4. Skornyakov, A.V. (2003) *Problema legitimatsii vlasti v srednevekovoy evropeyskoy politicheskoy mysli: Zapad i Rus'* [The problem of legitimizing power in medieval European political thought: West and Russia]. Political Science Cand. Diss. Yekaterinburg.
5. Chupina, A.A. (2011) *Legitimatsiya politicheskikh resheniy v kommunikativnom disкурse obshchestva i vlasti* [The legitimization of political decisions in the communicative discourse of society and government]. Sociology Cand. Diss. Saratov.
6. Kurakov, L.P., Kurakov, V.L. & Kurakov, A.L. (2003) *Ekonomika i pravo: bol'shoy tolkovyy slovar'-spravochnik* [Economics and law: a large explanatory dictionary]. Moscow; Cheboksary: Vuz i shkola. [Online] Available from: <https://determiner.ru/slovari/kurakov.html> (Accessed: 12.10.2019).
7. Cap, P. (2005) Language and legitimization: Developments on the proximization model of political discourse analysis. *Lodz Papers in Pragmatics*. 1. pp. 7–36.
8. Fairclough, N. (2003) *Analysing discourse textual analysis for social research*. London: Routledge, Taylor & Francis.
9. Vaara, E. & Tienari, J. (2008) A discursive perspective on legitimization strategies in multinational corporations. *Academy of Management Review*. 33. pp. 985–993.
10. Kolmogorova, A.V. (2018) Legitimization as a sociopolitical phenomenon and object of discourse analysis. *Politicheskaya lingvistika –Political Linguistics*. 1 (67). pp. 33–40. (In Russian).
11. Fairbrother, G. P. & Zhao, Zh. (2016) Paternalism, National Citizenship, and Religiosity in Chinese State Legitimation Discourse. *Journal of Chinese Political Science*. 21. pp. 417–434. DOI: 10.1007/s11366-016-9435-x
12. Sadeghia, B., Hassanib, M. & Jalalic, V. (2014) Towards (De-)legitimation Discursive Strategies in News Coverage of Egyptian Protest: VOA & Fars News in Focus. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 98. pp. 1580–1589. DOI:10.1016/j.sbspro.2014.03.581.
13. Liguori, M. & Steccolini, I. (2017) The power of language in legitimating publicsector reforms: When politicians “talk” accounting. *The British Accounting Review*. DOI: 10.1016/j.bar.2017.09.006.

14. Thyen, K. (2017) Promising democracy, legitimizing autocracy? Perceptions of regime democraticness among university students in Morocco. *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*. 11. pp. 325–347. DOI: 10.1007/s12286-017-0334-0.

15. Ross, A. S. & Rivers, D. J. (2016) Digital cultures of political participation: Internet memes and the discursive delegitimization of the 2016 U.S. Presidential candidates. *Discourse, Context and Media*. 16. pp. 1–11. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001>

16. Gevorgyan, M.V. (2013) The Realization of the Actions Legitimization Strategy (On the Basis of American Articles about the Syrian Conflict, 2013). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 226–229. (In Russian).

17. Ryadovaya, N.S. (2013) Argumentativnye strategii politicheskogo diskursa v krizisnoy situatsii [Argumentative strategies of political discourse in a crisis situation]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal – World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*. 31. pp. 40–47.

18. Golubeva, T.M. & Poskrebysheva, T.A. (2017) Language and Rhetorical Means of Delegitimization of Russia and Syria in the Speech of the USA Representatives in the United Nations. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 4(70):1. pp. 68–70. (In Russian).

19. Golubeva, T.M. (2016) Linguistic Parameters of the Strategy of Legitimizing the European Union and Delegitimizing B. Al-Assad in the British Political Discourse. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 16 (4). pp. 392–396. (In Russian).

20. Golubeva, T.M. (2015) Pragmalinguistic Parameters of Legitimization in the Political Discourse (The Case of D. Cameron's Speech). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 3 (27). pp. 52–61. (In Russian).

21. Savel'eva, I.V. (2019) Legitimization Mechanisms in the Media Discourse (A Case Study of the New Media). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. Zhurnalistika. – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 18 (6). pp. 188–198. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-188-198

22. Ignatova, Yu.S. (2019) Metaforicheskaya delegitimizatsiya rezul'tatov vyborov v diskurse politologov (na materiale tekstov V.B. Pastukhova) [Metaphorical delegitimization of election results in the discourse of political scientists (based on the texts of V.B. Pastukhov)]. In: Ruzhentseva, N.B. (ed) *Lingvopoliticheskaya personologiya: diskursivnyy povорот* [Linguopolitical personology: discursive turn]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 100–103.

23. Kolmogorova, A.V. (2018) Diskursivnye strategii legitimatsii odnopolykh brakov v rossiyskom mediaprostranstve [Discursive strategies for legitimizing same-sex marriage in the Russian media space]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 2 (13). pp. 99–117.

24. Doudaki, V. (2015) Legitimation Mechanisms in the Bailout Discourse. *Javnost – The Public*. 22 (1), p. 1–17. DOI: 10.1080/13183222.2015.1017284

25. Sinel'nikova, L.N. (2015) Diskurs vlasti: ot legitimizatsii do manipulyatsii [The discourse of power: from legitimization to manipulation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki – Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 1 (67). 4. pp. 10–15.

26. Bachinskaya, N.A. (2011) Diplomatic letters of Ivan the Terrible as political essays (epistle to Stephen Bathory of 1581). *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Zhurnalistika. Literaturnaya kritika – RGGU Bulletin. Journalism. Literary Criticism Series*. 6(68). pp. 159–165. (In Russian).

27. Chernyshov, S.A. (2019) Ivan the Terrible – Chinggis Khan's or Augustus's Descendant: Legitimization of the Supreme Authority of the Moscow Tsardom in

Communication Practices of the 15th–16th Centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 1. pp. 159–174. (In Russian). DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.159-174

28. Adrianova-Peretts, N.V. (ed.) (1951) *Poslaniya Ivana Groznogo* [Letters of Ivan the Terrible]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

29. Tolchev, I.A. (2010) *Otazhenie vzglyadov Ivana Groznogo na vlast' v sotsial'no-politicheskoy praktike Moskovskogo gosudarstva 40-80-kh gg. XVI v.* [Reflection of Ivan the Terrible's views on power in the sociopolitical practice of the Moscow state of the 1540s–1580s]. History Cand. Diss. Orenburg.

30. Solov'ev, S. M. (1993) *Sochineniya* [Writings]. Book 3. Moscow: Golos.

31. Leeuwen, van T. (2007) Legitimation in Discourse and Communication. *Discourse and Communication*. 1. pp. 91–112.

32. Reyes, A. (2011) Strategies of Legitimization in Political Discourse: From Words to Actions. *Discourse & Society*. 22.6. pp. 781–807.

33. Ivanov, A.A. (2014) Evolyutsiya form legitimatsii vlasti v istorii drevnerusskogo gosudarstva [The evolution of forms of legitimation of power in the history of the ancient Russian state]. In: *Sovremennye problemy gumanitarnykh nauk glazami studentov i prepodavateley negumanitarnogo VUZa* [Modern problems of the humanities through the eyes of students and teachers of a non-humanitarian university]. [Online] Available from: [Online] Available from: <http://econf.rae.ru/article/8717> (Accessed: 05.01.2020).

34. Shaposhnik, V.V. (2016) [Strokes to the portrait of the first tsar]. *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya – Health – The Base of Human Potential: Problems and Ways to Solve Them*. Proceedings of the Conference. Vol. 11 (1). St. Petersburg. pp. 44–54. (In Russian).

35. Likhachev, D.S. (2001) Na puti k novomu literaturnomu soznaniyu (sochineniya tsarya Ivana Groznogo i knyazya Andrey Kurbskogo) [On the way to a new literary consciousness (writings of Tsar Ivan the Terrible and Prince Andrey Kurbsky)] In: Likhachev, D.S. (ed) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Russia]. Vol. 11: 16th Century. St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <http://lib.pushkin-skijdom.ru/Default.aspx?tabid=8868> (Accessed: 19.09.2019).

UDC 81'33

DOI: 10.17223/19986645/72/5

Istvan Lenart¹, Irina Yu. Markovina¹, Orsolya Endrody²

¹ I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russian Federation)

² Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

E-mail: istvan.lenart@lmsmu.ru, markovina_i_yu@staff.sechenov.mail.ru,
endrody.orsolya@ppk.elte.hu

Preschool Children's Verbal Image of the World: A Cross-Cultural Russian-Hungarian Comparison Based on Word Associations¹

This psycholinguistic-pedagogical interdisciplinary research investigates 4- to 5-year-old Russian and Hungarian preschool children's linguistic image of the world. Applying the word association method, kindergarteners (N=100 in both countries) were asked to freely associate from 10 word-stimuli, then the results were contrasted. The research shed light on a similar perception of a family; of a friend; on the effects of globalization (Lego, Trudi, tablet); and on lacunas (devil and angel).

Keywords: association experiment, linguistic consciousness, early childhood, psycholinguistics, cross-cultural communication

1. Introduction

This study investigated preschool children's verbal image of the world from a Russian-Hungarian cross-cultural perspective. The approach merged perspectives of psycholinguistics, linguistics, and pedagogy. The methodology is based on the psycholinguistic theory of linguistic consciousness deeply rooted in Vygotsky's cultural-historical psychology [1, 2], A.N. Leontiev's psychological theory of activity, and the theory of speech activity by A.A. Leontiev [3–6]. The key research method to collect the linguistic data was an association test also referred to as an association experiment [7, 8]. The authors modified the method to better adjust it to the target group of respondents. The shoulder-to-shoulder method [9] was used while collecting the data, and the results were analysed using the psycholinguistic theory of linguistic consciousness and methods of corpus linguistics [10].

The major contribution of the pedagogical perspective was to characterise the age group chosen and select the stimulus words for the association test. When compiling the list of word-stimuli, the authors relied on describing and understanding childhood from the children's perspective. Early childhood experts emphasise that children must be regarded as 'actors' determining their own life [11]. In order to correctly analyse the data obtained, it was important to remember that

¹ The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project number 18-512-23004.

learning begins with birth, and 4- to 5-year-old children have a vast knowledge of the world around and of their own selves.

The research objective was to reveal and analyse similarities and differences in 4- to 5-year-old children's linguistic consciousness across cultures, in the Russian-Hungarian context. Apart from the cross-cultural approach, the research is a part of a longer series of studies in which the 10- to 12-year-old age group will be investigated with the same methodology, allowing the researchers to diachronically contrast the 4- to 5-year-old age group, with the 10- to 12-year-old age group and the adult language users; the latter by using existing associative dictionaries.

In the course of the research, the authors aimed at gaining an insight into the *linguistic consciousness* (the psycholinguistic equivalent for *image of the world*) of Russian and Hungarian preschool children. The aim of cross-cultural research typically is to promote better understanding between potential dialogue partners by demonstrating common and culture-specific characteristics of the image of the world of people speaking different languages. In order to achieve this, the authors started investigating 4- to 5-year-old children as respondents. Thus, two possible Russian and Hungarian childhood narratives were compared based on the fact that childhood as an abstract concept varies within different societies and cultural groups [12, 13, 14].

In order to map and compare the linguistic consciousness of Russian and Hungarian preschool children, the association experiment was selected as the most appropriate and easy-to-use research method. Each participating respondent group included 100 children aged 4 to 5. Ten concepts were investigated: *friend, child, family, water, black, toy/game, devil, home/house, foreigner, and angel*. Two lists of stimulus words in both languages were compiled based on the concepts selected. In this article, key findings of the research are presented, and the selection method is discussed in detail in Section 3.

2. Psycholinguistic approach to linguistic consciousness

2.1.1. Definitions of linguistic consciousness

As already mentioned, the present research is based on the psycholinguistic theory of linguistic consciousness. Even though the phenomenon of linguistic consciousness has been widely discussed and investigated by Russian psychologists, linguists and psycholinguists [1–7, 15–18], there is still no agreed definition.

There have been a number of approaches. For instance, Shcherba applied the term to refer to *individual psychophysiological verbal organization* [15], where linguistic consciousness referred to an individual language system as opposed to the language of the community.

Ushakova emphasised the difficulties in interpreting the term *linguistic consciousness*, focusing on the two underlying phenomena: the mental and the material. The mental phenomenon is of a non-material nature, it cannot be measured, seen, or heard; whereas the material phenomenon implies speech that can be produced or

recorded and the physiological process of building verbal links [16]. Even though the author admits the polysemy of the term, she believes that the key idea is that it refers to consciousness expressed verbally. In other words, the term illustrates the transition from a mental phenomenon into a material one [16].

Ufimtseva stresses that the concept of *linguistic consciousness* used for studying or modelling the linguistic picture of the world is synonymous with the psychological concept of “the image of the world” [6].

Based on Alexey N. Leontiev's psychological theory of activity, Tarasov describes linguistic consciousness as images of mental consciousness that constitute a person's perceptual and conceptual knowledge about the objects of the world. These images of consciousness require externalizations that can be observed, which may be represented as objects, actions, or words [5]. Thus, linguistic consciousness is viewed as a set of linguistically externalised mental images of consciousness developed by members of a certain culture. This contains concepts of man and their activities as well as concepts of objects and phenomena [5]. Tarasov also stresses that an important function of externalization is to communicate mental images across generations, for example, a mental image of the Russian *house/home* can be developed if one perceives it from its both inside and outside and lives in a Russian family setting. This shows that externalization reveals cultural and mental peculiarities that can be studied [5]. Ufimtseva states that people communicate by using special signs (mostly linguistic) drawing on the knowledge accumulated within their native culture [19].

Leading Russian psycholinguists agree on the following characteristics of *linguistic consciousness*:

1. It manifests images of consciousness indirectly and materially, and can therefore be studied;
2. It can be described as mental images having linguistic equivalents, which are characteristic of a specific community and can be extrapolated;
3. It reflects cultural and mental peculiarities and moral standards of a community. This makes linguistic consciousness a tool not only for linguistic and psychological analysis but also for the analysis of cultural perspectives of a community.

The reason for applying an approach that is relatively unknown in the academic community outside the Russian Federation lies in the fact that the methodology of Russian psycholinguistics enables researchers to easily and effectively investigate the individual language user's mental inventory and organization of lexemes (mental lexicon). Furthermore, associations as a research technique have been used since the late 19th century when Galton's first association experiments [20] shaped the psycholinguistic research of the 20th century [21, 22]. In recent years, the technique has experienced a new renaissance due to new informatic analytical tools able to collect word association data [23, 24] that are able to shed new insights into the structure of the mental lexicon based on word association data [23, 25].

In Hungary, one of the most notable applications of the association technique was the Agykapocs (Connectyourmind) experiment conducted to demonstrate how

the networked structure of the lexicon can be captured and how these structures can contribute to a better understanding of the mental lexicon. The association data were collected online with different methods of network science being applied to analyse the data. It was shown that words that have a globally central position (can be seen as central elements of the networks) are at the same time partly and locally central (they have a central role in local, small structures as well) [26]. Furthermore, it was revealed that the central elements were in parallel in the analysed Hungarian network and in the Florida Word Association Database [27] (see more about the advantages of the association method in Section 2.2.).

2.1.2. How linguistic consciousness can be studied

The notion of *linguistic consciousness* is a result of the cooperation between linguists and psychologists, and being at the interface between these two sciences, it enables researchers to study speech, language, mental consciousness, and culture. As Ushakova states, developing the term in a specific study is supposed to provide an opportunity to enrich our knowledge not only of the speech and language phenomena, but also of consciousness as a mental phenomenon [16].

At the same time, the investigation of linguistic consciousness is associated with a number of problems, one of which is the inability to study consciousness directly and objectively. Tarasov states that “*the distorting character of images of consciousness in their externalization*” is a challenge for researchers [5].

To meet this challenge, an association test involving a large number of subjects can be conducted as it can be seen as a way of averaging. This implies that statistically processed association test data show the various fragments of linguistic consciousness of a typical language speaker. Conducting an association experiment results in constructing associative fields of stimulus words. Ufimtseva asserts that an associative field is not only a fragment of verbal memory but also a fragment of the world image of a particular language speaker reflected in the consciousness of an average cultural representative, his or her judgments and motivations, i.e. cultural stereotypes [28].

Distortion of the images of consciousness can be caused by mental mechanisms that externalise images in words as well as by many other factors that influence the validity of the association experiment. For instance, the limitation may be that some respondents tend to react in a biased way, i.e. in the form of a favourable approach to a certain topic or word-stimulus.

The absence of an agreed definition of the term *linguistic consciousness* gives rise to one more challenge, i.e. the conclusions drawn ultimately depend on the individual researcher’s interpretation [16]. Linguistic consciousness lies at the interface between both mental and material phenomena. A researcher may tend to present a transition from one phenomenon to another as a simple and direct one [16]. The transition is possible dependent on whether we know how the image of consciousness is transformed into an externalised sign or object (in our case, a word). Without understanding this process, we cannot scientifically explain how mental and material phenomena are related to each other.

However, with the advent of the so-called *association dictionaries* and *associative thesauri* [29, 30] the focus of interest moved to the problem of interpreting the results of association tests.

2.1.3. The role of linguistic consciousness in communication

As mentioned above consciousness is a mental phenomenon that cannot be studied directly. To gain access to it, it has to be externalised as linguistic signs that people select based on their knowledge acquired in their cultural environment. It could be suggested that we may succeed in communicating our consciousness images to other people via linguistic signs if we share with them common knowledge as well as cultural stereotypes. Within a community, mutual understanding and interaction are possible because communicators use definitions and interpretations shared by all members of this community [18].

This explains why representatives of one culture freely understand each other and why there are failures in intercultural communication (even if there is no language barrier). The latter is determined by the fact that people of different cultural backgrounds lack commonality of consciousness [5].

It can be concluded that in order to improve intercultural communication it is important to reveal features of linguistic consciousness in people from different cultural backgrounds. Intercultural communication has a pivotal role in the modern world of globalization and growing international cooperation, consequently, studying problems of intercultural miscommunication is essential. Studying common and distinct features of linguistic consciousness in people of different cultural backgrounds will contribute to problem solving.

2.1.4. Techniques to study the content of consciousness images

Ufimtseva points out that peculiarities of images of consciousness (cultural stereotypes) can be revealed as a result of either conscious introspection or organised experimental research [31]. Association test technique and associative dictionaries and thesauri developed based on the data obtained are now widely used to gain access to the content of mental images and, through this, reconstruct the verbal image of the world of particular language speakers. The benefit of this approach is that an association dictionary entry may be regarded as a model of linguistic consciousness of a language speaker representing a certain culture. It demonstrates the world image, features of culture-specific mindset, ethnic character, and communicative potential of native language speakers [31].

2.2. Association experiment as a research tool to reconstruct the content of the consciousness image externalised by a word

2.2.1. Association experiment from the psycholinguistic perspective

As Ufimtseva states, linguistic consciousness can be studied only as a result of the former activity in its “converted” form and alienated from an individual's

consciousness forms [28]. In other words, to be able to analyse it, we need an externalised, materialised form of linguistic consciousness.

There are several types of an association experiment: free, directed, and linking associative experiments. The technique most commonly used to externalise linguistic consciousness is the free association experiment, wherein an individual is given a list of words and is instructed to respond with the first word that comes to mind. In most cases, respondents are university students. The test is commonly carried out in the native language of the subject.

A major advantage of an association experiment is its relative simplicity in conducting: no special equipment or setting is needed, and the instructions are easy to understand and follow. Another benefit of this approach is that it saves time. The test may be conducted in a room with a large number of respondents, which saves time in data collection. Another advantage is that a large number of responses may be collected simultaneously, enabling the extrapolation of results to all representatives of a particular culture. The large number of respondents secures a relative stability of association fields. Ufimtseva [7] summarises the advantages of applying the association experiment as follows: 1) it reflects the experiences of native speakers of a certain language; 2) it displays the relative importance of lexemes, thus refers to their hierarchy in language (with this method it is also possible to identify the core elements of the linguistic lexicon); 3) it can be applied to any language; and 4) it is not artificially constructed by a linguist (as in the majority of traditional dictionaries).

In the context of the current research, the authors underline the additional benefits of the application of the association experiment including: 5) the experiment can be conducted as a kind of game, which can effectively be applied with young respondents; 6) the natural situation created during the survey enables respondents to provide spontaneous and less artificial responses; 7) the experiment is easily administered with no special technical equipment needed; 8) the experimental process can easily be explained to different age groups, including children.

However, there are certain limitations of this experimental technique. Many factors may influence the results of the test. One of these is that there are some factors independent of the experiment itself (neither the researcher nor the respondent can influence it). Among the factors is the active vocabulary of the respondent, age, sex, profession, and geographical conditions. A high frequency of the response *man* to the stimulus word *woman* is explained by a large number of female respondents [5]. In the experiment performed by Alexey A. Leontev, respondents reacted differently to the stimulus word *brush* depending on their profession and geographical conditions. Research by Russian psychologists and linguists showed that respondents with technical background give more paradigmatic responses whereas subjects studying the humanities tend to give more syntagmatic reactions [32, 33].

Factors such as time and conditions of a test as well as a respondent's physical and emotional state may have an impact during the experiment. Thus, results may be distorted because of the respondent's fatigue caused by the length of the

experiment (e.g. phonetic associations that are not typical of adult respondents *врач — рррр* [doctor — rook]). The place where the experiment is conducted can also have an effect on the results (e.g. *institute — here*). All these limitations should be well understood and noted in each association research.

In the Hungarian literature, application of the association experiment as a linguistic research method is less widespread than in Russia. Several authors attempted though to map Hungarian language users' mental lexicon by applying the association experiment, including the compilation of the *Encyclopedia of Hungarian Norms of Associations* [34]. Kovacs strongly relies on the association method when he investigates concept systems and lexical networks in the Hungarian mental lexicon [29]. He discusses the role of associative networks both on the level of language users in general and on the language acquisition process in early childhood.

2.2.2. Association experiment from the pedagogical perspective

Since the research is related to the Early Childhood Development and Conception of Childhood theory, it is important to mention the basics of the attitude toward such young learners. The authors believe that all knowledge is based on human interactions and is constructed based on social context [35]. Childhood conceptions are based on the idea that children must be seen as social actors [11] and be capable of determining their own lives [36]. According to the related research, 4- to 5-year-old children look for differences, patterns and change, and are able to ask questions about why things happen and how things work. They also show interest in and curiosity about understanding social structures such as family or institutional groups.

2.2.3. Association field

The association field is a set of reactions to a stimulus word. An association field consists of a nucleus with the most frequent reactions and a periphery. In terms of its content, it reflects both a person's verbal memory and a fragment of the verbal image of the world, judgments, attitudes, and motivations of the respondents as representatives of a certain culture (see: *Russian Association Dictionary* 2002). Furthermore, it needs to be emphasised again that, although there are some individual variations in responses, the fact that the respondents represent one culture secures association fields with relative stability.

The so-called *semantic gestalt of an association field* developed by Karaulov is one of the methods to reconstruct the knowledge about the surrounding world in the linguistic consciousness of native speakers [17]. The method is based on dividing the reactions of one association field into several semantic zones by uniting similar features of an object or a phenomenon. To make it convenient, the semantic zones are marked by pronouns that reflect general ideas, e.g. who (persons), what (objects), which (attributes), this (structures in which the pronoun 'this' acts as a hypothetical link), to do/to make (actions), where (places), and

when (time). At the same time, it is possible to identify additional semantic zones [17].

2.2.4. Associative dictionaries

Conducting large-scale association experiments resulted in creating the so-called association dictionaries, or thesauri of word associations. Today, there are two major Russian dictionaries: *Russian Association Dictionary (RAD)* developed by Juri Karaulov, Galina Cherkasova, Natalia Ufimtseva, Yuri Sorokin, and Evgeny Tarasov, and the *Slavic Association Dictionary (SAD)* developed by Natalia Ufimtseva, Juri Karaulov, Galina Cherkasova, and Evgeny Tarasov. The RAD contains around 1300 stimulus words and about 13,000 different reactions. The fullest English association dictionary is *The Associative Thesaurus of English, The Edinburgh Associative Thesaurus* developed by G.R. Kiss, C. Armstrong, and J. Piper. *The English Associative Thesaurus* contains more than 23,000 words.

The reactions in a dictionary entry are given in a decreasing order of frequency. Each reaction has its own index, the number of respondents who reacted to a stimulus word with this word.

An association dictionary is truly a unique reference source because it gives information about the most frequent word links that characterise cultural features, and no other dictionary contains such information. Thus, an association dictionary holds a large amount of data that enables researchers to study culture, linguistic consciousness, and ‘text potential’, i.e. the cultural and linguistic background of the respondents for text perception and understanding. Association dictionaries allow the researcher to identify and study the systemic character of the world image of representatives of different cultures. To do this, researchers reveal the nucleus of language consciousness, i.e. the units of a semantic network that have the largest number of links with other units of this semantic network represented in the thesaurus (dictionary) [37].

Thus, researchers in different fields will find their own field-specific data in an association dictionary. A philosopher will reveal the constituent parts of the image of the world; a culture studies expert will discover the system of axiological patterns and attitudes of a certain culture; a psychologist will see the proportion of linguistic and extra-linguistic knowledge contained in the image of the world of representatives of a certain culture [37].

The present cross-cultural research has been conducted in line with the theoretical and experimental approaches described. The authors attempted to make a step forward by developing and modifying the techniques already existing in this research field. We hope some innovative approaches presented and results obtained will form a convincing argument in favour of an interdisciplinary study conducted by an intercultural team of researchers.

3. Methods

The underlying methodological background of the research is the association experiment [6], which is based on the free associations of respondents to a given

stimulus-word. Researchers apply this method for conducting smaller-scale research on well-defined research questions, as well as for compiling large-scale associative dictionaries including the *Russian Associative Dictionary* [37]; the *Slavic Associative Dictionary* of the Russian, Belarusian, Bulgarian and Ukrainian languages [38]; and the *Russian Regional Associative Dictionary "EURAS"* [39] to mention a few.

In this research, 10 stimulus words (*friend, child, family, water, black, toy/game, devil, home, foreigner, angel*) were selected from the following sources: five stimuli from the core lexicon of Russian linguistic consciousness [40] with their ranks in parentheses *дом* (*home*, #2), *друг* (*friend*, #10), *вода* (*water*, #18), *ребенок* (*child*, #19,5), *черный* (*black*, #49,5); one stimulus word – *игрушка* (*toy*) – from the 18 initial stimuli of the *Russian Children's Associative Thesaurus* [41]. The authors' essential endeavour when selecting the above mentioned six stimulus words was to guarantee that 1) the selected words were within the core linguistic lexicon (most frequently used words of the language); 2) the words were semantically closely connected to children's everyday life; and 3) the words were simple, easy-to-understand lexemes, appropriate for conducting research with 4- to 5-year-old respondents.

Finally, four stimuli were selected as the authors' subjective choice in order to, on the one hand, better map the children's self-perception and their concept of a family (*семья/family*), and, on the other hand, add some atypical lexemes that were less frequently used by this age group, including *angel* (*ангел*), *foreigner* (*иностранец*), and *devil* (*чёрт*). In line with ethical standards of academic research, informed consent was obtained.

The selection of the ten stimulus words and the more detailed analysis of the five items most closely connected with childhood (*friend, child, family, toy/game, home/house*) as well as their investigation with a combination of the association experiment, corpus linguistic methods and a pedagogical approach enabled the authors to map and compare Hungarian and Russian preschoolers' perception of the outside world.

Regarding the pedagogical perspective of the dichotomy of *angel* and *devil*, it must be stated that, in the studies of history of childhood, one of the thought-provoking questions is about the polarised approaches whether children are divine or of diabolical nature [14]. According to the Christian doctrine of the original sin, based on St. Augustine's theories, it is necessary to be baptised in order to wash away the diabolical taint. On the other hand, Luther believes that human beings are innocent in the first 5 to 6 years of their lives.

The 10 selected Russian stimulus words were translated into Hungarian, with the following remarks on the translation problems of equivalence. The stimulus noun *ребенок* (*child*) can be translated into both *gyermek* (more formal) and *gyerek* (less formal), and, in line with the respondents' age group, the latter, less formal word form was prioritised. The Hungarian word *játék* has a wider denotation in the Hungarian language when compared to Russian and means both *игрушка* (*toy*) and *игра* (*game*). *Дом* denotes both a *house* (*ház*) and a *home* (*otthon*) in the Russian language; in line with the focus of the research *otthon*

(*home*) was selected as its Hungarian equivalent and was included in the list of initial stimuli. A peculiar element of the Russian lexicon *чёрт* was singled out. This noun is one of the possible translations of the English word *devil*, besides *дьявол*, *бес*, and *сатана*: the lexeme in addition means in colloquial language usage: *heck*.

Two series of kindergarten surveys were accomplished with 100–100 respondents: one in Russia (in two kindergartens in Moscow), and the second one in Hungary (97 interviews in urban areas, in 7 cities including Budapest, Szeged, Tata, Zalaegerszeg, Gödöllő, Kistarcsa, and Veresegyház as well as three respondents from a village, Keszthely). Participants of the research were 4- to 5-year-old preschool children born in 2013–2014. During a 15–20-minute interview, the children were requested to say out aloud whatever came to their mind when hearing the stimulus words. The questionnaire consisted of 27 questions on the 10 word-stimuli (2 to 4 sub-questions for each stimulus word). In contrast with a typical association experiment, several questions were applied for each stimulus word in order to gain a more significant amount of linguistic information that could be transformed into a relatively large corpus. This enabled the authors to analyse the results not only through the classical frequency lists of the association experiment, but also with corpus linguistic tools.

The interviews were conducted with the application of the shoulder-to-shoulder method [9], an approach that originates from pedagogy [42], which presumes that children from this age group are typically reluctant to speak openly and express their feelings in a classical interview situation. The shoulder-to-shoulder approach goes back to paired or partner reading; a teaching strategy that enhances reading fluency by two students sitting next (shoulder to shoulder) to each other, sharing a book. The method itself enhances children's elaboration of a certain theme, which is primarily important in this age group in order to reduce their inner tensions and stress created during everyday life activities. In this research, the method was applied so that interviewers were asked to create an informal situation, allowing the children to free-play, to walk, draw and move during the interview. This contributed to a better atmosphere, where children were more willing to communicate. Moreover, if the 15–20-minute conversation could not be completed at once, then the data collectors stopped and continued later when the child felt ready for the conversation. According to Ginnis, everyone needs to feel emotionally secure and psychologically safe [43].

Answers to all 27 questions were registered either in written form or by voice recorder, and later transcribed to text. All replies were entered into Excel files, and then the authors created 22 separate searchable corpora: 10–10 corpora were based on the 10 stimulus words from the Hungarian and the Russian results, another two corpora were created containing all responses from the Hungarian and from the Russian respondents, respectively. The Hungarian corpus consisted of 19,967 tokens and 15,319 words, while the Russian corpus incorporated 16,268 tokens and 12,646 words.

The linguistic data were analysed with the Sketch Engine corpus linguistic tool [10] firstly on the separate (stimulus-based), then on the cumulated (coun-

try/language-based) level. Frequency results were compiled and contrasted with two comparable gigaword corpora from the Araneum corpus family [44]: the Araneum Russicum Russicum Maius corpus (1,200,000,258 tokens, 859,319,823 words) and the Araneum Hungaricum Maius corpus (1,200,001,609 tokens, 792,549,686 words), while keyword analysis was executed with Russian Web 2011 (ruTenTen11; 18,280,486,876 tokens, 14,553,856,113 words) and Hungarian Web 2012 (huTenTen12; 3,161,920,362 tokens, 2,572,620,694 words) [10].

The results of the association experiment which served as the core method of this research were compared with the huge stock of linguistic data of the Araneum corpora, utilising an in-built function of the Sketch Engine tool; the thesauri of the investigated stimulus words [10]. Thesauri, as defined by Sketch Engine, are semantically similar or synonymous items of a corpus that can be identified by analysing the typical collocations of the given stimulus words.

4. Results

4.1. Individual stimulus words

Both the Hungarian and the Russian responses (up to 10 respective stimulus words each) were collected and analysed individually.

In this section, we discuss in detail five of the ten stimulus words; each of them being easy to understand, and the most closely connected to early childhood: *friend*, *child*, *family*, *toy/game*, and *home/house*. The results are grouped in accordance with the association method; according to the frequency of each response word, a list is created beginning with the most frequent word. The top four responses are displayed in the tables below (Tables 1–5). The responses are collected and displayed in three groups depending on their word classes: nouns, adjectives and verbs were taken into account (other word classes were excluded).

4.1.1. Friend

Друг (*friend*) is the 10th most typical item in the Russian linguistic consciousness nucleus [40]. *Barát*, a noun that, although obviously not semantically identical to its Russian counterpart, is without doubt the Hungarian equivalent. However, there were no translation problems.

The results showed a similarity (Table 1), with the top responses nearly coinciding in the category of adjectives (*kind/dear*, *good* and *cute* among the Hungarian and *good*, *kind* and *nice* among the Russian responses). The top two verbs associated with the concept of *friend* also proved to be identical (*play* and *love*), while the third and fourth most frequent words differed from each other although referring to a common activity with someone. The most remarkable difference could be observed between the noun responses, where the Russian results reflected a personality focus (*boy*, *girl*, *person*, *female friend*). Meanwhile, in the Hungarian results, the inanimate entities objects prevailed (*toy*, *nursery*, *court*).

Table 1

**Associations of the stimulus words *BARÁT (FRIEND)* and *ДРУГ (FRIEND)*,
results of the research**

<i>barát (friend)</i>			<i>друз (friend)</i>		
NOUN	ADJ	VERB	NOUN	ADJ	VERB
<i>játék (game / toy) 14; anyuka (mother) 13; ovi (nursery) 10; udvar (court) 6</i>	<i>kedves (kind/dear) 44; jó (good) 33; aranyos (cute) 5</i>	<i>játszik (play) 130; szeret (like/love) 42; épít (build) 7</i>	<i>мальчик (boy) 14; девочка (girl) 12; человек / машинка (person/car) 10; подруга (female friend) 6</i>	<i>хороший (good) 35; добрый (kind) 16; красивый (nice) 7</i>	<i>играть (play) 85; любить / дружить (love / be friends) 42; помогать (help) 30; гулять (walk) 16</i>
	<i>ad (give) 6</i>				

Table 2

**Thesauri of the stimulus words *BARÁT (FRIEND)* and *ДРУГ (FRIEND)*
from the Araneum comparative corpora**

<i>barát (friend)</i>			<i>друз (friend)</i>		
NOUN	ADJ	VERB	NOUN	ADJ	VERB
<i>lány (girl) 316,289; fiú (boy) 162,514; apa (father) 125,193; család (family) 350,449</i>	<i>kedves (kind/dear) 214,709</i>	<i>szeret (like/love) 983,599; gondol (think) 568,644</i>	<i>человек (person) 2,021,397; родитель (parent) 220,563; ребенок (child) 510,992; жизнь (life) 908,095</i>	<i>другой (other) 1,716,427; такой (such) 2,544,728; каждый (each) 1,108,658; самый (most) 1,354,155</i>	<i>стать (become) 1,074,175</i>
	<i>hisz (believe) 470,096; mond (say) 1,324,910</i>				

The thesauri results of the words *barát (friend)* and *друз (friend)* automatically identified similar words or synonyms extracted from respective corpora. In this paper, the comparative corpus family Araneum and its Hungarian and Russian gigaword corpora were used to compare the preschool children's associations with adults' language use based on a massive amount of linguistic data (1,2 billion tokens in each of the two corpora).

Similarities between Hungarian adults' and children's language use (Table 2) include the key role of the adjective *kind* and the verb *love* when analysing the stimulus word *friend*, as well as a curious difference in associating *mother* to a friend among the children's results, and *father* to the same stimulus word in the adults' corpus.

A visualization of the aforementioned results is displayed in Figure 1, where the most typical collocations of the word *barát (friend)* and *друз (friend)* are grouped depending on their grammatical relations and their role in the sentence (verbs with; modifiers of; subject of; object of etc.).

Fig. 1. Visualization of the associations of stimulus words *BARÁT* (FRIEND) and *ДРУГ*¹

In the Russian chart, *настоящий* (*real*) appears besides *хороший* (*good*) as opposed to the Hungarian adjective *jó* (*good*) as the main characteristic of a friend. In the Hungarian linguistic consciousness, the chart suggests that a friend usually *helps*, *plays with the pony*, moreover, friends *stick together*, while in the Russian example, the diagram shows *playing*, *helping* and *being friends*. It must be noted that Russian morphology allows the use of the verb *дружить* (*be friends*), originating from the noun *друг* (*friend*). The reaction word *дружить* is an example from the Russian language of a stimulus-reaction connection partly based on similar sound.

4.1.2. Child

The image of a child also proved to be similar in the Hungarian and Russian linguistic consciousness. All four of the most frequent adjectives (*small*, *big*, *good*, *kind*) coincided in the lists of associations, while two of the four most typical verbs (*grow up*, *love*) were also identical. *Cry* (*плакать*) as a verb connected to a child's image only appeared in the Russian top 4 but not in the Hungarian.

Based on the visualization charts (Figure 2), the *small-big* dichotomy appears amongst the associations of a child in both groups of respondents (*big* being present in the Hungarian and *small* in the Russian sample). Significant differences are visible in the chart in terms of activities associated with a child: in Hungarian, collocations of a child describing their activities include *néz* (*look*), *csinál* (*do*), *lesz* (*will be*), *van* (*is*), meanwhile, the Russian sample displays *воспитывать* (*raise*), *обижают* (*hurt*), and *бывают* (*be*).

¹ Labels of the Hungarian chart: barát (friend); jó (good); közös (common); Ágika (Ágika); kedves (kind); anyuka (mother); Nati (Nati); segít (help); van (be); lesz (will be); összetart (stick together); pónizik (plays with the pony). Russian labels: друг (friend); настоящий (real); хороший (good); играть (play); со (with); дружить (be friends); помочь (help); быть (be); значит (mean).

Table 3
Associations of the stimulus words *GYEREK (CHILD)* and *РЕБЁНОК (CHILD)*,
results of the research

<i>gyerek (child)</i>			<i>ребёнок (child)</i>		
NOUN	ADJ	VERB	NOUN	ADJ	VERB
kisbaba (<i>small baby</i>) 10; baba (<i>baby</i>) 9; játék (<i>toy/game</i>) 7; óvoda / anyuka / fiú/lány (<i>nursery / mother / boy / girl</i>) 6	kicsi (<i>small</i>) 54; nagy (<i>big</i>) 22; jó (<i>good</i>) 20; kedves (<i>kind</i>) 13	felneő (<i>grow up</i>) 35; játszik (<i>play</i>) 28; válaszol (<i>reply</i>) 13; szeret (<i>like/love</i>) 11	малыш (<i>kiddy</i>) 46; человек (<i>person</i>) 18; мама (<i>mom</i>) 17; мальчик (<i>boy</i>) 8	маленький (<i>little</i>) 44; хороший (<i>good</i>) 10; добрый (<i>kind</i>) 6; большой (<i>big</i>) 6	расти / плакать (<i>grow up / cry</i>) 6; любить / родить (<i>love/be born</i>) 5

Table 4
Thesauri of the stimulus words *GYEREK (CHILD)* and *РЕБЁНОК (CHILD)*
from the Araneum comparative corpora

<i>gyerek (child)</i>			<i>ребёнок (child)</i>		
NOUN	ADJ	VERB	NOUN	ADJ	VERB
gyermek (<i>child</i>) 376,113; ember (<i>man/person</i>) 1,248,639; szülő (<i>parent</i>) 180,688; lány (<i>girl</i>) 316,289	fiatal (<i>young</i>) 318,105; kicsi (<i>small</i>) 369,164; jó (<i>good</i>) 2,041,516; kis (<i>little</i>) 644,146	szeret (<i>love</i>) 983,599; akar (<i>want</i>) 799,720; lát (<i>see</i>) 1,050,286	человек (<i>person</i>) 2,021,397; малыш (<i>kiddy</i>) 136,028; женщина (<i>woman</i>) 377,996; родитель (<i>parent</i>) 220,563	детский (<i>children's</i>) 298,287; данный (<i>given</i>) 731,108; молодой (<i>young</i>) 223,831	стать (<i>become</i>) 1,074,175

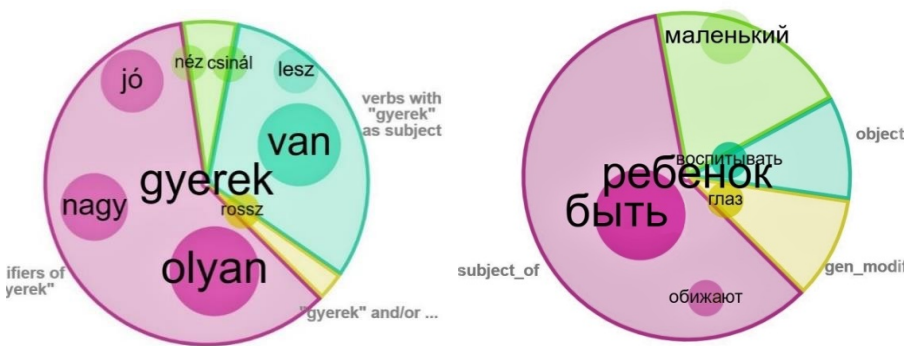

Figure 2. Visualization of the associations of stimulus words
GYEREK (CHILD) and *РЕБЁНОК (CHILD)*¹

¹ Labels of the Hungarian chart: gyerek (child); nagy (big); jó (good); néz (look), csinál (do), lesz (will be), van (is), rossz (naughty); olyan (such). Russian labels: ребёнок (child); воспитывать (raise); обижают (hurt); быть (be) глаз (eye); маленький (small/little).

Results of the Araneum corpus displayed several corresponding results in the Hungarian language: a child is *small* and *good*, and *love* as a verb plays a central role in the semantics of the word. Some top noun results of the Russian data coincided including the nouns, *малыш* (*kiddy*) and *человек* (*person*).

4.1.3. Family

The word *family* does not belong to the core lexicon of the Russian linguistic consciousness, nor is it included in the list of 18 initial stimuli of the Russian children's associative thesaurus [41]. Nevertheless, this lexeme was included in this study as the concept of a family constitutes an integral part of a child's linguistic consciousness. Furthermore, it helps in comparing the Hungarian and the Russian concepts of a family.

Table 5

Associations of the stimulus words *CSALÁD* (*FAMILY*)
and *СЕМЬЯ* (*FAMILY*), results of the research

<i>család</i> (<i>family</i>)			<i>семья</i> (<i>family</i>)		
NOUN	ADJ	VERB	NOUN	ADJ	VERB
<i>anya/anyuka</i> (<i>mother</i>) 140; <i>apa/apuka</i> (<i>father</i>) 121; <i>gyerek</i> (<i>child</i>) 35; <i>mama</i> (<i>mom/grandma</i>) 23	<i>kedves</i> (<i>kind</i>) 27; <i>jó</i> (<i>good</i>) 23; <i>nagy</i> (<i>big</i>) 17; <i>igazi</i> (<i>real</i>) 10	<i>szeret</i> (<i>love</i>) 26; <i>játszik</i> (<i>play</i>) 12; <i>mond</i> (<i>say</i>) 11; <i>megy</i> (<i>go</i>) 10	<i>мама</i> (<i>mom</i>) 146; <i>nana</i> (<i>daddy</i>) 134; <i>бабушка</i> (<i>grandma</i>) 50; <i>дедушка</i> (<i>grandpa</i>) 40	<i>хорошая</i> (<i>good</i>) 40; <i>добрая</i> (<i>kind</i>) 20; <i>большая</i> (<i>big</i>) 19; <i>дружная</i> (<i>friendly</i>) 17	<i>любить</i> (<i>love</i>) 26; <i>жить</i> (<i>live</i>) 13; <i>ходить</i> (<i>go</i>) 7; <i>дружить</i> (<i>be friends</i>) 5

A general feature of the frequency list of both respondent groups reveals that the strongest association from the stimulus word *family* is *mother*, followed by *father*. In the Russian context *grandmother* and *grandfather* follow. The Hungarian children mentioned *child* and *mama* (which may mean either *mother* or *grandmother* depending on the context) after their parents. The comparison of activities connected with the term *family* displays *love* in the first place and *to go* within the top 4 associations (presumably referring to common activities of the family that include travelling or going somewhere together perceived as a common activity). Adjectives used in describing a family almost fully coincide: *kind*, *good*, *big*, and *real* are identified in the Hungarian, while *good*, *kind*, *big*, and *friendly* occur in the Russian group.

Significant differences can be pinpointed in the perception of a family when comparing the children's and adults' results. Children's perspective reflects a self-centred approach when the family is characterised by the *mother*, the *father*, and grandparents, meanwhile key elements of the concept of a family are the *child*, and the verb *live* as the data of the Araneum corpus suggests.

Table 6

Thesauri of the stimulus words *CSALÁD (FAMILY)* and *СЕМЬЯ (FAMILY)* from the Araneum comparative corpora

<i>család</i> (family)			<i>семья</i> (family)		
NOUN	ADJ	VERB	NOUN	ADJ	VERB
<i>gyermek</i> (child) 376,113; <i>gyerek</i> (child) 412,046; <i>ember</i> (man / person) 1,248,639; <i>élet</i> (life) 901,881	<i>fiatal</i> (young) 318,105	<i>él</i> (live) 675,558; <i>szeret</i> (love) 983,599	<i>родитель</i> (parent) 220,563; <i>дитя</i> (child) 617,06; <i>жизнь</i> (life) 908,095; <i>ре-</i> <i>бёнок</i> (child) 510,992	<i>молодой</i> (young) 223,831; <i>русский</i> (Russian) 364,077; <i>данный</i> (given) 731,108	<i>стать</i> (be- come) 1,074,175; <i>хотеть</i> (want) 600,660; <i>жить</i> (live) 310,494; <i>сможь</i> (be able to) 454,904

The visualization charts complement the above results with further information, including the fact that in the Hungarian context the closest term to *family* is *real*, while in Russia it is *love* and *nice*. A diminutive form of family appears in the Russian chart: *семьячка*, similarly to other reaction words in the study e.g. *братик* (bro), *сестрёнка* (sis).

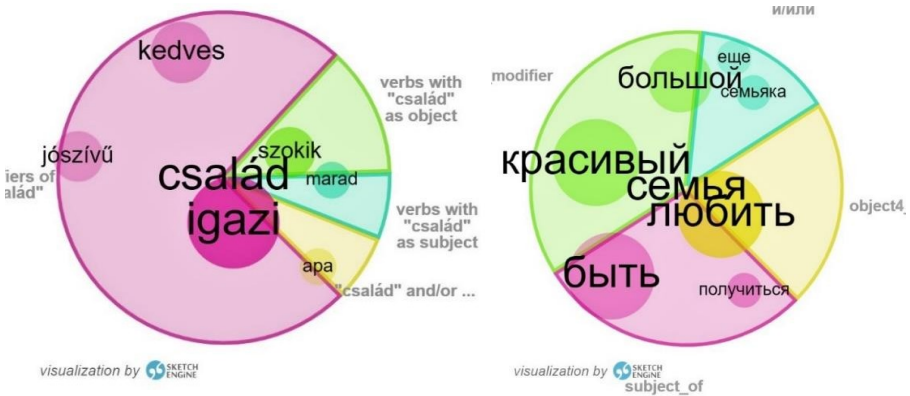

Figure 3. Visualization of the associations of stimulus words *CSALÁD (FAMILY)* and *СЕМЬЯ (FAMILY)*¹

¹ Labels of the Hungarian chart: család (family); igazi (real); jószívű (warm-hearted); kedves (kind); szokik (used to); marad (stay); apa (father). Russian labels: семья (family); красивый (nice); любить (love); быть (be); получиться (form); большой (big); ещё (and); семьячка (family [diminutive]).

4.1.4. Toy/game

In the Hungarian language, there are no separate lexemes for *toy* and *game*, the two denotations are expressed by the same word: *játék*. In Russian however *toy* is translated as *игрушка* and *game* as *игра*. In this research, *игрушка* (*toy*) was selected from the stimuli of the Russian children's associative thesaurus [41] and *játék* (*toy/game*) was chosen as the Hungarian equivalent, keeping in mind that the Hungarian word has a narrower meaning.

Notwithstanding the semantic differences, both groups of respondents associated *toy* with the same two most frequent verbs (activities): *play* and *like/love*. The top noun associations also displayed remarkable similarities depicting the objects preschoolers play with on a daily basis including a *doll* and a *car*. For the above reasons, *игра* (*game*) appeared exclusively among the Russian associations, while the Hungarian group frequently mentioned *Lego* and *train*.

Adjectives from the collection of the Hungarian associations diverged from the Russian results: Russians described a *toy* as *favourite*, *small*, *real*, and *soft*, meanwhile *good* and *with dolls* proved to be the most typical description of *toy* for the Hungarian participants.

Associations of the stimulus words **JÁTÉK (TOY/GAME)**
and **ИГРУШКА (TOY)**, results of the research

Table 7

<i>játék</i> (<i>toy/game</i>)			<i>игрушка</i> (<i>toy</i>)		
NOUN	ADJ	VERB	NOUN	ADJ	VERB
<i>legó</i> (<i>Lego</i>) 15; <i>baba</i> (<i>doll</i>) 13; <i>autó</i> (<i>car</i>) 11; <i>vonat</i> (<i>train</i>) 9	<i>jó</i> (<i>good</i>) 6; <i>babás</i> (<i>with dolls</i>) 5	<i>játszik</i> (<i>play</i>) 75; <i>szeret</i> (<i>like</i>) 31; <i>rajzol</i> (<i>draw</i>) 10; <i>legőzik</i> (<i>play Lego</i>) 7	<i>кукла</i> (<i>doll</i>) 36; <i>машинка</i> (<i>small car</i>) 30; <i>игра</i> (<i>game</i>) 15; <i>машина</i> (<i>car</i>) 13	<i>любимый</i> (<i>favourite</i>) 10; <i>маленький</i> (<i>small</i>) 9; <i>настоящий</i> (<i>real</i>) 6; <i>мягкий</i> (<i>soft</i>) 5	<i>играть</i> (<i>play</i>) 70; <i>любить</i> (<i>like/love</i>) 14

The charts below (Figure 4) shed light on a grammatical feature of the Russian language, namely the presence of prepositions as the most significant collocations of *игрушка* (*toy*). Both prepositions *в* and *во* mean *in*, and are typical co-occurrences of the word *играть* in phrasal verbs such as *играть в игрушки* (*play with toys*), *играть в самолётики* (*play with small helicopters*), or *играть в ракеты* (*play with rockets*). Typical collocations of the Russian word *игрушка* (*toy*) include *шарик* (*ball*) and *бусинка* (*bead*); according to the collected Hungarian data, *játék* (*toy/game*) implies *homework* and *paw*. Typical Hungarian verb associations of *játék* (*toy/game*) are *szeret* (*love/like*) and *beszél* (*talk*).

Both in the children's associations and in the adults' corpora, the word *toy* is connected with the verb *love/like*. The Hungarian data coincide in the adjective *jó* (*good*), while the Russian results confirm the relevance of the adjectives *маленький* (*small*) and *любимый* (*favourite*).

Table 8

Thesauri of the stimulus words *JÁTÉK* (TOY/GAME) and *ИГРУШКА* (TOY) from the Araneum comparative corpora

<i>játék</i> (toy/game)			<i>игрушка</i> (toy)		
NOUN	ADJ	VERB	NOUN	ADJ	VERB
<i>dolog</i> (thing) 689,192; <i>kép</i> (picture) 457,672; <i>élet</i> (life) 901,881; <i>film</i> (film) 240,233	<i>jó</i> (good) 2,041,516	<i>szeret</i> (like) 983,599; <i>lát</i> (see) 1,050,286; <i>ad</i> (give) 1,130,654; <i>akar</i> (want) 799,720	<i>вещь</i> (thing) 204,821; <i>кукла</i> (doll) 25,945; <i>подарок</i> (gift) 149,121; <i>украшение</i> (clothing) 70,343	<i>маленький</i> (small) 233,154; <i>любимый</i> (favourite) 131,875; <i>детский</i> (children's) 298,287; <i>новогодний</i> (New Year's) 52,824	<i>любить</i> (love) 226,488

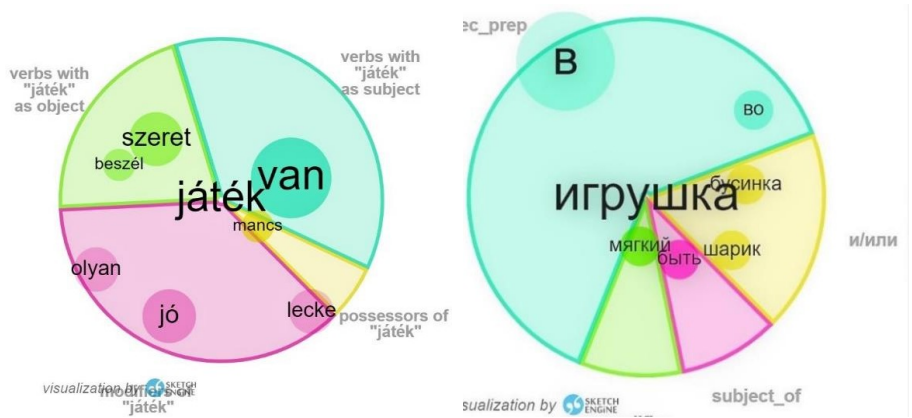

Figure 4. Visualization of the associations of stimulus words *JÁTÉK* (TOY/GAME) and *ИГРУШКА* (TOY)¹

4.1.5. Home/house

The problem of equivalence arose in the case of the stimulus words *дом* and *otthon*. *Дом* means *house* and *home* at the same time, while in the Hungarian language *otthon* means *home* and *ház* denotes *house*. This is reflected in the associations of the Russian stimulus *дом* as it includes lexemes typical for the notion of a building: *построить* (*build*), *кирпич* (*brick*), *этаж* (*floor*), and *крыша* (*roof*). The Hungarian results reflected a meaning that is emotionally closer to the re-

¹ Labels of the Hungarian chart: *játék* (toy/game); *jó* (good); *olyan* (such); *lecke* (homework); *szeret* (love/like); *beszél* (talk); *van* (be); *mancs* (paw). Russian labels: *игрушка* (toy); *в* (in); *во* (in); *мягкий* (soft); *быть* (be) *шарик* (ball); *бусинка* (bead).

spondents, among the identified associations objects and concepts from the preschoolers' daily lives prevailed including, *szeret* (like/love), *játszik* (play), *alszik* (sleep), *játék* (toy), *ágy* (bed), and *szoba* (room). One colour term appeared in the top Russian results, *белый* (white) and another one in the Hungarian data set: *sárga* (yellow).

Table 9

Associations of the stimulus words *OTTHON* (HOME) and *ДОМ* (HOUSE/HOME),
results of the research

<i>otthon</i> (home)			<i>дом</i> (house/home)		
NOUN	ADJ	VERB	NOUN	ADJ	VERB
<i>ház</i> (house) 41; <i>játék</i> (toy/game) 24; <i>ágy</i> (bed) 17; <i>szoba</i> (room) 16	<i>jó</i> (good) 34; <i>nagy</i> (big) 28; <i>emeletes</i> (storeyed) 12; <i>sárga</i> (yellow) 9	<i>lakik</i> (live) 32; <i>szeret</i> (love) 19; <i>játszik</i> (play) 17; <i>alszik</i> (sleep) 9	<i>кирпич</i> (brick) 33; <i>этаж</i> (floor) 32; <i>человек</i> (person) 26; <i>крыша</i> (roof) 16	<i>большой</i> (big) 33; <i>белый</i> (white) 22; <i>высокий</i> (high) 19; <i>красивый</i> (nice) 11	<i>жить</i> (live) 77; <i>построить</i> (build) 10; <i>сделать</i> (did) 7

The aforementioned results are presented below (Table 10). Similar to the associations of the noun *family*, the adjective *настоящий* (real) is one of the most typical adjectives of the analysed word *дом* (house/home).

Table 10

Thesauri of the stimulus words *OTTHON* (HOME) and *ДОМ* (HOUSE/HOME)
from the Araneum comparative corpora

T10					
<i>otthon</i> (home)			<i>дом</i> (house/home)		
NOUN	ADJ	VERB	NOUN	ADJ	VERB
<i>ház</i> (house) 325,627; <i>hely</i> (place) 845,533; <i>gyerek</i> (child) 412,046; <i>lakás</i> (flat) 142,856	<i>fiatal</i> (young) 318,105; <i>szép</i> (nice) 390,404	<i>szeret</i> (love) 983,599; <i>lát</i> (see) 1,050,286; <i>akar</i> (want) 799,720; <i>vesz</i> (buy) 921,675	<i>квартира</i> (flat) 376,505; <i>здание</i> (building) 257,693; <i>помещение</i> (premises) 257,693; <i>место</i> (place) 257,693	<i>новый</i> (new) 1,400,083; <i>жилой</i> (residential) 134,344; <i>большой</i> (big) 911,214; <i>данный</i> (given) 731,108	<i>стать</i> (become) 1,074,175; <i>иметь</i> (have) 1,243,296; <i>являться</i> (appear) 1,282,940

Otthon (home) and *ház* (house) are closely connected in the Hungarian language based on both the results of this survey and the large-scale data of the Araneum corpus. The Russian results suggest that the main characteristic of *дом* (house/home) is *большой* (big).

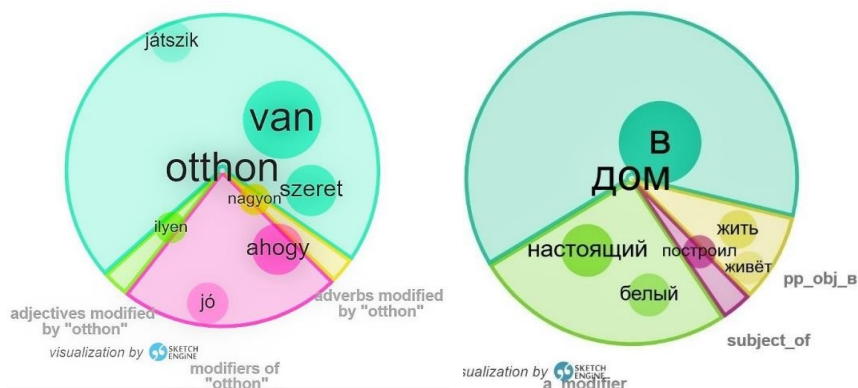

Figure 5. Visualization of the associations of stimulus words
*OTTHON (HOME) AND ДОМ (HOUSE/HOME)*¹

4.2. Overall data

Based on the respondents' utterances, two corpora were created from the Hungarian and the Russian data set (see Table 11). We excluded articles, conjunction words, prepositions, and modal verbs from this summary to be able to focus on the key elements. The analysis of the overall inputs of the Hungarian (HU100) and the Russian (RU100) research phases demonstrates the following phenomena observable in the linguistic consciousness of the Russian and Hungarian preschool children: 1) the most frequent noun in both cultures was *mother* (мама/anya), followed by *father* (nana/apa); 2) the nouns *child* or *kid* (малыш/gyerek); *house* or *home* (дом/ház); and *friend* (друг/barát) play a central role in the linguistic consciousness of preschoolers in both countries, ranking in the top 10 most frequent items; 3) *playing* is a key concept in both corpora: in the Hungarian corpus, it appears in the lexical item *játék* (game/toy), while in the Russian data set in the form of a verb (*играть/play*); 4) the Russian results are more diverse in terms of word classes. Top 15 Russian responses include personal pronouns (3), nouns (6), adjectives (4) and verbs (2), while the Hungarian top 15 is limited to personal pronouns (4) and nouns (11).

Keywords are useful and illustrative indicators of a corpus: they signal those lexemes that are significantly more frequently present in the investigated corpus than in the reference corpus. In this research, two giant corpora were used as references to the overall results of the Hungarian (HU100) and Russian (RU100) research phases. The two reference corpora are web-based collections of texts: Russian Web 2011 (14,553,856,113 words) and Hungarian Web 2012 (2,572,620,694 words) [10].

¹ Labels of the Hungarian chart: *otthon* (home); *játszik* (play); *van* (be); *szeret* (love), *ilyen* (such); *jó* (good), *ahogy* (how); *nagyon* (a lot). Russian labels: *дом* (home); *в* (in); *настоящий* (real); *белый* (white) *построил* (built); *жить* (live).

Table 11

Top 15 most frequent words (excluding articles, conjunction words, prepositions, and modal verbs)

№	Hungarian (HU100)		Russian (RU100)	
	word	frequency	word	frequency
1	<i>én (I)</i>	228	<i>он (he)</i>	161
2	<i>ő (he/she)</i>	194	<i>мама (mother)</i>	158
3	<i>anya (mother)</i>	145	<i>я (I)</i>	144
4	<i>gyerek (child)</i>	129	<i>папа (father)</i>	136
5	<i>apa (father)</i>	118	<i>маленький (small)</i>	117
6	<i>játék (game/toy)</i>	111	<i>человек (person)</i>	103
7	<i>barát (friend)</i>	77	<i>дом (house/home)</i>	75
8	<i>mi (we)</i>	76	<i>играть (play)</i>	69
9	<i>család (family)</i>	58	<i>малыш (kid)</i>	54
10	<i>ház (house)</i>	58	<i>мы (we)</i>	53
11	<i>ők (they)</i>	54	<i>большой (big)</i>	50
12	<i>anyuka (mother)</i>	53	<i>друг (friend)</i>	47
13	<i>ruha (clothes)</i>	52	<i>люблю (love)</i>	47
14	<i>víz (water)</i>	48	<i>белый (white)</i>	47
15	<i>szárny (wing)</i>	46	<i>хорошая (good)</i>	45

Keywords were selected in two groups: single-words (containing one lexeme) and multi-words (containing two lexemes). Results of the single-word keywords search display a clear reference to the general activities of preschool children (Table 12). In the Hungarian context, they tend to play *Lego*, play with the *dollhouse*, *play hide and seek*, *play with dolls*, *play board games*, play with *dinos*, *play tag*, and play with *pony*. In the Russian context, children mentioned the following activities according to the list of the top 15 key single words: play *Lego*, *play hide and seek*, *play tag*, and play with *cars*. Playing *Lego* is without doubt the most popular activity in both groups, taking first and third place in the Hungarian sample, and second in Russian.

Further activities that appeared in the key single word analysis of the Hungarian data included *misbehaving* (*rosszalkodik*), while in the Russian context they were *to be friends* (*дружить*) and *to draw* (*чертить*), as well as *pencil* (*карандаш*) referring presumably to the activity of drawing as well.

The Hungarian results reflected preschool children's linguistic consciousness centred around their daily activities, toys, and playing games (12 key single words of 15). However, this was less typical in the Russian sample where only six lexical items of 15 referred to such activities or to toys. Furthermore, family members appeared in a significantly higher proportion in the Russian sample where *bro* (*братик*) took first place, and *little sister* (*сестрёнка*) and *dad* (*nana*) also ranked in the top 15. The Hungarian sample only included one reference to family members, ranking no. 14 of 15: *kistesó* (*small brother/sister*).

The appearance of *Jézuska* (*little Jesus*) and *szarv* (*horn*) can only be observed in the Hungarian results. In the Russian sample *крылышко* (*little wing*) and *крыльев* (*wings*) are over-represented when compared to the reference corpora. Both items may have religious/cultural connotations.

Table 12

Top 15 key single-words (without proper names, double occurrences)

№	Hungarian (HU100)		Russian (RU100)	
	word	frequency	word	frequency
1	<i>legózik (play Lego)</i>	13	<i>братик (bro)</i>	31
2	<i>babakonyha (dollhouse)</i>	11	<i>лего (Lego)</i>	15
3	<i>lego (Lego)</i>	8	<i>прятки (hide and seek)</i>	16
4	<i>bújóska (hide and seek)</i>	9	<i>догонялки (play tag)</i>	7
5	<i>babázik (play with dolls)</i>	10	<i>ребёнок (child)</i>	5
6	<i>szarv (horn)</i>	28	<i>дружить (be friends)</i>	49
7	<i>Jézuska (little Jesus)</i>	14	<i>сестрёнка (little sister)</i>	5
8	<i>társasozik (play board game)</i>	6	<i>домик (small house)</i>	4
9	<i>plüss (plush)</i>	12	<i>крылышко (little wing)</i>	10
10	<i>bújócskázik (play hide and seek)</i>	6	<i>крыльев (wings)</i>	3
11	<i>rosszkodik (misbehave)</i>	8	<i>чертить (draw)</i>	3
12	<i>dínókat (play with dinos)</i>	4	<i>карандаш (pencil)</i>	3
13	<i>fogócskázik (play tag)</i>	5	<i>чёрный (black)</i>	3
14	<i>kistesó (small brother/sister)</i>	8	<i>nana (dad)</i>	146
15	<i>póni (pony)</i>	10	<i>машинка (car [diminutive])</i>	46

Several examples of lacunas could be identified as a result of the keyword analysis. Lacunas are linguistic gaps, or lexemes with no equivalent in the other, contrasted culture/language. These lexical items can be explained in the light of the so-called lacuna theory [4, 18, 46]. The Russian word *дружить* (*to be friends*) is an example of a cross-cultural lacuna as the expression has no Hungarian equivalent. Its meaning is an activity when the participants stay together and spend time or play together as friends. Similarly, *társasozik* (*play board games*) is a widespread term often used by Hungarian children that does not have a clear equivalent in the Russian language.

A second type of keywords are key multi-words consisting of two lexemes, such as *igazi család* (*real family*). These words frequently appear together in the observed language; and, similar to key single-words, appear more frequently in the analysed corpus than in the reference corpus. Table 13 displays these strong word connections that are over-represented in the preschool children's corpus, with a minimum of three occurrences.

Similarly to the key single-word results (Table 12) the Russian sample contains more items connected to the family (*лучшая семья/best family*; *красивая семья/nice family*) as well as reference to family members (*младшая сестра/younger sister*). The key role of family in the Hungarian preschoolers' linguistic consciousness is reflected by the strongest keyword combination, *igazi család* (*real family*). However, there is no further example of the notion of family or of family members in the Hungarian list of most typical key multi-words.

Black and *white* are seemingly the most typical colours preschoolers actively use in both languages. They appeared six times of 18 in the Hungarian sample and three times of 17 in the Russian results. Two more colours were identified in the top results of the Hungarian sample including *red* (*piros szarv/red horn*) and *blond* (*szőke haj/blond hair*).

Table 13

Top key multi-words (with at least 3 occurrences)

№	Hungarian (HU100)		Russian (RU100)	
	multi-word	frequency	multi-word	frequency
1	igazi család (<i>real family</i>)	8	наименьший малыш (<i>tiny</i> [lit.: <i>smallest</i>] <i>baby</i>)	10
2	fehér ruha (<i>white dress/clothes</i>)	8	наименьший человек (<i>tiny</i> [lit.: <i>smallest</i>] <i>person</i>)	7
3	külföldi ember (<i>foreign person</i>)	6	настоящий дом (<i>real house/home</i>)	6
4	nagy gyerek (<i>big kid</i>)	5	плохое слово (<i>bad word</i>)	5
5	másik ország (<i>other country</i>)	5	чёрный цвет (<i>black colour</i>)	5
6	fekete szarv (<i>black horn</i>)	5	лучший друг (<i>best friend</i>)	4
7	rossz gyerek (<i>naughty kid</i>)	4	наибольший кирпич (<i>huge</i> [lit.: <i>largest</i>] <i>brick</i>)	4
8	szőke haj (<i>blond hair</i>)	4	лучшая семья (<i>best family</i>)	4
9	nagy ház (<i>big house</i>)	4	худший человек (<i>worst person</i>)	4
10	fekete ruha (<i>black dress/clothes</i>)	4	белый дом (<i>white house</i>)	3
11	fehér szárny (<i>white wing</i>)	4	наибольший дом (<i>huge</i> [lit.: <i>largest</i>] <i>house</i>)	3
12	fekete ceruza (<i>black pencil</i>)	3	игре прятки (<i>hide and seek game</i>)	3
13	plüss cica (<i>plush kitten</i>)	3	большая комната (<i>big room</i>)	3
14	rossz dolog (<i>bad thing</i>)	3	красивая семья (<i>nice family</i>)	3
15	emeletes ház (<i>storeyed house</i>)	3	младшая сестра (<i>younger sister</i>)	3
16	fehér a ruha (<i>the dress/clothes is white</i>)	3	наибольший человек (<i>huge</i> [lit.: <i>largest</i>] <i>person</i>)	3
17	piros szarv (<i>red horn</i>)	3	чёрный человек (<i>black person</i>)	3
18	Zsuzsi vonat (<i>Zsuzsi train</i>)	3		

Conclusions

Any interdisciplinary research such as the current one inevitably needs to take several perspectives into account. Thus, linguistic, psychological and pedagogical aspects were emphasised in the design, execution and interpretation of the study. Relying on the psychological and psycholinguistic theories [activity theory: Leontiev 1978; speech activity theory: Leontiev 1993; lacuna theory: Markovina 2006], as well as the methods [association experiment: Ufimtseva 2014a; shoulder-to-shoulder method: Griffin et al. 2014] and blending those with corpus linguistics and pedagogical theories [childhood as a social construction: James&Prout, 1997], the research aimed at shedding light on the linguistic consciousness of 4- to 5-year-old preschool children coming from the target cultures.

Applying perspectives stemming from multiple disciplinary fields and blending methods from both linguistic and pedagogical areas, contributed to gaining

an overall picture of Russian and Hungarian preschoolers' linguistic consciousness. In this cross-cultural research, not only an interdisciplinary approach was successfully applied, but the linguistic methods were also merged into an amalgam of the classical Russian psycholinguistic perspective and of the state-of-the-art corpus linguistic frame of reference.

The authors identified a significant proportion of universalistic features in terms of the Russian and Hungarian preschoolers' linguistic consciousness. A *family* is seen in both the Russian and the Hungarian sample as represented by the *mother* in first place, followed by the *father* (top 2 noun associations in both groups), the main characteristics of a family are *kindness* and being *good* (top 2 adjective associations in both samples) and the most representative emotion (verb) in both countries proved to be *love*. Similarly, in both groups, friend is described as a *kind*, *good* and *cute/nice* person, and is associated with the activities, to *love* and to *play* with. Furthermore, a child is characterised as *small*, *good* and *kind* in both samples, and main noun and verbal associations of a *child* include the response-words *baby/kiddy*, *mother*, to *grow up* and to *love*. The above results reconfirm that the linguistic consciousness in this age group bears a significant proportion of similar, universalistic features, with key notions of childhood (*friend*, *child*, *family*, *toy*, *home*) being similar across Hungarian and Russian cultures.

Nevertheless, a remarkable amount of culture- and language-bound items were identified in the research such as the strong association between *друг-другить* or *маленький-малыш* (*friend-to be friends*; *small-kiddy*): etymologically and morphologically similar words); and *чёрт-чёрточка-чёрный* (*small devil-line-black*: three lexical items in the Russian language of similar sounding but different etymology). Moreover, several phenomena of lacunarity [18, 46] were pinpointed in the research. The phenomenon of the Lacuna Paradox [46] between Hungarian and Russian stimulus words was identified, including the words *дом* (that denotes *house* and *home* at the same time in the Hungarian); the Hungarian word *játék* that denotes both *toy* (*игрушка*) and *game* (*игра*) in Russian; or *ördög* (*devil*) that can be equally translated into *дьявол* (*devil*), *чёрт* (*small devil*), *бес* (*demon*) or *сатана* (*Satan*).

Examples abound of the effects of globalization revealed on identifying objects and notions of modern technology, including *tablets*, *cartoons*, *brand names* (*Lego*, *Duplo*, *Trudi*). *Lego* and to *play with Lego* proved to be significantly over-represented in the children's responses (compared to the respective adults' corpora). Besides playing with *Lego*, preschoolers' linguistic consciousness precisely described some of the central activities of children in both countries. The key single-word analysis proved to be an effective tool for gaining insight into preschoolers' activities: *hide and seek*, *tag*, *play with dinos*, *with pony*, *play with dolls* or *draw*.

All in all, the selection of the 10 stimulus words and the more detailed analysis of the five items most closely connected with childhood (*friend*, *child*, *family*, *toy/game*, *home/house*), as well as their investigation with a combination of the association experiment, corpus linguistic methods and a pedagogical approach

assisted us in identifying and comparing Hungarian and Russian preschoolers' perception of the outside world in a more successful way.

References

1. Vygotsky, L.S. (1962) *Thought and language*. Cambridge MA: MIT Press. DOI: 10.1037/11193-000
2. Vygotsky, L.S. (1978) *Mind in society: The development of higher psychological processes*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
3. Leontiev, A.A. (1993) Yazykovoe soznanie i obraz mira [Language consciousness and the image of the world]. In: *Yazyk i soznanie: Paradoksal'naya ratsionalnost'* [Language and consciousness: Paradoxical rationality]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS. pp. 16–21.
4. Sorokin, J.A. (1993) Die Lakunen-Theorie. Zur Optimierung interkultureller Kommunikation. In: Ertelt-Vieth, A. (ed.) *Sprache, Kultur, Identität. Selbst- und Fremdwahrnehmungen in Ost- und Westeuropa*. Frankfurt am Main; Berlin: Peter Lang. pp. 163–173.
5. Tarasov, Y.F. (1996) Yazykovoe soznanie – perespektivy issledovaniya [Language consciousness – research perspectives]. In: *Etnokulturnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [The ethnocultural specificity of language consciousness], Moscow: Institute of Linguistics, RAS. pp. 7–22.
6. Ufimtseva, N.V. (2014a) Russian Psycholinguistics: Contribution to the Theory of Intercultural Communication. *International Communication Studies*. XXIII:1. pp. 1–13.
7. Ufimtseva, N.V. (2014b) The Associative Dictionary as a Model of the Linguistic Picture of the World. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 154. pp. 36–43. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.10.108
8. Lenart, I. (2017) Associations and verbal consciousness: an analysis based on four English and one Hungarian translation of Bulgakov's novel: The Master and Margarita. *Neohelicon*. 44. pp. 487–504. DOI: 10.1007/s11059-017-0386-9
9. Griffin, M., Lahman, M. & Opitz, M. (2014) Shoulder-to-shoulder research with children: Methodological and ethical considerations. *Journal of Early Childhood Research*. 14 (1). pp. 18–27. DOI: 10.1177/1476718X14523747
10. Kilgariff, A. et al. (2014) The Sketch Engine: ten years on. *Lexicography*. 1. pp. 7–36. DOI: 10.1007/s40607-014-0009-9
11. Hendrick, H. (2000) The child as a social actor in historical sources. In: Christiansen, P. & James, A. (eds) *Research with children*. London: Falmer Press.
12. Heywood, C. (2001) *A History of Childhood*. Blackwell Publishers Ltd.
13. Endrody-Nagy, O. (2016) Paintings and Illuminated Manuscripts as Sources of the History of Childhood: Conceptions of Childhood in the Renaissance. In: Benedek, A. & Veszelszki, Á. (eds) *In the Beginning was the Image: The Omnipresence of Pictures: Time, Truth, Tradition*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften. pp. 91–100.
14. Endrody-Nagy, O. (2018) A brief history of childhood – as seen on visuals. *Revista de Didácticas Específicas*. 19. pp. 100–107. DOI: 10.15366/didacticas2018.19
15. Scherba, L.V. (1974) *Language system and speech activity*. Leningrad: Nauka. (In Russian).
16. Ushakova, T.N. (2003) Yazykovoye soznaniye i prinzypy ego issledovaniya [Verbal consciousness and the principles of its research]. In: *Yazykovoye soznanie i tekst: teoreticheskiye i prikladnye aspekty* [Verbal consciousness and text: theoretical and practical aspects]. Barnaul. pp. 6–17.
17. Karaulov, Yu.N. (2000) Pokazatelyi natsionalnogo mentaliteta v associativno-verblanoy seti [National mentality indicators in an associative-verbal network]. In: Ufimtseva, N.V. (ed.) *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Language consciousness and image of the world]. RAN Institute of Linguistics. Moscow. pp. 191–206.

18. Markovina, I. & Sorokin, Y. (2006): The lacuna phenomenon and the problem of foreign culture comprehension: An experimental study of lacuna elimination strategies. In: Panasiuk, I. & Schröder, H. (Hrsg.) *Lakunen-Theorie: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung. Semiotik der Kultur*. Band 5. Münster-Berlin-Hamburg-London-Wien: LIT Verlag. pp. 154–160.
19. Ufimtseva, N.V. (2006) Etnopsikholingvistika: vchera i segodnya [Ethnopsycholinguistics: yesterday and today]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 4. pp. 92–100.
20. Galton, F. (1879) Psychometric experiments. *Brain*. 2. pp. 149–162.
21. Cramer, P. (1968) *Word Association*. London: Academic Press.
22. Nelson, D.L., McEvoy, C.L. & Schreiber, T.A. (1998) *The University of South Florida word association, rhyme, and word fragment norms*. [Online] Available from: <http://www.usf.edu/FreeAssociation/>.
23. De Deyne, S. & Storms, G. (2008) Word Associations: Network and semantic properties. *Behavior Research Methods*. 40/1. pp. 213–231.
24. Kovács, L., Orosz, K. & Pollner, P. (2012) Magyar szóasszociációk hálózata [The network of Hungarian word associations]. *Magyar Tudomány*. 6. pp. 699–705.
25. Gravino, P. et al. (2012) Complex structures and semantics in free word association. *Advances in Complex Systems*. 15/3-4. p. 1250054-1.
26. Bóta, A. & Kovács, L. (2015) The community structure of word association graphs. *The Proceedings of the 9th International Conference on Applied Informatics*. Eger. pp. 113–120.
27. Kovács, L. et al. (2020) Központi szavak és azok közösségei a mentális lexikon hálózataiban. In: Balázs, G., Imrényi, A. & Simon, G. (eds.) *Hálózat kutatás – Hálózatok a nyelvben*. Budapest: Magyar Szemiotikai Társaság. pp. 207–220.
28. Ufimtseva, N.V. (2009) Image of the world of Russians: the systemic characteristics and the content. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4 (8). pp. 98–111.
29. Kovacs, L. (2013) *Fogalmi rendszerek és lexikai hálózatok a mentális lexikonban* [Concept systems and lexical networks in the mental lexicon]. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
30. Kovacs, L. (2014) *Agykapocs.hu / Connectyourmind.com online database*.
31. Ufimtseva, N.V. (2011) *Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'* [Language consciousness: dynamics and variability]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS.
32. Vasilevich, A.P. (1987) *Issledovaniye leksiki v psikholingvisticheskom eksperimente* [Investigation of lexis in a psychological experiment]. Moscow: Nauka.
33. Ilyasov, I. (1974) *Psikhologicheskiye i fiziologicheskiye metody psikhologingvisticheskogo issledovaniya* [Psychological and physiological methods of psycholinguistic research]. In: Leont'ev, A.A. (ed.) *Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti* [Fundamentals of the theory of speech activity]. Moscow: Nauka.
34. Lengyel, Zs. (2008) *Encyclopedia of Hungarian Norms of Associations*. Budapest: Tinta Kiado.
35. Crotty, M. (ed.) (2008) *The foundations of social research: meaning and perspective in the research process*. Thousand Oaks, CA: Sage.
36. James, A. & Prout, A. (eds) (1997) *Constructing and Reconstructing Childhood*. In: *Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood*. London; Washington, D.C.: Falmer Press, Taylor & Francis Group. DOI: 10.4324/9781315745008
37. Karaulov, Yu.N. et al. (2002) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Vols 1, 2. Moscow: AST-Astel'.
38. Ufimtseva, N. et al. (eds) (2004) *Slavyanskiy Assotsiativnyy Slovar': Russkiy, Belorusskiy, Bolgarskiy, Ukrainskiy* [Slavic Associative Dictionary: Russian, Belorussian, Bulgarian, Ukrainian]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS.
39. Cherkasova, G.A. & Ufimtseva, N.V. (2014) *Russian Regional Associative Dictionary "EURAS"*. Moscow.

40. Sergieva, N.S. (2006) Semanticheskii geshtal't i yadro yazykovogo soznaniya russkikh [Semantic gestalt and the core of Russians' verbal consciousness]. 2006. *SUSU Bulletin. Social Sciences and Humanities*. 2 (57). pp.160–165.
41. Sokolova, T.V. (1998) *Assotsiativnyi tezaurus rebyenka 3–6 let* [The associative thesaurus of children aged 3 to 6]. Philology Dr. Diss. Astrakhan.
42. Meisinger, E.B. et al. (2004) Interaction quality during partner reading. *Journal of Literacy Research*, 36. pp. 111–140. DOI: 10.1207/s15548430jlr3602_1
43. Ginnis, P. (2007) *The Teacher's Toolkit*. Crown House, UK.
44. Benko, V. (2014) Compatible Sketch Grammars for Comparable Corpora. *Proceedings of the XVI EURALEX International Congress: The User In Focus*. 15–19 July 2014. Bolzano/Bozen: Eurac Research. pp. 417–430.
45. Leontiev, A.N. (1978) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity, Consciousness, and Personality]. Moscow: Politizdat.
46. Lenart, I. (2016) *Intercultural lacunae in Hungarian-Vietnamese communication, with emphasis on entrepreneurial interactions*. Doctoral dissertation. Budapest: Eotvos Lorand University.

Языковой образ мира детей дошкольного возраста: кросскультурное русско-венгерское сопоставительное исследование на основе словесных ассоциаций

И. Ленарт, И.Ю. Марковина, О. Эндроди

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, языковое сознание, раннее детство, психолингвистика, межкультурная коммуникация

Данное российско-венгерское кросскультурное междисциплинарное исследование посвящено изучению *языкового образа мира* или *языкового сознания* детей дошкольного возраста от 4 до 5 лет. С целью выявить сходства и различия в восприятии мира детьми авторы применили метод словесных ассоциаций. Были отобраны 10 слов-стимулов, на которые в ходе свободного ассоциативного эксперимента были получены реакции от респондентов исследуемой группы (N = 100 в каждой стране). Слова-стимулы отобраны таким образом, чтобы они обозначали понятия из ближайшего социального, материального и духовного окружения ребенка дошкольного возраста. Результаты, сгруппированные в частотные списки, сопоставили как фрагменты языкового сознания носителей венгерского и русского языков. Полученные данные позволяют установить, прежде всего, универсальные характеристики русского и венгерского языкового сознания в раннем детстве: например, схожим оказалось восприятие *семьи, друга, ребенка*. Исследование показало, что как российские, так и венгерские дети ассоциируют *семью* в первую очередь с *матерью*, а затем с *отцом*. И в том и в другом сознании *семья* характеризуется ассоциатами *добрый, хороший, любовь*. *Друг* описывается прилагательными *добрый, хороший*, а основные действия, ассоциируемые с другом, – *любить* и *играть*. В обеих группах *ребенок* описывается как *маленькое, хорошее и доброе* существо, а основными словесными ассоциациями на данный стимул являются: *малыш, мама, расти и любить*. В восприятии 10 исследованных понятий выявлены и расхождения, отчасти как результат различий лингвокультурного фона респондентов (например, ассоциативные поля слов-стимулов: *дьявол и ангел*), а отчасти как следствие языковой лакунарности, например *játék (игра / игрушка)*. На материале венгерских и русских параллельных слов-стимулов авторы также описывают феномен *лакунарного парадокса*. Например, слово *дом* (которое в венгерском языке означает *здание и жилище, квартира* одновременно); венгерское слово *játék*, которое в русском языке имеет значения «*игрушка*» и «*игра*»; или *ördög (дьявол)*, что может переводиться как *дьявол, чёрт, бес* или *сатана*. Результаты продемонстрировали эффекты глобализации в обеих культурах, о чем свидетельствует присутствие в ассоциативных полях названий междонародных торговых марок (*Lego*) и объектов современных технологий (*планшеты*).

Кроме того, исследование позволило выявить типичные занятия дошкольников, отраженные в их языковом образе мира: например, *прятки, метки, игры с динозаврами, пони, игры с куклами и рисование*. В заключение следует отметить, что сочетание психолингвистических и педагогических подходов оказалось эффективным способом изучения языкового сознания дошкольников, в частности представлений о социальном, материальном и духовном окружении, имеющем наиболее важное значение для русских и венгерских детей исследуемой возрастной группы.

УДК 811. 133. 1'37'42
DOI: 10.17223/19986645/72/6

Ю.С. Панова

**ФРЕКВЕНТАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ В ИНТЕРАКТИВНОМ БЛОКЕ
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
ФРАНЦУЗСКОГО ДИАЛОГА (НА МАТЕРИАЛЕ
СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

Статья посвящена выявлению и исследованию характерных особенностей наименьшей единицы диалогического текста посредством интеграции семантико-прагматического подхода. Проводится детальный лингвистический анализ когезивных отношений как между интерактивными блоками коммуникативно-прагматической структуры диалога, так и между репликами внутри интерактивного блока. Автор вводит дефиницию термина «фреквентальные цепочки» в качестве наименьшей единицы диалога. Отмечается коммуникативная преэминентность составляющих когезивных отношений реплик на основе выстроенных типичных моделей.

Ключевые слова: диалог, структура диалогического текста, когезия, когеренция, реплика, связь реплик, интерактивный блок, диалогическое единство, фреквентальные цепочки, наименьшая единица диалога

Введение

Важную дискуссионную проблему в филологической науке составляет членение диалогического текста на определенные фрагменты. Исследования структуры диалога с позиции различных критериев довольно популярны среди лингвистов. Так, некоторые научные работы посвящены интенциональным постулатам диалогов в рамках коммуникативного подхода [1, 2]. Многие исследователи описывают особенности минимального диалога с позиции стратегий и выявляют языковые характеристики коммуникативного шага в качестве минимальной единицы диалога [3, 4]. Подавляющее большинство лингвистических работ по структуре диалогического текста представляют описание композиционно-речевых форм диалога либо семантико-синтаксических групп в структуре диалогического текста [5, 6]. Необходимо признать, что исследования по проблеме выявления минимальной единицы диалога на уровне связей между репликами не проводились.

Средства выражения когеренции наблюдаются на всех уровнях коммуникации, и исследования базовой связности диалога изначально сосредоточивались именно на них. В итоге средства связи, объединяющие совокупное пропозициональное содержание высказываний в диалоге, а также лексико-синтаксические средства их выражения были изучены и описаны как в отечественной лингвистической литературе, так и во французской лингвистике (Н.Д. Арутюнова, А.И. Сергеев, Г.В. Беркаш, О.Г. Боровик, Т.Г. Винокур, Ван Дейк, С. Kerbrat-Orecchioni и др.).

Однако довольно часто наблюдаемая в диалогических текстах асинтаксичность и асемантичесность связи реплик (локутивных актов), отсутствие четких грамматических и лексических маркеров смысловой связи не раз озадачивали лингвистов. Проблема прагматической когеренции до сих пор остается нерешенной.

В рамках коммуникативно-прагматической структуры диалога понимается следующая иерархия компонентов: «речевой акт, речевой ход / реплика, интерактивный блок / диалогическое единство (далее ДЕ), речевая транзакция» [7. С. 7–8]. В данной статье мы рассматриваем в качестве базовой структуры некорректировочного интерактивного блока диалога модель с двумя ходами. Отметим, что проблема выделения моделей с тремя ходами поднимает довольно сложный вопрос о ложных когезивных отношениях, имеющих место в диалогической речи.

Как правило, «описание формальной минимальной единицы структуры художественного диалогического текста осуществляется на основе характеристик понятия связности» [8. С. 260].

Применение семантико-прагматического подхода предполагает «конкретизацию базового инвариантного значения связности реплик посредством частной подкатегории цельности, интеграции и пресуппозиции. К функционально-коммуникативному маркеру цельности относится коммуникативная интенция реплик» [8. С. 260]. Подкатегория цельности связывает реплику-стимул и реплику-реакцию.

В нашем исследовании под когезией понимается «связь реплик между интерактивными блоками» [9. С. 200], в то время как под термином «когеренция» понимается связь между репликами внутри интерактивного блока (внутри ДЕ).

Вслед за Г.Р. Власяном реплику мы рассматриваем как «отрезок диалога, строго ограниченный сменой говорящих» [10. С. 13].

Необходимость должного понимания коммуникативной природы связи как между ДЕ, так и внутри ДЕ требует введения в научный оборот понятия «фреквентальные цепочки» или минимальные единицы диалога (как разновидности семантико-прагматических моделей связи между репликами в диалоге), поскольку явление фреквентальной цепочки (альтернатирующей) оказывается определяющим относительно выявления разновидности семантико-прагматических моделей связи между репликами в диалогическом тексте.

Так как основательное описание структурной организации диалогического текста осуществляется путем более детального проникновения в структуру диалога и дифференциации понятия связи реплик (речевых актов), то возникает вопрос, поставленный впервые в лингвистике: можно ли считать формальной наименьшей единицей диалога совокупность составляющих альтернатирующих или фреквентальных цепочек / совокупность элементов «когеренции» [11. С. 179] внутри интерактивного блока и когезии между блоками? И каким образом проявляется категория преемственности между когеренцией внутри блока и когезией между интерактивными блоками диалога?

Таким образом, поставленные вопросы дают основание изучить наименьшую единицу диалога, рассматривая когезию и когеренцию с точки зрения семантико-прагматического подхода в отношении интерактивного блока, а также составить модели связи реплик по частотным характеристикам, что, в свою очередь, прояснит категорию преэмптивности их составляющих.

В связи с обозначенными проблемами в нашем исследовании мы использовали научный метод лингвистического анализа, метод конверсационного анализа, модульный анализ вербальной интеракции современной французской лингвистики. Для подбора примеров с целью получения наиболее достоверных результатов применялся метод сплошной выборки, при котором учитываются заявленные в исследовании языковые единицы по мере их встречаемости в процессе чтения текста. Использование количественного метода позволило выявить наиболее частотные характеристики минимальной единицы диалога.

Материалы исследования

В качестве примеров в нашем исследовании мы рассматривали художественный диалогический текст, поскольку данный вид диалога является так называемым каноническим. Выбор диалогов из романа «L'étrange voyage de Monsieur Daldry» современного французского писателя Марка Леви объясняется тем, что оригинальный авторский метод отводит диалогам первостепенное место в произведении. Главы романа почти целиком состоят из диалогов. Примечательно, что Марк Леви использует прием «самоустранения», позволяя персонажам действовать самостоятельно. Как правило, это достигается в отсутствие глаголов говорения в авторских репликах, а зачастую и самих авторских реплик при вводе речи героев. Всего в ходе исследования проанализировано 133 диалога (453 интерактивных блока, 1359 реплик) общим объемом 349 страниц. На основе количественного метода в статье рассмотрены примеры диалогов, обладающие наиболее типичным набором заявленных характеристик.

Отметим существенные особенности когезии между интерактивными блоками. Представленный пример диалога характеризуется такими видами связи, как следование и нанизывание, признанные частотными в нашем исследовании:

– Dites-moi qu'il y a le feu et que votre hystérie soudaine n'a d'autre raison que de me sauver des flammes, soupira ce dernier d'un air pincé. (1)

– D'abord, onze heures du soir une veille de week-end n'est pas une heure indue, et puis je supporte vos gammes assez souvent pour que vous tolériez un peu de bruit pour une fois que je reçois! (2)

– Vous recevez vos bruyants camarades tous les vendredis, et vous avez pour regrettable coutume de forcer systématiquement sur la bouteille, ce qui n'est pas sans effet sur mon sommeil. Et, pour votre gouverne, je ne possède pas de piano, les gammes dont vous vous plaignez doivent être l'oeuvre d'un autre voisin,

peut-être la dame du dessous. Je suis peintre, mademoiselle, et non musicien, la peinture, elle, ne fait pas de bruit. Que cette vieille maison était calme quand j'en étais le seul occupant! (3)

– Vous peignez? Que peignez-vous exactement, monsieur Daldry? demanda Alice. (4)

– Des paysages urbains. (5)

– C'est drôle, je ne vous voyais pas peintre, je vous imaginais... (6)

– Vous imaginiez quoi, mademoiselle Pendelbury? (7)

– Je m'appelle Alice, vous devriez connaître mon prénom puisque aucune de mes conversations ne vous échappe. (8)

– Je n'y suis pour rien si les murs qui nous séparent ne sont pas épais. Maintenant que nous sommes officiellement présentés, puis-je retourner me coucher ou souhaitez-vous poursuivre cette conversation sur le palier ? (9)

– Qu'est-ce qui ne tourne pas rond chez vous ? demanda-t-elle. (10) [12. P. 15–16].

В работе будем использовать таксономию речевых актов (далее РА) Дж. Серля [13. С. 242–264], так как большинство лингвистов считают ее наиболее приемлемой. Реплика (1) начинает речевую транзакцию, является репликой-стимулом и представляет собой «иллокутивный директивный речевой акт» [13. С. 242–264; 14. С. 5]. Как известно, «иллокутивная сила представляет собой интегральную характеристику высказывания» [15. С. 15]. Реплика-реакция (2) продолжает интерактивный блок «Week-end», является информативным РА, а также представляет собой негативную реакцию, выражающую интенцию возражения. Все существующие реплики-реакции подразделяются на 4 типа: «позитивная реакция (заверение, полное согласие, обещание); негативная реакция (несогласие, четкое возражение, отказ); неопределенная реакция (вопрос-уточнение, удивление, всякого рода сомнение); встречная инициатива (ответный директив)» [16].

Речевой ход (3) содержит 4 речевых акта: 3 информативных РА и последний – экспрессивный РА. Первый и второй РА продолжают интерактивный блок «Week-end». Как уже упоминалось во введении, конкретизация категории связности реплик осуществляется путем коммуникативно-прагматических подкатегорий интеграции и пресуппозиции. Путем частной интеграции объединяются ближние отрывки текста, путем дальней – дистантно расположенные текстуальные отрывки; действие общей интеграции распространяется на весь диалогический текст, объединяя глобальные подразделения художественного диалогического текста. В прагматике лингвистическая пресуппозиция определяется как «акт отсылки к факту, который известен (предполагается известным)» [17. С. 296]. Третий РА содержит переход к следующему интерактивному блоку «La peinture» посредством дальней интеграции и тотальной пресуппозиции. В данной ситуации наглядно констатируется проявление такой связи между интерактивными блоками, как нанизывание [18. С. 9]. Реплика-реакция (4) относится к неопределенным (выражает интенцию удивления в вопросе-уточнении) и представлена двумя РА: оба относятся к иллокутивным ин-

террогативным РА. Речевой ход (5) содержит информативный РА. Реплика (6) относится к неопределенной реакции (выражает интенцию сомнения) и является иллюкутивным информативным РА. Речевой ход (7) – это реплика-стимул, и он представлен интеррогативным РА, который инициирует следующий интерактивный блок «Le grénot» при частной интеграции и частичной пресуппозиции. Такой тип когезии называется следованием. Речевой ход (8) содержит репрезентативный РА, так как заявлена интенция осуждения («vous devriez connaître...»). Данный речевой ход является негативной реакцией (выражается интенция возражения) и завершает интерактивный блок «Le grénot». Речевой ход (9) представлен двумя РА. Первый относится к информативному РА, второй – к иллюкутивному интеррогативному РА, ибо его форма отлична от содержания. В данном случае присутствует интенция побуждения к действию.

Реализация сущностного подхода к исследованию структуры диалога предполагает отразить характерные особенности когеренции между репликами внутри интерактивного блока.

Возможные типы связи внутри интерактивного блока характеризуются следующими дифференциальными особенностями: «в типе А (прагматическая связь) 1) определенным соответствием семантической, прагматической, структурной и просодической сторон связи реплик; 2) четким реагированием в реплике-реакции на рематический элемент реплики-стимула; 3) двумя репликами, которые могут быть потенциально объединены в одну клаузу; для типа Б (импликационная связь) характерна семантическая, прагматическая связность реплик при явном расхождении в их синтаксисе, а иногда и совершенное отсутствие прагматической связности (тип В); тип В (непрагматическая связь) связи реплик предполагает смысловое соотношение реплик, строящееся на имплицатуре. При этом, как правило, наблюдается факт смещения либо очевидного расхождения коммуникативных установок собеседников, реакция участника диалогической коммуникации, как правило, не строится по программе, заданной репликой-стимулом, т.е. не соблюдается принцип «коммуникативного сотрудничества» [19. С. 13].

В данном примере реплика-стимул (1) и реплика-реакция (2) выражают импликационный тип когеренции между репликами внутри интерактивного блока, так как присутствует семантическая связность реплик (беспокойство во время уикенда) и прагматическая (выражение негодования в реплике (1) – выражение оправдания в реплике (2), несмотря на потенциальные фреквенталии (их потенциально невозможно объединить в одну клаузу при очевидном расхождении реплики-стимула и реплики-реакции в синтаксисе).

В реплике-стимуле (3) и реплике-реакции (4) при отсутствии прагматической связности наблюдается семантическая связность при расхождении их в синтаксисе. Данный факт говорит о присутствии связи типа Б (импликационной).

Реплика-стимул (5) и реплика-реакция (6) характеризуются прагматическим типом когеренции внутри ДЕ, так как в данном случае наблюдается

соответствие семантической, прагматической, структурной и просодической сторон связи реплик. Реагирование в реплике-реакции производится на речевой элемент реплики-стимула. К тому же эти две реплики могут быть потенциально объединены в одну клаузу.

Речевые ходы (7) и (8) объединены импликационным типом когеренции, поскольку существует семантическая, прагматическая связность реплик при расхождении их в синтаксисе.

Речевые ходы (9) и (10) объединяются посредством непрагматической когеренции (тип В), ибо в данном случае наблюдается смещение коммуникативных установок. Смысловое содержательное соотношение реплик построено, следовательно, на имплицатуре.

Рассмотрим следующую коммуникативную ситуацию, которая демонстрирует реплику-стимул, выраженную информативом и интеррогативом, а также реплику-реакцию, выраженную информативом и интеррогативом. Представленные реплики являются частотными в нашей работе:

- Toi ma fille, j'ai déjà vu ton visage, siffle la voyante. (1)
- Depuis le temps que vous m'observez! (2)
- Tu ne crois pas à mes dons, n'est-ce pas? (3)
- Je suis d'une nature rationnelle, répondit Alice. (4)
- Menteuse, tu es une artiste, une femme autonome et volontaire, même s'il arrive que la peur te freine. (5)
- Mais qu'est-ce que vous avez tous ce soir à vouloir que je sois apeurée? (6)
- Tu n'avais pas l'air rassuré en venant vers moi. (7)

Le regard de la voyante plongea plus avant dans celui d'Alice. Son visage était maintenant tout près du sien.

- Mais où ai-je déjà croisé ces yeux ? (8)
- Dans une autre vie, peut-être? répondit Alice d'un ton ironique. (9) [12. С. 28–29].

Реплика (1) представляет собой инициацию речевой транзакции, являясь репликой-стимулом, выраженной иллокутивным информативным РА. Реплика (1) начинает интерактивный блок «Les dons». Реплика-реакция (2) содержит иллокутивный экспрессивный РА и относится к негативной реакции (выражает интенцию возражения). Речевой ход (3) состоит из иллокутивного интеррогативного РА. Реплика-реакция (4) представлена иллокутивным информативным РА, заканчивая интерактивный блок «Les dons». В данном случае проявляется неопределенная реакция (выражена интенция сомнения). Следующая реплика-стимул (5) является иллокутивным информативным РА, она открывает интерактивный блок «Les qualités personnelles» посредством частной интеграции и тотальной пресуппозиции. Такая связь между интерактивными блоками называется «следование», в ситуации, когда один РА заканчивает ДЕ, а следующий РА начинает другое ДЕ. Речевой ход (6) – это реплика-реакция, относящаяся к неопределенным (выражена интенция удивления), содержит иллокутивный интеррогативный РА. Речевой ход (7) представлен иллокутивным информа-

тивным РА. Реплика (8), являясь иллюкутивным интеррогативным РА, инициирует интерактивный блок «Déjà vu». Таким образом, переход от одной темы к другой в данном примере свидетельствует о связи следования при частной интеграции и тотальной пресуппозиции. Речевой ход (9) продолжает данный интерактивный блок, представляя собой иллюкутивный интеррогативный РА. Реплика-реакция относится к неопределенным, так как в данном случае выражена интенция сомнения.

Реплика-стимул (1) и реплика-реакция (2) связаны прагматическим типом связи внутри интерактивного блока «Les dons», поскольку характеризуются конкретным соответствием семантической, прагматической сторон связи реплик. Обе реплики в данном контексте потенциально могут быть объединены в одну клаузу. К тому же реагирование происходит на рематический элемент «j'ai déjà vu» реплики-стимула. Реплика-стимул (3) и реплика-реакция (4) объединены также прагматическим типом связи, так как выражают соответствие семантической, прагматической составляющей связи реплик, при очевидном реагировании на рематический элемент «à mes dons», что позволяет объединить их в одну клаузу. В репликах (5) и (6) наблюдается идентичный случай: реагирование на рематический элемент реплики-стимула (6) «la peur te freîne». Реплика-стимул (7) остается без реагирования и прерывается авторской репликой, что является характерной чертой прагматического типа когеренции. В репликах (8) и (9) наряду с реагированием на рематический элемент реплики-стимула «où» появляется возможность потенциального объединения двух реплик в одну клаузу.

Обратим внимание на нижеприведенный диалог, иллюстрирующий иную лингвистическую ситуацию. Данный пример демонстрирует проявление частной и дальней интеграции, а также тотальной пресуппозиции, которые признаются наиболее частотными в нашем исследовании:

- Je l'ai vu, murmura-t-elle, il était là. (1)
- Le médecin est venu, dit Daldry. Un dimanche et jour de Noël, il faut qu'il soit consciencieux. (2)
- Ce n'était pas un médecin. (3)
- Il en avait pourtant tout l'air. (4)
- J'ai vu l'homme qui m'attend là-bas. (5)
- Très bien, dit Daldry, nous en reparlerons dès que vous irez mieux. En attendant, reposez-vous. J'ai l'impression que vous avez déjà un peu moins de fièvre. (6)
- Il est bien plus beau que je ne l'imaginais. (7)
- Je n'en doute pas une seconde. Je devrais attraper la grippe moi aussi, Esther Williams viendrait peut-être me rendre visite...Elle était irrésistible dans *Emmenez-moi au bal*. (8)
- Oui, murmura Alice dans un demi-délire, il m'emmènera au bal. (9)
- Parfait, pendant ce temps-là je pourrai dormir tranquille. (10)
- Je dois partir à sa recherche, chuchota Alice, les yeux clos, il faut que j'aïlle là-bas, je dois le retrouver. (11)

– Excellente idée ! Je vous suggère néanmoins d’attendre quelques jours. Je ne suis pas tout à fait certain que, dans votre état, le coup de foudre soit réciproque. (12) [12. P. 72].

Реплика-стимул (1), состоящая из одного иллокутивного информативного РА, инициирует интерактивный блок «la visite d’un homme». Реплика-реакция (2) содержит два РА. Оба представлены иллокутивными информативными РА. Реплика (2) относится к позитивной реакции, так как в данном случае выражена интенция заверения. Речевой ход (3) также является информативным РА. Речевой ход (4) принадлежит к позитивной реакции, выражающей интенцию заверения. Реплика (5) представляет собой иллокутивный информативный РА. Данный речевой ход инициирует интерактивный блок «l’homme qui m’attend» посредством частной интеграции и тотальной пресуппозиции. Таким образом, связь между интерактивными блоками является линейной, т.е. выражается в следовании одной темы за другой. Речевой ход (6) состоит из трех РА: первый и третий принадлежат к иллокутивным информативным РА, второй – к директивному РА. В данном контексте выражена позитивная реакция, так как присутствует интенция согласия. Реплика-стимул (7) продолжает данный интерактивный блок и является иллокутивным информативным РА. Реплика-реакция (8) содержит четыре иллокутивных информативных РА. Реакция принадлежит к позитивным, так как выражается интенция согласия. Данный РА заканчивает интерактивный блок «l’homme qui m’attend» и инициирует следующий интерактивный блок «partir à sa recherche», который продолжается в реплике (9). Такая когезия между интерактивными блоками называется «нанизывание», поскольку реплика (8) одновременно заканчивает один и начинает другой интерактивный блок при дальней интеграции и тотальной пресуппозиции. Речевой ход (9) представляет собой реплику-стимул, являясь иллокутивным информативным РА. Реплика-реакция (10) относится к позитивным, так как выражает интенцию согласия. Данная реплика содержит иллокутивный информативный РА. Реплика-стимул (11) представлена иллокутивным информативным РА. Речевой ход (12) является позитивной реакцией, поскольку выражен интенцией согласия. Он состоит из трех РА, первый из которых экспрессивный РА, второй и третий – иллокутивные информативные РА.

Рассмотрим когеренцию между репликами внутри ДЕ. Реплики (1) и (2) объединены прагматическим типом связи, так как детерминирует возможность объединения в одну клаузу. Реагирование в реплике (2) происходит на рематический элемент (il était là) реплики (1). Определенное соответствие семантической стороне связи проявляется в единстве сюжета двух реплик, соответствие прагматической стороне связи – в интенции заверения в реплике (2) по отношению к реплике (1). Реплики (3) и (4) соответствуют просодической, структурной стороне связи. При этом они также могут быть объединены в одну клаузу с семантической постоянной (единный сюжет) и реагированием на рематический элемент реплики-стимула (3). С прагматической стороны реплики (3) и (4) также весьма очевидно

соответствуют друг другу при выражении интенции заверения, что доказывает объединение реплик с помощью прагматического типа когеренции. Реплики (5) и (6), принадлежащие следующему интерактивному блоку, связаны импликационным типом когеренции, поскольку частично соответствуют семантической составляющей (единство сюжета в первом и втором РА), а также прагматической стороне (интенция согласия в реплике-реакции). Однако достаточно очевидно их расхождение в синтаксисе. Аналогичным образом реализуется объединение реплик (7) и (8). Реплики (9) и (10) при некотором соответствии прагматической (интенция согласия) и семантической (развитие сюжета) составляющим невозможно объединить в одну клаузу, что соответствует импликационному типу связи. Речевые ходы (11) и (12) при реагировании в реплике (12) на речематический элемент реплики (11) не могут образовать одну клаузу, хотя прагматическая (интенция согласия) и семантические (единый сюжет) стороны соблюдены. Таким образом, в данном случае также превалирует импликационный тип когеренции реплик.

Результаты

Итоги проведенного анализа диалогических единств наглядно представлены в табл. 1, отражающей частотность заявленных явлений.

Таблица 1

Типичные элементы когезии и когеренции в количественных показателях

Когезия между ДЕ	Элемент / ед.
Тип связи реплик	Следование – 249
	Нанизывание – 188
	Развертывание – 12
	Включение – 3
Подкатегория интеграции	Частная интеграция – 682
	Дальняя интеграция – 677
Подкатегория пресуппозиции	Тотальная пресуппозиция – 432
	Частичная пресуппозиция – 20
Когеренция внутри ДЕ	
Тип связи реплик	Импликационный – 804
	Прагматический – 411
	Непрагматический – 144
Подкатегория цельности / Реплика-стимул (РА)	Реплика-стимул – информатив – 437
	Реплика-стимул – интеррогатив – 120
	Реплика-стимул – директив – 81
	Реплика-стимул – комиссив – 20
	Реплика-стимул – экспрессив – 20
	Реплика-стимул – декларация – 2
Реплика-реакция (РА)	Реплика-реакция – информатив – 376
	Реплика-реакция – интеррогатив – 216
	Реплика-реакция – экспрессив – 50
	Реплика-реакция – декларация – 30
	Реплика-реакция – директив – 4
	Реплика-реакция – комиссив – 3

Когезия между ДЕ	Элемент / ед.
Тип реплики-реакции	Позитивная реплика-реакция – 442 Неопределенная реплика-реакция – 202 Негативная реплика-реакция – 18 Встречная инициатива реплика-реакция – 17
Прагматический тип РА	Иллокутивные РА (форма и содержание совпадают) – 1343 Перлокутивные РА (форма отлична от содержания) – 16

Итак, когезию между диалогическими единствами мы описывали с помощью таких экстралингвистических подкатегорий, как интеграция, пресуппозиция. Когезия проявляется такими типичными видами связи, как следование и нанизывание (отмечаются в 249 и 188 случаях соответственно). Такие виды связи, как развертывание и включение, не считаются типичными в нашей работе, так как присутствуют в 12 и 3 случаях соответственно.

Проявления частной и дальней интеграции, которые признаны типичными в нашем исследовании, встречаются в 682 и 677 случаях соответственно. Тотальная пресуппозиция проявляется в 432 случаях, частичная пресуппозиция встречается лишь в 20 случаях, поэтому признается нетипичной.

Когеренцию мы исследовали на основе следующих лингвистических составляющих: принадлежность реплики-стимула и реплики-реакции к определенному РА, таксономия реплики-реакции, иллокуция / перлокуция РА. Когеренция внутри диалогического единства проявляется такими типичными видами связи, как импликационная и прагматическая. Данные типы связи представлены в 804 и 411 случаях соответственно. Непрагматический вид связи не признан типичным в нашем исследовании, так как встречается лишь в 144 случаях.

Реплика-стимул, выраженная информативом и интеррогативом, признанная типичной, встречается в 437 и 120 случаях соответственно. Реплика-стимул, содержащая директив, комиссив, экспрессив, декларацию не считается типичной в нашей работе (встречается в 81, 20, 20, 2 случаях соответственно). Что касается реплики-реакции, то в качестве типичных признаются реплики, содержащие информатив, интеррогатив (встречаются в 376 и 216 случаях соответственно). Реплики, содержащие экспрессив, декларации, директив, комиссив, признаны нетипичными в нашем исследовании, так как встречаются в 50, 30, 4, 3 случаях соответственно. Позитивная реплика-реакция отмечается в 442 случаях, неопределенная реплика-реакция наблюдается в 202 случаях, что дает основание считать их наиболее частотными в диалогах романа. Негативная реплика-реакция и встречная инициатива признаются нетипичными (встречаются в 18 и 17 случаях соответственно). Иллокутивные РА, чья форма совпадает с содержанием, например интеррогативный РА, представляющий вопрошание, отмечаются в качестве типичных, а перлокутивные РА, когда форма отлична от содержания, например интеррогативный РА, содержащий призыв

к действию, расцениваются как нетипичные, так как встречаются в 1343 и 16 случаях соответственно.

Таким образом, полученные частотные характеристики заявленных лингвистических явлений позволяют выстроить типичные модели фреквентальных цепочек когезии реплик между ДЕ и когеренции внутри ДЕ, а также предположить определенную коммуникативную преемственность составляющих (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Модели фреквентальных цепочек

Модель 1	Элементы связи реплик
Когезия между ДЕ	Следование
Подкатегория интеграции	Частная интеграция
Подкатегория пресуппозиции	Тотальная пресуппозиция
Когеренция внутри ДЕ	Импликационный тип (семантическая и прагматическая связность реплик при расхождении в синтаксисе)
Подкатегория цельности	Иллокутивный информативный РА
Реплика-стимул	
Реплика-реакция	Позитивная; информативный РА
Модель 2	
Когезия между ДЕ	Нанизывание
Подкатегория интеграции	Дальняя интеграция
Подкатегория пресуппозиции	Тотальная пресуппозиция
Когеренция внутри ДЕ	Прагматический тип (соответствие семантической, прагматической, структурной, просодической сторонам речи при возможности объединения реплик в одну клаузу, реагирование в реплике-реакции на рематический элемент реплики-стимула)
Подкатегория цельности	Иллокутивный интеррогативный РА
Реплика-стимул	
Реплика-реакция	Неопределенная; интеррогативный РА

По результатам исследования представлены две типичные модели фреквентальных цепочек связи художественного диалога в произведении Марка Леви. Обе модели отражают связь реплик между диалогическими единствами и связь внутри диалогических единств. Когезия между интерактивными блоками выражена посредством связи следования, при которой в первом речевом блоке развивается одна тема, во втором – другая. При нанизывании один речевой блок заканчивает одну тему и начинает другую. В данном случае также отражены действия категории частной интеграции, объединяющей ближние отрывки текста и дальней интеграции, объединяющей дистантно расположенные пласты текста. То, что тотальная пресуппозиция превалирует, можно попытаться объяснить действием общей интеграции, распространяющейся на весь диалогический текст.

Когеренция внутри интерактивных блоков диалогов в романе Марка Леви выражается посредством импликационного и прагматического типов

связи реплик, где действуют довольно разветвленные схемы набора перекрестных характеристик. Так, импликационный тип связи зачастую представляет обмен информацией. Прагматический тип, как правило, предполагает переспрос либо встречный вопрос. Как следствие, реплика-стимул представлена иллокутивным информативным речевым актом и иллокутивным интеррогативным речевым актом. Реплика-реакция представляет собой позитивную или неопределенную реакцию, выраженную, в свою очередь, информативным и интеррогативным речевыми актами.

По итогам проведенного исследования представляется возможным сделать вывод, что на уровне семантико-прагматического подхода к структуре диалога фреквентальные цепочки связи – это формальные минимальные единицы диалога, лишенные лексического содержания.

В свою очередь, коммуникативная преемственность составляющих такой цепочки определяется набором наиболее частотных показателей. Тот факт, что когеренция внутри интерактивного блока проявляется посредством непрагматического типа связи менее всего в диалогах романа Марка Леви, можно объяснить тем, что непрагматический тип связи предполагает некую незапланированность.

Когезия между интерактивными блоками реже всего реализуется с помощью таких типов связи, как развертывание и включение. Как правило, развертывание и включение предполагают алогичность. Полученные результаты позволяют заключить, что данная преемственность связана, возможно, с функциональной нагрузкой литературно обработанного диалога.

Обе полученные модели фреквентальных цепочек связи реплик в диалогах романа Марка Леви представляют собой иерархическую модель компонентов, которую можно назвать прототипической. На основе набора компонентов данной модели возможно описать структуру связи реплик любого диалогического текста с применением семантико-прагматического подхода.

Таким образом, полученные в работе результаты могут служить базой для дальнейшего изучения регулятивных механизмов при описании фреквентальных цепочек связи между репликами диалога.

Литература

1. *Ширяев Е.Н.* Структура интенциональных конфликтных диалогов разговорного языка // Проблемы речевой коммуникации : межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2000. С. 80–85.
2. *Петрусь Т.В.* О некоторых особенностях структуры и функций диалога в художественном тексте // Семантика. Функционирование. Текст: К 70-летию со дня рождения С.В.Черновой : межвузовский сборник научных трудов с международным участием. 2018. С. 155–160.
3. *Пащенко М.А.* Выявление единиц коммуникации: коммуникативно-стратегический подход // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 1 (92). С. 119–124.
4. *Волошина Т.Г., Гурьева И.А.* К вопросу о минимальной коммуникативной единице диалога // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 9–5. С. 18–20.

5. Кудряшова А.Н., Гузь Ю.А. Структурные особенности диалогической речи. Минимальная диалогическая единица // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 96–103.
6. Гаркуша А.А. Коммуникативная организация диалога художественного дискурса (на материале современной французской литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 27 с.
7. Панова Ю.С. Структурно-коммуникативные особенности диалога в новеллах Андре Моруа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 22 с.
8. Панова Ю.С., Исаева А.Ю. Особенности функционирования категории связности в диалогическом тексте // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 259–266.
9. Костюшкина Г.М. Современные направления во французской лингвистике. Изд. стереотип. М. : ЛИБРОКОМ, 2016. 304 с.
10. Власян Г.Р. Структурные и коммуникативно-прагматические основы изучения диалогического дискурса: Дискурс: функционально-прагматический и когнитивный аспекты / отв. ред. Е.Н. Азнавеева. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2008. 154 с.
11. Рыжова Л.П. Французская прагматика. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2015. 240 с.
12. Marc Levy. L'étrange voyage de Monsieur Daldry. Editions Robert Laffont, S.A., Susanna Lea Associates. Paris, 2011. 349 p.
13. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170–184.
14. Разгуляева А.В. Функционирование директивов в диалогических единствах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 20 с.
15. Быков Д.В. Функционально-прагматическая характеристика фразорефлексов французского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2003. 18 с.
16. Казарцева О.М. Культура речевого общения. М. : Флинта, 1999. 496 с.
17. Николаева Н.А. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. 478 с.
18. Бобырева Е.В. Семантика и прагматика инициальных и финальных реплик диалога : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1996. 21 с.
19. Сафроний С.М. Синтактико-стилистические особенности действия подкатегории связности в художественном диалогическом тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 17 с.

Frequent Chains in the Interactive Section of the Communicative-Pragmatic Structure of the French Dialogue (On the Material of Modern Fiction)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 119–133. 10.17223/19986645/72/6

Yulia S. Panova, Tula State University (Tula, Russian Federation). E-mail: julie.panova2015@mail.ru

Keywords: dialogue, dialogic structure of text, cohesion, coherence, conversation turn, links between turns, interactive unit, dialogic unity, frequent chain, smallest unit of dialogue.

The article aims to consider linguistic features of coherence and cohesion, to identify the smallest unit of dialogue in the communicative and pragmatic structure, to make typical models of the smallest unit of dialogue. The material of the study is a French dialogic text taken from the modern writer Marc Levy's novel *The Strange Journey of Mr. Daldry*. The methods employed are linguistic analysis, conversation analysis, the modular analysis of verbal interaction used in modern French linguistics, the continuous sampling method, the quantitative method. A literary dialogic text was analyzed because it represents a so-called canonical type of dialogue. At the first stage, the author introduces the definition of the term *frequent chain* as the smallest unit of dialogue, conducts a detailed linguistic analysis of the

cohesive relations between the interactive blocks of the communicative and pragmatic structures of the dialogue. At the level of a semantic and pragmatic approach to the structure of the dialogue, frequent communication chains are formal minimal units of the dialogue, devoid of lexical content. There are significant features of cohesion between interactive units comprising a stimulus-turn and a reaction-turn expressed by speech acts. The interactive unit most often combine sequence and string-like types of turns. Frequency is recognized as private and foreign integration, as well as total presuppositions. At the second stage, within the framework of the implementation of an essential approach to the study of the structure of the dialogue, the author reveals the characteristic features of coherence between the turns within the interactive block. Implication and pragmatic coherence are recognized as frequency types. At the third stage, the author notes the communicative continuity of the components of the cohesive relations of the turns based on the architecture of the typical models. The communicative succession of the components within such a chain can be determined by a set of the most frequent indicators. Coherence inside the interactive block can be revealed by means of the implicative and pragmatic types of connection between utterances while the non-pragmatic type of connection is considered to be untypical. This could be explained by the fact that this type implies some lack of planning. The implication type of communication is often an exchange of information. The pragmatic type usually involves a second question or a counter question. Cohesion between interactive blocks is predominantly obtained by such types of connection as sequence (in the first speech block, one topic develops, in the second speech block-the another topic) and string-like arrangement (one speech block ends one topic and begins the another topic) while explication and implication are viewed as untypical in this research. As a rule, explication and implication require incoherence. The result of this research allows presuming that the succession under consideration is connected with the functional load of the literary standardized dialogue. The literary dialogue is more informative and has a more dynamic plot devised by the writer rather than the dialogue in oral communication which is characterized by its spontaneous nature and rapid change of subjects in interaction blocks.

References

1. Shiryayev, E.N. (2000) Struktura intentsional'nykh konfliktnykh dialogov razgovornogo yazyka [The structure of intentional conflict dialogues of the colloquial language]. In: Kormilitsyna, M.A. (ed.) *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of speech communication]. Saratov: Saratov State University. pp. 80–85.
2. Petrus', T.V. (2018) O nekotorykh osobennostyakh struktury i funktsiy dialoga v khudozhestvennom tekste [On some features of the structure and functions of dialogue in a literary text]. In: Kalinina, L.V. (ed.) *Semantika. Funktsionirovanie. Tekst. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya S.V. Chernovoy* [Semantics. Functioning. Text. On the occasion of the 70th anniversary of the birth of S.V. Chernovaya]. Kirov: Raduga-Press. pp. 155–160.
3. Pashchenko, M.A. (2013) Vyyavlenie edinit kommunikatsii: kommunikativno-strategicheskii podkhod [Identification of communication units: a communicative-strategic approach]. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta – Transbaikalian State University Journal*. 1 (92). pp. 119–124.
4. Voloshina, T.G. & Gur'eva, I.A. (2016) K voprosu o minimal'noy kommunikativnoy edinitse dialoga [On the minimum communicative unit of dialogue]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii – Modern Trends in the Development of Science and Technology*. 9-5. pp. 18–20.
5. Kudryashova, A.N. & Guz', Yu.A. (2015) Strukturnye osobennosti dialogicheskoy rechi. Minimal'naya dialogicheskaya edinita [Structural features of dialogic speech. Minimal dialogic unit]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2. pp. 96–103.
6. Garkusha, A.A. (2004) *Kommunikativnaya organizatsiya dialoga khudozhestvennogo diskursa (na materiale sovremennoy frantsuzskoy literatury)* [Communicative organization of

the dialogue of artistic discourse (based on the material of modern French literature)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

7. Panova, Yu.S. (2011) *Strukturno-kommunikativnye osobennosti dialoga v novellakh Andre Morua* [Structural and communicative features of dialogue in the novels of André Maurois]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.

8. Panova, Yu.S. & Isaeva, A.Yu. (2014) Features of Continuum Category Functioning in Interlocution. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 3. pp. 259–266. (In Russian).

9. Kostyushkina, G.M. (2016) *Sovremennye napravleniya vo frantsuzskoy lingvistike* [Contemporary trends in French linguistics]. Moscow: LIBROKOM.

10. Vlasyan, G.R. (2008) Strukturnye i kommunikativno-pragmatische osnovy izucheniya dialogicheskogo diskursa [Structural and communicative-pragmatic foundations of the study of dialogical discourse]. In: Aznacheeva, E.N. (ed.) *Diskurs: funktsional'no-pragmaticheskiy i kognitivnyy aspekty* [Discourse: functional-pragmatic and cognitive aspects]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.

11. Ryzhova, L.P. (2015) *Frantsuzskaya pragmatika* [French pragmatics]. 2nd ed. Moscow: LENAND.

12. Levy, M. (2011) *L'étrange voyage de Monsieur Daldry*. Paris: Robert Laffont.

13. Searle, J. (1986) A classification of illocutionary acts. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 17. Moscow: Progress. pp. 170–184. (In Russian).

14. Razgulyaeva, A.V. (2000) *Funktsionirovanie direktivov v dialogicheskikh edinstvakh* [The functioning of directives in dialogic unities]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

15. Bykov, D.V. (2003) *Funktsional'no-pragmaticheskaya kharakteristika frazeorefleksov frantsuzskogo yazyka* [Functional and pragmatic characteristics of phraseoreflexes of the French language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Pyatigorsk.

16. Kazartseva, O.M. (1999) *Kul'tura rechevogo obshcheniya* [Culture of speech communication]. Moscow: Flinta.

17. Nikolaeva, N.A. (1978) Lingvistika teksta [Linguistics of the text]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 8. Moscow: Progress.

18. Bobyрева, E.V. (1996) *Semantika i pragmatika initsial'nykh i final'nykh replik dialoga* [Semantics and pragmatics of the initial and final phrases of the dialogue]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.

19. Safroniy, S.M. (1986) *Sintaktiko-stilisticheskie osobennosti deystviya podkategorii svyaznosti v khudozhestvennom dialogicheskom tekste* [Syntactic and stylistic features of the action of the subcategory of connectivity in dialogic fiction text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

УДК 81.37; 811.811
DOI: 10.17223/19986645/72/7

Т.С. Рыжкова, И.В. Зайкова

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЕМ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *FRIENDLY* В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается семантический объем прилагательного friendly в современном английском языке. Материалом послужили данные этимологических и толковых словарей, тексты британского корпуса английского языка и корпуса современного американского английского языка. Выявлены не зафиксированные лексикографическими источниками значения и новые сферы употребления, что свидетельствует о значительном расширении семантического объема прилагательного за счет окказионального метафорического расширения.

Ключевые слова: семантика, этимология, значение слова, семантический объем слова, семантические изменения, контекстный анализ, лексема *friendly*

Неотъемлемой частью современной лингвистики является теоретическое исследование лексического значения слова и практическое описание его семантического объема, увеличение или уменьшение которого обусловлено реакцией языка на политические, экономические и социально-культурные преобразования в обществе. Типичные для большинства языков мира изменения конца XX – начала XXI в. напрямую связаны с достижениями человечества в области науки и техники, процессом глобализации и стремительным развитием информационных технологий. Некоторые слова теряют свою актуальность и выходят из активного употребления, другие, напротив, в диахроническом измерении увеличивают свой семантический объем за счет перераспределения семантических компонентов слова, что позволяет данным лексическим единицам номинировать или описывать объекты в иных сферах жизнедеятельности человека.

Как показывает анализ научной литературы, вопросы семантических изменений слов находятся в центре внимания исследователей (Н.Г. Комлев, И.А. Стернин, Л. Блумфилд, А. Бланк, П. Кох, С. Дайу, Т. Братли, Й. Гжега и др. [1–3, 4–7]). Ученые концентрируются на лингвистических и нелингвистических феноменах семантических изменений слова. Так, Н.Г. Комлев анализирует взаимодействие лексического понятия и денотата в разных словах и условиях употребления, представляет в историческом ракурсе взгляды на значение слова, описывает возможные компоненты содержательной структуры слова [8]. И.А. Стернин, исследуя семантику слова в коммуникативном аспекте, предлагает коммуникативную модель лексического значения, которая учитывает возможные семантические реализации слова на примере имени существительного в русском языке [9]. А. Бланк выявляет основные лингвистические, психологические и социокультурные причины семантических изменений [10]. Аналогичные факто-

ры, а также исторические аспекты, влияющие на семантику слов английского и албанского языков, исследует С. Дайу [11]. Семантические изменения слов в диахроническом аспекте активно изучают Д.Т. Виджая и Р. Енитерзи. Авторы проводят кластерный анализ нескольких слов, выявляя семантические изменения, основанные на одновременном появлении связанных слов с течением времени [1]. А. Ятовт, К. Дау исследуют изменения лексических значений слов во времени, рассматривая семантические изменения на лексическом уровне, на уровне контрастной пары, на уровне тональности [2].

Научный интерес лингвистов также сосредоточен на вопросах систематизации семантических изменений слов. Е.Р. Лухан разрабатывает подробную классификацию типов семантических изменений, выявляя их причины, согласно которым данные изменения могут быть семасиологическими, основанными на связи между референтами, или ономасиологическими, для которых основа семантических изменений лежит в языковой связи слова с другими словами [3]. Следуя данной классификационной схеме, Т. Братли проводит этимологический анализ термина *digital*, выявляет его семантические изменения и использование термина в новом контексте [12].

Анализ научной литературы показывает, что при всей многоаспектности исследований, связанных с лексическим значением слова и семантическими изменениями конкретных единиц языка, лексема *friendly* остается пока мало изученной. Авторы в основном сконцентрированы на изучении лексем *friend* и *friendship*. А.В. Скворцова уделяет внимание оценочному компоненту концепта *friend* [13]. Е.С. Опря, исследуя концепт «друг» в молодежном узусе английского языка, проводит анализ дефиниций номинаций *bro* и выделяет семантические поля лексем с данным корнем, сама лексема *friend* остается вне поля зрения [14]. Е.С. Рябкова анализирует концепты *друг* и *дружба* в контексте лингвокультурологии [15]. М.В. Зимина и М.В. Бойко с помощью ассоциативного эксперимента исследуют значимые компоненты концепта *friendship* в американском английском языке [16]. Как показал анализ значительного количества работ, в настоящий момент отсутствуют научные исследования, посвященные изучению лексемы *friendly*, ее семантический объем до сих пор не установлен.

Цель настоящего исследования – изучить семантический объем прилагательного *friendly* и выявить полисемантический потенциал данной лексемы в современном английском языке.

Достижение данной цели предопределило постановку следующих задач: анализ словарных дефиниций, контекстное изучение семантики прилагательного, исследование интенсивности и закономерности проявления его значений, установление статистической активности в современном английском языке.

Для решения поставленных задач использованы следующие методы исследования: обобщение, наблюдение и интерпретация, контекстуальный анализ, квантитативные методы исследования семантики: количественные и статистические оценки.

Материалом послужили этимологические и толковые словари английского языка, публицистические и художественные тексты конца XX – начала XXI в., представленные в британском корпусе английского языка (BNC) [17] и в корпусе современного американского английского языка (COCA) [18].

Прилагательное *friendly* является производным словом от существительного *friend* – друг, которое восходит к древнеанглийскому *frēond*, далее к готскому *frijōnds*, образованного в свою очередь от готского глагола *frijōn* – любить [19–22]. Согласно данным этимологических словарей первые упоминания об исследуемом прилагательном относятся к древнеанглийскому периоду истории развития языка, в котором основным семантическим наполнением является выражение доброжелательного отношения, ср.: *freondlic* ‘well-disposed, kindly’ [23].

Обратимся к толкованиям словарных дефиниций ряда современных лексикографических источников, тщательный и всесторонний анализ которых позволит в полной мере выявить зафиксированные в современном английском языке существующие значения *friendly*, а также наиболее адекватно оценить в дальнейшем семантический объём лексемы.

Oxford Advanced Learner’s Dictionary выделяет следующие основные значения, которые напрямую соотносятся с мотивирующим словом *friend*, поскольку выражают дружелюбное и доброжелательное отношение ‘behaving in a kind and pleasant way’, дружеское расположение ‘as though you are among friends’ партнеров по коммуникации в различных социальных ситуациях или дружеское отношение в рамках межличностного общения ‘treating somebody as a friend’, ср.:

1) behaving in a kind and pleasant way because you like somebody or want to help them;

2) showing kindness; making you feel relaxed and as though you are among friends;

3) friendly (with somebody) treating somebody as a friend [24. P. 622].

Таким образом, основной семой прилагательного *friendly* следует считать дружеское расположение к партнеру по коммуникации, потому что он вам нравится ‘because you like somebody’ [24. P. 622] или, потому что вас связывают с ним дружеские отношения ‘you like each other and enjoy spending time together’, основанные на симпатии (*liking*), расположении (*goodwill*) и доверии (*trust*), ср.: ‘showing or expressing liking, goodwill, or trust’ [25]. В первом случае речь идет о выражении дружеского расположения в процессе вербальной и невербальной коммуникации во время социальных контактов с целью создания дружеской, непринужденной атмосферы общения. Во втором случае при помощи прилагательного *friendly* описываются различные проявления дружбы и дружеских взаимоотношений.

Следующее значение, которое выделяют современные толковые словари английского языка, относится уже не к сфере межличностных взаимоотношений, а описывает отношения между странами в сфере внешней политики ‘especially of the relationship between countries’, ср.:

- not treating sb/sth as an enemy [24. P. 622];
- not hostile [26];
- when they have good relations with your own country rather than being an enemy [25].

Таким образом, прилагательное *friendly* характеризует отношения между странами как дружеские, мирные, добрососедские, что означает для сферы внешнеполитических отношений двух государств взаимную поддержку в политических вопросах и неведение агрессивной экономической политики или военных действий друг против друга.

Анализ толкований исследуемой лексики в современных английских словарях позволяет выделить значение, которое относится к событиям, играм или спортивным мероприятиям, важной составляющей которых является не соревновательный или конкурентный компонент 'not seriously competing against each other' [24. P. 662], 'not seriously competitive' [27. P. 359], а получение удовольствия от спортивного состязания или иного мероприятия, совершенствование тактических навыков, ср.: *a friendly match* – товарищеский матч, товарищеская встреча; *a friendly game* – товарищеская игра / встреча, дружеская партия (шахм.). В данном значении 'не соревновательный', т.е. 'товарищеский' у прилагательного *friendly* признак дружественности актуализируется лишь косвенно, поскольку товарищеский матч не означает того, что игроки или команды участников будут друзьями или дружески расположенными друг к другу спортсменами. Такого рода товарищеские матчи или встречи проводятся не в рамках соревнований, чемпионатов или кубков 'not in competition for cup' [28. P. 394], без особых притязаний на победу 'often without any serious effort to win' [25] с целью получения практических навыков 'to practice skills' [29], ср.:

- a friendly match is a match played for pleasure merely, not in competition for cup [28. P. 394];
- a friendly match is a match which is not part of a competition, and is played for entertainment or practice, often without any serious effort to win [25];
- a friendly game is not part of a competition but is played for fun or to practise skills [29].

Следует отметить активное употребление прилагательного *friendly* в значении 'товарищеский' в современной прессе, в частности в спортивных новостных колонках, например: *Scotland beat Jamaica in World cup friendly match* [30]; *Wales will visit the Netherlands for a friendly match ahead of their opening Euro 2020 fixture in Azerbaijan* [31]; *Italy and Argentina will play a friendly match at Manchester City's Etihad Stadium on Friday, 23 March* [32]; *"I talked with him three years ago when we had a friendly game with Hannover against Norwich," he revealed* [33].

В сочетаниях типа *a friendly argument* – дружеский спор, *a friendly rivalry* – дружеское соперничество, дружеское соревнование, дружеский поединок (шахм.) речь идет не о выражении дружеских чувств во время спора или поединка, а о дружеской атмосфере, характерной для такого рода событий. В дружеском соперничестве важной составляющей является при-

обретение практических навыков не в жесткой, конкурентной среде ‘unpleasantly competitive’ [34. P. 734], в которой ситуация проигрыша или поражения эмоционально воспринимается достаточно тяжело, а в доброжелательной обстановке, не вызывающей отрицательных эмоций или неприятных чувств ‘not causing or containing unpleasant feelings’ [35. P. 553], ср.:

– done for pleasure or practice and so not causing or containing unpleasant feelings [37. P. 553];

– free from ill feeling [36. P. 189];

– not seriously or unpleasantly competitive or divisive [34. P. 734].

Стремление прилагательного *friendly* оценивать и описывать не только поведенческую характеристику человека, но и целый ряд объектов, явлений или событий с позиции доброжелательного отношения значительно расширяет сферу употребления исследуемой лексики, что ведет к появлению новых значений. Словари английского языка фиксируют значение ‘благоприятный’ – ‘favourable’, которое в зависимости от контекста может варьироваться в переводе, ср.: ‘одобряющий’ – ‘favouring’, ‘showing approval’, ‘ready to approve’; ‘оказывающий поддержку’ – ‘showing support’; ‘помогающий, способствующий’ – ‘helping’, ср.:

– favouring, ready to accept ideas [35. P. 553];

– showing support or approval [26];

– supporting; helping; favorable [25];

– favourably disposed, ready to approve [28. P. 394].

Так, например, словосочетание *a friendly wind* [25] переводится как *попутный ветер*, что считается одним из факторов благоприятных погодных условий, особенно в открытом море.

Последовательный анализ толкований исследуемой лексики позволяет определить следующее значение прилагательного *friendly*, активное употребление которого относится, прежде всего, к военной сфере, что обусловлено этимологически антиномией *друг – враг*, ср.:

– (of troops or equipment) belonging to, or in alliance with one's forces [34. P. 734];

– involving or coming from actions of one's own forces [26].

Таким образом, в военной сфере прилагательное *friendly* актуализируется в значении ‘свой’ – ‘belonging to one's own forces’, ‘союзнический’ – ‘in alliance with one's forces’, например: *friendly troops* – *свои войска*; *friendly mine* – *мина, установленная своими войсками*. Словосочетание *a friendly fire*, которое означает ‘огонь по своим’, употребляется для описания ситуации, когда случайным образом в ходе военных действий люди погибают от нанесения удара по своим силам, ср.: ‘friendly fire – in a war, if people are killed or injured by friendly fire, they are hit by a bomb or weapon that is fired by their own side’ [24. P. 622], например: ‘The soldiers were killed **by friendly fire** when the pilot thought they were the enemy’ [35. P. 553].

Дальнейший анализ толковых словарей выявляет словарные дефиниции, описывающие качественную, точнее, техническую характеристику

предметов, в которой актуализируется значение ‘удобный’ – ‘serviceable’, ‘легкий в использовании’ – ‘easy to use’, ср.:

- serviceable, convenient, opportune [24. Р. 394];
- easy to use or understand [26].

Появление данного значения следует считать вполне закономерным, вызванным реакцией языка на изменения в обществе, которые обусловлены как развитием информационных технологий, так и усилением конкуренции среди производителей электроники. В XXI в. для обладателя электронного устройства актуальными становятся быстрое овладение многочисленными функциями гаджета или бытового прибора и их использование в повседневной жизни, ср.: *a friendly set of computer icons* [25] – удобный набор компьютерных иконок; *friendly computer software* [26] – дружественное программное обеспечение, т.е. обеспечение, понятное пользователю, например: ‘*This software is much **friendlier** than the previous version*’ [24. Р. 622].

В сознании носителей английского языка дружелюбный человек ассоциируется с лёгкостью в общении, ср.: *friendly* – ‘easy to get on with’ [37. Р. 465]. Электронное устройство, которое является удобным и легким в использовании, характеризуется аналогичным образом при помощи прилагательным *friendly*.

Анализ словарных дефиниций выявляет достаточное количество устойчивых словосочетаний прилагательного *friendly* и существительного (*friendly* + *a noun*) в сфере экономики при описании или характеристике экономических терминов, например: *a friendly takeover* – дружественное поглощение. Данное словосочетание используется для обозначения процесса выкупа компании по обоюдному согласию сторон, ср.: ‘*a friendly takeover is one in which a company has agreed that another company should buy it*’ [29].

Приведем примеры устойчивых словосочетаний, которые дает Longman Business English Dictionary: *a friendly bid* – предложение о добровольном поглощении, ср.: ‘*a takeover bid that is wanted by the company that the bid is for*’ [38. Р. 40]; *a friendly merger* – дружеское слияние, добровольное слияние, ср.: ‘*a merger that the shareholders of both companies agree should happen*’ [38. Р. 299]. Таким образом, прилагательное *friendly* обладает в составе приведенных выше словосочетаний значением ‘добровольный’, ср.: *What started as a friendly merger agreement deteriorated as the banks argued what price Bank of New York would pay Northeast* [38. Р. 299].

Следует отметить в современном английском языке большое количество сложных прилагательных, в состав которых входит прилагательное *friendly*. Анализ толковых словарей позволяет выделить следующие два значения. Первое используется для характеристики разного рода объектов и предметов, ситуаций, событий, условий, которые позиционируются как ориентированные на удовлетворение определенных нужд пользователя или определенную категорию пользователей ‘*designed or intended to accommodate particular needs, users, etc.*’ [26], например: *business-friendly* –

благоприятный для ведения бизнеса, *kid-friendly website* – веб-сайт для детей. Следовательно, прилагательное *friendly* в составе сложного прилагательного выполняет семантическую нагрузку ‘ориентированный на’. Второе значение прилагательного *friendly* позиционируется как ‘безопасный’, ср.: ‘not damaging or harming something’ [39. Р. 313], например: *eco-friendly* – экологически-безопасный.

В ходе анализа словарных дефиниций удалось выделить достаточное количество значений прилагательного *friendly*. Так, наряду со значениями, напрямую мотивированными производящим словом *friend*: ‘дружеское отношение’ к окружающим людям в сфере межличностных отношений, ‘дружественное отношение’ к нации или государству в сфере внешнеполитических отношений, был выделен ряд значений, которые позволяют описывать объекты, явления, ситуации или события в иных сферах общественной практики человека:

- ‘товарищеский’ в сфере физкультуры и спорта;
- ‘свой’, ‘союзнический’ в военной сфере;
- ‘удобный’, ‘легкий в использовании’ в сфере информационных технологий;
- ‘добровольный’ в области экономики;
- ‘безопасный’ в области экологии;
- ‘ориентированный на’ в сфере услуг.

Значение ‘благоприятный’ актуализируется в разных сферах жизнедеятельности человека, связанных в большей степени не с процессом коммуникации, а с описанием качественной характеристики неодушевленных объектов, событий, явлений. В данном случае речь идет о том, что некие объекты и явления в силу определенных обстоятельств оцениваются как оказывающие помощь и поддержку, т.е. благоприятствующие какой-либо деятельности человека. Таким образом, происходит метафорическое переосмысление феномена дружбы как более простого и понятного при попытке описания новых, более сложных, непонятных, отвлеченных областей знания и опыта.

В результате изучения статей толковых словарей и словарей синонимов выявлены 54 лексические единицы, образующие синонимический ряд к прилагательному *friendly* [27, 28, 35–37, 40–42]. Наличие большого количества синонимов значительно облегчает определенной лексической единице освоение новых сфер употребления. Так, прилагательное *friendly*, по данным Collins Dictionary, входит в число 4 000 наиболее употребительных лексических единиц современного английского языка [26].

С целью более объективного выявления значений лексемы *friendly* и описания ее семантического объема на современном этапе развития английского языка мы поставили задачу дополнить проведенный дефиниционный анализ результатами контекстного изучения употребления исследуемого слова на материале британского корпуса английского языка (BNC) и корпуса современного американского английского языка (COCA).

Методом сплошной выборки каждым из авторов статьи было проанализировано десять тысяч фрагментов публицистических и художественных

текстов с прилагательным *friendly* в порядке убывания начиная с 2019 г. Ввиду высокой степени согласованности полученных результатов в дальнейшем анализе был использован метод усредненного мнения экспертов. Следуя логике данного метода, был произведен подсчет частоты семантического распространения *friendly* по формуле

$$x = (a + b) / 2,$$

где x – среднее арифметическое значение количества употреблений определенной семы *friendly* в 10 000 контекстах; a и b – данные, присвоенные каждым из экспертов.

Результаты проведенного исследования представлены в таблице.

Сводная таблица количества выявленных значений прилагательного *friendly*

Значение 'friendly'	Количество выявленных значений (эксперт 1)	Количество выявленных значений (эксперт 2)	Средний показатель выявленных значений
Дружеский	8066	8002	8034
Благоприятный, выгодный	426	420	423
Безопасный, экологически безопасный	376	418	397
Дружественный	225	275	250
Ориентированный на	241	219	230
Свой, союзнический	206	200	203
Удобный, легкий в использовании	170	184	177
Товарищеский	138	142	140
Добровольный	70	50	60
Согласованный	42	44	43
Досудебный	18	22	20
Полезный	18	22	20
Дополнительный	4	2	3

Исследование показало, что самым употребительным является значение 'дружеский', которое проявляется в межличностной коммуникации и этимологически ближе всего связано с производящим словом *friend* (8034 употребления на 10 000 примеров). Следует уточнить, что данное значение присутствует у прилагательного с древнеанглийского периода развития языка и до сих пор не теряет своей актуальности, например:

She was nice looking and well dressed, and had a friendly face [18]; *It's a nice place just to have a friendly chat with fellow designers* [18]; *Just some friendly advice* [18].

Второе место по частоте употреблений (423/10 000) у исследуемого прилагательного занимает значение 'благоприятный', 'выгодный', которое актуализируется во многих областях общественной практики, в частности, в экономической сфере, например:

*It's also **friendly** to credit card newbies because Discover waives the first late-payment fee, charges no annual fee and provides a free credit-monitoring service [18].*

На третьем месте по частоте использования (397/10 000) следует назвать значение 'безопасный' или 'экологически безопасный', что вполне объяснимо сложившейся непростой экологической ситуацией в мире и осознанием необходимости гармоничного сосуществования с природой, например:

*The Greek government was desperate for more income to counter the financial crisis, and introduced new construction laws which allowed bigger and taller buildings, as long as they conformed to **environmentally friendly standards** [18]; The new **eco-friendly transport scheme** is jointly-funded by the national park [17].*

Четвертым по частоте употреблений следует значение 'дружественный' (250/10 000), которое, как правило, проявляется в политической и внешне-политической сферах, например:

*We now import over 2/3rd of the oil and gasoline that we use, and only 30% of the imports come from countries that are safe and **friendly** to the US [20]; The USSR had successfully cultivated military relationships founded on arms sales with a number of radical pro-Soviet or **friendly regimes** and states in the Middle East and South and Southeast Asia [19]; That there were divisions within the Politburo was indicated by the absence of Stalin, Trotsky, Bukharin, Tomsky, and Zinoviev from the **friendly farewell ceremonies** for the ARA [17].*

Пятое место занимает значение 'ориентированный на' (230/10 000), которое актуализируется в составе сложных прилагательных при описании объектов, направленных на определенную категорию пользователей за исключением сферы ИТ-технологий, например:

*The makers behind Vine have created a new **child-friendly version** of their app [17]; All I ask is that you only share it if it is a **family friendly site** that doesn't contain offensive material [18]; Second, they need to transfer that mess to the private sector by reversing the **investor friendly policies** that contributed to the current situation [18]; I think the real difference at this point is that Texas is still reasonably **business friendly** [18].*

На шестом месте находится значение 'свой', 'союзнический' (203/10 000), которое свойственно в большинстве случаев только военной сфере, например:

*Around 90 percent of the city has been cleared of ISIS militants in recent days, but there have been setbacks including **friendly fire** bombing that killed Philippine soldiers in recent days [18]; **Friendly forces** would need to eliminate or neutralize these weapons as rapidly as possible in order to ensure Drogon's safety [18].*

Седьмое место по частоте использования занимает значение ‘удобный’, ‘легкий в использовании’ (177/10 000), относящееся к техносфере и сфере информационных технологий, например:

*Smart PLS 3.2.6 has been used for all computations related to this study due to **user friendly interface**, level of measurement, normality of data issues, nature of study and small sample size requirements [20]; Maybe his final design will be more practical and **user friendly** [20]; I have been struggling to use Quickbooks Online for months; and having been a database manager for 12 years, and I have to say it is the most non-user **friendly application** I have ever seen! [18].*

Следует отметить, что в сфере ИТ-технологий наблюдается все более устойчивое употребление лексемы *friendly* не в составе сложного прилагательного ‘*user-friendly*’, а в качестве самостоятельной единицы, дефинирующей качественные характеристики продукта, производимого в сфере информационных и инновационных технологий, ср.:

*Picture Publisher's main attraction is its **friendly interface** [17]; RTM lets you email in (or Jott) new tasks, has Google Homepage and Mac widgets, and is generally a **friendly application** [18].*

Значение ‘не соревновательный’, ‘товарищеский’ занимает восьмое место (140/10 000), и наблюдается, соответственно, в спортивной сфере, например:

*Wolf Hanke, right, hands off the paddle board during the last leg of a **friendly competition** that featured past and present Laguna Beach lifeguards [20]; This Saturday Ipswich play the East Super League side Blueharts in a **friendly game** at Tuddenham Road (11.30 am) [17].*

На девятом месте располагается значение ‘добровольный’ (60/10 000) в экономической сфере:

*In January, Pfizer announced it would seek a **friendly merger** with London-based AstraZeneca [18]; Norton stock jumped 17 percent after the company agreed to a \$ 1.8-billion **friendly takeover** by a French firm [18].*

Проведенный контекстуальный анализ позволил выявить значения исследуемой лексемы, не зафиксированные в современных словарях английского языка, что свидетельствует о поступательном расширении семантического объема и освоении новых сфер при описании объектов, явлений или событий, которые возникают в жизни человека благодаря расширению общественных практик.

Так, например, совершенно новой для прилагательного *friendly* является область юриспруденции, в которой данная лексема реализуется в качестве антропоморфного термина-метафоры¹, отражая человеческие чувства, ощущения и отношения, например:

¹ Отметим, что в современных исследованиях установлена значительная степень распространности метафорической модели как одного из продуктивных способов образо-

- a friendly witness – свидетель, дающий показания в пользу выставившей стороны;
- a friendly suit – иск, предъявленный по соглашению сторон;
- a friendly settlement – мировое соглашение;
- a friendly amendment – дружественная поправка, т.е. поправка, которая вносится к обсуждаемому ходатайству в качестве дополнительного разъяснения и принимается без голосования.

В словосочетании *a friendly witness*, которое характеризует свидетеля как дающего показания в пользу выставившей стороны, актуализируется значение ‘свой’, т.е. в данном случае раскрываются семантические возможности лексемы, позволяющие описывать новые явления общественной жизни с позиции старого, знакомого, привычного, ср.:

It's not that it will necessarily stop people from committing fraud, but it will certainly help their hand when negotiating with people they accuse of fraud into testifying on behalf of the government, for example, as a friendly witness or even admitting a fault without going to trial [18].

В словосочетании *a friendly suit* четко прослеживается новое значение ‘согласованный’ (в количественном соотношении 43/10 000), ср.:

Obviously a friendly suit at law is the best solution: I say friendly on purpose, because we have no hostility to Mr. Nobel, and I believe he has none to us. But he makes this assertion, and if he can prove this assertion we are bound to stand by the result and give him that compensation which is required [18].

Далее в словосочетании *a friendly settlement* (20/10 000), которое является результатом проведения примирительных процедур и заключается на основе уступок сторон в гражданском судопроизводстве, актуализируется новое значение, не зафиксированное словарями, ‘досудебный’, ср.:

If an application is declared admissible, and a friendly settlement cannot be achieved, the subsequent decisions of the Court are binding on the United Kingdom [17].

Следующий пример словосочетания *a friendly amendment* (3/10 000) позволяет говорить о новом семантическом признаке исследуемого прилагательного ‘дополнительный’, ‘поясняющий’, ср.:

In commenting on that quotation, President Obama, at the end of his presidential term, offered, in his words, a “friendly amendment” [18]; I just wanted to propose one small amendment to it, a friendly amendment, Senator [18].

Контекстуальный анализ семантического расширения объема лексемы *friendly* в области юриспруденции подтверждается значительным количеством примеров на материале стенограмм заседаний Парламента Велико-

британии и официальных отчетов о заседаниях (Hansard) [46] и заседаниях Верховного суда США (US Supreme Court) [47], ср.:

*My Lords, we should say, yet again, that this is intended to be a **friendly amendment** [48]; Under the present system the commission has played a valuable role in facilitating **friendly settlement**, which I know is appreciated by other member states [48]; In the intervening years, however, the posture of the litigation has changed so drastically as to leave it largely a **friendly suit** between the plaintiffs (respondents Bradley et al.) and the original principal defendant, the Detroit School Board [47].*

Так, например, значение исследуемого прилагательного ‘досудебный’ репрезентировано в материалах стенограмм заседаний парламента Великобритании и официальных отчетах (Hansard) в 260 примерах; значение ‘дополнительный’, ‘поясняющий’ – в 46 примерах; ‘согласованный’ – в 28 примерах.

Следующее значение прилагательного *friendly* реализуется в области медицины с новой семантической составляющей ‘полезный’ (20/10 000). Как и в юриспруденции, в данной сфере *friendly* является антропоморфным термином-метафорой, например:

*That finding supports the idea that the immune system grants visas to **friendly microbes** while keeping out dangerous interlopers. Newborns rein in their own immune systems to allow bacteria to take hold, one study found [20]; Of course, this is all hampered if your digestion is awry, and so it's important to make sure that you're repopulating your gut with strong, **friendly bacteria** via probiotic foods such as kefir or sauerkraut [18].*

Обобщая вышеизложенные значения современных толковых словарей и значения, не зафиксированные лексикографическими источниками, представим графически семантический объем прилагательного *friendly* в процентном соотношении в зависимости от частоты употребления на десять тысяч лексических единиц, представленных в британском корпусе английского языка (BNC) и в корпусе современного американского английского языка (COCA).

Следует отметить, что семантические возможности исследуемого прилагательного позволяют ему осваивать новые области в социокультурной сфере в процессе динамичного развития общественных отношений, например *TV-friendly* – ‘телегеничный’, ср.:

*Gordon Reece, a former television producer, had been working with Thatcher since 1970, coaching her on how to be more **TV-friendly** [48].*

Действительно, актуализация новой семы не зафиксирована словарями, не представлена в основных контекстах исследуемых корпусов языка, характеризуется единичными случаями употребления, но тем не менее позволяет очертить новые направления семантического расширения исследуемой лексемы, открывая перспективы дальнейшего исследования в области семантики. На современном этапе развития английского языка данную

сему можно позиционировать как окказиональное метафорическое расширение исследуемой лексемы.

Проведенный теоретический и эмпирический анализ позволил изучить семантический объем лексемы *friendly*, а также выявить её полисемантический потенциал в современном английском языке, обозначить новые сферы общественных отношений, в которых актуализируется исследуемое прилагательное.

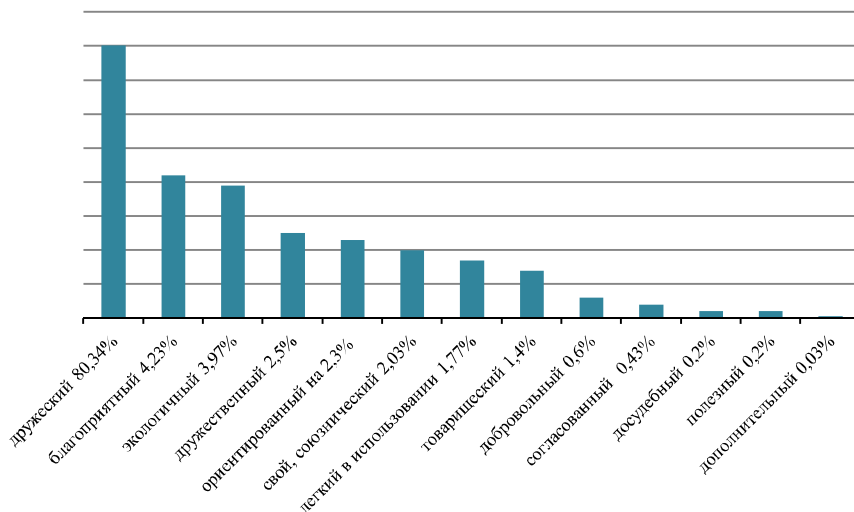

Рис. 1. Семантический объем прилагательного *friendly*

На основе анализа словарных дефиниций современных толковых словарей было выделено девять значений прилагательного *friendly*. Последовательный контекстуальный анализ исследуемой лексемы позволил проследить развитие семантики и увеличение семантического объема прилагательного на современном этапе развития английского языка и обозначить совершенно новые семантические признаки и новые сферы употребления. К новым областям знания, в которые проникает прилагательное *friendly* за счет семантического потенциала, заложенного мотивирующим словом *friend*, следует отнести юридическую и медицинскую сферы, в которых удалось выделить новые значения: *согласованный*, *досудебный*, *полезный*, *дополнительный*. Новая сема *'телегеничный'* вследствие единичных случаев употребления не была включена как составляющая семантического объема.

Полученные данные свидетельствуют о значительном расширении сферы употребления прилагательного *friendly*, образовании нового ряда семантически производных значений, появление которых обусловлено особенностями человеческой психики и процессом познания нового в окружающей действительности в качестве антропоморфного термина-

метафоры. В этом контексте объекты, явления и события описываются и характеризуются старым обозначающим *friendly* при новых обозначающих, что свидетельствует об открытости анализируемой лексемы к семантической неологизации.

Литература

1. *Wijaya D.T., Yeniterzi R.* Understanding semantic change of words over centuries // Proceedings of the 2011 International Workshop on Detecting and Exploiting Cultural Diversity on the Social Web. Glasgow, 2011. P. 35–40.
2. *Jatowt A., Duh K.* A framework for analyzing semantic change of words across time // IEEE/ACM Joint Conference on Digital Libraries. London, 2014. P. 229–238. URL: <https://www.researchgate.net/publication/290539765> (дата обращения: 15.01.2020).
3. *Luján E.R.* Semantic Change // Continuum Companion to Historical Linguistics / ed. by S. Luraghi, V. Bubenik. London : Continuum, 2010. P. 286–310.
4. *Caso A.L.* The Production of New Scientific Terms // American Speech. 1980. Vol. 55 (2). P. 101–111.
5. *Felten Q., Fagard B., Nadal J.-P.* Frequency patterns of semantic change: corpus-based evidence of a near-critical dynamics in language change // Royal Society Open Science, 2017. Vol. 4 (11). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5717648/> (дата обращения: 18.01.2020).
6. *Johnson C.A., Kerkhof P.A., Kulikov L., Mair E.Le, Barðdal J.* Argument structure, conceptual metaphor and semantic change. How to succeed in Indo-European without really trying // Diachronica. 2019. Vol. 36 (4). P. 463–508.
7. *Mel'čuk I.* Semantics From meaning to text // Studies in Language Companion Series / eds. by D. Beck, A. Polguère. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 436.
8. *Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М. : КомКнига, 2006. 192 с.
9. *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 239 с.
10. *Blank A.* Why Do New Meanings Occur? A Cognitive Typology of the Motivations for Lexical Semantic Change // Historical Semantics and Cognition / ed. by A. Blank, P. Koch. Berlin : Mouton de Gruyter, 1999. P. 61–90.
11. *Daiu S.* Semantic Changes – the Factors and Consequences of the Word Meaning Process // European Journal of September-December Language and Literature Studies. 2015. Vol. 1 (3). URL: http://journals.euser.org/files/articles/ejls_sep_dec_15/Sonila.pdf (дата обращения: 08.02.2020).
12. *Brattli T.* Recent Semantic Changes for the Term «Digital» // Proceedings from the Document Academy. 2016. № 3 (2). URL: <https://ideaexchange.uakron.edu/docam/vol3/iss2/16> (дата обращения: 08.02.2020).
13. *Скворцова А.В.* Особенности объективации эмотивного компонента реляционных имен в рамках концепта ‘friend’ // Научный альманах. 2015. № 8 (10). С. 1686–1689.
14. *Опря Е.С.* Актуализация концепта «друг» в молодежном узусе современного английского языка (на примере номинации *bro* и ее производных) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 7 (196). С. 38–42.
15. *Рябкова Е.С.* Способы описания концептов позитивных межличностных отношений: концепты ‘друг’, ‘дружба’ // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 10 (301). С. 88–91.
16. *Зимина М.В., Бойко М.В.* Ассоциативное поле концепта ‘friendship’ в американской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики/ 2019. № 12 (10). С. 210–213.

17. Британский национальный корпус. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 10.01.2020).
18. Корпус современного американского английского языка. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 25.01.2020).
19. *Chambers Dictionary of Etymology* / ed. by R.K. Barnhart. Edinburgh : Chambers, 2006. 1284 p.
20. *Маковский М.М.* Большой этимологический словарь современного английского языка. 2-е. изд., испр. и доп. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 528 с.
21. *Klein E.* A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language : in 2 vols. Vol. 1. Amsterdam : Elsevier, 1966. 923 p.
22. *Weekley E.* An Etymological Dictionary of Modern English. New York : Dover Pub. Co. Inc., 1967. 1659 p.
23. *Online Etymology Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 21.12.2019).
24. *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. by S. Wehmeier. 7th ed. Oxford : Oxford University Press, 2010. 1780 p.
25. *Collins English Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 22.12.2019).
26. *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 20.12.2019).
27. *Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary*. 4th ed. Oxford : Oxford University Press, 1998. 1081 p.
28. *The Concise Oxford Dictionary of Current English* / ed. by J.B. Sykes. 7th ed. Oxford : Oxford University Press, 1987. 1264 p.
29. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 20.12.2019).
30. *BBC*. URL: <https://www.bbc.co.uk/newsround/48442891> (дата обращения: 20.06.2020).
31. *BBC*. URL: <https://www.bbc.com/sport/football/51501723> (дата обращения: 20.06.2020).
32. *BBC*. URL: <https://www.bbc.com/sport/football/42884640> (дата обращения: 20.06.2020).
33. *BBC*. URL: <https://www.bbc.com/sport/football/50870359> (дата обращения: 20.06.2020).
34. *The New Oxford Dictionary of English* / ed. by J. Pearsall. Oxford : Oxford University Press, 1998. 2152 p.
35. *Longman Dictionary of English Language and Culture*. 3rd ed. Harlow : Pearson Education Limited, 2005. 1620 p.
36. *Hayakawa S.I.* Choose the right word: a contemporary guide to selecting the precise word for every situation / ed. by E. Ehrlich. New York : HarperCollins Publishers, 1994. 532 p.
37. *Longman Language Activator*. Harlow : Pearson Education Limited, 2006. 1530 p.
38. *Longman Business English Dictionary*. Harlow : Pearson Education Limited, 2000. 533 p.
39. *Longman Dictionary of American English*. Harlow : Pearson Education, 2000. 933 p.
40. *Oxford American Writer's Thesaurus*. Oxford : Oxford University Press, 2004. 1087 p.
41. *Lutz William D.* The Cambridge Thesaurus of American English. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. 515 p.
42. *Merriam-Webster's Dictionary of Synonyms*. Springfield : Merriam-Webster, Incorporated, 1984. 909 p.
43. *Гаврилова И.А.* Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии // Вестник Кемеровского государственного университета, 2019. № 21 (2). С. 504–512.
44. *Калинина С.В., Коцюбинская Л.В.* Метафорическое моделирование термина нефтяной отрасли (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12 (10). С. 218–222.
45. *Сиротина Е.А.* Метафорический способ образования терминов в современной английской терминологии биотехнологии // Studia Humanitatis. 2020. № 1. URL: <http://st-hum.ru/en/node/899> (дата обращения: 23.06.2020).

46. Корпус Хансард (корпус текстов Британского парламента). URL: <https://www.english-corpora.org/hansard/> (дата обращения: 20.06.2020).
47. Корпус Верховного Суда США. URL: <https://www.english-corpora.org/scotus/> (дата обращения: 13.06.2020).
48. Корпус NOW (News on the Web). URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 20.06.2020).

The Semantic Volume of the Adjective *Friendly* in Modern English

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 134–152. DOI: 10.17223/19986645/72/7

Tatyana S. Ryzhkova, Irina V. Zaykova, Irkutsk Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ryzhkova08@mail.ru / irazaykova@mail.ru

Keywords: semantics, etymology, word meaning, semantic volume of word, semantic changes, context analysis, lexeme *friendly*.

The article aims to study the semantic volume of the adjective *friendly* and reveal its poly-semantic potential in modern English. The research is based on etymological and explanatory dictionaries of the English language, journalistic and literary texts of the late 20th – early 21st centuries presented in the British National Corpus (BNC) and the Corpus of Contemporary American English (COCA). The theoretical analysis of definitions shows that alongside with the meanings of the adjective *friendly* directly motivated by the derivative word *friend*, i.e. ‘friendly attitude’ to people in the field of interpersonal relationships, ‘friendly attitude’ to a nation or state in the field of international relations, the lexeme has a number of meanings. They serve to describe objects, phenomena, situations or events in different areas of human social practice: ‘*non competitive*’ in sports, ‘*belonging to, or in alliance with one’s forces*’ in the military sphere, ‘*serviceable/easy to use*’ in the technical sphere, ‘*favourable*’ in the economic sphere, etc. Thus, a metaphorical rethinking of the phenomenon *friendship* as less complicated and understandable occurs when trying to describe new, more complex, incomprehensible and abstract areas of knowledge and experience. The subsequent contextual analysis is based on ten thousand fragments from journalistic and literary texts by means of the continuous sampling method. The semantic volume of the adjective *friendly* is determined as a percentage depending on the frequency of use of its meanings for a given number of lexical units. The analysis is based on the idea of the average expert opinion method. The research shows that the most common meaning is closest to the derivative word *friend* manifesting itself in interpersonal communication. The new areas of knowledge the adjective *friendly* penetrates due to the occasional metaphorical extension include the legal and medical fields in which new meanings can be seen: ‘*agreed*’, ‘*pretrial*’, ‘*useful*’ and ‘*additional*’. The research observes a new seme in the sociocultural sphere in some special cases, e.g. ‘*telegenic*’. Thus, the contextual analysis enables to trace the development of the semantics and the increase in the semantic volume of the adjective at the current stage of development of the English language and thereby identify completely new semantic features and new areas of use. To conclude, the research shows a significant expansion of the lexeme *friendly*, the formation of a new set of semantically derived meanings whose appearance is due to the peculiarities of the human psyche and the process of learning new things in the surrounding reality. In this context, objects, phenomena, and events are described and characterized by the old signifier *friendly* with new designators, which indicates that the analyzed lexeme is open to semantic neologization.

References

1. Wijaya, D.T. & Yeniterzi, R. (2011) Understanding semantic change of words over centuries. *Proceedings of the 2011 International Workshop on Detecting and Exploiting Cultural Diversity on the Social Web*, Glasgow. pp. 35–40.

2. Jatowt, A. & Duh, K. (2014) A framework for analyzing semantic change of words across time. *IEEE/ACM Joint Conference on Digital Libraries*. London. pp. 229–238. [Online] Available from: <https://www.researchgate.net/publication/290539765>. (Accessed: 15.01.2020).
3. Luján, E. R. (2010) Semantic Change. In: Luraghi, S. & Bubenik, V. (eds) *Continuum Companion to Historical Linguistics*. London: Continuum. pp. 286–310.
4. Caso, A.L. (1980) The Production of New Scientific Terms. *American Speech*. 55 (2). pp. 101–111.
5. Feltgen, Q. Fagard, B. & Nadal, J.-P. (2017) Frequency patterns of semantic change: corpus-based evidence of a near-critical dynamics in language change. *Royal Society Open Science*. 4 (11). [Online] Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5717648/>. (Accessed: 18.01.2020).
6. Johnson, C.A., Kerkhof, P. A., Kulikov, L., Le Mair, E. & Barðdal, J. (2019) Argument structure, conceptual metaphor and semantic change. How to succeed in Indo-European without really trying. *Diachronica*. 36 (4). pp. 463–508.
7. Mel'čuk, I. (2012) Semantics From meaning to text. In: Beck, D. & A. Polguère, A. (eds). *Studies in Language Companion Series*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
8. Komlev, N.G. (2006) *Komponenty sodержatel'noy struktury slova* [Components of the content structure of the word]. Moscow: KomKniga.
9. Sternin, I.A. (2015) *Leksicheskoye znachenije slova v rechi* [The lexical meaning of the word in speech]. Moscow, Berlin: Direkt-Media.
10. Blank, A. (1999) Why Do New Meanings Occur? A Cognitive Typology of the Motivations for Lexical Semantic Change. In: Blank, A. & Koch, P. (eds) *Historical Semantics and Cognition*. Berlin: Mouton de Gruyter. pp. 61–90.
11. Daiu, S. (2015) Semantic Changes – the Factors and Consequences of the Word Meaning Process. *European Journal of Language and Literature Studies*. 1 (3). [Online] Available from: http://journals.euser.org/files/articles/ejls_sep_dec_15/Sonila.pdf. (Accessed: 08.02.2020).
12. Brattli, T. (2016) Recent Semantic Changes for the Term “Digital”. *Proceedings from the Document Academy*. 3 (2). [Online] Available from: <https://ideaexchange.uakron.edu/docam/vol3/iss2/16>. (Accessed: 08.02.2020).
13. Skvortsova, A.V. (2015) Osobennosti ob'yektivatsii emotivnogo komponenta relyatsionnykh imen v ramkakh kontsepta ‘friend’ [Specific emotive features of the relational names with the concept ‘Friend’]. *Nauchnyy al'manakh – Scientific Almanac*. 8 (10). pp. 1686–1689.
14. Oprya, E.S. (2018) Concept ‘friend’ actualization in the language usage of the youth in modern English (on the example of ‘bro’ and its derivatives). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 7 (196). pp. 38–42. (In Russian).
15. Ryabkova, Ye.S. (2013) Sposoby opisaniya kontseptov pozitivnykh mezhlichnostnykh otnosheniy: kontsepty ‘drug’, ‘druzhiba’ [Ways to describe the concepts of positive interpersonal relationships: concepts ‘friend’ and ‘friendship’]. *Vestnik ChelGU – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 10 (301). pp. 88–91.
16. Zimina, M.V., Boyko, M.V. (2019) Associative field of the concept friendship in the American linguistic worldview. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 12 (10). pp. 210–213. (In Russian).
17. *British National Corpus*. [Online] Available from: <https://www.englishcorpora.org/bnc/>. (Accessed: 10.01.2020).
18. *Corpus of Contemporary American English*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/coca/>. (Accessed: 25.01.2020).
19. Barnhart, R.K. (ed.) (2006) *Chambers Dictionary of Etymology*. Edinburgh: Chambers.

20. Makovsky, M.M. (2014) *Bol'shoy etimologicheskii slovar' sovremennogo angliyskogo yazyka* [Great Etymology Dictionary of Contemporary English]. 2nd ed. Moscow: Knizhny dom "LIBROCOM".
21. Klein, E. (1966) *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language*. In 2 vols. Vol. 1. Amsterdam: Elsevier.
22. Weekly, E. (1967) *An Etymological Dictionary of Modern English*. New York: Dover Pub. Co. Inc.
23. *Online Etymology Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.etymonline.com>. (Accessed: 16.01.2020).
24. Hornby, A.S. (2010) *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. 7th ed. Oxford: Oxford University Press.
25. *Collins English Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com>. (Accessed: 14.01.2020).
26. *Merriam-Webster Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.merriamwebster.com/>. (Accessed: 14.01.2020).
27. Cowie, A.P. (ed.) (1998) *Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary*. Oxford: Oxford University Press.
28. Sykes, J.B. (ed.) (1987) *The Concise Oxford Dictionary of Current English*. 7th ed. Oxford: Oxford University Press.
29. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. [Online] Available from: <https://www.macmillandictionary.com/>. (Accessed: 14.01.2020).
30. *BBC*. [Online] Available from: <https://www.bbc.co.uk/newsround/48442891>. (Accessed: 20.06.2020).
31. *BBC*. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/sport/football/51501723>. (Accessed: 20.06.2020).
32. *BBC*. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/sport/football/42884640>. (Accessed: 20.06.2020).
33. *BBC*. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/sport/football/50870359>. (Accessed: 20.06.2020).
34. Pearsall J. (ed.) (1998) *The New Oxford Dictionary of English*. Oxford: Oxford University Press.
35. Longman. (2005) *Longman Dictionary of English Language and Culture*. Harlow: Pearson Education Limited.
36. Hayakawa, S.I. (1994) *Choose the right word: a contemporary guide to selecting the precise word for every situation*. New York: HarperCollins Publishers.
37. Longman. (2006) *Longman Language Activator*. Harlow: Pearson Education Limited.
38. Longman. (2000) *Longman Business English Dictionary*. Harlow: Pearson Education Limited.
39. Longman. (2000) *Longman Dictionary of American English*. Harlow: Pearson Education.
40. OUP. (2004) *Oxford American Writer's Thesaurus*. Oxford: Oxford University Press.
41. Lutz, W.D. (1994) *The Cambridge Thesaurus of American English*. Cambridge: Cambridge University Press.
42. Merriam-Webster. (1984) *Merriam-Webster's Dictionary of Synonyms*. Springfield: Merriam-Webster, Incorporated.
43. Gavrilova, I.A. (2019) Metaphorical Terms as Part of English Legal Terminology. *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo State University*. 21 (2). pp. 504–512. (In Russian).
44. Kalinina, S.V. & Kotsyubinskaya L.V. (2019) Metaphorical Modelling of Oil Industry Terms (by the material of the English language). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 12 (10). pp. 218–222. (In Russian).
45. Sirotina, E.A. (2020) The Metaphorical Way of Term Formation in Modern English Terminology of Biotechnology. *Studia Humanitatis*. 1. [Online] Available from: <http://sthum.ru/en/node/899>. (Accessed: 23.06.2020). (In Russian).

46. *Hansard Corpus (British Parliament)*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/hansard/>. (Accessed: 20.06.2020).

47. *Corpus of US Supreme Court Opinions*. [Online] Available from: <https://www.englishcorpora.org/scotus/>. (Accessed: 13.06.2020).

48. *Corpus NOW (News on the Web)*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/now/>. (Accessed: 20.06.2020).

УДК 811.111 – 26: 81'373
DOI: 10.17223/19986645/72/8

А.Ю. Смирнова, И.В. Толочин

AVENGING ANGEL: ОТ СЛОВСОЧЕТАНИЯ К СЛОЖНОМУ СЛОВУ

Демонстрируется важность семантического критерия для выделения сложных слов в английском языке с точки зрения лингво-антропологического подхода. В основе предлагаемой методики лежит корпусный анализ текстов с целью выделения типичных лексико-семантических маркеров. На примере словесной последовательности 'avenging angel' показывается существование функционально значимой разницы в структуре контекста, с учетом которой можно четко отграничить сложные слова от фразеологизмов и свободных словосочетаний.

Ключевые слова: сложное слово, словосочетание, иносказание, лексико-семантические маркеры, корпусный анализ, лексикография

Словосложение как один из способов словообразования достаточно широко изучается в литературе. Ему посвящены многочисленные статьи и целые монографии, причем авторы подходят к исследованию данного явления с разных точек зрения и в рамках различных теоретических подходов: рассматриваются структурные, семантические, стилистические, прагматические аспекты словосложения; сложные слова являются важным объектом исследования в компаративной лингвистике, в психолингвистике, в генеративной грамматике и в когнитологии. Тем не менее основной вопрос до сих пор остается нерешенным. Что же такое сложное слово в современном английском языке и можно ли провести четкую границу между сложным словом и словосочетанием, с одной стороны, и сложным словом и фразеологической единицей – с другой? Как утверждают Р. Либер и П. Штекауэр, редакторы одного из наиболее фундаментальных на данный момент справочных пособий по вопросу, «there are (almost) no reliable criteria for distinguishing compounds from phrases or from other sorts of derived words» [1. Р. 14]. В данной статье мы вновь обращаемся к этой проблеме и на примере словесной последовательности 'avenging angel' продемонстрируем достоинства лингво-антропологического подхода, опирающегося на корпусный анализ текстов, в разработке четкой методологии для выделения сложных слов и их отграничения от словосочетаний и фразеологических единиц в английском языке. Предлагаемый здесь оригинальный аналитический метод выявления в ближайшем контексте маркеров соответствующего морфологического статуса анализируемой структуры, который применим к любому контексту и продемонстрирован применительно ко всем возможным вариантам 'avenging angel', на наш взгляд, выгодно отличается от подходов к подобным образованиям в лексикографических источниках и теоретической литературе.

Сложное слово: миф или реальность?

К основным критериям выделения сложных слов традиционно относят следующие: фонетический, орфографический, морфологический, синтаксический и семантический [2. С. 16–17]. В концепциях разных авторов эти критерии имеют различный статус. Первые три критерия, например наличие общего ударения, графическая и морфологическая цельнооформленность, признаются некоторыми авторами как наименее надежные в применении к английскому языку в связи с отсутствием четкой орфографической нормы (одна и та же словесная последовательность в одном и том же типе контекста может писаться либо слитно, либо раздельно, либо через дефис) и низким уровнем флективности английского языка [1. Р. 3–18; 3. Р. 61–66]. Другие же авторы, напротив, в большей степени опираются именно на один из этих формальных критериев. М.Н. Азимова, например, в статье, посвященной компаративному анализу сложных слов в английском и таджикском языках, рассматривает исключительно единицы, графически оформленные как единое целое (т.е. написанные либо слитно, либо через дефис) [4. С. 166–179]. Это говорит о приоритете графического критерия в концепции автора. На наш взгляд, такой подход слишком ограничивает круг исследования. Как мы постараемся продемонстрировать далее, целый ряд лексических единиц английского языка, составляющие элементы которых всегда пишутся раздельно, целесообразно рассматривать именно как сложные слова, а не словосочетания на основе важного семантического сдвига, отраженного в структуре контекста.

Значительная роль, как правило, отводится синтаксическому критерию. Однако и здесь нет единого мнения о роли синтаксической связи в процессе словосложения. В отечественном языкознании многие авторы говорят о синтаксической неделимости сложного слова, что предполагает отсутствие синтаксической связи между его элементами [4. С. 166–179; 5. С. 24–28; 6. С. 14–18]. М.Н. Азимова, например, противопоставляет сложные слова словосочетаниям на том основании, что первые являются лексическими единицами, в то время как последние – синтаксическими единицами языка. Описывая структурные элементы сложных слов, она пользуется термином «основа», что предполагает полное отсутствие синтаксической связи между ними [4. С. 169].

Такая точка зрения не является общепринятой, особенно в зарубежной лингвистике. В основу большинства классификаций сложных слов кладется именно тип синтаксических отношений между элементами: согласование, управление и примыкание. Как отмечают С. Скализе и А. Бисетто, авторы наиболее распространенной классификации, «the core of the proposed classification is the grammatical relation between the constituents of the compound... We also believe that this first tier should be kept separate from all other criteria, such as internal structure or the semantic relation between constituents or their categorial status. These criteria, so to speak, should come into play only 'after' the grammatical classification» [7. Р. 53]. Р. Джэкендоф также относит словосложение к синтаксическому уровню языка, хоть и отмечает

редуцированность синтаксической связи между составляющими: «compounding is only barely syntactic» [8. Р. 114]. В этом отношении интересно определение, которое дает сложным словам А.Р.М. Альтахайнех: «A compound is a complex word that consists of at least two adjacent elements, where the non-head is normally non-referential. Each of these elements is either a word, combining form or a phrase, so that the whole compound is a combination of these elements» [3. Р. 81]. Как видим, к элементам сложных слов автор относит слова и даже словосочетания, т.е. единицы синтаксического уровня, в результате чего получается, что с точки зрения синтаксической структуры сложное слово ничем не отличается от словосочетания: оба состоят из полноценных грамматически оформленных единиц.

В рамках синтаксического критерия некоторые авторы предлагают также проводить различного рода трансформации. Суть этого метода заключается в следующем: если словесную последовательность можно представить как сочетание с предлогом, то перед нами свободное атрибутивное словосочетание (a stone wall → a wall of stone). Если же такая трансформация невозможна (a toothpick → a pick for teeth*), то словесная последовательность представляет собой сложное слово [9. С. 116]. Этот метод, однако, имеет некоторые ограничения. Если такая трансформация возможна, создается ложное впечатление, что исследуемая словесная последовательность *всегда* представляет собой свободное словосочетание. Тем не менее, как мы попытаемся продемонстрировать на примере *avenging angel*, морфологический статус одной и той же словесной последовательности может различаться в разных типах контекста.

Синтаксический критерий, таким образом, сводится исключительно к понятию синтаксической неделимости, т.е. высокой устойчивости словесной последовательности, не позволяющей перестановку ее частей, а также проникновение в ее структуру инородных элементов. Тем не менее фиксированный порядок слов и низкий уровень флективности английского языка накладывают целый ряд ограничений на такого рода модификации, вследствие чего вряд ли можно рассматривать этот критерий как надежный способ выделения сложных слов.

Что касается семантического критерия, то ему зачастую отводится второстепенная роль. Интересно, что в таком масштабном издании, как *The Oxford Handbook of Compounding* [1], этот критерий не упоминается в принципе. И даже те авторы, которые все же отмечают важность семантического параметра для оценки некой словесной последовательности как сложного слова, не предлагают никакой четкой методологии анализа. Как пишет Е.А. Градалева, «семантический критерий основан на цельности значения сложного слова... которое представляет собой слияние лексических значений его компонентов» [2. С. 17]. Проблема, однако, в том, что точно так же определяется и лексическое значение фразеологических единиц. Как принято считать, идиомы тоже обладают семантической целостностью и синтаксической неделимостью [10, 11], в связи с чем возникает вопрос о критериях разграничения сложных слов и фразеологизмов.

Такое разнообразие взглядов и отсутствие надежных общепринятых критериев оценки сложных слов зачастую приводят к скептицизму по поводу возможности четкого разграничения сложных слов и словосочетаний, в том числе разного рода устойчивых словосочетаний и фразеологизмов. Под влиянием когнитивизма все чаще высказываются мнения о размытой природе границ между данными языковыми явлениями и о существовании пограничных случаев [2, 12, 13]. Некоторые авторы предлагают еще более радикальное решение, отказываясь от термина «сложное слово» в применении к английскому языку, считая, что данное явление в лексикологии английского языка скорее миф, чем реальность [14].

С нашей точки зрения, основная проблема заключается в том, что, не смотря на развитие корпусной лингвистики, сложные слова до сих пор изучаются в отрыве от контекста. Даже те авторы, которые отмечают важную роль контекста в изучении семантики словесных знаков [12. Р. 32–33] и позиционируют свой подход как учитывающий особенности их функционирования в речи («a usage-based approach to language analysis» [15. Р. 242]), в своих работах не приводят ни одного конкретного примера использования изучаемых словесных последовательностей в реально существующих текстах. Это часто приводит к абсолютизации чисто структурного подхода, когда любые сочетания типа N + N (например, city parks, ocean / sea life, lawyer fees) по умолчанию признаются сложными словами [3. Р. 60–61]. В одной из своих статей мы предложили методологию анализа словесных последовательностей такого рода, основанную на выявлении типичных лексико-семантических маркеров (ЛСМ) в близлежащем контексте, и продемонстрировали целесообразность рассмотрения их либо как словосочетаний, либо как сложных слов в зависимости от характера семантической связи между составляющими их элементами [16].

«Методика описания словесного значения с опорой на семантические маркеры контекста основывается на признании того, что контекст является единственной материальной формой существования значения у слова. Мы можем выявить и зафиксировать у слова какую-либо семантическую характеристику только, если она существует в языковой практике как закреплённая в памяти носителей языка и воспроизводимая регулярно связь исследуемого слова с другими словами данной языковой системы» [16. С. 189–190]. Характер семантической связи между элементами словесной последовательности выявляется, таким образом, с опорой на структуру контекста. Если в структуре контекста присутствуют маркеры, значимые для характеристики корневых значений обоих элементов, перед нами свободное словосочетание, где первый элемент представляет собой знак-свойство (прилагательное). Если же маркеры семантических характеристик хотя бы одного из элементов отсутствуют, перед нами сложное слово, состоящее из двух основ.

В данной работе мы решили вновь обратиться к этой проблеме, но уже под несколько иным углом, и на примере одной и той же словесной последовательности – ‘avenging angel’ – продемонстрируем функционально значимую разницу в структуре контекста, с учетом которой четкое разграни-

чение сложных слов, фразеологизмов и свободных словосочетаний оказывается вполне осуществимой задачей.

Свободное словосочетание

Прежде чем обратиться к анализу интересующей нас словесной последовательности ('avenging angel'), необходимо определить, какие характеристики опыта закреплены за каждым из входящих в ее состав элементов. Для этого нужно выделить основные ЛСМ, т.е. те лексические единицы, которые являются стабильным элементом ситуативных моделей, в состав которых входят исследуемые нами основы. Рассмотрим следующие примеры:

1. A pack of **avenging** dogs ran after him to give him a dose of his own **medicine**. Turn to the next page to see instant karma befall a young man who **attempted to kick a stray dog**. I think **he got what he deserved**. (iWeb : <http://justmansbestfriendforlife.com/man-stray-dog-beach-karma/>).

2. A good counterexample is provided by the two Anthony Mann westerns I wrote about last week. Both incorporate some notion of an **avenging** hero **resorting to violence**... he **punishes an outlaw** who **forced Julie London at knifepoint to strip** by tearing off the man's clothes. (iWeb: <https://www.jonathanrosenbaum.net/2017/01/cheap-thrills/>).

3. A noble boy grew up among them, and in manhood became an **avenging** sword. This was Ruari Og O'More. After six years of **successful guerilla warfare** he fell when reconnoitring a force brought against him. His soldiers **avenged his death** and **put the army to flight**. His name remained an inspiration to **oppressed Irish**, down to the present day. (iWeb: <http://homepage.eircom.net/~kthomas/history/Histroy10.htm>).

В этих примерах слово 'avenging' выступает в качестве знака-свойства, который определенным образом характеризует один из стабильных элементов ситуации: dogs, hero, sword. Нетрудно заметить наличие в этих текстах общей структуры и общего параметра оценки: элемент ситуации, определяемый словом 'avenging', прибегает к насилию (ran after him to give him a dose of his own medicine (1); resorting to violence (2); guerilla warfare (3)) с целью наказать преступника (he got what he deserved (1); punishes an outlaw (2)) и отомстить за невинно пострадавшую жертву (who attempted to kick a stray dog (1); who forced Julie London at knifepoint to strip (2); oppressed Irish (3)). Таким образом, основные свойства опыта, закреплённые за лексемой 'avenging', можно сформулировать следующим образом: **the possibility of resorting to violent punitive behaviour in order to establish justice**.

Что касается второго элемента интересующей нас словесной последовательности ('angel'), то здесь на первый план выходит амбивалентное переживание сверхъестественного присутствия:

4. And, behold, there was a **great earthquake** : for the **angel** of the Lord **descended from heaven**... His **countenance was like lightning**, and his **raiment white as snow**: and **for fear of him the keepers did shake**, and became as

dead men. And the *angel* answered and said unto the women, **Fear not ye** : for I know that ye seek Jesus, which was crucified... And they departed quickly from the sepulchre **with fear and great joy**... (Matthew 28: 2–8).

5. Like all the Priest-Wizards before him, he knew that one day the Guidesmen may return and contact him. But yesterday, when that **brilliant circle of light** had **appeared in mid-air**... and an actual Guidesmen had stepped through it **straight from Heaven**... he'd been **so shocked he couldn't even talk!** God in Heaven! I'm such ah idiot... he thought to himself, I'm the Priest-Wizard of Pandar and I couldn't do anything but nod my head! ... I've studied the Power and the Holy Scripture for 62 years, and when the *Angel* finally arrived... **I almost soiled my shorts!** Henry D'sgard continued to pace back and forth, **steeling himself** for the imminent return of the Guidesmen. After his disastrous meeting of the previous night, the *angel* had sensed his **confusion and shock?** And had promised to return to the Castle late tonight. **I've worked my whole life for this**... I can do it... I must do it... (J.M. Evans Mercenary Angels: Book One. https://books.google.dz/books?id=c7Pl6g4flawC&pg=PA40&dq=me-eting+an+angel+shock&hl=fr&sa=X&ved=0ahUKEwja6Mn5nM_RahVjB8AKHTJqAvMQ6AEIMDAC#v=onepage&q=meeting%20an%20angel%20shock&f=false).

Как видим, слово 'angel' является одним из центральных элементов в ситуациях контакта с потусторонней силой, которая вызывает целую бурю противоречивых эмоций: с одной стороны, великую радость и благоговейный трепет перед божественным посланником, с другой – ужас от столкновения с непостижимой мощью сакрального. В одной из статей мы подробно разбирали структуру полисемии слова 'angel' и предложили альтернативный вариант словарной статьи [17] и здесь не будем останавливаться на каждом из выделенных лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Отметим лишь, что, как показывает исследование, основные свойства опыта, закрепленные за данным словесным знаком, целесообразно сформулировать следующим образом: *experiencing the presence of supernatural power as the manifestation of the supreme will that can support and protect or terrify and destroy*. Одним из ключевых элементов в предложенной формулировке является слово 'supernatural'. Употребление любого из основных ЛСВ слова 'angel' обязательно сопровождается появлением в тексте ЛСМ, указывающих на сверхъестественный характер происходящего: *descended from heaven, his countenance was like lightning* (4); *appeared in mid-air, stepped through it straight from Heaven* (5). При этом амбивалентный характер переживания (*for fear of him the keepers did shake, and became as dead men ↔ great joy* (4); *so shocked he couldn't even talk, almost soiled my shorts, confusion and shock ↔ I've worked my whole life for this* (5)) позволяет данному слову сочетаться как с положительно, так и с отрицательно заряженными лексическими единицами.

Вернемся теперь к непосредственному объекту данного исследования и рассмотрим следующие примеры:

6. **God will inflict terrible punishments** on humanity and that souls will be lost for all eternity unless the Virgin's requests are granted. - Moreover, the **vi-**

sion the Vatican itself published in 2000 depicts **the destructive rays emanating** from *the avenging angel* being repelled by none other than the Blessed Virgin. (iWeb: <http://fatima.org/perspectives/fe/perspective1008.asp>).

7. ...loud voice **from heaven** spoke to Catholic Evangelist Eddie Russell saying, " I am sending you an *Avenging Angel* - He is the **Sword** of Gilead. " # **Overcoming the shock** and realising it was not a threat, began a discernment process during which Eddie witnessed **the frightening but awesome power of God's vengeance and justice enacted through this holy angel**. (iWeb: <https://wwwcreatespace.com/5029268>).

8. Sylvia Day takes us into a **shadowy underworld**, where a **powerful angel** breaks all the rules by falling for the mortal whose life she's saved... Trevor Descansos... finds mercy in Sentinel Siobhan, a beautiful *avenging angel* with **lethal wings**. She draws Trevor from the depths of hell, wrapping him in **the softness of the same feathers** that she wielded like blades **to cut down his tormentors**. **Ageless and eternal**, Siobhan has seen too much to be surprised by anything... (iWeb: <http://ebook12.com/242499/a-caress-of-wings.htm>).

В приведенных текстах (6–8) использование словесной последовательности 'avenging angel' сопровождается появлением ЛСМ, характеризующих корневые значения обеих составляющих ее единиц. Во всех отрывках речь идет о столкновении со сверхъестественной силой, на что указывают следующие элементы контекста: God, vision (6); from heaven (7); shadowy underworld, ageless and eternal, with lethal wings (8). При этом различные аспекты проявления этой сверхъестественной силы связываются с необходимостью выполнения жестокой карательной миссии: inflict terrible punishments, the destructive rays (6); power of God's vengeance and justice (7); to cut down his tormentors (8). Оба элемента интересующей нас словесной последовательности реализуют здесь устойчивые связи с другими словесными знаками в структуре ситуативной модели и оказывают непосредственное влияние на формирование близлежащего контекста за счет включения в его состав лексических единиц, обладающих сходными семантическими характеристиками. С нашей точки зрения, это говорит о том, что перед нами свободное словосочетание.

В приложении I приводится классификация ЛСМ, распределенных в зависимости от семантического статуса изучаемой нами словесной последовательности. В общей сложности было изучено 327 случаев употребления 'avenging angel' в текстах различной жанровой принадлежности, взятых из современных англоязычных корпусов (Corpus of Contemporary American English (COCA) и iWeb), из Священного Писания (the King James Version of the Holy Bible), электронных периодических изданий, таких как The Independent, The Daily Mail, а также из различных интернет-порталов, форумов и блогов. Тексты отбирались методом сплошной выборки; не учитывались лишь те случаи, когда данная словесная последовательность употребляется в качестве имени собственного – в названиях видеоигр и художественных фильмов.

Для создания классификации в приложении I было использовано 150 из всех найденных нами текстов. Мы вынуждены были ограничиться данной

выборкой в целях экономии места, так как каждая выделенная категория ЛСМ может быть представлена в конкретных текстах очень широким спектром лексических единиц и их комбинаций, объединенных общим типом функционально-оценочного отношения к проблеме. Отрывки, на основе которых создавалась данная схема, также отбирались методом сплошной выборки с целью продемонстрировать удельный вес каждой из выделенных нами групп ЛСМ в определенном типе контекста.

Как показывает исследование, свободное словосочетание *'avenging angel'*, употребляемое в ситуации контакта со сверхъестественной силой, систематически сопровождается появлением в тексте следующих групп ЛСМ:

а) лексические единицы, указывающие на сверхъестественный характер происходящего (в схеме мы объединяем их в категорию **'otherworldliness'**);

б) слова, за которыми закреплены отрицательные свойства опыта, вызывающие ассоциации с определенным типом жестокого, безжалостного поведения (**'imply violence'**);

с) словесные последовательности, связанные с идеей помощи и справедливости (**'convey the idea of protection and justice'**);

д) ЛСМ, указывающие на амбивалентный характер восприятия происходящего окружающими людьми (**'impression produced on others: awe'**).

ЛСМ группы (а) и (д) соотносятся с характеристиками опыта, закрепленными за корневой морфемой слова *'angel'*, а категории (б) и (с) связаны с определяющим его прилагательным *'avenging'*.

Обратимся теперь к другим типам контекста, в которых систематически употребляется изучаемая нами словесная последовательность, проследим, как изменяются категории сопровождающих ее ЛСМ, и рассмотрим, как эти изменения влияют на ее морфологический статус.

Фразеологизм или сложное слово?

Фразеологизмы традиционно рассматриваются как единичные случаи переосмысления свободных словосочетаний. Такая трактовка предполагает, что значение ФЕ невыводимо из значений входящих в ее состав элементов. Однако с развитием фреймовой теории [18] и теории концептуальной метафоры в когнитивной лингвистике [19] такой подход все чаще оспаривается. Представление о модульной природе человеческого сознания и о процессах метафоризации как системном соотношении ситуации-источника и целевой ситуативной модели оказывает значительное влияние и на интерпретацию ФЕ. М. Омазич, например, отмечает наличие ассоциативной связи с ситуацией-источником даже у, казалось бы, семантически непрозрачных идиом, которые при попытке интерпретации вызывают в сознании носителей языка множество живых образов [20. Р. 70]. Мы посвятили целый ряд работ исследованию данного вопроса и предлагаем рассматривать процесс фразеологизации как заимствование какого-либо отрезка текста из одной ситуативной модели в другую на основе существующей между ними функциональной

аналогии с целью акцентирования наиболее важных функционально-оценочных параметров целевой ситуации за счет сохранения ассоциативной связи с исходной ситуативной моделью [21–23]. Такой подход поможет пролить свет и на вопрос о принципах разграничения ФЕ и сложных слов. Рассмотрим следующую группу примеров:

9. I don't write **hatchet jobs**, though. (A hatchet job is critic's slang... for **an exceptionally nasty review**). I used to... I actually believed... that as a critic I was **an avenging angel with a flaming sword**, and that part of my job was **to help rid the culture of books that were sucking up more of the literary oxygen than they deserved**. (iWeb: <http://entertainment.time.com/2012/05/09/confessions-of-another-book-reviewer/>).

10. ...every song is a self-contained epic with its own unique lighting design and **dazzling visual aesthetic**. Jónsi stands center stage - **the dark avenging angel** hunched and motionless, his silhouetted figure **sawing away** on his guitar, **coaxing heaven and hell** from just six strings. His voice remains a thing of **unearthly, otherworldly beauty**, an instrument that provokes **awed amazement** (<http://entertainment.ie/music/live-reviews/Sigur-Ros-The-O2-Dublin-16th-November/230481.htm>).

11. I watched my daughter, **the avenging angel**, walk toward them **with a sweet and terrible smile** on her lips. Cassie looked carefully at their faces and decided correctly **who had done the deed**... The man stared dumbly into that **incredibly perfect face** and gave only a slight whimper as **she ground the burning cigarette out in the center of his lifeline**. (<https://books.google.fr/books?id=2X30AAAQBAJ&pg=PA25&dq=dark+avenging+angel&hl=fr&sa=X&ved=0ahUKEwjak6T6i-HSAhUCtxQKHx-gCNg4HhDoAQghMAE#v=onepage&q=dark%20avenging%20angel&f=false>).

В этих примерах словесная последовательность 'avenging angel' используется не для описания ситуации непосредственного контакта со сверхъестественной силой, а для характеристики человека. Сопоставление обычного человека с ангелом возмездия осуществляется благодаря наличию сходных функционально-оценочных параметров у ситуации-источника, в которой ангел как представитель небесного царства осуществляет возмездие за грехи человечества, и целевой ситуации описания человека, который воспринимается автором текста как обладающий необычными, близкими к сверхъестественным способностями, что внушает окружающим благоговейный трепет.

Включение в структуру текста словесной последовательности 'avenging angel' сопровождается здесь появлением следующих групп ЛСМ:

а) слова, заимствованные из ситуации-источника наряду с 'avenging angel' и указывающие на сверхъестественный характер происходящего ('**otherworldliness**'): **with a flaming sword** (9); **heaven and hell, unearthly, otherworldly** (10);

б) лексические единицы, передающие высокую степень исключительности какого-либо свойства ('**out of ordinary, unusually impressive**'): **exceptionally** (9); **dazzling** (10); **incredibly perfect** (11);

с) слова, вызывающие ассоциации с определенным типом жестокого, безжалостного поведения (**'imply violence'**): hatchet, sword, nasty (9); dark, sawing away (10); а также целые отрезки текста, описывающие конкретный акт насилия: she ground the burning cigarette out in the center of his lifeline (11);

д) словесные последовательности, связанные с идеей помощи и справедливости (**'convey the idea of protection and justice'**): to help rid the culture of books, they deserved (9); who had done the deed (11);

е) ЛСМ, указывающие на амбивалентный характер восприятия происходящего окружающими людьми (**'impression produced on others: awed amazement'**): awed amazement (10); with a sweet and terrible smile (11).

Основные представленные здесь категории совпадают с перечисленными выше группами ЛСМ, которые сопровождают свободное словосочетание. Переживание сверхъестественности происходящего и амбивалентность восприятия сложившейся ситуации – ЛСМ (а), (е) – связаны со словом 'angel', в то время как насильственные методы восстановления справедливости – ЛСМ (с), (д) – соотносятся с прилагательным 'avenging'.

Здесь появляется новая группа ЛСМ – **'out of ordinary, unusually impressive'**, которая также соотносится с характеристиками опыта, закрепленными за словом 'angel': ангел как представитель высших сфер бытия наделяется целым рядом исключительных способностей. Тем не менее мы решили выделить данные лексические единицы в отдельную группу на том основании, что они не являются неотъемлемой частью исходной ситуативной модели – ситуации контакта со сверхъестественной силой – в отличие от ЛСМ (а) и в этом отношении не воспринимаются читателем как инородные элементы в структуре получившихся текстов. И 'dazzling', и 'incredibly perfect' могут использоваться для описания как ангела, так и необыкновенного, в чем-то исключительного человека.

Таким образом, словесная последовательность 'avenging angel' в текстах такого типа сохраняет очевидную связь с исходной ситуативной моделью, на что указывает появление других элементов, заимствованных из ситуации-источника. Кроме того, она используется здесь в окружении целого ряда ЛСМ, которые соотносятся с характеристиками опыта, закрепленными за каждым из входящих в ее состав элементов. С нашей точки зрения, это говорит о том, что так же как и в исходной ситуативной модели, 'avenging angel' является здесь свободным словосочетанием, которое употребляется иносказательно с целью образной оценки функционально-аналогичного элемента целевой ситуации. Такой тип функциональной аналогии, обусловленный семантическими характеристиками слова 'angel' и реализуемый целым рядом словосочетаний, в состав которых оно входит, мы предлагаем описать следующим образом: *(of people) individuals perceived to be endowed with supernatural powers that make them appear remote, awe-inspiring and attractive (often accompanied by avenging/dark/fallen...)* [17. P. 167].

В следующей группе примеров 'avenging angel' функционирует несколько иначе:

12. Reacher is without a doubt one of **the most original, complex and compelling characters** in crime fiction... he has nothing tying him to the world except for his **relentless (and almost psychopathic) desire for justice**. He's the **archetypal existential avenging angel** - John Wayne, Bogart and Brando rolled into one (<https://life.spectator.co.uk/2016/10/five-reasons-jack-reacher-novels-brilliant/>).

13. Garrett demolishes all the **icons** in the temple of modern liberalism: Woodrow Wilson, the **avenging angel of liberal internationalism**, who **waged war in the name of peace**, and whose love of humanity was not a love of people? (iWeb: <http://www.antiwar.com/orig/anti-imp2.html>).

14. The fight... is **thrilling** -- and **chilling** -- when seen in old films. **Savage tiger, killing machine**, the papers said of Louis. His was **the triumph of a boxer** who that night may have been **the best there ever was or would be**. The showing of this **avenging angel** was Homeric... Historians might one day say... "that **the decline of Nazi prestige began with a left hook**" (COCA: Overrated & underrated. (cover story) // American Heritage. 1998. Vol. 49, is. 3. P. 44. 19 p, 1 cartoon, 15 c, 11 bw).

Здесь 'avenging angel' также используется для описания человека, при этом первое, что бросается в глаза, – это полное отсутствие заимствований из ситуации контакта со сверхъестественной силой. В этих текстах нет ни одного ЛСМ, который можно было бы отнести к категории 'otherworldliness'. Это говорит о том, что связь с исходной ситуативной моделью утрачивается и перед нами сложное слово. В целом представленные здесь ЛСМ можно сгруппировать следующим образом:

a) **'imply violence'**: relentless (and almost psychopathic) (12), waged war (13), savage tiger, killing machine (14);

b) **'convey the idea of protection and justice'**: desire for justice (12), in the name of peace (13), the decline of Nazi prestige began with a left hook (14);

c) **'out of ordinary, unusually impressive'**: the most original, complex and compelling characters (12), icons (13), the triumph of a boxer, the best there ever was or would be (14);

d) **'related to real world'**: archetypal, existential (12), of liberal internationalism (13);

e) **'impression produced on others: excitement'**: compelling (12), thrilling, chilling (14).

Как показывает прил. I, здесь происходит значительное расширение категорий 'imply violence' и 'convey the idea of protection and justice', т.е. в текстах такого типа присутствует больше ЛСМ, относящихся к данным категориям, чем в исходной ситуативной модели. Ниже мы приводим таблицу распределения изученных нами случаев употребления 'avenging angel' в зависимости от семантического статуса данной словесной последовательности. Как видно из этой таблицы, количество рассмотренных нами текстов, где 'avenging angel' является свободным словосочетанием, употребленным в исходной ситуативной модели (Collocation (D.)), и текстов, в которых используется ЛСВ 1 сложного слова (Compound (Sense I)), примерно одинаково (133 и 121 соответ-

ственно). Это позволяет нам сравнить частотность появления в каждом типе контекста ЛСМ определенной категории.

COLLOCATION		COMPOUND	
Direct	Figurative	Sense I	Sense II
133	39	121	34

Кроме того, здесь появляется новая группа ЛСМ (**‘related to real world’**), указывающая на принадлежность элемента текста, описываемого словом **‘avenging angel’**, к миру реальной действительности. Отметим, что все слова в составе данной категории выступают в качестве определения к **‘avenging angel’** и стоят либо в препозиции по отношению к данному существительному, либо в постпозиции. Такой тип словоупотребления совершенно невозможен в ситуации контакта с небесным посланником, так как противоречит основным свойствам опыта, закрепленным за словом **‘angel’**.

Значительные изменения происходят и в структуре оставшихся двух категорий (**‘impression produced on others’**, **‘out of ordinary, unusually impressive’**), что обусловлено снижением уровня интенсивности описываемого переживания. Амбивалентность восприятия ситуации, связанная с благоговейным трепетом перед божественным посланником или перед человеком, чьи способности близки к сверхъестественным в случае иносказательного использования **‘avenging angel’**, сменяется приятным возбуждением: awe (collocation) → awed amazement (collocation used figuratively) → excitement (sense I of the compound) (см. прил. I). Лексические единицы, маркирующие исключительность человека, о котором идет речь (**‘out of ordinary’**), также приобретают здесь более «приземленный» характер и вряд ли могут использоваться для описания небесного посланника (John Wayne, Bogart and Brando rolled into one (12); icon in the temple of modern liberalism (13); the triumph of a boxer (14)).

Все это, с нашей точки зрения, говорит об утрате словом **‘angel’** самостоятельности в рамках данной ситуативной модели. В отличие от случаев иносказательного использования исследуемой словесной последовательности, где амбивалентное ощущение сверхъестественного присутствия сохраняется за счет включения в текст лексических единиц, которые непосредственно связаны со свойствами опыта, закрепленными за корневой морфемой **‘angel’**, в этих текстах связь с исходной ситуативной моделью полностью утрачивается. Можно говорить о том, что происходит слияние семантических характеристик обеих основ с образованием качественно нового *цельного* комплекса переживаний, закрепленного за всей словесной последовательностью, которая таким образом превращается в сложное слово. В примерах (12) – (14) представлен первый лексико-семантический вариант (ЛСВ 1) данного слова, который в своей словарной статье [17. Р. 167] мы определяем следующим образом: **(of people) individuals who relentlessly pursue their sense of justice ready to cause potential harm to others.**

Второй ЛСВ сложного слова представлен в следующих примерах:

15. "Se7en" is **gory**, **graphic**, and **disturbing**, but **all the gore is post-death...** Kevin Spacey plays John Doe, *the avenging angel* who **claims that he's the messenger** who will **right the wrongs** with his teachings. Like many **crazy men**, he has **some fine ideas**, but **some sick ways of expressing himself**. (iWeb: <http://i.media-imdb.com/reviews/169/16908.html>).

16. ...the girls' male confederates have made off with their wallets... There, in a scene that **struck some as a domestic My Lai**, Joe turns *avenging angel*. Kids are **cowering** in the corner begging for mercy as Joe persuades Compton **to pick up the gun**. A final freeze frame has Compton **shoot** a just-arrived hippie chick... a film of Freudian anguish, **biblical savagery** (COCA: FILM; Off the Hippies: 'Joe' and the Chaotic Summer of '70// New York Times, 2000).

В текстах такого типа происходит дальнейшее расширение контекстуальных возможностей сложного слова в сторону усиления насильственных тенденций в ситуации его использования: здесь везде речь идет об убийстве как способе восстановления «справедливости». По-видимому, данный ЛСВ изначально образовался путем метонимического сдвига: психически нездоровый человек считает себя ангелом возмездия и орудием божественного правосудия (**claims that he's the messenger who will right the wrongs with his teachings** (15)), вследствие чего словесная последовательность 'avenging angel' начинает употребляться для обозначения определенной категории преступников. Утрата связи с исходной ситуативной моделью, однако, позволяет использовать данное слово и в тех случаях, когда у самого преступника подобный комплекс представлений о самом себе полностью отсутствует (16). В данной категории текстов можно выделить следующие группы ЛСМ:

1) '**extremely violent murderous behaviour**': sick ways of expressing himself (15), pick up the gun, shoot sb, biblical savagery (16);

2) '**insanity**': crazy (15);

3) '**justice as punishment**': right the wrongs, fine ideas (15);

4) '**impression produced on others: shock**': gory, disturbing (15), struck some as a domestic My Lai (16).

Ужесточение насильственных мер восстановления справедливости сопровождается еще одним важным сдвигом в функционально-оценочных параметрах данной ситуативной модели: исключительность человека, для характеристики которого используется данное сложное слово, приобретает ярко выраженный отрицательный потенциал и определяется как болезненное отклонение от нормы – безумие (ЛСМ (b)), а ситуация в целом воспринимается как шокирующее проявление жестокости (ЛСМ (d)). Таким образом, амбивалентность исходного словосочетания здесь полностью снимается в пользу отрицательных аспектов опыта. В своей словарной статье [17. Р. 167] мы предлагаем следующую формулировку для ЛСВ 2 сложного слова: **(of people) criminals who are ready to kill others motivated by their perverse perception of ultimate justice**.

'Avenging Angel' в современных толковых словарях

Как показывает приведенный выше анализ ЛСМ, словесная последовательность 'avenging angel' представлена в текстах двумя различными по

морфологии структурами при внешнем формальном сходстве: с одной стороны, свободным словосочетанием, которое может употребляться как в буквальном смысле, так и иносказательно, с другой стороны, сложным словом, обладающим двумя ЛСВ. В первой группе текстов оба элемента словесной последовательности оказывают непосредственное влияние на структуру близлежащего контекста. Это проявляется благодаря включению в ткань повествования элементов, указывающих как на сверхъестественный характер описываемой ситуации, что обусловлено свойствами опыта, закрепленными за словом ‘angel’, так и на жестокость карательных мер, направленных на восстановление справедливости, что соотносится с семантическими характеристиками прилагательного ‘avenging’. Ситуация в целом воспринимается амбивалентно, так как ‘avenging angel’ является орудием божественного гнева, а следовательно вселяет священный ужас в сердца людей, будучи в то же время высшим проявлением справедливости. Во второй группе текстов происходит важный семантический сдвиг в сторону отрицательных свойств опыта, связанных с различными видами проявления жестокости и насилия, причем полностью утрачивается связь с ситуацией сверхъестественного присутствия. Таким образом, свободное словосочетание выделяется из исходной ситуативной модели и включается в структуру целевой ситуации с образованием качественно нового цельного комплекса переживаний. При этом разница между двумя ЛСВ сложного слова обусловлена степенью социальной приемлемости описываемого поведения: оправданная, социально приемлемая жесткость ↔ неоправданное шокирующее насилие, которое лишает человека его места в обществе и ставит его вне закона.

Интересно, что в изученных нами современных толковых словарях английского языка [24–28] сложное слово ‘avenging angel’ не упоминается ни в одном из выделенных в данной работе ЛСВ. В трех словарях данная словесная последовательность не появляется в принципе [25, 26, 28], в то время как в остальных двух [24, 27] она приводится в качестве примера для прилагательного ‘avenging’ и, по-видимому, рассматривается исключительно как свободное словосочетание. ‘Avenging angel’ как фразеологическая единица также не зафиксирован ни в одном из известных нам специализированных словарей и электронных ресурсов [29–33].

Толковые словари, таким образом, никак не реагируют на проанализированную выше разницу контекстов. Возможность использования данной словесной последовательности для характеристики человека в принципе не находит отражения в словарных дефинициях, в результате чего больше половины рассмотренных нами случаев употребления – 194 (59%) (иносказательное использование словосочетания + ЛСВ 1 и 2 сложного слова) – не имеют должного лексикографического описания. С нашей точки зрения, это является значительным упущением прежде всего потому, что значение сложного слова невыводимо напрямую из значений составляющих его компонентов. Зная, например, что ‘angel’ – это ‘a spiritual being superior to humans in power and intelligence’, а ‘avenging’ – ‘seeking or gaining venge-

ance' [27], довольно трудно предположить, что эта словесная последовательность может употребляться по отношению к человеку, который жестко отстаивает свои принципы, особенно если речь не идет об акте личного возмездия, как в примере (18).

17. She even reinforces this through a few contemporary references... to artist Tracey Emin, whom Winterson has called "*an avenging angel, swiping at both high art pretensions and mass-culture*" (<http://womenwriteabout-comics.com/2016/01/07/navigating-jeanette-wintersons-the-gap-of-time/>).

Следует отметить, что от точности определения статуса некой словесной последовательности в конкретных текстах напрямую зависит адекватность лексикографического описания входящих в ее состав лексических единиц. Иносказание как результат системного соотношения двух ситуативных моделей не требует подробного перечисления всех возможных вариантов заимствования и может быть описано схематично в структуре полисемии того словесного знака, который является наиболее стабильным элементом в их составе [17, 23] – в данном случае в структуре полисемии слова 'angel'. Сложные слова, напротив, представляют собой единичные случаи метонимического расширения, обладающие своей собственной структурой полисемии, и должны быть представлены списком с подробным описанием качественно нового комплекса переживаний, образовавшегося в результате метонимического сдвига.

Предложенная методология позволит более точно описать в словарях данные языковые явления. Как мы попытались продемонстрировать, сопоставительный анализ ЛСМ помогает провести четкую границу между свободным словосочетанием, которое может употребляться либо в буквальном смысле, либо иносказательно, и омонимичным ему сложным словом. Свободное словосочетание всегда сопровождается появлением в тексте лексических единиц, так или иначе соотносящихся со свойствами опыта, закрепленными за каждой из входящих в его состав корневых морфем. Иносказательное использование некой словесной последовательности предполагает наличие тесной связи с исходной ситуативной моделью, что проявляется в заимствовании целого комплекса лексических единиц из одной ситуации в другую. При этом в рамках целевой ситуации заимствованная единица продолжает функционировать как свободное словосочетание, в результате чего в структуре текста актуализируется лексико-семантическая сочетаемость каждого из входящих в ее состав слов. В процессе словосложения, напротив, происходит слияние семантических характеристик обоих компонентов за счет важного функционально-оценочного сдвига с образованием качественно нового переживания. Это приводит к утрате очевидной связи с исходной ситуативной моделью и проявляется в приобретении словесной последовательностью новых особенностей лексико-семантической сочетаемости.

Подводя итог, отметим, что по результатам данного исследования семантический критерий можно считать эффективным средством оценки статуса словесных последовательностей в английском языке при условии

разработки надежной методологии семантического анализа. Лингво-антропологический подход представляется нам наиболее перспективным с этой точки зрения, так как позволяет учесть особенности функционирования языковых единиц в речи и выявить системные отношения между ними на основе компаративного анализа текстов с выделением ключевых функционально-оценочных параметров ситуативных моделей. Предложенный метод выделения типичных ЛСМ посредством корпусного анализа конкретных речевых произведений позволяет провести четкую границу между словосочетанием (используемым в буквальном смысле или иносказательно) как синтаксической единицей, функционирующей в речи, и сложным словом как явлением языковой системы и в этом отношении заслуживает дальнейшей проработки, особенно в контексте лексикографической практики.

Приложение I¹

Распределение категорий ЛСМ в зависимости от семантического статуса словесной последовательности 'avenging angel'

COLLOCATION**OTHERWORLDLINESS:**

- (VP) soar in the sky, hover in the air, sweep across the world, fade away, appear out of nowhere, spread its dark wings, magically thrust sb into an alternate reality, shine down holy light to smite her enemies with, cast a thousand lights, glide along the floor, strike sb with bolts of lightning, pass over the land;

- (AP) ethereal, especially good at raining down sulfur (ironic), powerful, extraordinary;

- (NP/PP) miracles, superior power, amazing swiftness, hell, of Lord/ God, flames, spiritual carnage, godlike persistence, the relentless and dazzling brilliance, supernatural forces, of the apocalypse, strange apparition, a sign of divine anger, the vision of, a clear warning that the lord would very soon intervene to punish the country, divine might, signs of God's hand in everyday life, declarations of the divine will, a messenger sent by the Messiah, a mysterious and haunting presence, the ghost, flames descending toward earth from the hands of an AA, power above us.

IMPLY VIOLENCE:

- (VP) annihilate, punish, devour, curse, kill, wield a white-hot sword, bear a naked sword, brandish (a sword) glitteringly up and down, strike, threaten an instant destruction, can slay a daemon with one blow, slay the firstborn, strike sb with bolts of lightning;

- (AP) dreadful, dark, punitive, sword-bearing, deadly;

- (NP/PP) devastating power of destruction, in vengeance, theology of redemptive violence, wrath of the God-King, the thunderous impact, agent of destruction, a diabolical, equally self-serving force, his thirst for slow and bloody revenge, the consuming fire and the sword of Heavens vengeance, chastisement, fury, across the battlefields, an overwhelming clarion call.

CONVEY THE IDEA OF PROTECTION AND JUSTICE:

- (VP) brighten up sb's darkest day, protect, rescue;

- (AP) correct in their judgment;

- (NP) wisdom, guardians of harmony, guardian of men even in mortal life, hero.

IMPRESSION PRODUCED ON A HUMAN BEING - AWE: not for the faint of heart, galvanize sb, feel numb, trance, terrified, so powerful an effect.

COLLOCATION (figurative use)**OTHERWORLDLINESS:**

- (VP) can "walk on water"

- (AP) sent to put a stop to the show;

- (NP/PP) an occult figure, Nemesis, the judgment of God, the immortal Mistress, not an unforgiving horseman of the apocalypse but an AA of God, Kudelka's version of Swan Lake's evil sorcerer.

¹ В целях экономии места все глаголы приводятся в форме *bare infinitive*, примеры из текста статьи в приложении не дублируются. Сокращения: VP – verb phrase, AP – adjective phrase, NP – noun phrase, PP – prepositional phrase, AA – avenging angel.

OUT OF ORDINARY, UNUSUALLY IMPRESSIVE:

- (VP) grin in glory, move with an easy grace, ;
- (AP) amazing;
- (NP/PP) martyr, a Female Dominant idol, the dramatic driving force, not anything normal.

IMPLY VIOLENCE:

- (VP) bear down on sb, selectively murder, smite down an unjust government, kills his grandfather, chase men, set on punishing if not an evil world at least an evil medieval court, crushing the forces of evil with his flaming sword;
- (AP) dark, capable of murder, able to kill the war criminal;
- (NP/PP) the ability to draw down the darkest enemy, more than just rage, like a raven swooping down on its prey, chastisements, contained indignation, seismic ructions rumbling underneath, self-aggrandising retribution, martial horns and drums, the hysterical harp, carnage .

CONVEY THE IDEA OF PROTECTION AND JUSTICE:

- (VP) right all wrongs, cure, hold the evidence of guilt, has brought himself into a right relation with the world without negativity and bad thoughts;
- (NP/PP) the power to lead mankind to safety, a sense that the world was full of injustice, the wisdom and beneficence, quest for justice.

IMPRESSION PRODUCED ON OTHERS – AWED AMAZEMENT: horrific, profoundly unsettling, powerful and painful, extraordinarily ambivalent.

COMPOUND**SENSE I****IMPLY VIOLENCE:**

- (VP) threaten, conquer the villain in a battle of martial-arts styles, swipe at, pose as a campaign volunteer and infect the candidate, get back at perceived enemies, join the witchcraft for communists, support a covert war, take many blows and strikes, kick ribs, smash noses, snap collarbones, shatter kneecaps, track down one's most elusive enemies, go to war on sb's behalf, order sb into exile, crush his nation's attackers, take more extreme measures to fight crime, take down anyone, draw into his dangerous world, live and breathe danger, blast sb with a shotgun, bring down the scum of the world, lash out at sb, ratchet up the confrontational tension, break slates over sb's heads;
- (AP) wrathful, devastating in his critique, nasty, brutish, scathing;
- (NP/PP) a bodyguard, daily battles on behalf of victims, the former FBI agent, the old hurts that drive her, for stamping out stupidity, such a fighting style, in leather and tattoos, brutal justice, with a blazing sixgun in hand, with the blunt courage, steely tones, the center of an international controversy, the hectoring opponent of slam dancing; regardless of the rulebooks, moral concerns and social niceties.

CONVEY THE IDEA OF PROTECTION AND JUSTICE:

- (VP) guard sb, present hard truths, deliver a bold indictment of the criminal justice system, demonstrate determination and compassion, save sb, right this inequity, lead people out of a time of crisis, save two students from a dorm fire and save another from a school bully, fight crime, take down anyone who brutalizes the helpless, protect sb, find noble causes, like to stick up for the little guy, not tolerate bullies, take the law into one's own hands, serve justice, punish all crimes, uphold the law where there is no law, know what's right, set on protecting the innocent, create a safe haven, restore peace to their lives;

- (AP) law-and-order, sincere, famous as a Confederate Hero;
- (NP/PP) of American justice, urge to protect, a sagebrush Robin Hood, the ability to help others, promulgator of impeccable anti-corporate values, Bearer of the Banner of Southern Honor, on the hunt for justice, commitment to justice at all costs, a protective figure, the solitary force against evil, dynamic retribution, vigilante.

OUT OF ORDINARY, UNUSUALLY IMPRESSIVE:

- (VP) mutation sprouted him a pair of white feather wings which granted him the ability to fly, drive to the outskirts of sanity, emerge victorious, the best there ever was or would be;

- (AP) gonzo, brilliant, fascinating, charismatic;

- (NP/PP) a mysterious young woman, the proverbial man of action, a set of formidable skills, something unforgettable about the mysterious man, great things in her future.

RELATED TO REAL WORLD:

- (AP) ethical, secular.

IMPRESSION PRODUCED ON OTHERS - EXCITEMENT: compelling, as exciting as any political thriller, will inspire anyone, earn our sympathy.

SENSE II

EXTREMELY VIOLENT MURDEROUS BEHAVIOUR :

- (VP) kill, murder, destroy sb, get his shot at sb, eliminate, break into the homes of convicted sex offenders, torture, cut off fingers, shred ears, attack sb, track sb, commit the most malicious of crimes, violently extract, be after sb, brutally massacre, do anything to silence sb, bring destruction on the insular, self-contained community ;

- (AP) impassive;

- (NP/PP) deaths, on a killing spree, prey, the target of wrath, verbal torture, serial killings, a murderer bent on revenge, red-hot vengeance, chief assassin, killers, a dangerous web of greed, corruption and religious retribution, enough bodies, lingering scenes of victims crossing over into death, fictional murder suspect, a lot of blood, an unapologetic murderer, his serial-killing ways.

INSANITY:

- (VP) pretend to act like a normal human being;

- (AP) psychopathic;

- (NP/PP) forensic psychiatrist, in therapy.

JUSTICE AS PUNISHMENT:

- (VP) punish, deliver justice, only go after bad;

- (NP/PP) those guilty of The Seven Deadly Sins, suspects who had escaped justice through mistrials, in retribution for their crimes, who deserve it, acts of revenge.

IMPRESSION PRODUCED ON OTHERS - SHOCK: shocking, slake any aficionados thirst for blood, disgusting, we sympathize with a serial killer... because of the rules he follows.

Литература

1. *The Oxford Handbook of Compounding* / ed. by R. Lieber, P. Štekauer Oxford : Oxford University Press, 2009. 691 p.
2. Градалева Е.А. Способы разграничения сложных слов и словосочетаний английского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 10 (163). С. 15–20.

3. *Altakhaine Abdel Rahman M.* What is a Compound? The Main Criteria for Compoundhood // *Explorations in English Language and Linguistics*. 2016. Vol. 4 (1). P. 58–86.
4. *Азимова М.Н.* Структурно-семантические особенности сложных существительных в современном английском и таджикском языках // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук*. 2012. Вып. 1 (49). С. 166–179.
5. *Виноградов В.В.* Вопросы изучения словосочетаний // *Вопросы языкознания*. 1954. Вып. 3. С. 24–28.
6. *Маковей П.Г.* Соотношение сложного слова и словосочетания // *Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета*. Харьков : Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет, 2009. С. 14–18.
7. *Scalise S., Bisetto A.* The Classification of Compounds // *The Oxford Handbook of Compounding*. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 34–53.
8. *Jackendoff R.* Compounding in the Parallel Architecture and Conceptual Semantics // *The Oxford Handbook of Compounding*. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 105–128.
9. *Арнольд И.В.* Лексикология современного английского языка. М. : Высшая школа, 1986. 296 с.
10. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М., 2008. 272 с.
11. *Ковишова М.Л.* Лингво-культурологический метод в фразеологии. Коды культуры. М., 2012. 456 с.
12. *Kavka S.* Compounding and Idiomatology // *The Oxford Handbook of Compounding*. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 19–33.
13. *Bauer L.* When is a sequence of noun + noun a compound in English? // *English Language and Linguistics*. 1998. Vol. 2. P. 65–86.
14. *Spencer A.* Does English have productive compounding // *Topics in Morphology: Selected Papers from the Third Mediterranean Morphology Meeting, Barcelona, 20–22 September 2001*. Barcelona: Institut Universitari de Linguística Aplicada, Universitat Pompeu Fabra, 2003. P. 329–341.
15. *Heyvaert L.* Compounding in Cognitive Linguistics // *The Oxford Handbook of Compounding*. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 233–254.
16. *Толочин И.В.* Coffee Beans on Coffee Tables: о критериях разграничений сложного слова и словосочетания // *Studia Linguistica: Актуальные проблемы современного языкознания*. 2009. С. 183–190.
17. *Smirnova A., Tolochin I.* Terrible Angels: Semantic Ambivalence and Polysemy // *GEMA Online Journal of Language Studies*, August 2018. Vol. 18 (3). <http://doi.org/10.17576/gema-2018-1803-09>
18. *Fillmore Ch.J., Atkins B.T.* Towards a Frame-based organization of the lexicon: the semantics of RISK and its neighbours // *Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization* / ed. by A. Lehrer and E. Kittay. Hillsdale : Lawrence Erlbaum, 1992. P. 75–102.
19. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // *Теория метафоры*. М., 1990. С. 387–415.
20. *Omazic M.* Processing of Idioms and Idiom Modifications // *Phraseology: an Interdisciplinary Perspective* / ed. by S. Granger, F. Meunier. John Benjamins Publishing, 2008. P. 66–79.
21. *Толочин И.В., Лукьянова Е.А.* Переосмыслим «переосмысленное». Что же такое фразеологизмы? // *Этюды*. СПб., 2008. С. 69–76.
22. *Коновалова М.Н., Лукьянова Е.А., Сорокина М.В., Толочин И.В.* Учебник по лексикологии / под ред. И.В. Толочина. СПб. : Антология, 2014. С. 352.
23. *Смирнова А.Ю.* Фреймы «Uncontrolled Destructive Burning», «Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes» и «Use of Firearms in a Military Conflict» как источник

- ряда фразеологических единиц с компонентом FIRE в современном английском языке // Научное мнение. 2015. Вып. 11 (1). С. 23–35.
24. *Collins Online English Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/avenging> (дата обращения: 22.12.2018).
 25. *Longman Online Dictionary of Contemporary English*. URL: <https://www.ldo-ceonline.com/> (дата обращения: 22.12.2018).
 26. *MacMillan Online Dictionary*. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 22/12/2018).
 27. *Merriam-Webster Online English Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/avenging> (дата обращения: 22.12.2018).
 28. *The American Heritage Online Dictionary of the English Language*. URL: <https://www.ahdictionary.com/> (дата обращения: 22.12.2018).
 29. *Cambridge Idioms Dictionary*. Cambridge University Press, 2009. P. 505.
 30. *Dictionary of English Idioms*. Penguin Books, 2002. P. 378.
 31. *Oxford Idioms*. Oxford University Press, 2015. P. 470.
 32. *The Phrase Finder*. URL: <https://www.phrases.org.uk/> (дата обращения: 22.12.2018).
 33. *Idiom Site*. URL: <http://www.idiomsite.com/> (дата обращения: 22.12.2018).

Avenging Angel: From a Collocation to a Compound

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 153–175. DOI: 10.17223/19986645/72/8

Alexandra Yu. Smirnova, independent researcher (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sandy.86@inbox.ru

Igor V. Tolochin, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: itfipe@gmail.com / i.tolochin@spbu.ru

Keywords: compound, collocation, idiom, lexical markers, corpus analysis, lexicography.

This article deals with the problem of distinction between compounds, idioms and collocations in the English language. It puts forward a new approach to the assigning of a particular morphological status to a word sequence based on the corpus analysis of a large sample of expanded contexts. The methodology proposed here consists in singling out recurrent lexical markers (LMs) with the purpose of defining typical patterns of usage of the studied word sequence. These LMs are further subdivided into several categories according to the features of experience that they convey. The morphological status is attributed to a word sequence on the basis of a significant functional shift in the categories, which is established through comparative contextual analysis. We have analyzed 327 instances of usage of the English word sequence ‘avenging angel’ in texts belonging to various speech genres. The extracts were taken from modern English corpora, different websites and online periodicals, and were selected using the continuous sampling method. The main result of our research is given in Appendix I, which shows the overall breakdown of typical LMs between functional categories and their distribution according to the morphological status of ‘avenging angel’. The Appendix was revised during the peer review process, and all the examples analyzed in the main body of the article were removed. The collocation is always accompanied by LMs which are related to the features of experience conveyed by each of the words in the sequence. In the case of ‘avenging angel’ four categories can be distinguished: (1) implying the supernatural character of the situation (‘otherworldliness’); (2) indicating the ambivalent nature of contact (‘impression produced on others: awe’); (3) describing different kinds of violent behavior (‘implying violence’); (4) related to the idea of ‘protection and justice’. Categories (1) and (2) correspond to the features of experience expressed by the word ‘angel’, whereas categories (3) and (4) are triggered by the word ‘avenging’. Idioms, which are considered here as borrowings from one situation to another, retain their connection with the source by activating the same patterns of semantic relations. In the process of compounding, on the contrary, an important functional shift occurs, which indicates that the semantic

blending of the two components takes place. The categories of LMs that are related to the word 'angel' disappear giving way to new categories such as 'related to real world', 'out of ordinary, unusually impressive', 'insanity' alongside with the intensification of the category of words implying violence. We would like to thank two anonymous reviewers for their comments which helped us to improve the manuscript. In the process of revision we paid special attention to the transformational method of distinction between collocations and compounds and put additional stress on the advantages of the proposed method of contextual analysis in the last paragraph.

References

1. Lieber, R. & Štekaueryu, P. (eds) (2009) *The Oxford Handbook of Compounding*. Oxford: Oxford University Press.
2. Gradaleva, E.A. (2015) Methods of Differentiating Compounds from Phrases in the English Language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 10 (163). pp. 15–20. (In Russian).
3. Altkhaine Abdel Rahman, M. (2016) What is a Compound? The Main Criteria for Compoundhood. *Explorations in English Language and Linguistics*. 4 (1). pp. 58–86.
4. Azimova, M.N. (2012) Strukturno-semanticheskie osobennosti slozhnykh sushchestvitel'nykh v sovremennom angliyskom i tadzhikskom yazykakh [Structural and semantic features of compound nouns in modern English and Tajik languages]. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk*. 1 (49). pp. 166–179.
5. Vinogradov, V.V. (1954) Voprosy izucheniya slovosochetaniy [Issues in studying phrases]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 3. pp. 24–28.
6. Makovey, R.G. (2009) Sootnoshenie slozhnogo slova i slovosochetaniya [The correlation of a compound and a phrase]. *Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo avtomobil'no-dorozhnogo universiteta*. 45. pp. 14–18.
7. Scalise, S. & Bisetto, A. (2009) The Classification of Compounds. In: Lieber, R. & Štekaueryu, P. (eds) *The Oxford Handbook of Compounding*. Oxford: Oxford University Press. pp. 34–53.
8. Jackendoff, R. (2009) Compounding in the Parallel Architecture and Conceptual Semantics. In: Lieber, R. & Štekaueryu, P. (eds) *The Oxford Handbook of Compounding*. Oxford: Oxford University Press. pp. 105–128.
9. Arnol'd, I.V. (1986) *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology of Modern English]. Moscow: Vysshaya shkola.
10. Alefirenko, N.F. (2008) *Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm* [Phraseology in the context of modern linguistic paradigms]. Moscow: ELPIS.
11. Kovshova, M.L. (2012) *Lingvo-kul'turologicheskiy metod v frazeologii. Kody kul'tury* [Linguoculturological method in phraseology. Culture codes]. Moscow: URSS.
12. Kavka, S. (2009) Compounding and Idiomatology. In: Lieber, R. & Štekaueryu, P. (eds) *The Oxford Handbook of Compounding*. Oxford: Oxford University Press. pp. 19–33.
13. Bauer, L. (1998) When is a sequence of noun + noun a compound in English? *English Language and Linguistics*. 2. pp. 65–86.
14. Spencer, A. (2003) Does English have productive compounding. *Topics in Morphology: Selected Papers from the Third Mediterranean Morphology Meeting*. Barcelona. 20–22 September 2001. Barcelona: Institut Universitari de Linguística Aplicada, Universitat Pompeu Fabra. pp. 329–341.
15. Heyvaert, L. (2009) Compounding in Cognitive Linguistics. In: Lieber, R. & Štekaueryu, P. (eds) *The Oxford Handbook of Compounding*. Oxford: Oxford University Press. pp. 233–254.
16. Tolochin, I.V. (2009) Coffee Beans on Coffee Tables: o kriteriyakh razgranicheniy slozhnogo slova i slovosochetaniya [Coffee Beans on Coffee Tables: on the criteria for

distinguishing a compound and a phrase]. *Studia Linguistica: Aktual'nye problemy sovremennogo yazykoznaniiya*. 18. pp. 183–190.

17. Smirnova, A. & Tolochin, I. (2018) Terrible Angels: Semantic Ambivalence and Polysemy. *GEMA Online Journal of Language Studies*. August. 18 (3). DOI: 10.17576/gema-2018-1803-09

18. Fillmore, Ch.J. & Atkins, B.T. (1992) Towards a Frame-based organization of the lexicon: the semantics of RISK and its neighbours. In: Lehrer, A. & Kittay, E. (eds) *Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum. pp. 75–102.

19. Lakoff, G. & Johnson, M. (1990) Metaphors we live by. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress. pp. 387–415.

20. Omazic, M. (2008) Processing of Idioms and Idiom Modifications. In: Granger, S. & Meunier, F. (eds) *Phraseology: an Interdisciplinary Perspective*. John Benjamins Publishing. pp. 66–79.

21. Tolochin, I.V. & Luk'yanova, E.A. (2008) Pereosmyslim “pereosmyslennoe”. Chto zhe takoe frazeologizmy? [Rethinking the “rethought”. What are phraseological units?]. In: *Etyudy* [Studies]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 69–76.

22. Konovalova, M.N. et al. (2014) *Uchebnik po leksikologii* [Textbook on lexicology]. St. Petersburg: Antologiya.

23. Smirnova, A.Yu. (2015) Freymy “Uncontrolled Destructive Burning”, “Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes” i “Use of Firearms in a Military Conflict” kak istochnik ryada frazeologicheskikh edinit s komponentom FIRE v sovremennom angliyskom yazyke [Frames “Uncontrolled Destructive Burning”, “Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes” and “Use of Firearms in a Military Conflict” as a source of a number of phraseological units with a FIRE component in modern English]. *Nauchnoe mnenie*. 11 (1). pp. 23–35.

24. *Collins Online English Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/avenging> (Accessed: 22.12.2018).

25. *Longman Online Dictionary of Contemporary English*. [Online] Available from: <https://www.ldo-ceonline.com/> (Accessed: 22.12.2018).

26. *MacMillan Online Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.macmillandictionary.com/> (Accessed: 22.12.2018).

27. *Merriam-Webster Online English Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/avenging> (Accessed: 22.12.2018).

28. *The American Heritage Online Dictionary of the English Language*. [Online] Available from: <https://www.ahdictionary.com/> (Accessed: 22.12.2018).

29. CUP. (2009) *Cambridge Idioms Dictionary*. Cambridge University Press.

30. Penguin. (2002) *The Penguin Dictionary of English Idioms*. Penguin Books.

31. OUP. (2015) *Oxford Idioms*. Oxford University Press.

32. *The Phrase Finder*. [Online] Available from: <https://www.phrases.org.uk/> (Accessed: 22.12.2018).

33. *Idiom Site*. [Online] Available from: <http://www.idiomsite.com/> (Accessed: 22.12.2018).

УДК 811.112.22

DOI: 10.17223/19986645/72/9

Э.Л. Шубина, Х. Блюдорн

ИМЕННЫЕ ГРУППЫ ТИПА *EINE ART* + *ATTR.* + *SUBST.* В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ)

Рассматривается проблема выбора вида подчинительной связи в именных группах, которые состоят из ауксилиара *eine Art* и распространенного прилагательным или причастием главного существительного (*Attr.* + *Subst.*) (*eine Art wissenschaftliche Rezension*). Исследуется развитие именных групп в немецкоязычных художественных текстах с XVIII по XX в. Главная цель – показать, что выбор синтаксической организации групп обусловлен надежной формой ауксилиара, родом и числом главного существительного.

Ключевые слова: именные группы, ауксилиар, главное существительное, грамматическое оформление, вариативность, синхрония, диахрония

Введение

Существительное с неопределённым артиклем *eine Art* (что-то вроде, своего рода) в составе именных групп называется в лингвистических статьях по-разному, а именно хедж-маркером, метафорическим индикатором, ауксилиаром.

Исходя из их функции в тексте, С. Дёнингауз считает такие лексемы, как *eine Art* (что-то вроде); *so etwas wie*; (*so*) *etwas Ähnliches wie* (что-то похожее на ...), хедж-маркерами [1. S. 329]. По мнению основоположника теории хеджирования Д. Лакоффа, функция хедж-маркеров состоит в том, чтобы описывать понятия более или менее «расплывчатыми» [2. S. 195]. Благодаря хедж-маркерам говорящий избегает радикальных высказываний. Само понятие хеджирования, как известно, пришло в филологию из области экономики и страхования. В филологии термин сохранил исходное значение, обозначая «речевое страхование». В отечественном языкознании термин *хеджирование* или *хэджинг* встречается крайне редко. В немецком языкознании понятие *хеджинг* обозначается терминами *sprachliche Hecke*, *Heckenausdrücke* (*eine Art*, *quasi*, *pseudo-*), которые позволяют смягчить категоричность высказываний. Таким образом, *eine Art Mütze* – это не шапка, а похожий на шапку и обладающий схожими функциями головной убор [3. S. 11]. Г. Колде именует существительное *eine Art* в составе именных групп метафорическим индикатором, поскольку при помощи метафоры осуществляется перенос названия с одного предмета или явления действительности на другой на основе их сходства. Существительное *eine Art* сигнализирует о том, что говорящий называет объект для сравнения, используя свой ментальный опыт [4].

Такие существительные, как *Glas, n, Klumpen, n, Sorte, f, Art, f*, в именных группах X. Блюдорн называет ауксилиарными (вспомогательными) по аналогии с ауксилиарными глаголами, которые вместе с полнозначными образуют глагольные единства. Автор термина «ауксилиарные существительные» приводит таблицу, в которой представляет именные группы современного немецкого языка следующим образом [5. S. 54].

Т а б л и ц а 1

Именные группы в немецком языке

Именные группы	Классифицирующие	Описательные
Квантифицирующие	1. Метрические (о мерах) <i>ein Glas (kaltes) Wasser</i>	2. Метонимические <i>ein Klumpen (reines) Gold</i>
Модифицирующие	3. Обобщающие <i>eine Sorte (deutscher) Wein</i> <i>ein Typ Kaufmann</i>	4. Метафорические <i>eine Art (blinde) Hoffnung</i> <i>eine Seele von Mensch</i>

В работе используется термин *ауксилиарное существительное*, *ауксилиар* (сокр. *Aux...*), так как он наиболее полно отражает функциональные особенности данных единиц в составе именных групп.

В исследовании рассматривались примеры именных групп из произведений немецкоязычной художественной литературы, изданных прежде всего на территории Германии (368 произведений), а также Австрии (35 произведений) и Швейцарии (33 произведения) в период с начала XVII по конец XX в. Методом сплошной выборки было получено 788 микротекстов, которые и стали объектом анализа.

Именно в XVII в. благодаря произведениям Г.Я.К. фон Гриммельсгаузена, Х. Вайзе, И.М. Мошероша, Филиппа фон Цезена, Х. Ройтера, Й.Б. Шуппа, Олеария Адама, А. Гриффуса, Абрахама а Санта-Клара, К. Штилера вырос общественный авторитет немецкого языка и сформировалась языковая норма. Как отмечает М.М. Гухман, «со второй половины XVII в. начинается эпоха формирования немецкого национального языка, а к концу XVII – началу XVIII в. этот процесс в основном приближается к завершению в сфере письменной речи» [6. С. 149]. Анализируемые именные группы встретились только в текстах Г.Я.К. фон Гриммельсгаузена и Олеария Адама. По этой причине были заимствованы примеры из корпуса Берлинской Бранденбургской академии наук DWDS-Corpus (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache).

Корпус примеров XVIII в. составила выборка из 38 произведений И.В. Гёте, К.М. Виланда, К.Ф. Морица, К.Ф. Николаи, И.К.А. Музеуса. Представительный корпус примеров XIX в. был собран из 64 произведений таких авторов, как Т. Фонтане, К. Гуцков, Г. Гейне, Э.Т.А. Гофман, К. Иммерман, Г.Л. Пюклер-Мускау, В. Раабе, Т. Шторм. Для выборки первой половины XX в. были использованы произведения Г. Фаллады, Л. Франка, Л. Фейхтвангера, Г. Гессе, Т. Манна, Ф. Кафки, Э. Кестнера, Э.М. Ремарка, А. Дёблина, Р. Вальзера, Г. Мейринка, Б. Келлермана (всего 107), а для выборки второй половины XX в. – произведения Т. Бернхарда, Г. Бёлля,

Гюнтера де Бройна, М. Фриша, Б. Фришмут, Ф. Дюрренматта, Г. Элснер, Г. Грасса, П. Хандке, П. Хертлинга, В. Хайдучека, В. Мартина, М.Л. Кашниц, Г.Г. Конзалика, З. Ленца, Г. Линд, А. Мушга, Х.Э. Носсака, П. Зюскинда, Э. Штриттматтера, М. Вальзера, Г. Воман, К. Вольф (всего 206). В табл. 2 показано количество отобранных нами примеров для каждого из обозначенных периодов.

В качестве дополнительного иллюстративного материала использовались публикации периодических изданий Германии «Süddeutsche Zeitung», «Stern», «Die Welt», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Stuttgarter Zeitung», «Berliner Zeitung», «Tageszeitung», «Tagesspiegel», «Nordbayerischer Kurier», «Bayerische Staatszeitung» за период с 1996 по 2018 г.

Т а б л и ц а 2

Корпус примеров именных групп с ауксилиаром *eine Art*

Периоды	Количество примеров
XVII в.	6
XVIII в.	172
XIX в.	244
Первая половина XX в.	118
Вторая половина XX в.	248
Всего	788

Статья состоит из введения и четырех разделов. В первом разделе обозначается проблема определения падежной формы главного существительного в составе именной группы с ауксилиаром *eine Art*. Во втором рассматривается диахроническое развитие распространённой определением именной группы *eine Art + Attr. + Subst.* В третьем обсуждается синтаксическая организация группы *eine Art + Attr. + Subst.* в текстах XVII–XX вв. При этом в каждом из подразделов анализируются отдельно группы с главным существительным в единственном числе и группы с главным существительным во множественном числе. В последнем, четвертом, разделе – в заключении – подводятся общие итоги исследования именной группы *eine Art + Attr. + Subst.*

Проблема выбора подчинительной связи в именных группах типа *eine Art + Subst.* и *eine Art + Attr. + Subst.*

Именные группы типа *eine Art + Subst.* без прилагательного или причастия перед главным существительным (*eine Art Familientreffen*) не позволяют в современном немецком языке определить падеж существительного (*Familientreffen*) и вид подчинительной связи, поскольку формальное выражение падежа, как правило, отсутствует.

В нововерхненемецком языке у существительных женского рода падеж формально не выражен. У существительных мужского и среднего рода сильного типа склонения имеется флексия *-(e)s* в генитиве (*Familientreffen-s*). Как утверждают немецкие языковеды и отечественные германисты, в

средневерхненемецком окончание *-(e)s* генитива было ещё широко распространено в именных группах [7, 8]: *eyne art holtzes*, *eyne art Wildts* (Staden, DWDS). Но начиная с XVII в. окончание *-(e)s* в таких группах постепенно выходит из употребления: *eine art Auffwarter* (Olearius). В настоящее время окончание *-(e)s* генитива в группах типа *eine Art + Subst.* характерно лишь для возвышенного стиля и крайне редко встречается в письменной и устной речи: *welche eine Art Erdreichs ist* [9]. В нашем материале подобных именных групп не обнаружено.

У существительных мужского рода слабого типа склонения отчётливо прослеживается тенденция отказываться в именной группе *eine Art + Subst.* от падежной флексии *-(e)n*:

(1) Dativ: ...*dass die Männer zu einer Art Chronist (m) der Geburt werden* (Tageszeitung).

(2) Dativ: *Sein Scharfsinn macht Sherlock Holmes zu einer Art Superheld (m)* (Tageszeitung).

Несмотря на эту тенденцию, у главных существительных мужского рода слабого типа склонения всё же иногда встречаются соответствующие окончания в художественных текстах:

(3) Dativ: ... *wie ich fürchte, zu einer Art Poeten (m)* (Pückler-Muskau).

Существительные слабого типа склонения в именных группах типа *eine Art + von + Subst.* могут выступать как с падежными окончаниями, так и без них:

(4) Nominativ: *Als eine Art von Held (m), wie man sie vielleicht erwartet* (Nordbayerischer Kurier).

(5) Dativ: ...*zu einer Art Seismographen (m) geworden* (von Suttner, DWDS).

Однако отсутствие окончания у главного существительного анализируемой группы не означает, что у такого существительного отсутствует падеж. Грамматические отношения между ауксилиаром и главным существительным проявляются, как только главное существительное получает определение: *mit einer Art freudiger Hoheit* (генитив или датив) (Süddeutsche Zeitung), *eine Art blauen Sweater* (аккузатив) (Die Welt), *einer Art stickstoffhaltigem Holz* (датив) (Frankfurter Allgemeine Zeitung).

Так, в современном немецком языке в именных группах *eine Art + Attr. + Subst.* главное существительное независимо от падежа ауксилиара может стоять в генитиве, получая соответствующее окончание: *in einer Art (Dativ) sehr lockeren gallertigen Bindegewebes (Genitiv)* (Süddeutsche Zeitung). Ауксилиар и главное существительное могут стоять и в одном падеже: *eine Art (Nominativ) schöngeistiger Salon (Nominativ)*.

Ориентируясь на нормативные грамматики и данные проведённого исследования, можно утверждать, что рассматриваемые именные группы организуются по четырём моделям, а именно:

Aux_{metaph} + Attr. + Subst. Genitiv (главное существительное стоит в генитиве): *eine Art selbständigen Lebens*;

Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst. Dativ (после предлога *von* главное существительное стоит в дативе): *mit einer Art von selbständigem Leben*;

Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph} (ауксилиар и главное существительное стоят в одном и том же падеже, для определения используется сильное склонение): *mit einer Art selbständigem Leben*;

Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph} (ауксилиар и главное существительное согласуются в падеже, для определения используется слабое склонение): *mit einer Art zweiten Geburt*.

В первых двух моделях главное существительное синтаксически является распространением к ауксилиару. В третьей и четвёртой моделях не ясно, какой из компонентов именной группы составляет её ядро, а какой его распространяет. Модель со слабым склонением определения имеет ограниченное употребление и встречается в современном немецком языке после ауксилиара в дативе и аккузативе. При этом главным существительным выступают имена либо женского, либо мужского рода. Данное утверждение подкрепляется собранным текстовым материалом XIX и XX в.:

(6) Dativ: ...in **einer Art abergläubischen Vorstellung** (f) ... (Fontane).

(7) Dativ: Bei **einer Art internen Verlobungsfeier** (f) in Uelzen ... (Nossack).

Грамматика Дудена рассматривает следующие модели организации именных групп в ауксилиаром *eine Art*. Главное существительное присоединяется к ауксилиару *eine Art* при помощи предлога *von* + Dativ или же главное существительное может употребляться в аналогичной падежной форме, что и ауксилиар: *Es war eine Art hölzernes Gestell/von hölzernem Gestell* [10. С. 105]. Реже встречаются именные группы с генитивом главного существительного, которые звучат, по мнению авторов грамматики Дудена, высокопарно: *Es war eine Art hölzernen Gestells*. Если ауксилиар употребляется в дативе, то определение перед главным существительным может получать слабое окончание *-(e)n* вместо сильного: *Der Topf war mit einer Art blauen Glasur* (вместо: *blauer*) *überzogen*. Окончание прилагательного *-(e)n* авторы нормативной грамматики считают правильным исключительно после ауксилиара в дативе. По их мнению, прилагательное в этом случае относится к неопределённому артиклю существительного *Art* и склоняется так, как если бы существительное *Art* отсутствовало: *Der Topf war mit einer blauen Glasur*. Наряду с окончанием *-(e)n* перед главным существительным женского рода может использоваться и сильный тип склонения прилагательного: *mit einer Art blauer/blauen Glasur* [10. S. 105].

Анализируемый текстовый материал показал, что кроме падежа ауксилиара *eine Art*, выбор синтаксической связи, организующей данные именные группы, зависит от числа и рода главного существительного.

Диахроническое развитие именных групп *eine Art* + Attr. + Subst.

Используя представительный корпус примеров, продемонстрируем, как выглядит распределение именных групп *eine Art* + Attr. + Subst. по моделям в период с XVII по XX в. При статистических подсчётах принималась во внимание формальная многозначность типов сочетаний. Так, если ауксилиарное существительное стоит в генитиве, то вся группа с полным пра-

вом может быть отнесена к модели с генитивом $Aux_{metaph} + Attr. + Subst. Genitiv$ или указывать на согласование в падеже по типу $Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}$:

(8) Genitiv: *Persönlich stelle er sich diese Lösung in Form eines Rahmenvertrages, **einer Art institutioneller Lösung** (f) vor* (Archiv der Gegenwart, 2001 [1960], DWDS).

Если ауксилиар *eine Art* стоит в дативе и определение при главном существительном женского рода имеет окончание $-(e)r$, то точно установить принадлежность именной группы к модели с генитивом или с согласованием в падеже ауксилиара и главного существительного не представляется возможным, поскольку окончание $-(e)r$ определения может указывать как на генитив, так и на датив сильного склонения:

(9) Dativ: ...zu **einer Art souveräner Autorität** (f) machend (Keller, DWDS).

Если ауксилиар *eine Art* стоит в аккумулятиве, а в качестве главного существительного выступает имя мужского рода, то формально разница между сильным и слабым типом склонения прилагательных не прослеживается. Соответственно данные группы можно отнести к модели $Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}$ или к модели $Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}$:

(10) Akkusativ: *du legst ihm **eine Art dämonischen Charakter** (m) bei...* (Morike, DWDS).

Все примеры, допускающие двоякое толкование, при подсчетах были поделены надвое. Распределение рассматриваемых именных групп по моделям в разные временные периоды демонстрирует табл. 3.

Таблица 3

Распределение именных групп по моделям в период с XVII по XX в.

Модели именных групп	XVII в.	XVIII в.	XIX в.	XX в. (1-я половина)	XX в. (2-я половина)
$Aux_{metaph} + Attr. + Subst. Genitiv$	4 (66%)	38,5 (23%)	111 (46%)	29 (23%)	99,5 (40%)
$Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst. Dativ$	—	127 (74%)	60 (25%)	54 (47%)	41 (17%)
$Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}$	2(34%)	6 (3%)	56 (23%)	32 (26%)	101 (41%)
$Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}$	—	0,5 (0,2%)	12 (6%)	3 (4%)	6,5 (2%)
Всего	6	172	244	118	248

В каждом из временных периодов доминирует тот или иной тип модели¹. Так, в XVII в. были представлены модели $Aux_{metaph} + Attr. + Subst. Genitiv$ и $Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}$, а модели $Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst. Dativ$ и $Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}$ отсутствовали. При этом модель с генитивом главного существительного доминировала.

¹ С XVII по XIX в. речь идёт только об авторах Германии. В XX в. анализировались произведения авторов Германии, Австрии и Швейцарии.

В XVIII в. в нашей выборке преобладала модель с предлогом *von* *Aux_{metaph}* + *von* + *Attr.* + *Subst._{Dativ}* (74%). Меньшим количеством примеров представлена модель *Aux_{metaph}* + *Attr.* + *Subst._{Genitiv}* (23%), а модели *Aux_{metaph}* + *Attr._{stark}* + *Subst.* = *Aux_{metaph}* и *Aux_{metaph}* + *Attr._{schwach}* + *Subst.* = *Aux_{metaph}* встречались в нашей выборке редко и составили соответственно 3 и 0,2%. По сравнению с XVII в. в два раза уменьшилась доля именных групп с генитивом главного существительного и появились группы с предлогом *von*.

В текстах XIX в. наиболее частотной оказалась модель *Aux_{metaph}* + *Attr.* + *Subst._{Genitiv}* (46%), а модели *Aux_{metaph}* + *von* + *Attr.* + *Subst._{Dativ}* (25%) и *Aux_{metaph}* + *Attr._{stark}* + *Subst.* = *Aux_{metaph}* (23%) представлены почти равным количеством примеров. По сравнению с предыдущим периодом в два раза увеличилась доля именных групп с генитивом главного существительного, но почти на 50% уменьшилось количество групп с предложным управлением. Кроме того, выросла почти на 20% доля модели *Aux_{metaph}* + *Attr.* + *Subst._{stark}* = *Aux_{metaph}* и большим количеством примеров представлена модель *Aux_{metaph}* + *Attr._{schwach}* + *Subst.* = *Aux_{metaph}*.

В произведениях первой половины XX в. наиболее частотной оказалась модель с предлогом *von*. Доля её в нашем корпусе примеров составила 47%. Модели *Aux_{metaph}* + *Attr.* + *Subst._{Genitiv}* (23%) и *Aux_{metaph}* + *Attr._{stark}* + *Subst.* = *Aux_{metaph}* (26%) представлены почти равным количеством примеров. По сравнению с текстами XIX в. на 22% возросло количество именных групп с предлогом *von* и на 23% снизилось количество групп с генитивом главного существительного.

Контексты второй половины XX в. продемонстрировали иные авторские предпочтения. В этот период примерно в равном соотношении представлены в нашей выборке именные группы с генитивом главного существительного (40%) и группы с согласованием ауксилиара и главного существительного в падеже (41%). Доля именных групп с предлогом *von* резко сократилась по сравнению с предыдущим периодом и составила лишь 17% от общего количества примеров.

Таким образом, доминирующим видом подчинительной связи при оформлении именных групп типа *eine Art* + *Attr.* + *Subst.*, по крайней мере в литературных текстах XVII, XVIII, XIX и первой половины XX в., является генитивное управление. Модель *Aux_{metaph}* + *Attr.* + *Subst._{Genitiv}* формирует значительную часть нашего корпуса примеров, хотя авторитетные нормативные грамматики считают её устаревшей и высокопарно звучащей [10. S. 105]. Только в произведениях второй половины XX в. количество групп модели *Aux_{metaph}* + *Attr._{stark}* + *Subst.* = *Aux_{metaph}* составило 41% от общего количества примеров. Модель *Aux_{metaph}* + *Attr._{schwach}* + *Subst.* = *Aux_{metaph}* представлена малым количеством примеров во все анализируемые периоды.

Синтаксическая организация именных групп *eine Art* + *Attr.* + *Subst.* в текстах XVII–XX вв.

В дальнейшем будут детально рассмотрены группы типа *eine Art* + *Attr.* + *Subst.* При этом будет показано, что их становление протекало по-разному в каждый период.

XVII в.

Группы с главным существительным в единственном числе. Группы с главным существительным в единственном числе представлены в нашем корпусе в данный отрезок времени одним примером. Ауксилиар стоит в дательном падеже, а главное существительное употребляется в генитиве, при этом определение перед ним получает окончание *-(e)s*, несмотря на наличие окончания *-(e)s* у существительных среднего рода:

(11) Nominativ: *Ist eine Art feines Ertzes (n) wird also von der Güte, daß es gültig genennet* (Berward, DWDS).

Объяснением подобному употреблению окончаний является то, что перед определением отсутствует артикль, поэтому оно и получает сильное окончание *-(e)s* [11. S. 58].

Группы с главным существительным во множественном числе. Эти группы представлены пятью примерами по 2 моделям *Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}* и *Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}*. Модели *Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst._{Dativ}* и *Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}* в выборке не зарегистрированы. Ауксилиар *eine Art* встречается в предложениях в номинативе и аккузативе, а случаи в генитиве и дативе отсутствуют.

Таблица 4

Распределение именных групп с главным существительным
во множественном числе по моделям в текстах XVII в.

<i>eine Art</i>	Номинатив	Аккузатив	Всего
<i>Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}</i>	2	1	3 (60%)
<i>Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}</i>	–	2	2 (40%)
Всего	2 (40%)	3 (60%)	5 (100%)

При этом примеры с генитивом главного существительного (*Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}*) составляют более половины всех примеров:

(12) Nominativ: *Es war aber in Britannien eine Art gewisser Weisen (pl)...* (Lohenstein, DWDS).

(13) Akkusativ: *...auff eine Art grosser Palmblätter (pl) zuschreiben seye...* (Grimmelshausen).

(14) Akkusativ: *...welches Einige für eine Art weisser Felsen (pl) achten ...* (Franciski, DWDS).

Модель *Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}* используется в остальных случаях:

(15) Akkusativ: *Es gibt auch eine Art weise Sprach-Herren (pl) ...* (Grimmelshausen).

(16) Akkusativ: *Noch eine Art lächerliche Sprachkünstler (pl) gibts beydes unter Adel und Unadel* (Grimmelshausen).

XVIII в.

Группы с главным существительным в единственном числе. Корпус XVIII в. представлен 146 примерами с главным существительным в единственном числе. Их доля составила 85% от общего количества примеров данного периода. В 32 случаях (22%) использовались главные существи-

тельные мужского рода, в 35 случаях (25%) – среднего рода, в 77 примерах (53%) – женского рода. Ауксилиар в 54% случаев стоит в аккумулятиве, в 23% – в дативе, в 22% – в номинативе, в 1% – в генитиве.

Распределение именных групп с главным существительным в единственном числе по моделям в текстах XVIII в. представлено в табл. 5, которая включает в себя тип конструкций, падеж существительного *eine Art* и род главного существительного.

Таблица 5

**Распределение именных групп с главным существительным
в единственном числе по моделям в текстах XVIII в.**

<i>eine Art</i>	Номинатив			Аккумулятив			Датив			Генитив			Всего
	m	n	f	m	n	f	m	n	f	m	n	f	
<i>Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}</i>	2	1	2	–	–	9	1	1	2,5	–	–	–	18,5 (13%)
<i>Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst._{Dativ}</i>	8	10	7	16	19	35	2	4	19	–	1	–	121 (83%)
<i>Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}</i>	2	–	–	0,5	–	–	–	1	2,5	–	–	–	6 (3%)
<i>Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}</i>	–	–	–	0,5	–	–	–	–	–	–	–	–	0,5 (1%)
Всего	12	11	9	17	19	44	3	5	24	–	1	–	146 (100%)
Доля	32 (22%)			80 (54%)			33 (23%)			1 (1%)			146 (100%)

Модель с генитивным управлением в корпусе именных групп типа *eine Art + Attr. + Subst._{Genitiv}* составила примерно десятую часть. Модель зарегистрирована с ауксилиаром во всех падежах, кроме генитива:

(17) Nominativ: *Es gehörte... eine Art mönchischen Zustandes (m) einer Aristokratie dazu...* (Goethe).

(18) Dativ: *...um zu einer Art zweideutigen Gewinnes (m) zu gelangen* (Goethe).

(19) Akkusativ: *Er fand... eine Art wilder Grazie (f) bei ihr...* (Wieland).

В качестве главного существительного в подавляющем большинстве случаев встретились имена женского рода. Имена мужского и среднего рода в качестве главного существительного встретились в меньшем количестве примеров, при этом определение перед ними получало слабое окончание *-(e)n*:

(20) Akkusativ: *Eine von ihnen hat Mittel gefunden, mich in eine Art Platonischer Liebe (f) zu verstecken* (Wieland).

(21) Nominativ: *Nowa eine Art uns unbekannten Metalls (n)* (Smeeks, DWDS).

(22) Nominativ: *Es ist eine Art rauhes Geistes (m)* (Bodmer, DWDS).

Лишь в одном примере (22) у существительного и прилагательного обнаружилось окончание *-(e)s*, которое часто встречалось в литературных

памятниках XVII в., а для текстов XVIII в. уже считалось устаревшим [8; 11. С. 58].

Модель с предложным управлением составила 83% от примеров с главным существительным в единственном числе. Ауксилиар *eine Art* встретился при этом во всех падежах:

(23) Nominativ: *Die Begierde mich zu sehen..., wurde eine Art von epidemischer Leidenschaft (f) unter Jungen und Alten* (Wieland).

(24) Dativ: *... mit denen meine Seele schon so lange in einer Art von unsichtbarer Gemeinschaft (f) stand* (Wieland).

(25) Akkusativ: *... empfand wieder eine Art von tröstendem Mitleid (n) mit sich selber* (Moritz).

В качестве главного существительного встретились имена всех родов, однако имена женского рода преобладали:

(26) Nominativ: *worin entweder eine Art von scheinbarem Zusammenhang (m) herrscht* (Wieland).

(27) Akkusativ: *... bereits eine Art von obrigkeitlichem Ansehen (n) zu verschaffen gewußt...* (Wieland).

(28) Akkusativ: *... sondern verursachte ihm sogar eine Art von wollüstiger Empfindung (f)...* (Moritz).

По модели $Aux_{metaph} + Attr. stark + Nom = Aux_{metaph}$ организована наименьшая часть корпуса примеров данного периода. Ауксилиар *eine Art* встретился при этом в номинативе (2 примера), аккузативе (1 пример с двояким толкованием) и дативе (3 примера и 1 пример с двояким толкованием):

(29) Nominativ: *Es wurden Rettig und eine Art sehr harter länglicher kleiner Käse (m)...* (Moritz).

(30) Dativ: *... von einer Art trockenem Wasser (n)...* (Wieland).

(31) Akkusativ: *... daß er sogar eine Art leichtern Tanz-Takt (m) zu legen versuchte* (Paul, DWDS).

Пример (31) можно трактовать двояко, он может принадлежать к модели $Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}$ и к модели $Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}$, так как окончание определения *-(e)n* допускает обе трактовки. Принадлежность к двум моделям характерна для именных групп, в которых ауксилиар стоит в аккузативе, а главное существительное – имя мужского рода.

Пример с ауксилиаром в дативе (32) также может трактоваться двояко. Его можно отнести к модели $Aux_{metaph} + Attr. + Subst. Genitiv$ или к модели $Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}$, поскольку окончание *-(e)r* определения может указывать как на генитив, так и на датив сильного склонения:

(32) Dativ: *... bei einer Art naiver Pointe (f)...* (Goethe).

Группы с главным существительным во множественном числе. Корпус примеров с главным существительным во множественном числе насчитывает 26 единиц, в которых именные группы организованы по трем моделям.

Таблица 6

Распределение примеров с главным существительным во множественном числе по моделям в текстах XVIII в.

<i>eine Art</i>	Номинатив	Аккузатив	Датив	Всего
<i>Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}</i>	3	11	5	19 (73%)
<i>Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst._{Dativ}</i>	2	2	2	6 (23%)
<i>Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. =</i> <i>Aux_{metaph}</i>	1	–	–	1 (4%)
Всего	6 (23%)	13 (50%)	7 (27%)	26 (100%)

Модель с генитивом главного существительного составила 73% всех примеров. Ауксилиар встретился в такой модели в номинативе, дативе и аккузативе:

(33) Nominativ: ... *eine Art magischer Talismane (pl)*... (Wieland).

(34) Dativ: *Die drei Nymphen erschienen in einer Art enge gefalteter Leibröcke (pl)*... (Wieland).

(35) Akkusativ: ...*für eine Art guter Dämonen (pl) halten* (Wieland).

Именные группы с предлогом *von* представлены в 23% примеров. Ауксилиар встретился в такой модели в номинативе, дативе и аккузативе:

(36) Nominativ: ...*daß diese Papillons eine Art von geflügelten Genien (pl) sind* (Wieland).

(37) Dativ: ...*mit einer Art von körperlichen Schleierumhüllen (pl)*... (Wieland).

(38) Akkusativ: ...*so daß sie eine Art von langen Gängen (pl) bildeten* (Moritz).

Только один пример (39) можно отнести к модели *Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}*:

(38) Nominativ: *eine Art große Erdäpfel (pl)*, ..., *die in der Levante vorzuziehen ist, und Tobak* (Bruce, DWDS).

Наши материалы показали, что в текстах XVIII в. модель с генитивом главного существительного во множественном числе составила большую часть (73%) всех примеров. Модель с предлогом *von* представлена в 23% микротекстов, а модель *Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}* – одним примером. Поскольку именные группы с главным существительным во множественном числе были организованы преимущественно по модели с генитивом, можно предположить наличие зависимости выбора модели от числа главного существительного.

XIX в.

Группы с главным существительным в единственном числе. В текстах XIX в. зафиксировано больше именных групп с главным существительными в единственном числе, чем в текстах XVIII в. 64 именные группы (28%) имеют в своем составе главные существительные мужского рода, 56 именных групп (25%) главные существительные среднего рода, 109 именных групп (47%) главные существительные женского рода. Ауксилиар *eine Art* при этом в 54% случаев стоит в аккузативе, в 26% – в номинативе, в 20% – в дативе. Примеры с аксилиаром в генитиве отсутствуют.

Таблица 7

**Распределение примеров с главным существительным в единственном числе
по моделям в текстах XIX в.**

<i>eine Art</i>	Номинатив			Аккузатив			Датив			Всего
Главное сущ.	m	n	f	m	n	f	m	n	f	
<i>Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}</i>	5	7	21	12	6	28	4	3	11	97 (42%)
<i>Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst._{Dativ}</i>	4	–	4	9	7	8	7	12	9	60 (26%)
<i>Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}</i>	14	9	8	2,5	7	3	4	5	11	55 (26%)
<i>Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}</i>	–	–	–	2,5	–	–	–	–	6	12 (5%)
Всего	23	16	33	26	20	39	15	2	37	229 (100%)
Доля	72 (26%)			85 (54%)			72 (20%)			229 (100%)

В части корпуса микротекстов XIX в. именные группы с генитивом главного существительного составили 42%. По сравнению с предыдущим веком доля таких групп возросла почти в три раза. Ауксилиар *eine Art* встретился во всех падежах, кроме генитива, а в роли главных существительных выступали существительные всех трех родов:

(40) Nominativ: ...*es scheint eine Art geistiger Börse (f) zu sein* (Gutzkow).

(41) Dativ: ...*bis er am Ende in einer Art verzweifelten Mutes (m) die Klingel stark anzog* (Hoffmann).

(42) Akkusativ: *Es giebt eine Art modernen Mönchthums (n)* (Immermann).

Перед существительными мужского и среднего рода определение получает в этот период только слабое окончание *-(e)n*: *mit einer Art ratlosen Entsetzens (n)* (Storm); *eine Art Hegelschen Exerzierplatzes (m)* (Gutzkow).

Количество именных групп с предлогом *von* в нашей выборке по сравнению с предыдущим периодом резко сократилось. Их доля составила лишь 26%. Ауксилиар *eine Art* встретился в именных группах, образованных по указанной модели, во всех падежах, кроме генитива, в роли главного существительного выступали имена всех трёх родов:

(43) Nominativ: ...*und zugleich schärft sich in ihm eine Art von gedankenlosem Merken (n) auf die unbedeutendsten Dinge* (Immermann).

(44) Dativ: ...*mit einer Art von froher Anmut (f)* (Storm).

(45) Akkusativ: ...*eine Art von politischem Instinkte (m) bekommen* (Heine).

Количество именных групп, организованных по модели *Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}*, в нашей выборке значительно увеличилось по сравнению с XVIII в. Их доля составила также 26%. Ауксилиар *eine Art* в именных группах, образованных по указанной модели, встретился во всех падежах, кроме генитива, в качестве главных существительных зарегистрированы имена всех трех родов:

(46) Nominativ: ...*die Wahl reizt sie, das Arrangement, eine Art schöpferischer Geist (m), der sie treibt...* (Kürnberger, DWDS).

(47) Dativ: ...in **einer Art seeligem Erwarten** (n) (Pückler-Muskau).

(48) Akkusativ: **hatte ich eine Art grönländische Hüttenatmosphäre** (f) *hergestellt* (Fontane).

Примеры с ауксилиаром в дативе могут трактоваться двояко, когда в качестве главного существительного выступает имя женского рода. Пример (49) можно отнести как к модели $Aux_{metaph} + Attr. + Subst_{Genitiv}$, так и к модели $Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}$, поскольку окончание определения *-(e)r* допускает обе трактовки:

(49) Dativ: *In der Tat aber hatte er sich zu **einer Art natürlicher Fertigkeit** (f) *hinaufgearbeitet** (Storm).

Группы, где ауксилиар стоит в аккузативе, а главное существительное является именем мужского рода, можно отнести к моделям $Aux_{metaph} + Attr.stark + Subst. = Aux_{metaph}$ или $Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}$, так как окончание определения *-(e)n* аналогично допускает обе трактовки:

(50) Akkusativ: *Der Ostflügel der Kirche bildet **eine Art hohen Chor*** (m) (Fontane).

Модель со слабым склонением определения *-(e)n* $Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}$ встречается в нашей выборке начиная с данного периода. В качестве главного существительного модели выступают имена женского рода. Примеры с ауксилиаром в дативе и главным существительным женского рода можно однозначно отнести к названной модели:

(51) Dativ: *Mein seliger Freund war immer von **einer Art fixen Idee** *eingonnen** (Pückler-Muskau).

По сравнению с корпусом примеров XVIII в. в этот период выявились несколько иные предпочтения авторов литературных произведений в выборе типов моделей. Так, количество примеров по моделям $Aux_{metaph} + Attr. + Subst_{Genitiv}$ и $Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}$ по сравнению с XVIII в. значительно увеличилось. Появилась модель со слабым окончанием *-(e)n* определения перед главным существительным женского рода. Не встретились примеры с окончанием *-(e)s* определения перед главными существительными сильного типа склонения.

Именные группы с главными существительными мужского и среднего рода оформлялись в XIX в. примерно в равной степени при помощи генитивного управления, предложного управления и согласования. Именные группы с главными существительными **женского рода** были организованы в большинстве случаев (54%) по модели $Aux_{metaph} + Attr. + Subst_{Genitiv}$. Модели $Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst_{Dativ}$ и $Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}$ представлены меньшим количеством примеров (соответственно 18 и 19% всех микротекстов). Ещё реже (7% всех микротекстов) встретились именные группы, организованные по модели $Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}$.

Группы с главным существительным во множественном числе. Из текстового материала XIX в. было отобрано 15 примеров именных групп с главным существительным во множественном числе. Ауксилиар *eine Art* в 40% случаев стоит в аккузативе, в 40% – в номинативе и в 20% – в дативе:

Таблица 8

**Распределение примеров с главным существительным
во множественном числе по моделям в текстах XIX в.**

<i>eine Art</i>	Номинатив	Аккузатив	Датив	Всего
<i>Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}</i>	5	6	3	14 (93%)
<i>Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}</i>	1	–	–	1 (7%)
Всего	6 (40%)	6 (40%)	3 (20%)	15 (100%)

По сравнению с текстами XVIII в. в группе примеров с главным существительным во множественном числе отсутствуют модели *Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst._{Dativ}* и *Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}*. Как и в произведениях предыдущего периода, подавляющее большинство именных групп организовано по модели с генитивом главного существительного (93%):

(52) Nominativ: ...und auf dem Haupte *eine Art hoher Münzen (pl)*, die wahrscheinlich aus Egypten stammen (Heine).

Только один пример можно отнести к модели *Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}*:

(53) Nominativ: Die Fürsten sind *eine Art höllische Berggeister (pl)*... (Börne, DWDS).

Первая половина XX в.

Группы с главным существительным в единственном числе. Эта часть корпуса представлена 118 примерами. 41 пример (35%) имеет в своем составе главные существительные мужского рода, 26 примеров (22%) главные существительные – среднего рода, 49 примеров (42%) – женского рода. Ауксилиар в 33% случаев стоит в аккузативе, в 23% – в номинативе и в 43% – в дативе.

Таблица 9

**Распределение примеров с главным существительным в единственном числе
по моделям в текстах первой половины XX в.**

<i>eine Art</i>	Номинатив			Аккузатив			Датив			Всего
Главное сущ.	m	n	f	m	n	f	m	n	f	
<i>Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}</i>	1	1	5	–	3	5	3	2	7	27 (23%)
<i>Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst._{Dativ}</i>	4	1	7	8	3	7	9	7	8	54 (47%)
<i>Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}</i>	5	3	–	3	4	3	5	2	7	32 (27%)
<i>Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}</i>	–	–	–	3	–	–	–	–	–	3 (3%)
Всего	10	5	12	14	10	15	17	11	22	116 (100%)
Доля	27 (23%)			38 (33%)			50 (43%)			116 (100%)

По сравнению с корпусом XIX в. доля примеров с генитивом главного существительного снизилась на 20%. Ауксилиар *eine Art* встретился во всех падежах, кроме генитива, в роли главных существительных выступали существительные всех трех родов:

(54) Nominativ: ...*das eine Art primitiven Tagebuchs (n) zu sein schien* (Kästner).

(55) Dativ: ...*mit einer Art schmerzlichen Entschlusses (m)* (Thomas Mann).

(56) Akkusativ: ...*und dabei eine Art kleiner Tyrannei (f) ausübte* (Kafka).

Количество именных групп с предлогом *von* увеличилось по сравнению с XIX в. на 20 процентных пунктов. В таких группах ауксилиар *eine Art* встретился во всех падежных формах, в роли главных членов группы зарегистрированы существительные всех трех родов:

(57) Nominativ: ...*so eine Art von stadtbekannter Erscheinung (f)* (Robert Walser).

(58) Dativ: *Der Alte zog seine Lippen zu einer Art von schwachem Lächeln (n) zusammen* (Hesse).

(59) Akkusativ: ...*der bei jedem plötzlichen Ruf eine Art von zuckendem Tanz (m) mit hochgezogenem Bein auszuführen gezwungen war...* (Mann).

Доля модели *Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst.* = *Aux_{metaph}* от общего числа примеров по сравнению с XIX в. не изменилась. Ауксилиар *eine Art* в примерах по данной модели встретился во всех падежах, кроме генитива, главные существительные зафиксированы всех трех родов:

(60) Nominativ: ...*als sei er ein wildes Tier, eine Art reißender Wolf (m), den man nicht aus den Augen lassen darf* (Fallada).

(61) Dativ: ...*mit einer Art leisem dänischem Deutsch (n)...* (Robert Walser).

(62) Akkusativ: ...*woran ich eine Art geheime, eigentümliche Freude (f) hatte* (Robert Walser).

Примеры выборки с ауксилиаром в дативе могут трактоваться двояко, когда в качестве главного существительного выступает существительное женского рода: так, пример (63) можно отнести к модели *Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}* и к модели *Aux_{metaph} + Attr.stark + Subst.* = *Aux_{metaph}*, поскольку окончание *-(e)r* определения может указывать как на генитив, так и на датив сильного склонения:

(63) Dativ: ...*und zugleich belebt von einer Art fluktuierender Fröhlichkeit (f)* (Frank).

Группы, где ауксилиар стоит в аккузативе, а главное, существительное является именем мужского рода, можно отнести к моделям *Aux_{metaph} + Attr.stark + Subst.* = *Aux_{metaph}* или *Aux_{metaph} + Attr.schwach + Subst.* = *Aux_{metaph}*, поскольку окончание *-(e)n* определения может указывать на аккузатив как сильного, так и слабого склонения:

(64) Akkusativ: *Er konstatierte eine Art inneren Bankrott (m)* (Döblin).

По сравнению с корпусом примеров XIX в. в текстах первой половины XX в. вновь изменились предпочтения авторов литературных произведе-

ний в использовании моделей (доля именных групп с генитивом главного существительного снизилась на 19%: было 42 стало 23%).

Количество же именных групп с предлогом *von*, наоборот, увеличилось по сравнению с XIX в. на 20 процентных пунктов. Практически не изменилась доля групп, организованных по модели *Aux metaph + Attr. stark + Subst. = Aux metaph* (было 26% стало 27%).

Прослеживается некоторая зависимость выбора той или иной модели для синтаксической организации группы *eine Art + Attr. + Subst. Genitiv* от рода главного существительного. Так, главные существительные **женского рода** входили преимущественно (50% всех примеров) в состав групп, организованных по моделям *Aux metaph + Attr. + Subst. Genitiv* и *Aux metaph + Attr. stark + Subst. = Aux metaph*:

(65) Akkusativ: ...und dabei **eine Art kleiner Tyrannei** (f) ausübte (Kafka).

На долю модели с предлогом *von* пришлось 23% примеров, а на долю модели *Aux metaph + Attr. stark + Subst. = Aux metaph* 17%:

(66) Dativ: Während sie in **einer Art von herrlicher Betäubung** (f) die Musik genoß (Kellermann).

(67) Nominativ: Aber ich bin in der Klasse **eine Art höhere Gewalt** (f) (Kästner).

В именных группах с главным существительным **мужского рода** использовалась преимущественно модель с предлогом *von* (более 54% примеров):

(68) Akkusativ: Sie trägt **eine Art von langem, mit braunem Pelz besetztem Abendmantel** (m)... (Thomas Mann).

На модели *Aux metaph + Attr. stark + Subst. = Aux metaph* и *Aux metaph + Attr. schwach + Subst. = Aux metaph* пришлось соответственно 30% и 5% примеров:

(69) Nominativ: An einem Tisch sitzt... **eine Art rotlackierter Zwerg** (m) (Robert Walser).

(70) Akkusativ: ...trägt er... **eine Art verbogenen, rostigen Kochtopf** (m) (Robert Walser).

Главные существительные **среднего рода** встретились преимущественно в именных группах с предлогом *von* (42%) и с согласованием ауксилиара и главного имени в падеже (34%):

(71) Dativ: ...daß er aus **einer Art von nicht gerade superiorem Selbstgefühl** (n) immer versage... (Thomas Mann).

(72) Nominativ: ...so daß ein Mischstil entstanden ist, **eine Art indisch-chinesisches Rokoko** (n) von großem Reiz (Kellermann).

Группы с главным существительными во множественном числе. В нашей выборке из текстов первой половины XX в. имеются всего два примера, организованных по модели *Aux metaph + Attr. + Subst. Genitiv*:

(73) Akkusativ: Er trägt... **eine Art goldfarbener gemusterter Pluderhosen** (pl) (Kellermann).

(74) Akkusativ: ...und durch **eine Art überlegener Redensarten** (pl) sich Respekt und Beliebtheit zu verschaffen wußte (Thomas Mann).

Примеры с использованием других моделей в нашей выборке отсутствуют.

Вторая половина XX в.

Группы с главным существительными в единственном числе. Выборка из текстов второй половины XX в. представлена 248 примерами и является самой многочисленной из всего массива собранного материала. 66 примеров (30%) имеют в своем составе главные существительные мужского рода, 54 примера (22%) – среднего рода, 126 примеров (51%) – женского рода. Ауксилиар стоит в 35% случаев в аккумулятиве, в 39% – в номинативе, в 25% – в дативе и в 1% – в генитиве.

Доля примеров с генитивом главного существительного увеличилась по сравнению с предыдущим периодом на 17 процентных пунктов. Ауксилиар встретился при этом во всех падежах, кроме генитива:

(75) Nominativ: *Es war eine Art mechanistischer Raserei (f), in die ich mich steigerte* (Hey).

(76) Dativ: ...mit *einer Art widerwilligen Respekts (m)* (Martin Walser).

(77) Akkusativ: ...für *eine Art ungehobelten Charmes (m)* (Süskind).

Главные существительные группы были представлены именами всех родов:

(78) Nominativ: *Es ist eine Art sommerlicher Erinnerung (f)* (Frischmuth).

(79) Dativ: ... in *einer Art verblühten Katzenjammers (m)* (Elsner).

(80) Akkusativ: *Es handelte sich um eine Art poetischen Feuerwerks (n)* (Härtling).

В нашей выборке из текстов второй половины XX в. значительно сократилась доля именных групп с предлогом *von* (на 30 процентных пунктов). В таких группах ауксилиар также зарегистрирован во всех падежах, кроме генитива, в роли главного существительного встретились имена всех родов примерно в равном соотношении.

Таблица 10

Распределение примеров с главным существительным в единственном числе по моделям в текстах второй половины XX в.

<i>eine Art</i>	Номинатив			Аккумулятив			Датив			Всего
Главное сущ.	m	n	f	m	n	f	m	n	f	
<i>Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}</i>	3	2	31	5	6	31	4	2	14,5	98,5 (40%)
<i>Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst._{Dativ}</i>	6	2	3	5	2	10	3	–	8	39 (16%)
<i>Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}</i>	19	21	8	5,5	12	4	10	7	14,5	101 (41%)
<i>Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}</i>	–	–	–	5,5	–	–	–	–	1	6,5 (3%)
Всего	28	25	42	21	20	45	17	9	38	245 (100%)
Доля	95 (39%)			87 (35%)			64 (26%)			245 (100%)

(81) Nominativ: *Die Trauer ist eine Art von dauerhafterer Freude (f) am Leben* (Handke).

(82) Dativ: ...zu **einer Art von dummem Müßiggang** (m) (Koeppen).

(83) Akkusativ: ...so besaß er **eine Art von harmlos unerschütterlichem Selbstvertrauen** (n)... (Frisch).

Доля именных групп по модели *Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}* увеличилась в нашей выборке по сравнению с текстами первой половины XX в. на 14 процентных пунктов. Ауксилиар встретился во всех падежах кроме генитива:

(84) Nominativ: ...an dessen rechter Breite sich **eine Art hüfthohe Theke** (f) befand (Martin Hansjörg).

(85) Dativ: Ihm schien es, als lächle sie in **einer Art leisem Triumph** (m) (Walser).

(86) Akkusativ: Luise hatte früher immer **eine Art maliziöses Lächeln** (n) um die Mundwinkel (Konsalik).

Главное существительное таких именных групп было представлено именами всех родов:

(87) Nominativ: **Eine Art unterirdisches Aquarium mit Höhlencharakter** (n) (Frischmuth).

(88) Dativ: ...in **einer Art nervösem Halbschlaf** (m) (Bernhard).

(89) Akkusativ: Wenn es sich noch um Historismus handelte, um **eine Art wirksame Kostümierung** (f) (Nossack).

Примеры с дативом ауксилиара могут трактоваться двояко, когда в качестве главного существительного выступают имена женского рода. Соответственно, 29 примеров нашей выборки были поделены надвое. Пример (90) можно отнести как к модели *Aux_{metaph} + Attr. + Subst. Genitiv*, так и к модели *Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}*, поскольку окончание *-(e)r* определения может указывать как на генитив, так и на датив сильного склонения:

(90) Dativ: ...mit **einer Art ironischer Zärtlichkeit** (f)... (Lenz).

Примеры, где и ауксилиар, и главное существительное мужского рода стоят в аккумулятиве, могут быть отнесены либо к модели *Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}*, либо к модели *Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}*, поскольку окончание *-(e)n* определения может указывать на аккумулятив как сильного, так и слабого склонения:

(91) Akkusativ: ...und ich verspürte **eine Art sahnenbonbonsüßen Stolz** (m) (Grass).

В тех случаях, когда в качестве главного выступает существительное слабого типа склонения, принадлежность именной группы к модели *Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}* определяется однозначно:

(92) Akkusativ... in denen ich aus meinem Vater **eine Art einflußreichen Kriegshelden** (m) machte (Frischmuth).

К модели *Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}* может быть причислен единственный пример с окончанием *-(e)n* определения:

(93) Dativ: Bei **einer Art internen Verlobungsfeier** (f)... (Nossack).

Если сравнивать все примеры данного периода с корпусом примеров предыдущего, то можно выявить иные тенденции в выборе моделей авто-

рами литературных произведений. Прослеживается, что на выбор модели оказывал влияние род главного существительного группы. В сочетаниях ауксиляра с главным существительным **мужского рода** использовалась модель $Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}$ (57% примеров):

(94) Nominativ: **Eine Art lieber Gott (m) mit Nickelbrille** (Grass).

На долю модели с предлогом *von* пришлось 23% примеров, а на долю модели $Aux_{metaph} + Attr. + Subst. Genitiv$ 19% именных групп:

(95) Akkusativ: **Er verspeiste eine Art von heißem Kuchen (m)** (Wohmann).

(96) Akkusativ: **Vor Frauen vollführte er eine Art höfischen Knicks (m)...** (Schneider).

Большинство сочетаний ауксиляра с существительными **среднего рода** также представлены в моделях с согласованием $Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}$ (75%):

(97) Nominativ: **Die gesamtdeutsche Familie ist so eine Art Heiliges Römisches Reich (n) Deutscher Nation im Sterben...** (Heiduszek).

На модели $Aux_{metaph} + Attr. + Subst. Genitiv$ и $Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst. Dativ$ пришлось 17 и 8% соответственно:

(98) Akkusativ: **Es handele sich um eine Art poetischen Feuerwerks (n)** (Härtling).

(99) Nominativ: **...daß er im Grunde ein guter Bursche war, eine Art von verzogenem Kind (n)** (Kaschnitz).

Противоположная тенденция просматривалась у сочетаний ауксиляра с существительными **женского рода**. Здесь доминируют именные группы модели $Aux_{metaph} + Attr. + Subst. Genitiv$ (66%):

(100) Nominativ: **Es ist eine Art unfreiwilliger Heimkehr (f)** (Lenz).

На долю модели с предлогом *von* пришлось 18% примеров, а на долю модели $Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = Aux_{metaph}$ 15% именных групп:

(101) Dativ: **...die ihn mit einer Art von gefrorener Verachtung (f) muster-ten...** (Lenz).

(102) Nominativ: **...an dessen rechter Breite sich eine Art hüfthöhe Theke (f) befand** (Hansjörg).

Таблица 11

Распределение примеров с главным существительным во множественном числе по моделям в текстах второй половины XX в.

<i>eine Art</i>	Номинатив	Аккузатив	Датив	Всего
$Aux_{metaph} + Attr. + Subst. Genitiv$	–	–	1	1 (33%)
$Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst. Dativ$	1	1	–	2 (66%)
Всего	1 (33%)	1 (33%)	1 (33%)	3 (100%)

Группы с главным существительным во множественном числе. Данная часть выборки представлена тремя примерами. В двух из них, образованных по модели $Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst. Dativ$, ауксиляр *eine Art* встретился в номинативе и аккузативе:

(94) Nominativ: **Wie Fabelschweine oder eine Art von gespenstischen Wespen (pl)** (Frisch).

(95) Akkusativ: ...*die eine Art von riesigen, prall gefüllten Rosen (pl) tragen* (Kaschnitz).

Пример с ауксилиаром в дательном падеже относится к модели *Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}*:

(96) Dativ: ... *aus einer Art spanischer Reiter (pl)*... (Konsalik).

Примеры с использованием других моделей отсутствуют.

Заключение

В данной работе рассмотрено становление синтаксической организации именных групп *eine Art + Attr. + Subst.* в художественных текстах новонемецкого языка. Исходя из нормативных грамматик и данных исследования, именные группы с ауксилиаром *eine Art* организуются по четырём моделям, а именно:

Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv} (главное существительное стоит в генитиве): *eine Art selbständigen Lebens*

Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst._{Dativ} (после предлога *von* главное существительное стоит в дативе): *mit einer Art von selbständigem Leben*

Aux_{metaph} + Attr. stark + Subst. = *Aux_{metaph}* (ауксилиар и главное существительное стоят в одном и том же падеже, для определения используется сильное склонение): *mit einer Art selbständigem Leben*

Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = *Aux_{metaph}* (ауксилиар и главное существительное согласуются в падеже, для определения используется слабое склонение): *mit einer Art zweiten Geburt*

В текстах XVII в. конкурируют две модели именных групп *Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}* (66%) и *Aux_{metaph} + Attr. + Subst. stark = Aux_{metaph}* (34%). В текстах XVIII в. доминирует модель *Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst._{Dativ}* (74%), а в текстах XIX в. модель *Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}* (46%). В художественных произведениях первой половины XX в. наиболее частотной оказалась модель с предлогом *von* *Aux_{metaph} + von + Attr. + Subst._{Dativ}* (47%). Тексты второй половины XX в. продемонстрировали иные авторские предпочтения. В этот период примерно в равном соотношении в нашей выборке представлены модели *Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}* (40%) и *Aux_{metaph} + Attr. + Subst. stark = Aux_{metaph}* (41%). Оказалось, что модель *Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}* формирует значительную часть нашего корпуса примеров, хотя авторитетные нормативные грамматики считают её устаревшей [10. С. 105].

Выбор модели именных групп с ауксилиаром *eine Art* демонстрирует зависимость от грамматических факторов, а именно от падежа ауксилиара, рода и числа главного существительного. Так, модель со слабым склонением определения на *-(e)n* *Aux_{metaph} + Attr. schwach + Subst. = Aux_{metaph}* встречается в современном немецком языке только после ауксилиара в **дательном** (главное существительное женского рода) и **аккузативе** (главное существительное мужского рода). Для именных групп с главным существительным **женского рода** в текстах XIX в., первой и второй половины XX в. использовалась преимущественно модель *Aux_{metaph} + Attr. + Subst._{Genitiv}*

(XIX в. – 54%; XX в. (1-я половина) – 50%; XX в. (2-я половина) – 66%). Главные существительные **мужского и среднего** рода встретились в текстах XIX в., первой и второй половины XX в. преимущественно в моделях с согласованием *Aux metaph + Attr. stark + Subst. = Aux metaph* и в моделях с предлогом *von Aux metaph + von + Attr. + Subst. Dativ*. Для именных групп с главным существительным во **множественном числе** в текстах почти всех (кроме второй половины XX в.) анализируемых периодов использовалась преимущественно модель *Aux metaph + Attr. + Subst. Genitiv*. (XVII в. – 60%; XVIII в. – 73%; XIX в. – 93%; XX в. (1-я половина) – 100%; XX в. (2-я половина) – 33%).

Литература

1. *Dönninghaus S.* Die Vagheit der Sprache: Begriffsgeschichte und Funktionsbeschreibung anhand der tschechischen Wissenschaftssprache. Harrassowitz Verlag Wiesbaden, 2005. 596 S.
2. *Lakoff G.* Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Journal of Philosophical Logic*. 1973. № 2. S. 458–508.
3. *Müller K.* Lernen im Dialog: gestaltungslinguistische Aspekte des zweitspracherwerbs. Tübingen : Narr, Tübinger Beiträge zur Linguistik, 2000. 445 S.
4. *Kolde G.* Probleme der Beschreibung von Heckenausdrücken im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch // *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie*. Berlin etc. : de Gruyter (= HSK 5.1.), 1989. S. 805–814.
5. *Blühndorn H.* Zur Semantik von Numerus und Zählbarkeit im Deutschen // *Grammatische Untersuchungen, Analysen und Reflexionen*. Festschrift für Gisela Zifonun. Tübingen : Narr, 2006. S. 53–77.
6. *Гухман М.М.* От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Т. 1–2. М. : Изд-во АН СССР, 1958–1959. 204 с.
7. *Wegera K.* Morphologie des Frühneuhochdeutschen, in: Besch, Werner / Reichmann, Oskar // *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*, 2. Halbband. Berlin ; New York : de Gruyter (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, Bd. 2.2), 1985. S. 1313–1322.
8. *Trojanskaja Je.* Einige Besonderheiten in der Deklination der deutschen Adjektive im 16. und 17. Jahrhundert // *Studien zur Geschichte der deutschen Sprache*, Berlin: Zentralinstitut für Sprachwissenschaft (= Bausteine zur Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen 19), 1972. S. 43–78.
9. *Duden.* Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. 8., überarbeitete Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Mannheim u.a. : Dudenverlag (Duden Band 4), 2009. 1349 S.
10. *Duden.* Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. 5., neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim etc. : Dudenverlag, 2001. 953 S. (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9.)
11. *Hundt M.* „Spracharbeit“ im 17. Jahrhundert. Studien zu Georg Philipp Harsdörffer, Justus Georg Schottelius und Christian Gueintz. Berlin : de Gruyter, 2000.

Noun Phrases of the Type *eine Art +Attr.+Subst.* in German (In Synchrony and Diachrony)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 176–198. DOI: 10.17223/19986645/72/9

Elvira L. Shubina, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: elvira.shubina@mail.ru

Hardarik Blühdorn, Leibniz Institute for the German Language (Mannheim, Germany).
E-mail: bluehdorn@ids-mannheim.de

Keywords: noun phrases, “auxiliary noun” *Art*, “main noun”, grammatical expression, variability, synchrony, diachrony.

This article investigates the grammatical form of German two-part noun phrases of the type *eine Art wissenschaftliche Rezension* (‘a kind of scientific review’), composed of the “auxiliary noun” *Art* (‘kind’) and any noun modified by an attributive adjective (*Attr.*+*Subst.*). The semantic interpretation of those noun phrases will typically rest much more on their second part, the main carrier of descriptive meaning, than on the “auxiliary noun” *Art*, which takes on an auxiliary-like function. The article examines four models of noun phrases of the type *eine Art* + *Attr.* + *Subst.* in a corpus of literary prose from the 17th to the 20th century: (1) *Aux_{metaph}* + *Attr.* + *Subst. Genitiv*; (2) *Aux_{metaph}* + *von* + *Attr.* + *Subst. Dativ*; (3) *Aux_{metaph}* + *Attr. stark* + *Subst. = Aux_{metaph}*; (4) *Aux_{metaph}* + *Attr. schwach* + *Subst. = Aux_{metaph}*. In the texts of the 17th century, two models of the noun phrases compete: *Aux_{metaph}* + *Attr.* + *Subst. Genitiv* (66%) and *Aux_{metaph}* + *Attr.* + *Subst. stark = Aux_{metaph}* (34%). In the texts of the 18th and 19th centuries, the models *Aux_{metaph}* + *von* + *Attr.* + *Subst. Dativ* (74%) and *Aux_{metaph}* + *Attr.* + *Subst. Genitiv* (46%) prevail respectively. In the literary prose of the first half of the 20th century, the model with the preposition *von* (‘of’) proved to be *Aux_{metaph}* + *von* + *Attr.* + *Subst. Dativ* (47%) is the most frequent. The texts of the second half of the 20th century demonstrate other author preferences. During this period, the models *Aux_{metaph}* + *Attr.* + *Subst. Genitiv* (40%) and *Aux_{metaph}* + *Attr.* + *Subst. stark = Aux_{metaph}* (41%) are represented almost equally. The distribution of the models in present-day German proves to be controlled mainly by grammatical factors: the case of the “auxiliary noun” *Art* as well as the number and semantic class of the “main noun”. The model with the case ending *-(e)n* *Aux_{metaph}* + *Attr. schwach* + *Subst. = Aux_{metaph}* is encountered in modern German only after the “auxiliary noun” *Art* in the dative case (“main noun” is a feminine noun) and the accusative case (“main noun” is a masculine noun). In the texts of the 19th century, the first and second halves of the 20th century, for noun phrases with feminine main nouns, the model *Aux_{metaph}* + *Attr.* + *Subst. Genitiv* is predominantly used, while with masculine and neuter main nouns are found in the models with case agreement between the two parts of the noun phrase *Aux_{metaph}* + *Attr. stark* + *Subst. = Aux_{metaph}* and in the models with the preposition *von*: *Aux_{metaph}* + *von* + *Attr.* + *Subst. Dativ*. In the texts of almost all (except the second half of the 20th century) analyzed periods, for noun phrases with the main noun in the plural, the model *Aux_{metaph}* + *Attr.* + *Subst. Genitiv* was predominantly used.

References

1. Dönninghaus, S. (2005) *Die Vagheit der Sprache: Begriffsgeschichte und Funktionsbeschreibung anhand der tschechischen Wissenschaftssprache*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
2. Lakoff, G. (1973) Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*. 2. pp. 458–508.
3. Müller, K. (2000) *Lernen im Dialog: gestaltungslinguistische Aspekte des zweitspracherwerbs*. Tübingen: Narr, Tübinger Beiträge zur Linguistik.
4. Kolde, G. (1989) Probleme der Beschreibung von Heckenausdrücken im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch. In: Steger, H. et al. (Hgg.) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie*. Berlin etc.: de Gruyter (= HSK 5.1.). pp. 805–814.
5. Blühdorn, H. (2006) Zur Semantik von Numerus und Zählbarkeit im Deutschen. In: Breindl, E., Gunkel, L. & Streckler, B. (Hgg.) *Grammatische Untersuchungen, Analysen und Reflexionen. Festschrift für Gisela Zifonun*. Tübingen: Narr. pp. 53–77.
6. Gukhman, M.M. (1958–1959) *Ot yazyka nemetskoy narodnosti k nemetskomu natsional'nomu yazyku* [From the language of the German nation to the German national language]. Vols I–II. Moscow: USSR AS.

7. Wegera, K. (1985) Morphologie des Frühneuhochdeutschen. In: Besch, W., Reichmann, O. & Sonderegger, S. (Hgg.) *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*, 2. Berlin: Halbband; New York: de Gruyter (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, Bd. 2.2). pp. 1313–1322.
8. Trojanskaja, Je. (1972) Einige Besonderheiten in der Deklination der deutschen Adjektive im 16. und 17. Jahrhundert. In: *Studien zur Geschichte der deutschen Sprache*. Berlin: Zentralinstitut für Sprachwissenschaft (= Bausteine zur Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen 19). pp. 43–78.
9. Duden. (2009) *Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. 8., überarbeitete Auflage*. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Mannheim u.a.: Dudenverlag (Duden Band 4).
10. Duden. (2001) *Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle*. 5., neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim etc.: Dudenverlag. (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9).
11. Hundt, M. (2000) *“Spracharbeit” im 17. Jahrhundert. Studien zu Georg Philipp Harsdörffer, Justus Georg Schottelius und Christian Gueintz*. Berlin: de Gruyter.

УДК 81'26

DOI: 10.17223/19986645/72/10

И.А. Якоба

ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ДИСКУРСА ВЫСТУПЛЕНИЯ Г. ТУМБЕРГ В ООН

Рассматривается речь Г. Тумберг в ООН (23.09.2019) сквозь призму технологии «Умная настройка» дискурса, что позволяет уточнить лингвокогнитивные механизмы и параметры эффективной коммуникации. Показано, какие механизмы, силы и параметры способствуют конструированию аттрактивности и эффективности в дискурсе. Представлена когнитивная модель данного выступления Г. Тумберг, которая демонстрирует, как инструменты данной технологии дают возможность управлять дискурсом и вести адресата к заданной цели.

Ключевые слова: параметризация, эффективная коммуникация, технология «Умная настройка», Г. Тумберг

Введение

Статья посвящена параметризации публичного выступления по теме защиты окружающей среды, которое привлекло общественное внимание и вызвало резонанс в медиапространстве. Термин «параметризация» определяется как выявление измерений (параметров) континуума, с помощью которых устанавливается когнитивная «наладка» модели [1]. Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса в динамике его реализации представляет собой технологию «Умная настройка», которая характеризует дискурс в его оптимальной приближенности к эффективному воздействию, доминированию дискурсивной формации в коммуникативном пространстве, способствует событийности.

Цель исследования – выявить особенности измерений аттрактивного медийного дискурса, достигающего эффективности, на примере экологического медийного дискурса шведской эко активистки. Теоретической базой послужили работы в области теории коммуникации, лингвоаксиологии, синергетики и технологизации дискурса. Среди основополагающих концепций, легших в основу данного исследования, отметим концепции технологизации дискурса [2] и аксиологической параметризации дискурса [3]. Теоретическую базу исследования составили: положения аксиологии [4], теории оценки [5, 6], лингвоаксиометрии [7], положения лингводинамики текста, самодвижения смысла в текстовой системе [8], положения синергетики [9].

В качестве материала исследования выбрана речь экологической активистки 16-летней Греты Тунберг, которая выступила на Саммите ООН по климату, состоявшемся в Нью-Йорке 23 сентября 2019 г. [10]. Ее речь при-

влекла внимание своей эмоциональностью и открытой агрессивностью по отношению к мировым лидерам, которых она обвинила в том, что они мало делают для борьбы с загрязнением воздуха.

В качестве методов исследования используются когнитивно-коммуникативное моделирование, направленное на создание модели для реконструкции ментальных структур, стоящих за словом; лингвоаксиологический анализ, выявляющий аксиологические компоненты текста, систему ценностей и оценок, интерпретацию действительности и ценностной картины мира; метод когнитивной интерпретации для анализа лексических единиц и конструкций, стилистических конструкций, дискурсивных средств и лингвокогнитивных механизмов, лежащих в их основе; контент-анализ для определения ключевых слов и аттракторов.

Ход исследования

Автором разработана дискурсивная технология «Умная настройка» (далее ТУН), в основе которой находятся силы, параметры и механизмы, синергичное действие которых способствует конструированию медийного дискурса, нацеленного на достижение оптимального результата. Настройка дискурса определяется «умной», если становится эффективной, достигает дестинационности и способствует событийности. Особое значение приобретает характеристика «умный»: умная система, умная настройка, умная сила, умный знак. Она означает способность добиваться результатов относительно автономно, за счёт высокой технологичности. ТУН порождается отношением аттракции к референтным зонам медиатизации – ситуациям реального и вымышленного мира, имеющим характер когнитивной неопределенности, интереса и вызова. ТУН воздействует на рациональный и суггестивный уровень рефлексии, на эмоциональное измерение когнитивной системы адресата. Аттракция рассматривается как влияние лингвистических элементов друг на друга [11] и возводит к глубинному ценностному уровню смысло-жизненных концептов адресата.

ТУН параметризована в векторах движения силы: присоединения к высказываемой позиции или доминирования в коммуникации. Сила дискурса заключается в гибкой настройке траектории взаимодействия. Траекторию дискурсивизации регулируют параметры, основанные на силе взаимодействия адресанта и адресата. Важность ценностного измерения дискурсивизации позволяет произвести классификацию параметров. Настраивая аксиологически ориентированную интерпретацию адресата, дискурсивные силы позволяют адресанту как дискурсивному технологу конструировать возможные миры (в терминах Ю.С. Степанова) на основе медийных событий. Понятие *силы* определяется как степень интенсивности производимого влияния, способность вызвать процессы ускорения или замедления реакций и смысловых трансформаций у адресата и выступить в качестве аттрактора в процессе создания и функционирования знаков.

Среди параметров технологии «Умная настройка» выявлены: аттрактивность, гармонизация, паттернизация, смысло-ритмические модуляции,

модализация, поликодовость, тенсивность [12]. Такие параметры ТУН влияют на адресата синергийно, воздействуют на глубинное ценностное, эмоциональное измерение его когнитивной системы, а также на бессознательное, выходящее на уровень ценностных смысло-жизненных концептов адресата. Важно отметить, что данные параметры не имеют пространственной или временной хронологии и могут использоваться как одновременно, так и последовательно в разных комбинациях и отношениях. Рассмотрим их последовательно.

Аттрактивность дискурса позволяет притягивать и перенаправлять / фокусировать внимание и интерес адресата, активизируя его интеллект. Аттрактивность объясняет устойчивую интенсификацию перцепции адресата в коммуникативном процессе при учете динамичности дискурса и потенциала управления дискурсивной траекторией. Проведенный Seo-анализ текста показал [13], что всего в тексте 494 слова, длительность выступления 4 минуты 32 секунды, из которых фразой – аттрактором является *How dare you!*, повторяемая четырежды. Эта фраза послужила стартовой идеей для огромного количества мемов в Интернете. Представим три из них на рис. 1.

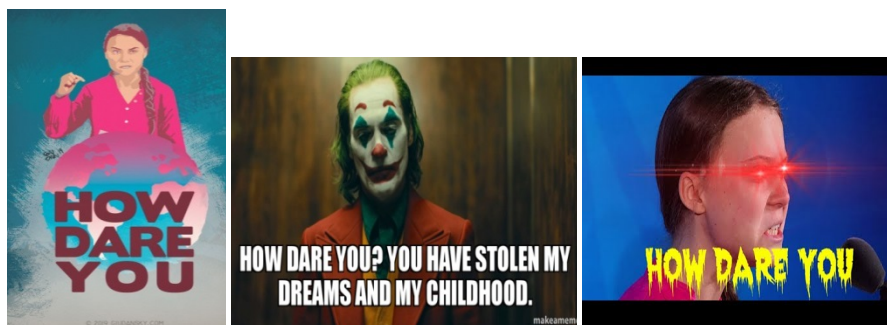

Рис. 1. Мемы на тему «Как вы смеете!»

Самые частотные слова – *people* (4 раза), *here* (4 раза), *solutions* (3 раза), *years* (3 раза), *CO₂* (3 раза). Множественная повторяемость данных слов может способствовать интерпретации данного выступления как направленного на совместное решение общественных проблем экологии, накопленных годами. Отметим обилие эколексики и аббревиатур, которые отсылают к официальным источникам, как название химического элемента *CO₂*, аббревиатура названия экологической организации *IPCC (Intergovernmental Panel on Climate Change)*, *mass extinction*, *emissions*, *irreversible chain reactions*, *toxic air pollution*, что заставляет потенциального адресата воспринимать данное выступление более серьезно. Множество цифр и данных способствует рациональной аргументации, имплицитно осведомленность адресанта по данной проблеме: *30 years*, *1.5 degrees*, *50% chance*, *50% risk*, *67% chance*, *420 gigatons of CO₂*, *350 gigatons of CO₂*, *Jan. 1st, 2018*, *8 1/2 years*. Начало выступления достаточно неожиданно, поскольку

Грета утверждает, что все неправильно и она не должна быть здесь: *This is all wrong. I shouldn't be up here. I should be back in school on the other side of the ocean.* Указание на ее проживание на другом краю океана позволяет сразу же включить образное мышление, актуализируя стратегию масштабности. Пространственная и персональная дейктичность акцентируют внимание на настоящем моменте «здесь и сейчас», на взаимодействии адресанта и адресата. Аттракция возникает как отклик на нестандартность и непредвиденность заявления девочки на таком официальном мероприятии.

Паттернизация позволяет разделять дискурс на дискурсивно-смысловые паттерны, она регулируема и может меняться – ослабляться или усиливаться по ходу высказывания для обеспечения лучшей встраиваемости дискурса в сознание адресата. *Паттерн дискурса* понимается как когнитивный шаблон, стереотипизирующий мышление, имеющий выражение в дискурсе. Способность проникновения, закрепления и замещения в когнитивном пространстве адресата заданных смыслов регулируема и может меняться – ослабляться или усиливаться по ходу высказывания для обеспечения лучшей встраиваемости дискурса в сознание адресата посредством смысло-ритмической модуляции дискурса. Эти когнитивно-дискурсивные процессы взаимосвязаны: адресант может наделить паттерн определенной способностью проникать в сознание адресата посредством его определенного конструирования и насыщения языковыми и дискурсивными конструкциями или, наоборот, использовать нейтральную лексику и простые стандартные конструкции, чтобы паттерн не вызывал интереса и казался обычным, известным, не вызывающим сомнения фактом.

В речи Тумберг выделено 6 паттернов. Каждый паттерн несет определенную идею и обычно оформлен абзацем на письме, а в устной речи выделен паузами. Первый паттерн введение – угроза состоит из одного предложения (8 слов). Такое нестандартное начало в форме речевого акта угрозы не только удивляет, привлекает внимание, но и активизирует мышление, заставляя внимательнее прислушаться к продолжению. Второй паттерн является историей экологического ухудшения в мире, длиной 92 слова. Он направлен на повышение информированности о происходящих изменениях, но в то же время содержит трехкратную угрозу (*How dare you!*), что снова оказывает сильное воздействие эффект. Третий паттерн – объяснение противопоставления слов и действий, состоит из 89 слов. Здесь Грета конструирует диалог с потенциальным адресатом – политиками и бизнесменами, управленцами высшего звена. Прямые обращения в двух предложениях содержат 5 личных дейктиков 2 л. мн. ч. (*you*) и 3 личных дейктика 1 л. ед. ч. (*I*), что способствует фокусированию внимания. Четвертый паттерн, длиной 161 слово, содержит доказательства приближающейся экологической катастрофы. Этот паттерн является самым сложным для восприятия из-за обилия цифровых данных (11 чисел), экологической лексики и аббревиатур (*cutting our emissions, irreversible chain reactions, additional warming hidden by toxic air pollution, climate justice, global temperature rise, IPCC [Intergovernmental Panel on Climate Change], 420 gigatons of CO₂*).

Метафоризация и сленг (*my generation sucking hundreds of billions of tons of your CO₂ out of the air*) активируют образно-эмоциональное мышление. Персонализация в форме оппозиции «вы – мы, мое, наше» позволяет Грете сократить дистанцию между адресатом и адресантом, но демонстрирует противоположность позиций молодого поколения и зрелого. Пятый паттерн содержит прогноз о развитии экологической ситуации в ближайшем будущем, длиной 71 слово. Пятый паттерн начинается с вопроса, включающего фразу-аттрактор (*How dare you!*). Повторяющаяся угроза плавно переходит в упрек «все-еще-незрелости» (*And you are still not mature enough to tell it like it is*), который бросает вызов адресату. Шестой паттерн состоит из 73 слов, является заключением, в котором Грета делает предупреждение мировым лидерам, что она и другие молодые люди и все будущие поколения (*the young people, all future generations*) будут следить за ними и их действиями для улучшения экологической обстановки. Последний паттерн насыщен агрессией. Он начинается с речевого акта упрека (*You are failing us*). Указание на рост осознанности среди молодежи (*But the young people are starting to understand*) заканчивается агрессивно: Грета использует сильную прагмему «предательство» (*your betrayal*). Диалогичность последних семи предложений снова бросает вызов: *The eyes of all future generations are upon you. And if you choose to fail us, I say: We will never forgive you. We will not let you get away with this*. Использование условного предложения реального типа показывает направленность на реализацию обещания (*We will never forgive you*). Метафоричность снова позволяет привлечь внимание и способствует лучшему запоминанию (*we draw the line*). Синергия метафорических конструкций и олицетворения усиливает воздействующий эффект (*The world is waking up; And change is coming*). Мнимый выбор в конце (*whether you like it or not*) указывает на жесткость позиции девочки. Следовательно, выстраивание паттернов в определенной последовательности: от угрозы до упрека и от обещания к угрозе формирует жесткую силу воздействия дискурса.

Гармонизация способна усилить проникающую способность заложенных в сообщение паттернов посредством гармоничного структурирования дискурса по принципу золотого сечения (например, труды В.И. Вернадского, Леонардо да Винчи, И. Кеплера). Суть гармонизации заключается в конструировании дискурса / текста таким образом, что центр тенсивности располагается в его 5/8 части в линейном хронотопе согласно пропорции золотого сечения. Представление смысло-ритмического рисунка с уточнением расположения смыслового давления в смысловой структуре конкретного дискурса позволяет сделать вывод о его гармоничном или дисгармоничном структурировании. Максимальная эффективность дискурса может быть достигнута посредством моделирования центра гармонии с расположением смыслового давления в 5/8 части дискурса. Гармоничная организация дискурса / текста усиливает пенетрационную способность заложенных в сообщение дискурсивных паттернов, оказывает суггестивное воздействие на сознание и поведение адресата, вызывая неосознаваемую сатисфакцию, создавая зону аттракции.

Установлено, что вторая часть четвертого паттерна находится в зоне золотого сечения, поэтому обладает потенциалом воздействия [14. С. 157–158]. Чтобы определить зону золотого сечения, мы выполнили две процедуры подсчета. Сначала посчитали, что 5/8 часть текста располагается с 309-го слова по 370-е. Потом перепроверили временной промежуток, в котором золотое сечение находится со 170-й по 204-ю секунду, который тоже попадает на данный фрагмент. Четвертый паттерн, содержащий рациональную аргументацию приближения экологической катастрофы, призван проникнуть в подсознание адресата для более глубокого осознания и оценивания проблемы. Следовательно, речь Г. Тумберг структурирована гармонично, что усиливает ее воздействие.

Использование *смысло-ритмических модуляций* способствует проникновению дискурсивных паттернов без сознательного осмысления и сопротивления адресата. Суть параметра заключается в чередовании процессов автоматизации и деавтоматизации (по Ю. Лотману), постоянно изменяющихся смыслов для привлечения и удержания внимания. Учет периодичности восприятия, когнитивных законов человеческой психики позволяет более точно, латентно воздействовать на нужные слои психики в нужный момент, часто бессознательно, обходя психологические барьеры. В *смысло-ритмической модели* выделены три компонента (сдвига): подъем, спад и промежутки между ними, которые влияют на повышение или снижение восприятия адресатом дискурса, оказывают сенсорное воздействие на когнитивную систему и определяют дальнейшее поведение адресата. *Смысло-ритмический «подъем»* представляет собой концентрацию языковых средств, стилистических приемов и стратегий для интенсификации эмоционально-образного или логическо-рационального воздействия на адресата, направленных на активизацию внимания и интенсификацию эмоций. *Смысло-ритмический «спад»* направлен на смену тональности повествования, используется для чередования важной и второстепенной информации с целью усиления ключевых идей. Спад характеризуется наличием нарратива, описания или объяснения в паттерне, которые способствуют приятию информации в обход психологических барьеров, не возбуждая вопросов или сопротивления. Спад создает особый психологический настрой или даже гипнотический эффект согласия.

Первый паттерн является *смысло-ритмическим подъемом*, так как представляет вызов потенциальному адресату. На рис. 2 первый подъем в первом паттерне обозначен синим цветом. Второй паттерн состоит из *смысло-ритмического спада*, переходящего в *смысло-ритмический подъем*, так как содержит описание жизни девочки и ее переживаний по поводу экологической ситуации. Первый спад второго паттерна обозначен бордовым цветом, второй подъем второго паттерна – зеленым (цвет подъема изменился по техническим причинам). Пять предложений произносятся с надрывом, расставляются логические ударения, что создает впечатление невысказанной боли и рыданий: *People are suffering. People are dying. Entire ecosystems are collapsing. We are in the beginning of a mass extinction, and all you can*

talk about is money and fairy tales of eternal economic growth. How dare you!

Третий паттерн состоит из спада и подъема, начинаясь с описания тридцатилетнего застоя в науке, переходящего в обвинения адресата. На рис. 1 второй спад в третьем паттерне обозначен бордовым цветом, третий подъем – синим цветом. Четвертый паттерн является спадом, описывая проблему: первая часть представляет цифровые данные ухудшения ситуации, а вторая часть, находясь в зоне золотого сечения, содержит важную информацию о стремительном росте загрязнения воздуха (по данным экспертов). Третий спад в четвертом паттерне обозначен бордовым цветом, четвертый спад обозначен фиолетовым цветом (цвет спада изменился по техническим причинам). Пятый паттерн начинается с подъема, вербализуясь в форме риторического вопроса. Вторая часть пятого паттерна переходит в спад, объясняя отсутствие решения. Четвертый подъем в пятом паттерне обозначен синим цветом, пятый спад – бордовым. Шестой паттерн создает подъем, представляя ряд обвинений, упреков и предупреждений в агрессивной форме. Пятый подъем в шестом паттерне обозначен синим цветом. Итого в модели выявлено пять подъемов и пять спадов, расположение которых не симметрично (рис. 2).

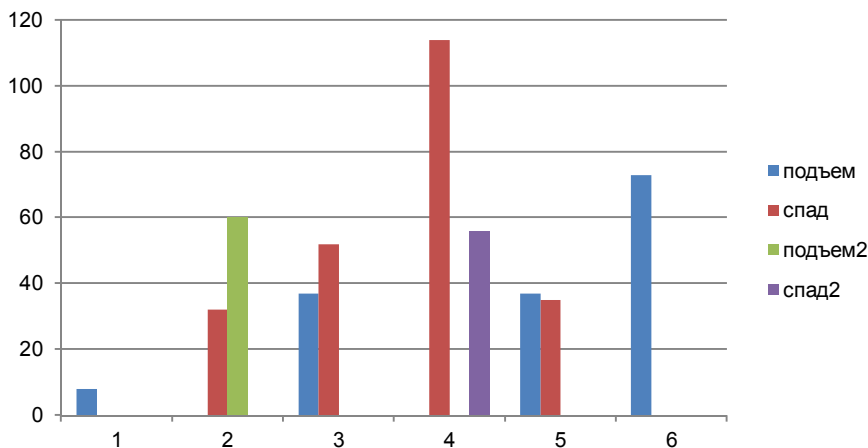

Рис. 2. Модель смысло-ритмических модуляций

В четвертом паттерне наблюдается самый длинный спад перед еще одним спадом в зоне золотого сечения. Приходим к выводу, что данный фрагмент имеет особое гипнотическое значение, позволяя информации беспрепятственно проникать в подсознание адресата благодаря своей структуре.

Модализация дискурса стимулирует отношение к объекту дискурса с заданной идеологической позиции, эмоционально настраивая на определенное восприятие и возможное сопереживание. Инструменты модализации позволяют управлять аксиологической ориентацией адресата, воздействуя на ценности через конструирование положительной или отрицатель-

ной оценки. Конверсивизация позволяет расставить оценочные ударения, представить противоположную интерпретацию события, косвенно уточнив, кто «свой», а кто «чужие»; дает представление о предпочтениях адресанта, проясняет его отношение к содержанию высказывания. Рефреймирование ситуации происходит при задействовании механизма позиционирования, в котором оппозиция устанавливается по принципу: мы хорошие, они плохие. Акценты технологично расставляются, адресату не предлагается выбора точки зрения на событие, а навязывается следования за адресантом и принятие готовых решений.

Модальные глаголы показывают отношение адресанта к адресату (*dare, should*) и проблеме (*can*). Восьмикратное использование длительного вида в настоящем и будущем времени позволяет фокусировать внимание на том, что происходит в данный момент (например: *People are suffering. People are dying. You are failing us. The world is waking up*). Местоимение 2 л. мн. ч. *you* упоминается 22 раза, а местоимение 1 л. ед. ч. *I* – 6 раз, т.е. в 3,5 раза реже, что позволяет сделать вывод о предпочтении прямого обращения к сильным мирам сего посредством лингвокогнитивного механизма позиционирования в подвиде оппозиция. Противопоставление «мы – вы», с одной стороны, выражается местоимениями 1 л. мн. ч. – всего 11 ед. (*us* 6 раз, *we* 5 раз), что в большинстве случаев подразумевает молодое поколение (*young people, my generation*), а с другой – под местоимением 2 л. мн. ч. (*you* 22 раза и *your* 3 раза) подразумеваются политики и бизнесмены, что имплицитно во фразе: *all you can talk about is money and fairy tales of eternal economic growth*. Аксиологичность противостояния проблемы защиты окружающей среды, которая касается всех, и развития бизнеса, для обогащения некоторых, раскрывает дуализм ценностной оппозиции общее – частное, сдвигая приоритет к значимости первой ценности.

Поликодовость усиливает воздействие разных семиотических кодов на управление коммуникацией, интенсифицирует эстетическую функцию сообщения, увеличивает его информационную значимость и может изменить отношение адресата к сообщению. Поликодовый дискурс действует посредством разных семиотических кодов и каналов: вербально, визуально, изобразительно, графически, кинестетически, аудиально, музыкально и т.п. Мультикодирование сообщения интенсифицирует эстетическую функцию сообщения, увеличивает его информационную значимость, усиливает вербальное и невербальное воздействие. Таким образом, дискурс приобретает манипулятивный потенциал. Данные о взаимодействии кодов могут использоваться для конструирования технологичного дискурса: активация правильно подобранных инструментов в семиотических кодах способствует успешной коммуникации и управлению дискурсом.

В рассматриваемом выступлении на Саммите ООН по климату Г. Тумберг была одета в ярко-розовую блузку, что создавало резкий контраст на голубом фоне. Жесткость вербального кода дискурса Тумберг и контрастность визуального кода (ярко-розовый цвет на ярко-голубом фоне) вместе создавали впечатление резкости и непримиримости с суще-

ствующей ситуацией. Искусно управляя темпом и высотой голоса, составляя логические и эмоциональные паузы, делая ударения на ключевых словах и фразах, адресант вел адресата за собой, не давая отвлечься. Пятикратные аплодисменты продолжительностью 8–9 секунд позволяли оратору внимательно взглянуться в аудиторию, создать зрительный контакт. Актерское управление мимикой, жестами и голосом позволяет сильнее вовлечь адресата в проблему, воздействуя на эмоциональную сферу человека, плохо поддающуюся рационализации. Таким образом, кинестетический канал восприятия, включающий резко меняющуюся интонацию, угловатые жесты, выражающую угрозу мимику, усиливал жесткость вербального кода. В данном случае синергия семиотических кодов ярко раскрывает жесткую позицию оратора, интенцию на подавление адресата, желание добиться своей цели любыми жесткими средствами.

Тенсивность дискурса становится основанием для различных трансформаций, интенсификаций и смещения смысла в когнитивно-коммуникативном пространстве. Тенсивность рассматривается как феномен одновременно интеллектуально-духовного напряжения субъектов коммуникативного семиотического взаимодействия и «натяжения» смыслообразования в дискурсе, связанного с аттрактивностью знака, его силой воздействия. Восклицание, выражающее упрек: *How dare you!* – четырежды повторяется в выступлении, разграничивая паттерны, имплицитно возмущение оратора. Угроза в первом предложении (*we'll be watching you*) модифицируется в угрозу в шестом паттерне (*The eyes of all future generations are upon you*), создавая завуалированный метонимический кольцевой повтор, что способствует визуализации, активируя лингвокогнитивные механизмы имагинеринга и метафоризации. Уточним термин *имагинеринг* (лат. *imago* – изображение, образ, картина, портрет; в переносном значении – представление, понятие, возникающий в сознании образ) – представляет собой механизм визуализации для презентации идей при помощи описания ярких чувственных образов, картинок будущего, настоящего или прошлого, которые способны вызвать определенные эмоции: гнев, страх, гордость, желание подражать и т.п. Так высказывание приобретает нарративный потенциал. Создание эмоционально насыщенного образа происходит посредством применения эпитетов, повторов, коннотативно насыщенных слов, рождающих ассоциации и обращение к миру чувств человека, к цветовым гаммам посредством прилагательных, маркеров интенсивности и пр.

Графический образ линейности (*we draw the line*) создает содержание метафорической конструкции и смещает фокус на твердость принятия решения, как бы записанного и подтвержденного официально и документально: *Right here, right now is where we draw the line*. Метафора даёт не конечное аксиоматичное знание, а основание для бесконечных интерпретаций метафорического кода в аспекте динамического развития мышления [15. С. 91]. Метонимический перенос, встроенный в пресуппозицию настоящего длительного времени, позволяет убедить адресата, что «машина за-

пущена и обратного пути нет»: *The world is waking up. And change is coming, whether you like it or not. Условные предложения реального (And if you choose to fail us, I say: We will never forgive you) и маловероятного типов (Because if you really understood the situation and still kept on failing to act, then you would be evil) выявляют действие стратегии моделирования будущего и управление дискурсивизацией, жестко направляя адресата по заданной траектории дискурса.*

Представим когнитивную модель данного дискурса, завоевавшего популярность и успех в медийном интернет-пространстве, на рис. 3.

Рис. 3. Когнитивная модель выступления Г. Тумберг на Саммите ООН по климату

Модель конструируется вокруг фразы-аттрактора, при этом активируются лингвокогнитивные механизмы позиционирования в подвиде оппозиции, метафоризации и имажинеринга и дискурсивные стратегии масштабности и моделирования будущего. В целом жесткость вербального кода поддерживается резкостью визуального кода, а механизмы визуализации стимулируют создание образов, способствующих восприятию / интерпретации информации / символов в заранее спланированном ракурсе, с определенной точки зрения, задающем перспективу целостного видения ситуации. Визуальное воздействие оказывается так мягко и ненавязчиво, что обычно адресат воспринимает возникающие эмоции как результат собственного отношения к происходящему событию / факту / лицу, не рефлексировав о заложенном в сообщении эмоционально-оценочном потенциале.

Выводы

Проведенная параметризация дискурса на примере медийного выступления демонстрирует значимость параметров аттрактивности, гармонизации, паттернизации, смысло-ритмических модуляций, модализации, поликодности, тенсивности для достижения эффективности коммуникации, а их синергия усиливает их действие на адресата. Речь Г. Тумберг отличается обилием метафорических конструкций, цифровых данных, экологической лексики и аббревиатур, персональной дейктичности, прямыми обращениями и угрозами. Жестко конструируя дискурс, предлагая только один выход из ситуации конфликта интересов, оратор смело ведет аудиторию за собой, привлекая своей прямолинейностью, открыто высказываемой позицией и однозначными требованиями. Неожиданные обвинения от лица подростка всем мировым лидерам на высшем уровне воспринимаются скорее положительно, вызывая бурную ответную реакцию не только президентов, массмедиа, но и простого народа.

Следовательно, можно утверждать, что данное выступление Тумберг обладает аттрактивностью, способствует смещению ценностных оценок проблемы, способно перенаправить внимание адресата и жестко управляет дискурсивизацией, отражая семь параметров эффективной коммуникации, которые составили основу для создания концепции «Умной настройки» дискурса, т.е. сконструировано технологично. В качестве перспективы исследования концепции «Умной настройки» дискурса возможно изучение других разновидностей медийного дискурса на материале других европейских и азиатских языков.

Литература

1. *Параметризация* // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М. : Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 118–123.
2. *Плотникова С.Н.* Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи // *Технологизация дискурса в современном обществе* / под ред. С.Н. Плотниковой. Иркутск, 2011. С. 6–39.
3. *Серебренникова Е.Ф.* Аксиологическая параметризация социального дискурса // *Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та*. 2013. № 3 (24). С. 13–18.
4. *Ильин В.В.* Аксиология. М. : Изд-во МГУ, 2005. 216 с.
5. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
6. *Викулова Л.Г.* Аксиологическая лингвистика в поле междисциплинарной антропологической рефлексии о ценностях современного общества // *Лингвокультурные ценности в полиэтническом обществе* / отв. ред. В.И. Карасик, Е.А. Журавлева. Волгоград, 2015. С. 43–71.
7. *Серебренникова Е.Ф., Антипов Н.П., Викулова Л.Г. и др.* Лингвистика и аксиология: Этносемиотика смыслов и ценностей. М. : Тезурус, 2011. 352 с.
8. *Мышкина Н.Л.* Лингводинамика текста: контрадиктно-синергетический подход : дис ... д-ра филол. наук. Пермь, 1999. 428 с.
9. *Хакен Г.* Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М. : Мир, 1985. 424 с.

10. *Transcript: Greta Thunberg's Speech At The U.N. Climate Action Summit*. URL: <https://www.npr.org/2019/09/23/763452863/transcript-greta-thunbergs-speech-at-the-u-n-climate-action-summit> (дата обращения: 25.11.2019).
11. Якоба И.А. Параметризация публичного выступления на примере Геттисбергской речи А. Линкольна // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 3. С. 20–29.
12. *Hartmann R.R.K., Stork F.C. Attraction* // Dictionary of Language and Linguistics. L., 1972. P. 23.
13. *Seo-анализ текста*. Текст.pdf URL: <https://text.ru/seo/unauthorized> (дата обращения: 25.11.19)
14. Щербакова М.В., Головина Е.В. Пропорция золотого сечения как основа самоорганизующейся структуры текста // Новая наука: теоретический и практический взгляд. 2017. Т. 2, № 4. С. 157–160.
15. Хахалова С.А. Метафора: динамика эмоционального и рационального, бессознательного и сознательного // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. 2013. № 4 (25). С. 90–95.

Parametrization of the Discourse of Greta Thunberg's Speech at the U.N. Climate Action Summit

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 199–211. DOI: 10.17223/19986645/72/10

Irina A. Yakoba, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: irina_yakoba@mail.ru

Keywords: parametrization, effective communication, “Smart Tuning” technology, Greta Thunberg.

The author considers Greta Thunberg's speech discourse at the U.N. Climate Action Summit through the prism of the “Smart Tuning” discourse technology that helps to clarify its linguocognitive mechanisms and parameters of effective communication. The aim of the study is to identify the features of attractive media discourse, achieving effectiveness. The theoretical basis is the works of communication theory, linguoaxiology, synergetics, and discourse technologization. The speech of the environmental activist 16-year-old Greta Thunberg, who spoke at the UN Climate Summit in New York on September 23, 2019, was chosen as a case study. Her speech attracted attention with her emotionality and open aggressiveness to the world leaders, whom she accused of doing little to struggle against air pollution. The research methods are cognitive-communicative modeling, linguo-axiological analysis, cognitive interpretation method, content analysis. The author develops the discursive technology “Smart Tuning”, which is based on powers, parameters and mechanisms, and whose synergistic action contributes to the construction of media discourse aimed at achieving the optimal result. Among the parameters of the “Smart Tuning” technology, the following are identified: attractiveness, harmonization, patterning, semantic rhythmic modulations, modalization, multimodality, tensivity. The performed parameterization demonstrates the significance of the identified parameters for achieving communication efficiency, and their synergy enhances their effect on the addressee. Thunberg's speech discourse is distinguished by riches of metaphorical constructions, digital data, scientific terms, personal deicticism, direct addresses and threats. Constructing a discourse with hard power, offering one way out of a conflict of interests, the speaker leads the audience courageously, attracting with her straightforwardness, openly expressed position and demands. Unexpected accusations on behalf of a teenager to all world leaders at the top summits are perceived rather positively, causing a stormy response not only from the presidents, the mass media, but also from the working people. Therefore, it can be argued that this speech by Thunberg is attractive; it contributes to a shift in the value estimates of the problem; it is able to redirect the attention of the addressee; it controls discursivization in a

hard way, reflecting the seven parameters of effective communication, which form the basis for creating the conception of discourse “smart tuning”, that is, it is constructed technologically. A cognitive model of this Thunberg’s speech is presented. It demonstrates how the tools of this technology make it possible to control discourse and lead the addressee to a given goal.

References

1. Kubryakova, E.S. (ed.) (1996) Parametrizatsiya [Parametrization]. In: *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A concise dictionary of cognitive terms]. Moscow: Faculty of Philology, Moscow State University. pp. 118–123.
2. Plotnikova, S.N. (2011) Diskursivnye tekhnologii i diskursivnoe oruzhie kak realii sovremennoy informatsionnoy epokhi [Discursive technologies and discursive weapons as realities of the modern information age]. In: Plotnikova, S.N. (ed.) *Tekhnologizatsiya diskursa v sovremennoy obshchestve* [Technologization of discourse in modern society]. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University. pp. 6–39.
3. Serebrennikova, E.F. (2013) The axiological parametrization of social discourse. *Vestnik Irkutskogo gos. lingv. un-ta*. 3 (24). pp. 13–18. (In Russian).
4. Il'in, V.V. (2005) *Aksiologiya* [Axiology]. Moscow: Moscow State University.
5. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of linguistic meanings: Assessment. Event. Fact]. Moscow: Nauka.
6. Vikulova, L.G. (2015) Aksiologicheskaya lingvistika v pole mezhdistsiplinarnoy antropologicheskoy refleksii o tsennostyakh sovremennoy obshchestva [Axiological linguistics in the field of interdisciplinary anthropological reflection on the values of modern society]. In: Karasik, V.I. & Zhuravleva, E.A. (eds) *Lingvokul'turnye tsennosti v polietnicheskoy obshchestve* [Linguocultural values in a multiethnic society]. Volgograd: Paradigma. pp. 43–71.
7. Serebrennikova, E.F. et al. (2011) *Lingvistika i aksiologiya. Etnosemiometriya smyslov i tsennostey* [Linguistics and axiology. Ethnosemiometry of meanings and values]. Moscow: Tezaurus.
8. Myshkina, N.L. (1999) *Lingvodinamika teksta: kontradiktno-sinergeticheskiy podkhod* [Linguodynamics of the text: a contradictory-synergetic approach]. Philology Dr. Diss. Perm.
9. Haken, H. (1985) *Sinergetika. Ierarkhii neustoychivostey v samoorganizuyushchikhsya sistemakh i ustroystvakh* [Instability Hierarchies of Self-Organizing Systems and Devices]. Translated from English. Moscow: Mir.
10. Thunberg, G. (2019) *Transcript: Greta Thunberg's Speech At The U.N. Climate Action Summit*. [Online] Available from: <https://www.npr.org/2019/09/23/763452863/transcript-greta-thunbergs-speech-at-the-u-n-climate-action-summit> (Accessed: 25.11.2019).
11. Yakoba, I.A. (2019) Public Speech PArmetrization by the Example of the Gettysburg Address by A. Lincoln. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. 3. pp. 20–29. (In Russian).
12. Hartmann, R.R.K. & Stork, F.C. (1972) Attraction. In: *Dictionary of Language and Linguistics*. London: Applied Science Publishers.
13. Text.ru. (2019) *Seo-analiz teksta* [Seo-analysis of the text]. [Online] Available from: <https://text.ru/seo/unchecked> (Accessed: 25.11.2019).
14. Shcherbakova, M.V. & Golovina, E.V. (2017) Proportsiya zolotogo secheniya kak osnova samoorganizuyushcheystry struktury teksta [The proportion of the golden section as the basis of the self-organizing structure of the text]. *Novaya nauka: teoreticheskiy i prakticheskiy vzglyad*. 2 (4). pp. 157–160.
15. Khakhalova, S.A. (2013) Metafora: dinamika emotsional'nogo i ratsional'nogo, bessoznatel'nogo i soznatel'nogo [Metaphor: dynamics of the emotional and the rational, the unconscious and the conscious]. *Vestnik Irkutskogo gos. lingv. un-ta*. 4 (25). pp. 90–95.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/72/11

А.В. Ерохин

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ В ОЦЕНКЕ ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА

Исследуется рецепция творчества Достоевского немецким мыслителем Вальтером Беньямином. На основе изучения наследия Беньямина утверждается, что его восприятие Достоевского испытало серьезную эволюцию: 1910-е – начало 1920-х гг.; конец 1920-х – начало 1930-х гг.; после 1933 г. Обосновывается, что в своей рецепции Достоевского Беньямин движется от универсализма первого периода через второй, богоборческий период «антропологического нигилизма» к более взвешенной оценке, основанной на поэтике и социологии литературы.

Ключевые слова: В. Беньямин, Ф.М. Достоевский, «Идиот», «Бесы», юность, поэтика романа, модернизм, психоанализ

Творчество великого русского писателя Ф.М. Достоевского сопровождало немецкого мыслителя Вальтера Беньямина значительную часть его жизни – с первых литературных опытов 1910-х до середины 1930-х гг. Несмотря на длительность и устойчивость этого влияния, рецепция Достоевского Беньямином не становилась предметом специального изучения, хотя оба автора уже давно являются фаворитами научных исследований как в России, так и на Западе. Размышления Беньямина о Достоевском обычно цитируются и анализируются в рамках более широкой проблематики – в контексте либо вопроса о влиянии Достоевского на немецкую культуру и литературу, либо интереса Беньямина к России.

Менее всего повезло Беньямину в исследованиях восприятия Достоевского в Германии. В отечественном литературоведении, например, нет упоминаний о Беньямине в известной работе К. Азадовского и В. Дудкина [1]. В немецком достоевсковедении, в котором тема «Достоевский и Германия» является одной из самых популярных и разработанных, анализ отношения Беньямина к Достоевскому не выходит за рамки отдельных текстов Беньямина и связанных с ними параллелей; сквозного рассмотрения этой темы, которое охватило бы высказывания немецкого мыслителя о Достоевском в единой перспективе, не предлагается. Так, Хорст-Юрген Геригк в монографии «Литературное мастерство Достоевского в развитии» останавливается на двух аспектах восприятия Беньямином Достоевского. В первом случае речь идет об установленной Беньямином близости между исповедью Ставрогина из «Бесов» и «Песнями Мальдорора» Лотреамона [2. С. 166–168]. Второй случай – это обращение к самому известному тексту Беньямина о Достоевском, к его эссе «“Идиот” Достоевского» (написано в 1917 г., опубликовано в 1921 г.) [2. С. 260]. Оба эпизо-

да тракуются автором вне какой-либо внутренней связи, поскольку подчинены главной цели книги – дать общую характеристику творческой эволюции зрелого и позднего Достоевского.

Скупые упоминания текстов Беньямина в данном случае могут быть объяснены его маргинальным положением в академической среде – не защитивший докторскую диссертацию из-за сопротивления консервативной немецкой профессуры, Беньямин практически всю свою жизнь работал вне университетов и их публикационных возможностей. Затрудненный для понимания, порой темный стиль Беньямина, который он сознательно культивировал, не был удобен для немецких филологических конвенций и создавал проблемы не только для специалистов по Достоевскому, но также для гетеведов (в случае с его эссе об «Избирательном родстве») и исследователей немецкого барокко в ситуации с его докторской диссертацией о происхождении немецкой барочной драмы («трауэршпиля»).

В российских работах о Беньямине и его взглядах на Россию главное внимание по традиции уделяется «Московскому дневнику», в котором Достоевский отсутствует. Например, специальный выпуск журнала «Логос», посвященный Беньямину, практически полностью концентрируется на «Московском дневнике» [3]. Аналогичный подход заявлен в обзорной статье С.А. Ромашко на немецком языке, посвященной рецепции Беньямином русской литературы и культуры, где утверждается, что «Московский дневник» является главным документом для понимания того, как Беньямин видел реальность старой и новой России [4. S. 343].

Бесспорно, «Московский дневник» – важнейший источник для нашего анализа отношения Беньямина к дореволюционной и Советской России. В то же время очевидно, что тема «Беньямин и Россия» имеет и другие сюжеты. Одним из таких сюжетов, разворачивающихся, можно сказать, параллельно и во многом независимо от проблематики русской революции и ее последствий, можно считать рецепцию Беньямином творчества Достоевского. Эта тема затрагивается и в уже упомянутой статье Ромашко на немецком языке: в разделе, посвященном первой работе Беньямина о России и ее литературе – эссе «“Идиот” Достоевского», автор кратко останавливается на двух аспектах этой небольшой работы, которые имеют принципиальное значение для всего наследия Беньямина. Это, во-первых, утверждение немецкого автора о связи между общечеловеческим и национальным началом у Достоевского [4]; во-вторых, указание на появившееся в эссе об «Идиоте» понятие «ауры», одно из самых известных и спорных у Беньямина [4]. Анализ эссе об «Идиоте» завершается у Ромашко включением его в революционно-эсхатологические перспективы и ожидания, связывавшиеся у Беньямина как с русской революцией 1917 года, так и с его поездкой в Москву зимой 1926/27 г. [4]. Ромашко в своем обзоре также упоминает две другие важные ссылки Беньямина на Достоевского: в рецензии 1927 г. на немецкий перевод повести Ивана Шмелева «Человек из ресторана» [4. S. 345] и в эссе «Сюрреализм: последняя моментальная фотография европейской интеллигенции» (1929) [4. S. 344].

За статьей Ромашко следуют другие отечественные работы, также вписывающие рецепцию Достоевского в более широкий контекст темы «Беньямин и Россия». А.А. Стрельникова видит оригинальность трактовки Беньямином романа «Идиот» в его нежелании «расценивать произведение как воплощение психологического романа» [5. С. 67]. Среди основных тем эссе об «Идиоте» Стрельникова выделяет метафизическое измерение «Идиота» и взаимосвязанные идеи бессмертия и детства: «В образе ребенка Беньямин увидел выражение красоты и вечности в художественном мире Достоевского, более того, единственное спасение для молодых людей и их страны» [5. С. 68]. В целом Стрельникова отходит от подчеркнутой ориентации как на «Московский дневник», так и на революционно-марксистский контекст рецепции русской темы у Беньямина.

В работе автора данной статьи «Вальтер Беньямин и Россия», помимо перечисления уже упоминавшихся точек соприкосновения Достоевского и Беньямина, выдвигается предположение о связи раннего понятия ауры у Беньямина в эссе об «Идиоте» не с эстетикой визуального, а, скорее, с теорией повествования [6. С. 95]. В дальнейшем эта мысль о взаимосвязи ауры и нарративной поэтики разворачивается на материале знаменитого эссе Беньямина «Рассказчик» [6. С. 110–111]. Статья «Вальтер Беньямин и Россия» стремится рассмотреть заглавную тему комплексно и хронологически, учитывая различные аспекты этой сложной проблемы, не фокусируясь исключительно на фигуре Достоевского. Предлагаемая здесь статья призвана вписать рецепцию Достоевского в контекст общей эволюции идейно-философских и художественных установок Беньямина, а также уточнить и дополнить тезисы указанной выше публикации, при этом несколько расширив круг рассматриваемых источников.

Приступая к анализу проблемы, следует подчеркнуть, что Беньямин не занимался Достоевским систематически. Не зная русского языка, он читал русского писателя в немецких переводах Е.К. Разин (псевдоним Элизабет Керрик). В списке прочитанных книг, который Беньямин скрупулезно вел вплоть до своего фатального бегства из Франции в 1940 г., насчитывается шесть произведений Достоевского. Здесь они называются в порядке, указанном Беньямином: «Бесы», «Двойник»¹, «Униженные и оскорбленные», «Вечный муж», «Идиот», «Преступление и наказание» [8. Bd. VII.1. S. 437–476]. Перечень весьма далек от полноты. В нем нет как минимум из поздних сочинений «Подростка», «Игрока» «Братьев Карамазовых». (Возможно, некоторые произведения Достоевского были прочитаны Беньямином еще до того, как он начал регистрировать прочитанные книги: по его текстам можно судить, например, что он был хорошо знаком с «Братьями Карамазовыми».) Порядок прочтения также случаен. В значительном большинстве произведения Достоевского были прочитаны Беньямином в конце 1910-х – начале 1920-х гг., что неудивительно, так как именно во

¹ «Двойник» записан два раза – известно, что Беньямин дважды читал этот текст (см. его письмо Эрнсту Шену 29.01.1919 [7. P. 138]).

время войны и послевоенных потрясений в Германии активно читают и обсуждают Достоевского как «кризисного» художника. В этот же период Бенямин прочитывает единственную документальную книгу о Достоевском, отмеченную в перечне: мемуары дочери Достоевского Любови (Эме), вышедшие на немецком в 1920 г. Затем следует более чем десятилетний перерыв. Последняя книга Достоевского, «Преступление и наказание», была прочитана Бенямином в 1934 г. Ни одной научной, монографической работы о Достоевском Бенямин, похоже, не читал, если не считать такие труды, как «Теория романа» Лукача, в которой Достоевский рассматривается наряду с другими авторами, художниками и мыслителями. Исключением здесь можно считать статью о восприятии Достоевского в Германии близкого к франкфуртской школе социолога Лео Левенталья [9], с которой Бенямин познакомился в 1934 г. В этой связи может показаться, что отношение Бенямина к Достоевскому не имеет точек соприкосновения с научным достоевсковедением как при жизни немецкого автора, так и после его смерти. В нашей работе на примере некоторых параллелей с работами о Достоевском М.М. Бахтина и В.Л. Комаровича мы стараемся опровергнуть это предположение.

Как указанный выше список, так и биография Бенямина дают полное основание утверждать, что в чтении Достоевского немецкий автор был зависим как от общих настроений эпохи, так и от собственных занятий и интересов. Внимание к русскому писателю эволюционировало со временем, и мы можем выделить три этапа этой эволюции, во многом совпадающие с перипетиями личной и духовной биографии Бенямина: 1) раннее эссе об «Идиоте» Достоевского в окружении некоторых других текстов Бенямина, о которых пойдет речь ниже (1917–1921); 2) временный отход от занятий Достоевским во второй половине 1920-х гг., обусловленный как увлечением марксизмом и коммунизмом, так и работой над переводами с французского и статьями о французских писателях (Ш. Бодлер, М. Пруст, А. Жид, П. Валери, сюрреалисты и др.). Достоевский время от времени появляется в текстах Бенямина этого времени, но его творчество, скорее, служит поводом или фоном для других тем; 3) осторожное, не лишенное скепсиса возвращение к Достоевскому как к выдающемуся мастеру литературного письма под влиянием вышеупомянутой статьи Левенталья и охлаждения симпатий к Советской России. (Последнее вызвано начавшимся сталинским поворотом в советской культурной политике.) Неизменным в данном процессе оставалась высокая оценка творчества русского писателя, но акценты и детали этой оценки подверглись существенной трансформации.

Основной работой Бенямина в первый период восприятия Достоевского, бесспорно, является эссе «“Идиот” Достоевского», опубликованное в юбилейный год Достоевского (1921) в малоизвестном гейдельбергском журнале «Аргонавты» (*Die Argonauten*) и поэтому не получившее большой известности. Оно представляет собой комплекс различных идей и мотивов, из которых большинство исследователей считают центральной тему рус-

ской революции 1917 г. Например, С.А. Ромашко рассматривает эссе об «Идиоте» как предвосхищение российской «национальной катастрофы» 1917 г. [4. С. 344]. Эта точка зрения опирается на воспоминания близкого в то время к Бенъямину Гершома Шолема, который говорит об усилении политической тематики в их разговорах под влиянием революции в России [10. С. 132]. Шолем также упоминает о «Политических произведениях» Достоевского, которые, по словам мемуариста, Бенъямин тогда считал важнейшими из известных ему политических сочинений Новейшего времени [10. С. 136]¹.

Несколько более дифференцированная оценка эссе об «Идиоте» содержится в книге американского историка Ансона Рабинбаха «В тени катастрофы: немецкие интеллектуалы между Апокалипсисом и Просвещением» [11]. Рабинбах отделяет взгляд на русскую революцию как на событие «в духе Достоевского», присущий таким авторам, как Эрнст Блох и Дьердь Лукач, от более взвешенной позиции Бенъямина, который в других своих работах того времени, «Критике насилия» и «Теолого-политическом фрагменте», скептически воспринимает имманентную «этику революции» [11. Р. 62]. Рабинбах доверяет свидетельству Шолема об особом значении политических сочинений Достоевского для Бенъямина [11. Р. 61], но при этом отмечает, что последний «странным образом» игнорирует известные рассуждения Достоевского о еврейском вопросе, изложенные в «Дневнике писателя» и включенные в «Политические произведения» в немецком переводе [11].

На наш взгляд, «странное» невнимание Бенъямина к взглядам Достоевского на еврейский вопрос может быть обусловлено плохим знакомством с публицистикой русского писателя. В списке прочитанных книг Бенъямина «Политические произведения» не указаны. Более того, публицистика Достоевского в текстах Бенъямина не цитируется и не упоминается. В целом Бенъямин как левый автор с еврейскими корнями едва ли мог симпатизировать консервативным политическим и идеологическим работам Достоевского, чьи идеи в Германии преимущественно присваивались националистами и «консервативными революционерами» – А. Меллером ван ден Бруком, О. Шпенглером, А. Розенбергом, Э. Юнгером и др.

Ранняя работа Бенъямина об «Идиоте», как нам представляется, прямо не связана с «Политическими произведениями» Достоевского. Она выросла прежде всего из его сугубо личных интересов и увлечения идейной проблематикой эпохи «рубежа веков», сконцентрированной для него – в данном случае – в понятиях «юности» и «жизни», также имеющих особое значение для немецкого экспрессионизма [1. С. 700–702]. Мотив русской революции здесь подчинен общей апокалиптической перспективе всемирно-

¹ «Политические произведения», представляющие собой фрагменты «Дневника писателя» и другие публицистические тексты Достоевского, расположенные немецкими редакторами в произвольном порядке, были опубликованы на немецком языке в 1907 г. как тринадцатый том Собрания сочинений русского писателя под редакцией А. Меллера ван ден Брука и с предисловием Д.С. Мережковского.

го кризиса и войны и лишь косвенно обозначен в финале эссе в экспрессионистическом образе чудовищного кратера с его неизмеримой пропастью, из которой «однажды могут подняться могучие силы человеческого величия» [12. С. 26]. Надеждой русского народа, по Беньямину, станет не сама революция как «кратер» или катастрофа самоуничтожения [12], а, скорее, вызванный ею к жизни синтез разьединенных прежде начал – жизни и духа, национального и общечеловеческого. С установления соотношения национального и общечеловеческого и начинается эссе Бенямина, по своей внутренней архитектонике идущее вглубь понятийного и образного языка эпохи, представленного в виде концептуальных пластов, за которыми, слой за слоем, открываются все новые уровни смысла.

Эссе открывается характеристикой русского писателя как выдающегося националиста [12. С. 21] – редчайший комплимент в устах немецкого автора, известного своей непримиримостью к крайним проявлениям национализма. Национализм Достоевского Беньямин извиняет глубинной связью между народным и общечеловеческим в его творчестве. Эта зависимость, по Беньямину, осуществляется как движение или свободное парение «глубин человеческой жизни» «в сиянии ауры» русского духа [12]. Иными словами, национальное обретает смысл и значение только тогда, когда оно несет внутри себя начало всемирное, всечеловеческое. Позднее эти общечеловеческие силы, возникающие из «огненной протоплазмы национального» [12. С. 22], будут уточнены в эссе как идеи бессмертия, молодости и детства. На этих последних образах-идеях в основном и концентрируется мысль Бенямина.

Сопоставление национального и общечеловеческого продолжается Беньямином в рамках характерной для различных эстетических направлений рубежа XIX и XX вв. проблематики жизни и духа. Князь Мышкин – главная и практически единственная интересная для Бенямина фигура в «Идиоте» – рассматривается как личностное воплощение и свидетельство жизненного бессмертия за пределами национального начала, причем это бессмертие имеет особый характер, оно отделено как от вечной жизни природы, так и от гетевско-фаустовского персонального бессмертия действующего человека [12. С. 24]. Бессмертие Мышкина до конца не воплощено в его эмпирической личности, которая «теряется в его жизни, подобно тому как цветок – в своем аромате или звезда – в своем блеске» [12]. В другом месте эссе своеобразие Мышкина как персонажа схвачено в динамике света и тени: «Его российская жизнь проступает из мрака времени, проведенного на чужбине, словно видимая полоса спектра из темноты» [12. С. 23].

Жизнь Мышкина в Швейцарии до и после описываемых в «Идиоте» событий, определенная Беньямином как сокрытая во мраке, в другой перспективе может быть понята как выражение эпохальной «трансцендентальной бездомности» в духе Дьердя Лукача, использовавшего это понятие в «Теории романа», впервые опубликованной в 1916 г. в журнале «Цайтшрифт фюр Эстетик унд альгемайне Кунствиссеншафт» (Zeitschrift

für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft) [13. С. 24]. Несмотря на то, что отдельное издание этой работы вышло в 1920 г., Беньямин вполне мог знать ее по журнальной публикации еще до создания эссе об «Идиоте».

«Полихромная» метафора российских эпизодов жизни Мышкина как светового спектра, использованная Беньямином, предваряет не только рассуждения о символическом бессмертии князя, но и последующие мысли автора о судьбах молодости и детства в современном мире. Тема юности – одна из самых значимых у раннего Беньямина; к ней он обращается, в частности, в такой работе, как «Метафизика юности» (1913–1914, не опубликована при жизни автора). Как и в более поздней работе об «Идиоте», в «Метафизике юности» молодость лишена традиционных для ее восприятия атрибутов радости, надежды, избыточности сил. Все позитивные начала молодости отодвинуты в прошлое и объявлены «обломками» (Trümmerhaufen), воспоминаниями об «упущенном величии» (versäumte Größe) [8. Bd. II.1. S. 91]. Подобное же сожаление об ушедшей, упущенной молодости определяет и завершающую часть эссе об «Идиоте»: «Вот о чем великая жалоба Достоевского в этой книге: крушение порыва юности» [12. С. 25]. И дальше: «Достоевский сокрушается о том, что Россия – ведь эти люди несут в себе ее молодое сердце – не может сохранить в себе, впитать в себя свою собственную бессмертную жизнь» [12. С. 25]. Наконец, мотив нереализованной юности дополняется в эссе об «Идиоте» мотивом разрушенного детства: «Разрушенное детство – вот боль этой молодости, потому что именно уязвленное детство русского человека и русской земли парализует ее силу» [12. С. 25]. Но Беньямин сохраняет надежду для России в образе ребенка. Спасительная сила детской жизни может и должна быть восстановлена – пусть даже если эта утопия предваряется в романе Достоевского томлением по детству у женских персонажей, которое автору эссе больше всего напоминает истерию [12. С. 26].

Скорбный взгляд на юность через ретроспективу утраченных возможностей обусловлен и некоторыми подробностями биографии Беньямина. Эссе об «Идиоте» Достоевского, по утверждению Шолема, которому в данном случае нет оснований не доверять, было написано под влиянием самоубийства в 1914 г. близкого друга Беньямина Фридриха (Фрица) Хайнле. За фигурой Мышкина Шолем увидел образ покойного Хайнле [10. С. 90]. Отношения с Хайнле, начинающим поэтом и филологом, покончившим с собой в знак протеста против начавшейся мировой войны, биографы Беньямина Х. Айленд и М.У. Дженнингс определяют как один из «самых загадочных эпизодов в загадочной жизни Беньямина» [14. С. 61], надолго оставивший глубокий след в интеллектуальной и эмоциональной жизни немецкого автора.

Влияние личности и смерти Хайнле прослеживается в эссе Беньямина об «Идиоте», «Метафизике юности» и литературно-критической работе «Два стихотворения Фридриха Гельдерлина» (написана в 1914–1915 гг., издана посмертно). Обращает на себя внимание историко-культурный и историко-литературный фон этого влияния, которое охватывало немецкую

и европейскую духовную традицию. Одним из парадоксальных следствий общения Хайнле и Беньямина можно также считать рецепцию Беньямином «Избирательного сродства» Гете. Особенно это касается страниц, посвященных героине романа Оттилии, охарактеризованной в уже знакомом нам по эссе об «Идиоте» контексте утраченной молодости и жизни: «Оттилия знает свой смертный путь. Поскольку внутри себя она понимает, что ее молодая жизнь обречена на смерть, она – не по поступкам, а по сути – самый юный из всех образов, созданных Гете» [15. С. 119].

Образы Достоевского входят в состав интеллектуальной ауры раннего Беньямина, включающей в себя не только фигуры и мотивы жизни, молодости, детства, ранней смерти и бессмертия, но и изначально близкую понятию ауры идею искусства и литературы как «рефлексивной среды» (Reflexionsmedium), впервые теоретически разработанную им в диссертации «Концепция художественной критики в немецком романтизме» (1919). Понятие ауры, как видим, зародилось у Беньямина в метафизическом и историко-культурном контексте практически в одно и то же время, что и «рефлексивная среда», и одно из первых его употреблений приходится на работу о Достоевском; впоследствии именно аура, истолковываемая уже не исключительно метафизически, а в духе материалистической эстетики и на примере визуальных искусств, займет центральное место как в работах Беньямина, так и в позднейших теоретических и критических трудах о нем.

Что касается собственно искусства повествования Достоевского, то эссе об «Идиоте» ограничивается полемикой с традиционным для немецкой и европейской критики того времени представлением о психологизме романов русского писателя. Для Беньямина психология персонажей у Достоевского «всего лишь что-то вроде нежной оболочки, в которой из огненной протоплазмы национального возникает в ходе преобразования чисто человеческое» [12. С. 22]. Помимо отказа считать романы Достоевского в полной мере психологическими, Беньямин отвергает связь между романскими персонажами «низкого жанра» и героями Достоевского [12]. Заметно, что Беньямин предпочитает говорить о Достоевском не как филолог-литературовед, а, скорее, как философ и критик культуры с определенными метафизическими и теологическими интересами. В этом смысле романы Достоевского никогда не были для Беньямина «только» искусством, «только» литературой, а являлись, скорее, экспериментами на границах поэтики, философии, идеологии и религии¹.

¹ Галин Тиханов в своей недавней монографии «Рождение и смерть литературной теории» (2019) утверждает, что восприятие творчества Достоевского как чего-то беспрецедентного, выходящего за пределы традиции, было «чем-то вроде общего места» (something of a commonplace) в европейской литературной критике; для доказательства автор приводит имена Артура Меллера ван ден Брука и Дьердя Лукача [16. Р. 102]. Меллер и Лукач представляют у Тиханова соответственно правый и левый «фланги» немецкой критики 1910–1920-х гг. Ссылка на радикальных критиков и идеологов, подобных Меллеру и Лукачу с их подчеркнуто идеологизированными воззрениями, не дает повода считать дискуссию о Достоевском в Германии исключительно «чем-то

Второй период рецепции творчества Достоевского Беньямином приходится, как говорилось выше, на вторую половину 1920-х – начало 1930-х гг. В это время Беньямин под влиянием левых авторов Брехта, Лукача и Корша сближается с марксизмом и совершает свою знаменитую поездку в советскую Москву. Кроме того, он активно занимается французской литературой и культурой – живет по несколько месяцев в году в Париже, вместе с Францем Хесселем переводит на немецкий язык романы из цикла Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», а также пишет статьи о французских авторах – «Сюрреализм: последняя моментальная фотография европейской интеллигенции» (1929), «К портрету Пруста» (1929, 1934), «Жюльен Грин» (1930), «Поль Валери» (1931) и целый ряд заметок и статей об Андре Жиде. Имя Достоевского в целом оказывается на периферии интересов Беньямина – ссылки на его творчество в основном привязаны к наблюдениям над поэтикой современной французской литературы. Поездка в Советскую Россию также ничего не прибавляет к рецепции Достоевского у немецкого автора. Более того, создается впечатление, что он намеренно отделяет свой опыт знакомства с новым советским бытом и советской материалистической эстетикой от восприятия Достоевского. Возможно, поэтика Достоевского с ее религиозно-метафизическими истоками представляется Беньямину в это время устаревающей и несвоевременной.

Тем не менее ссылки на произведения Достоевского у Беньямина сохраняются и заслуживают отдельного анализа. Первым свидетельством изменившейся рецепции Достоевского можно считать рецензию Беньямина 1927 г. на немецкий перевод повести Ивана Шмелева «Человек из ресторана». Повесть Шмелева рассматривается Беньямином на фоне достижений Достоевского в искусстве повествования и в целом характеризуется как «безвредный наркотик» и превосходно написанное «развлекательное чтение» [8. Bd. III. S. 64]; вторичен для Беньямина и главный герой повести – «один из многих второстепенных героев из мира Достоевского» [8. Bd. III. S. 64].

Разбор «Человека из ресторана» дает Беньямину повод еще раз вспомнить о Достоевском – но на этот раз уже не в рамках «метафизики юности», а в контексте экспериментальной поэтики модернизма и авангарда. Главную заслугу Достоевского Беньямин видит здесь в создании нового типа читателя, неизвестного прежде в Европе [8. S. 63]. Эту инновацию Беньямин описывает на собственном читательском опыте, сравнивая с прозой Достоевского прозу хорошо ему знакомых европейских романистов XIX в. В Достоевском немецкий автор усматривает одного из предшественников современной модернистской прозы: «<...> когда я заканчиваю читать роман Стендаля или Флобера, Диккенса или Келлера, мне кажется,

вроде общего места». В рамках этой дискуссии вырабатывались оригинальные и продуктивные способы интерпретации литературы, в том числе и у Беньямина, которого Тиханов в данном контексте не упоминает и которого тоже можно считать представителем левого фланга немецкой культурной жизни в годы Веймарской республики.

что я выхожу на простор из некоего дома. Как бы глубоко я ни погружался в рассказываемое, я всегда остаюсь самим собой, хоть и ощущаю, разными способами и с разной степенью интенсивности, свою зависимость от пропорций той комнаты, из которой вышел, не меняясь в моей сущности и не теряя контроль сознания. Но, прочитав книгу Достоевского, я должен сначала вернуться к себе, собраться с мыслями. Я должен снова взять себя в руки, как после пробуждения, как мечтатель, ставший тенью во время чтения. Достоевский замыкает мое сознание в жуткую лабораторию своей фантазии, делая его беззащитным перед событиями, видениями и голосами, среди которых оно отчуждается от меня и распадается» [8. С. 63–64].

Читательский самоотчет Бенямина, чем-то напоминающий его психоделические отчеты о потреблении гашиша (например, «Гашиш в Марселе», написано в 1928-м, опубликовано в 1932 г.), одновременно отсылает к миру романов Пруста (мотив пробуждения) и к «подрывной», провокативной эстетике сюрреализма, которым Бенямин в этот период активно занимается. Подобно сюрреалистам Достоевский в оптике Бенямина расшатывает сознание «ординарного» читателя, привыкшего к плотной, описывающей устойчивый внешний мир прозе XIX в. Важно также отметить эпитет «жуткая» применительно к творческой лаборатории русского писателя. Это – нить, ведущая к эссе «Сюрреализм: последняя моментальная фотография европейской интеллигенции», где Достоевский будет объявлен, наряду с Рембо и Дюкассом (Лотреамоном), одним из создателей антибуржуазных «адских машин» разрушения традиционных этических и эстетических ценностей [12. С. 275].

Место князя Мышкина в эссеистике Бенямина на рубеже 1920–1930-х гг. занимает Ставрогин из «Бесов». В «Сюрреализме» Бенямин останавливается на неизданной при жизни Достоевского главе «У Тихона» с исповедью Ставрогина, сопоставляя соответствующий эпизод из «Бесов» с кошмарным изображением изнасилования и убийства девочки в третьей песне Мальдорора [17. С. 193–195]. Интересно, что, обнаружив параллели между Ставрогиным и Мальдорором, Бенямин более чем на двадцать лет опередил Альбера Камю, который в статье «Лотреамон и заурядность» (1951), включенной в книгу «Бунтующий человек», замечает: «Читая “Песни” (Мальдорора. – А.Е.), нельзя избавиться от мысли, что в этой книге недостает “Исповеди” Ставрогина» [17. С. 468].

Нарушая каноны академического литературоведения, Бенямин приписывает автору – Достоевскому – идеологическое оправдание зла, принадлежащее герою его романа: «Ставрогин – сюрреалист *avant la lettre*. Никто лучше него не понял, как наивно представление буржуа, что добро, при всех его человеческих достоинствах, – только от Бога; зло же – только от нас, в нем мы независимы и исходим исключительно из себя самих» [12. С. 276]. Это же утверждение о двойственной природе Бога, как считает Бенямин, разделял и Достоевский: «Бог Достоевского создал не только небо и землю, людей и животных, но и подлость, месть, жестокость» [12. С. 276].

На рубеже 1920–1930-х гг. Достоевский фактически воспринимается Беньямином в единой гностически-богоборческой линии, ведущей как минимум от Мильтона, Блейка, По, Бодлера и «проклятых поэтов» конца XIX в. к сюрреалистам. Такие мотивы начальной рецепции Достоевского, как «уязвленное детство» из эссе об «Идиоте», сохраняются, но осмысляются совершенно иным образом, в шокирующей, брутальной, провокационной перспективе модернистской эстетики. Сохраняется и характерная для большинства работ Беньямина теологическая аура, но она принимает все более еретический характер, обусловленный в том числе его коммунистическими симпатиями в 1920–1930-е гг.

Последний раз к Достоевскому Беньямин как критик и читатель обращается после 1933 г., в новой, предельно тяжелой для него ситуации эмигранта, утратившего контакт с немецкими издательствами и вынужденного полагаться на нерегулярные заказы французских журналов и издательств, а также Института социальных исследований во главе с Максом Хоркхаймером, переместившегося после 1933 г. в США и получившего впоследствии имя франкфуртской школы. В 1930-е гг. Беньямин сохраняет свои левые убеждения, поддерживает дружеские контакты с Брехтом, но при этом все более дистанцируется от сталинистского Советского Союза, его внутренней и внешней политики. Он поглощен как идейной борьбой с фашизмом, так и своим новым проектом исследований о парижских пассажах XIX в., поддержанным Институтом социальных исследований, так что на русскую тему у него остается немного времени.

Нерегулярным контактам с творчеством Достоевского Беньямин в это время обязан противоречивому влиянию Бертольта Брехта. В апологетической рецензии на «Трехгрошовый роман» Брехта (1935, при жизни Беньямина не опубликована) он сопоставляет это произведение с детективным романом, сравнивая его с сочинениями Достоевского и отдавая безусловное первенство немецкому автору: «Детективный роман, который в раннем периоде у Достоевского внес большой вклад в психологию, на вершине развития становится инструментом социальной критики. <...> Достоевского интересовала психология; он выводил на свет преступника, таящегося в каждом человеке. Брехта волнует политика; он раскрывает преступное начало, скрывающееся в любом деловом предприятии» [8. Bd. III. S. 447].

Как пишет Э. Вицисла, идея считать произведения Достоевского предшественниками «Трехгрошового романа» далась Беньямину нелегко [18. С. 240]. Возможно, к сравнению Достоевского и Брехта Беньямина подтолкнуло чтение осенью 1934 г. в Дании «Преступления и наказания». По словам Айленда и Дженнингса, он читал роман Достоевского во время приступа нефрита [14. С. 486]. Брехт, не являвшийся поклонником русского писателя, в свою очередь, откликнулся шуткой о том, что болезнь Беньямина была вызвана именно этим романом [14]. Сам Беньямин в это же время довольно раздраженно отзывался о Достоевском в письме к Вернеру Крафту, определяя главную черту «Преступления и наказания» как

«сумбур», царящий в душе у главного героя, передающийся самому автору и в итоге становящийся безграничным [14].

Так или иначе, но в рамках контактов с Брехтом и его окружением Бенямин принимает отвергавшийся им ранее тезис о психологизме Достоевского. Кроме того, в рецензии на «Трехгрошовый роман» он рассматривает творчество Достоевского сквозь призму детектива как «низкого» жанра – подход, который он прежде также игнорировал применительно к русскому писателю.

Вслед за рецензией на «Трехгрошовый роман» имя Достоевского появляется в эссе «Рассказчик» (1936), написанном по заказу редактора журнала «Ориент унд Окцидент» (Orient und Occident) Фрица Либа. Это – последняя завершенная работа Бенямина, посвященная России. В «Рассказчике» Достоевский играет роль «фоновой» фигуры как писатель, более всего знакомый современному немецкому читателю и призванный помочь ему лучше понять таких более «экзотических» авторов, как Лесков. Соответственно, знакомя немецкую читательскую аудиторию с Лесковым, Бенямин определяет его как автора, по своему интересу к крестьянскому миру близкого к Льву Толстому, а по религиозной ориентации – к Достоевскому [12. С. 383]. В «Рассказчике» еще звучат отголоски «еретической» рецепции Достоевского Бенямином в очерке о сюрреализме 1929 г. В восемнадцатой главе «Рассказчика» автор сближает Лескова с Достоевским, точнее, с его Ставрогиным, на почве «антиномистской» этики, признающей равноправие в мире доброго и злого начала [12. С. 414–415].

Наконец, еще один импульс для занятий Достоевским Беняминому в это время дает небольшая статья Лео Левенталя, одного из ведущих сотрудников Института социальных исследований и франкфуртской школы. В работе, напечатанной в 1934 г., Левенталь обратился к анализу восприятия Достоевского в Германии до Первой мировой войны, хотя некоторые аспекты и имена, упомянутые в его статье, оставались актуальными и для Веймарской Республики [9]. Основные тезисы Левенталя заключались в разоблачении реакционного влияния Достоевского на средний класс Германии, находящийся, по его мнению, в глубоком политическом и культурном упадке [9. Р. 173]. Разбирая причины огромной популярности Достоевского в Германии, Левенталь выделяет прежде всего сильнейшую тенденцию к мифологизации личности и творчества русского писателя. При анализе мифа о Достоевском критик подчеркивает, во-первых, замещение реального мира и его реальных проблем сугубо внутренними, психологическими проблемами [9. Р. 176]. Во-вторых, это «экзальтированная пассивность», отказ от деятельности, наделяемый в рамках мифа особой возвышенной значительностью [9. Р. 176–177]. Наконец, в-третьих, почитание Достоевского немецким средним классом и немецкой интеллигенцией вызвано, по Левенталю, склонностью отыскивать в его творчестве глубинные и непримиримые противоречия наподобие контраста «нигилизма и ортодоксии» [9. Р. 177]. Все три перечисленных фактора, как считает критик, являются базовыми элементами любой идеологии, служащей закреплению и прославлению существующих социальных противоречий [9. Р. 178].

Большую роль в анализе Левенталья играет также критика несостоятельности немецкого мифа о народности или русской душе у Достоевского. Главной мишенью для атаки здесь избраны писания Артура Меллера ван ден Брука, одного из главных представителей «консервативной революции» в Германии, издателя собрания сочинений Достоевского на немецком и автора многочисленных националистических трудов. Сочинения Меллера ван ден Брука Левенталь считает «классическим примером социальной интерпретации национальных мифов» [9. Р. 179] и упрекает его в том, что тот «отрицает связь Достоевского с великой традицией европейского, в особенности французского, реализма и натурализма и провозглашает несуществующую связь русского писателя с Гете» [9. Р. 179]. В целом же Достоевский в Германии, по Левенталю, используется как «интеллектуальное оружие против попыток реформировать общество» [9. Р. 181]. В этом смысле сам русский писатель рассматривается критиком как подлинный реакционер и «пророк тьмы» [9. Р. 181].

Политическая критика Достоевского и его консервативных пропагандистов в Германии переходит у Левенталья в анализ того, как в Германии восприняли психологическую сторону его произведений. Иронизируя над тем удовольствием, с каким немецкий средний класс и его интеллектуальные представители погружаются в «оргии» психологических интерпретаций Достоевского [9. Р. 184], Левенталь перечисляет наиболее характерные психологические факторы, обнаруживаемые немецкими критиками у Достоевского. Они могут быть сведены, во-первых, к хладнокровию, близкому к жестокости, с каким русский автор, подобно хирургу-анатому, препарирует человеческие души [9. Р. 185]. Во-вторых, это особая страсть Достоевского к исследованию темных и низменных сторон характера, к изображению человеческого «дна» как в психологическом, так и в социальном отношении [9. Р. 185]. «Жестокий талант» Достоевского, по мнению Левенталья, здесь полностью противоречит другой его стороне, восхваляемой в Германии, – его мистицизму и пиетету перед «тайнами человеческой души», неподвластными никаким хирургическим «лабораториям» [9. Р. 185].

За фасадом психологических и социальных фантазий немецкого среднего класса относительно непримиримых противоречий у Достоевского, по Левенталю, скрываются невротические проблемы, объяснимые с точки зрения психоанализа, прежде всего – с помощью фрейдистского механизма цензурирования или вытеснения запретных, «низких» импульсов, идущих из области бессознательного. Художественная форма, в том числе форма романа у Достоевского, позволяет обойти «фрейдовского цензора», разрешая в области эстетической то, что подвержено безусловному запрету с точки зрения моральных норм [9. Р. 186]. Это удовольствие от обхода запретов называется у Левенталья удовольствием от деградации [9. Р. 186], когда все низменное и отталкивающее в человеческой психике получает прописку в деклассированных романских фигурах преступника, проститутки, слабоумного, нищего и т.д. и тем самым легитимируется для «буржуазного» читателя эстетически.

Беньямин, бесспорно, должен был с особым вниманием прочитать статью Левенталья, так как в ней фактически затрагивались те же проблемы и подходы к Достоевскому, о которых он сам размышлял в своих текстах. Во-первых, образность раннего эссе Бенямина об «Идиоте», несмотря на провозглашенную связь с общечеловеческими, наднациональными ценностями, оказывается достаточно близкой к той националистической мифологизации Достоевского в Германии, которую подвергает резкой критике Левенталь. Во-вторых, психоаналитическая версия внутренней расколотости мира Достоевского, как и упоминание об анатомическом театре, лаборатории и хирургических инструментах анализа души, вызывают в памяти близкие по духу характеристики Достоевского как научного экспериментатора в эссе Бенямина об «Идиоте» («спектральный анализ» личности Мышкина), рецензии на книгу Шмелева и работе о сюрреализме. Далее, он мог уловить сходство в антипсихологическом пафосе статьи Левенталья и собственного прочтения «Идиота». Наконец, Бенямина должно было привлечь движение Левенталья к социологическому анализу литературы, в частности его анализ литературных влияний как один из способов идеологической и социологической критики немецкого среднего класса. В этом же направлении разворачивались и собственные работы Бенямина 1930-х гг.; некоторые предварительные подходы к социологии чтения нащупываются им в рецензии на «Человека из ресторана» Шмелева, где, как нам известно, говорится о создании Достоевским нового типа читателя.

В письме 1 июля 1934 г. к Левенталю Бенямин с похвалой отзывается о его статье, но при этом в вежливой форме указывает на свое эссе об «Идиоте», пропущенное в работе Левенталья. Помимо этой справки, Бенямин в характерном для него стиле вступает в учтивую, но при этом решительную полемику с автором по поводу восприятия и оценки Достоевского. Прежде всего, он стремится защитить Достоевского от его присвоения «мелкобуржуазными» немецкими интерпретаторами. Для Бенямина Достоевский – нечто гораздо большее, чем только предмет для бесплодных критических упражнений со стороны умирающего буржуазного класса [8. Bd. II.3. S. 978]. Примером позитивного истолкования Достоевского для Бенямина по-прежнему остается «Теория романа» Лукача, о которой он напоминает Левенталю [8. S. 979].

Под влиянием статьи Левенталья Бенямин набрасывает план переработки своего раннего эссе об «Идиоте» под названием «Новая критика “Идиота”» [8. S. 979–980]. К сожалению, этот замысел не был реализован. Но сохранившийся набросок плана дает общее представление о том, каким образом Бенямин собирался переосмыслить роман Достоевского в середине – второй половине 1930-х гг.

В наброске новой критики «Идиота» Бенямин нигде не ссылается на Левенталья, хотя заметки в начале плана указывают на полемический характер его замысла по отношению к статье последнего. Так, Бенямин сразу заявляет, что «Идиот» «не поддается психоаналитическому истолкованию» [8. S. 979] в силу того, что он отличается как отсутствием «эротиче-

ской маскировки», присущей «буржуазному» психологическому роману, так и наличием особой «анатомической» прямоты и непосредственности в выражении скрытых слоев души [8. S. 979]. Эта прямота, приводящая в том числе и к предельному сжатию решающих событий в романе, описывается Беньямином в уже известных нам по его прежним работам «хирургических» выражениях. Например, снятие зон эротической маскировки и сублимации уподобляется снятию кожи для анатомических препаратов [8. S. 979].

Стремясь, в скрытой полемике с Левенталем, сохранить статус Достоевского как великого писателя-новатора, ничем не обязанного мелкобуржуазной среде большинства его немецких читателей, Беньямин в своем наброске еще раз пытается обосновать эстетическую оригинальность русского писателя, на этот раз обращаясь к авторитету Шекспира и австрийца Гуго фон Гофмансталя. Беньямин дает ссылку на эссе Гофмансталя «О характерах в романе и драме» (1902), в котором, однако, нелегко усмотреть параллели как с Достоевским, так и с мыслями Беньямина о его творчестве. По-видимому, эссе Гофмансталя, одного из самых уважаемых Беньямином немецкоязычных авторов, подтолкнуло последнего к рассмотрению образа Мышкина в перспективе рассуждений о новых характерах в современном романе – мыслей, которые в эссе-диалоге Гофмансталя вкладываются в уста Оноре де Бальзака [19. С. 505–518].

Новаторство Достоевского описывается в узнаваемом для Беньямина стиле, через ряд неочевидных, парадоксальных образов и сравнений. Таково, например, сопоставление конфигурации персонажей у Достоевского с театральной сценой у Шекспира: «Достоевский на самом деле видит людей так, как Шекспир – природный ландшафт» [8. Bd. II.3. S. 979]. Человеческая природа и у Шекспира и у Достоевского в итоге сведена к первоначалам – к тому, что Беньямин объединяет здесь в комбинации «тщеты и вечности» (*Vergängnis und Ewigkeit*) [8. Bd. II.3. S. 979]. Здесь снова обнаруживается неприятие Беньямином психологических или, в равной мере, психоаналитических интерпретаций художественной литературы, его стремление по-феноменологически свести человеческие характеры к ряду базовых, основополагающих, в конечном итоге внехудожественных элементов. В этом смысле повествовательный темп «Идиота», по Беньямину, выходит за пределы романских конвенций, в отличие от «Братьев Карамазовых», которые, как пишет Беньямин, скрещиваются автором с эпосом и поэтому «кажутся больше по размеру, при этом оставаясь фрагментом» [8. Bd. II.3. S. 979]. В историко-литературной перспективе это замечание (детально не разработанное) о преодолении Достоевским границ европейского романа встречается еще в одной работе Беньямина – радиовыступлении на тему «Призвание Жида», посвященном 60-летию со дня рождения французского писателя (1929). Сравнивая романы Достоевского и Жида, Беньямин замечает, что произведения французского автора читаются как написанные художником слова, мастером формы, тогда как тексты русского писателя воспринимаются как произведения искусства только потому,

что они написаны Достоевским, т.е. освящены эстетическим авторитетом гения [8. Bd. VII.1. S. 267].

Еще одно оригинальное сравнение, употребленное Беньямином в своем наброске к «Идиоту», отсылает к уже известному нам эссе «Рассказчик», законченному несколько позже, в 1936 г. Это материалистический образ собираемой и распускаемой ткани, призванный описать сюжетное движение романа: ткань собирается, когда действие показывается глазами Мышкина, и распускается, когда события (ближе к концу романа) изображаются с точки зрения публики [8. Bd. II.3. S. 979]. «Ремесленный» характер этой метафоры, за которой скрывается фигура мастера, ткущего, подобно ткачу, материал своего рассказа и разворачивающего затем готовую «текстуру» перед зрителем-читателем, будет подробно разработан в «Рассказчике» в образе нарративной сети, сплетенной «тысячи лет назад в окружении самых древних форм ремесла» [12. С. 394].

Набросок эссе об «Идиоте» завершается краткой характеристикой действующих лиц романа, помещенной, вкуче с аллюзиями на шекспировскую «Бурю», в совершенно необычный для Беньямина контекст «волшебной сказки» (Feenmärchen) [8. Bd. II.3. S. 980]. Мышкин здесь описывается как персонаж, перед которым поставлена некая задача, которую он не в силах решить. Лебедев квалифицируется как Калибан, Рогожин – злой волшебник, Ганя Иволгин – его слуга, Коля Иволгин – Ариэль и т.д. [8. Bd. II.3. S. 980]. Обращает на себя внимание структуралистский контекст этого списка, который мог бы возникнуть, например, в рамках работы В.Я. Проппа «Морфология сказки», вышедшей в 1928 г. Беньямин вряд ли сам был знаком с этой работой (на немецком она была опубликована значительно позже), но мог узнать о ней от своих московских знакомых. В любом случае – так как новое исследование Беньямина об «Идиоте» осталось наброском, мы не можем узнать, в какую сторону бы двинулся в этой своей работе Беньямин – в сторону структурализма или в направлении материалистической эстетики «Пассажей», его последнего незавершенного проекта, посвященного изучению культуры XIX в. на материале французской метрополии.

К «Пассажам», состоящим из авторских фрагментов и выписок из чужих сочинений, вполне можно применить замечание Альбера Камю относительно отсутствия исповеди Ставрогина в «Песнях Мальдорора»: в таких разделах «Пассажей», как «Город мечты, дом мечты, мечты о будущем, антропологический нигилизм, Юнг» или «Фурье», не хватает ссылок на Достоевского. Если бы Беньямин читал «Зимние заметки о летних впечатлениях», он вполне мог бы включить их, в особенности эпизоды, посвященные «Хрустальному дворцу» и проституции в Лондоне, в подготовительные материалы к темам «Выставки, реклама, Гранвиль» или «Проституция, игра». Беньямин также прошел мимо увлечения молодого Достоевского французским утопическим социализмом (Сен-Симон, Фурье, Кабе и др.). Не касается Беньямин и страсти Достоевского к игре – последнее тем более примечательно, что оба автора были азартными игроками.

В завершение вернемся к нашему предположению о том, что рецепция Достоевского у Бенямина проходила в три этапа. Повторим, что ранняя работа об «Идиоте» Достоевского написана в контексте немецкой классико-романтической литературной традиции и культурно-философской проблематики рубежа XIX–XX вв. В то же время уже эссе об «Идиоте» содержит первые признаки секуляризации религиозно-метафизических понятий у Бенямина («бессмертие», «вечность», «юность», «детство»). С самых первых опытов немецкий критик не рассматривает творчество Достоевского в религиозном контексте, столь важном как для русского писателя, так и для его русских (и для большинства зарубежных) критиков и исследователей. Антиномия «национальное – общечеловеческое», верно подмеченная ранним Бенямином у Достоевского, не включает религиозных аспектов. Для сравнения: это же противоречие интерпретируется многими российскими и советскими авторами, изучавшими творчество Достоевского, именно как спор между русским национальным православием и общечеловеческим гуманизмом или «розовым» христианством французских социальных утопий, как об этом, следуя К.Н. Леонтьеву, писал В.Л. Комарович [20. Р. 119–120].

Позднее, с конца 1920-х гг., Бенямин все дальше отходит от универсалистских интерпретаций Достоевского, как метафизических, так и светско-гуманистических. Вместо изначального немецкого классико-романтического фона рассмотрения Достоевского на первый план выходит поэтика модернизма и авангарда, где скрещиваются различные литературные влияния, преимущественно французское, немецкое и русско-советское. Отходит на задний план и восприятие Достоевского как националиста, уступая место своеобразному «антропологическому нигилизму»¹, видящему в Достоевском прежде всего партикуляриста и богоборца.

На третьем этапе рецепции «сатанизм» Достоевского, обусловленный впечатлением Бенямина от фигуры Ставрогина, смягчается и по сути заменяется анализом романной поэтики Достоевского, оставшимся, к сожалению, одним из многих незавершенных проектов немецкого критика.

Подчеркнем еще раз: Вальтер Бенямин никогда не был и никогда не считал себя специалистом по Достоевскому. Его опыт прочтения и оценки русского писателя, скорее, обусловлен потребностями его собственной интеллектуальной эволюции, развертывавшейся в рамках западноевропейской философской культурной и художественной традиции Просвещения, романтизма и модерна XVIII–XX вв. В то же время тезисы Бенямина относительно экспериментальной, модернистской поэтики романа у Достоевского и его антипсихологизма заставляют вспомнить о похожих тенденциях в российском и советском достоевсковедении 1910–1920-х гг. Например, в «Проблемах творчества Достоевского» М.М. Бахтина (1929) говорится о революционном новаторстве Достоевского в области романа как художественной формы [21. С. 8]. Как и Бенямин, Бахтин отрицает традиционное восприятие Достоевского как психолога, опираясь при этом на

¹ Этот термин был употреблен Бенямином в «Пассажах», см.: [8. Bd. V.I. S. 507].

известное высказывание из записной книжки Достоевского о том, что он – «реалист в высшем смысле» [21. С. 77]. Этот «реализм в высшем смысле» проходит у Беньямина через ряд идейных трансформаций, начинаясь с философского универсализма ранних работ, укорененных в немецкой интеллектуальной традиции, и завершаясь включением русского писателя в новый интернациональный канон модернистской поэтики XX в.

Литература

1. Азадовский К.М., Дудкин В.В. Достоевский в Германии (1846–1921) // Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 659–740.
2. Геризк Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / авториз. пер. с нем. и науч. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома; Нестор-История, 2016. 320 с.
3. Логос. Т. 28. 2018. № 1 (122). Беньямин.
4. Romaschko S.A. Zur russischen Literatur und Kultur / «Moskauer Tagebuch» // Benjamin-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung / hrsg. von B. Lindner unter Mitarbeit von Th. Küpper u. T. Skrandies. Stuttgart, Weimar : Metzler, 2011. S. 343–358.
5. Стрельникова А.А. Вальтер Беньямин о русской литературе // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2014. № 5. С. 66–73.
6. Ерохин А.В. Вальтер Беньямин и Россия // Россия – Германия: литературные встречи (1880–1945) / отв. ред. Т.В. Кудрявцева. М., 2017. С. 90–120.
7. *The Correspondence of Walter Benjamin. 1910–1940* / ed. and annotated by G. Sholem and Th. W. Adorno ; trans. from German by M.R. Jacobson and E.M. Jacobson. Chicago : Chicago University Press, 1994. 651 p.
8. Benjamin W. Gesammelte Schriften / hrsg. von R. Tiedemann u. H. Schweppenhäuser, unter Mitwirkung von Th.W. Adorno u. G. Scholem. 7 Bände u. Supplement. Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1972–1999.
9. Löwenthal L. The Reception of Dostoevsky in Pre-World War I Germany // Löwenthal L. Communication in Society. Vol. 1: Literature and Mass Culture. New Brunswick and London : Transaction, 2016. P. 173–193.
10. Шолем Г. Вальтер Беньямин – история одной дружбы / пер. с нем. Б. Скуратова ; под ред. Т. Набатниковой. М. : Грюндриссе, 2014. 464 с.
11. Rabinbach A. In the Shadow of Catastrophe: German Intellectuals between Apocalypse and Enlightenment. Berkeley : University of California Press, 1997. VIII, 263 p.
12. Беньямин В. Маски времени: Эссе о культуре и литературе / сост., предисл. и прим. А.В. Белобратова. СПб. : Симпозиум, 2004. 480 с.
13. Лукач Д. Теория романа / пер. с нем. Г. Бергельсона // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 19–78.
14. Айленд Х., Дженнингс М.У. Вальтер Беньямин: критическая жизнь / пер. с англ. Н. Эдельмана ; под науч. ред. В. Анашвили, И. Чубарова. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 720 с.
15. Беньямин В. Озарения / пер. с нем. Н.М. Берновской, Ю.А. Данилова, С.А. Ромашко. М. : Мартис, 2000. 376 с.
16. Tihanov G. The birth and death of literary theory: regimes of relevance in Russia and beyond. Stanford, California : Stanford University Press, 2019. 302 p.
17. Лотреамон. Песни Мальдорора. Стихотворения. Лотреамон после Лотреамона / сост., ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М. : Ad Marginem, 1998. 672 с.
18. Вицисла Э. Беньямин и Брехт – история дружбы / пер. с нем. под ред. С.А. Ромашко. М. : Грюндриссе, 2017. 456 с.

19. *Гофмансталь Г. фон. Избранное* / пер. с нем. ; предисл. Ю.И. Архипова ; коммент. Э.В. Венгеровой. М. : Искусство, 1995. 846 с.
20. *Комарович В.Л. «Мировая гармония» Достоевского* // О Dostoevskom. Stat'i. Reprint / introd. by D. Fanger. Providence, Rhode Island : Brown University Press, 1966. P. 119–149.
21. *Бахтин М.М. Собрание сочинений* : в 7 т. / под ред. С.Г. Бочарова, В.В. Кожинова. Т. 2. М. : Русские словари, 2000. 800 с.

Fyodor Dostoevsky in Walter Benjamin's Assessment

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 212–231. DOI: 10.17223/19986645/72/11

Alexander V. Erokhin, Kalashnikov Izhevsk State Technical University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: erochin@yandex.ru

Keywords: Walter Benjamin, Fyodor Dostoevsky, *The Idiot*, *Demons*, youth, poetics of novel, modernism, psychoanalysis.

The aim of the article is to discuss the reception of Fyodor Dostoevsky's oeuvre by the German author Walter Benjamin. This reception, which has never been the subject of a special study, is analyzed on the basis of Benjamin's texts which contain references to Dostoevsky. Among them are articles and fragments devoted exclusively to Dostoevsky as well as allusions to him in other Benjamin's works. Based on a literary analysis of the original sources, three stages in the development of Benjamin's attitude towards Dostoevsky were identified. The first stage covers the late 1910s – early 1920s and includes an early essay on Dostoevsky's *The Idiot* accompanied by other texts concerned with issues of youth, childhood, and immortality which were crucial for the young Benjamin. The first period can be described in cultural and philosophical terms of the "fin de siècle" with its focus on secularization of universal religious and metaphysical concepts, as it was expressed in Benjamin's early works including those dedicated to Dostoevsky. The young Benjamin views Dostoevsky primarily within the framework of German classical and romantic literature (Goethe, Hölderlin, Jena Romanticism). The second stage (late 1920s – early 1930s) is characterized by Benjamin's continuing departing from universalist interpretations of Dostoevsky. Within his own concept of "anthropological nihilism", Benjamin begins to see Dostoevsky as more of a particularist and heretical author with strong modernist traits. A significant role in this change played Benjamin's fascination with French surrealism, about which he wrote a number of articles since the second half of the 1920s. The last stage, which begins in 1933 and ends with Benjamin's death in 1940, is marked by his increased interest both in general sociological aspects of literature and Dostoevsky's art of novel and narration. This final turn was caused, inter alia, by Leo Löwenthal's essay on the reception of Dostoevsky in pre-World War I Germany (1934), in which Löwenthal linked Dostoevsky both with reactionary attitudes of the German middle class and the ideas of psychoanalysis. All in all, Benjamin's dynamics of reading and assessing Dostoevsky were driven by his personal intellectual evolution, which unfolded within the framework of Western European philosophical, cultural, and artistic tradition of modernism. At the same time, Benjamin's reflections on Dostoevsky's experimental, modernist poetics and the antipsychological character of his novels may remind us of similar trends in Russian and Soviet studies on Dostoevsky in the 1910s–1920s (Bakhtin, Komarovich). Dostoevsky's realism went through a series of intellectual transformations in Benjamin, starting with the philosophical universalism of his early works rooted in the German intellectual tradition and ending with the inclusion of the Russian writer in the new international canon of modernist poetics of the twentieth century.

References

1. Azadovskiy, K.M., Dudkin, V.V. (1973) Dostoevskiy v Germanii (1846–1921) [Dostoevsky in Germany (1846–1921)]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 86. Moscow: Nauka. pp. 659–740.

2. Gerigk, H.-J. (2016) *Literaturnoe masterstvo Dostoevskogo v razvitii. Ot "Zapisok iz Mertvogo doma" do "Brat'ev Karamazov"* [Dostoevsky's literary mastery in development. From "Notes from the House of the Dead" to the "Brothers Karamazov"]. Translated from German and edited by K.J. Lappo-Danilevskiy. St. Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma; Nestor-Istoriya.

3. Logos. (2018) 28:1 (122). Ben'yamin [Benjamin].

4. Romaschko, S.A. (2011) Zur russischen Literatur und Kultur / "Moskauer Tagebuch". In: Lindner, B., Küpper, Th. & Skrandies, T. (eds) *Benjamin-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung*. Stuttgart, Weimar: Metzler. pp. 343–358.

5. Strel'nikova, A.A. (2014) Val'ter Ben'yamin o russkoy literature [Walter Benjamin on Russian Literature]. *Vestnik MGOU. Russkaya filologiya*. 5. pp. 66–73.

6. Erokhin, A.V. (2017) Val'ter Ben'yamin i Rossiya [Walter Benjamin and Russia]. In: Kudryavtseva T.V. (ed.) *Rossiya – Germaniya: literaturnye vstrechi (1880–1945)* [Russia – Germany: Literary Encounters (1880–1945)]. Moscow: IWL RAS. pp. 90–120.

7. Sholem, G. & Adorno, Th.W. (eds) (1994) *The Correspondence of Walter Benjamin. 1910–1940*. Translated from German by M.R. Jacobson and E.M. Jacobson. Chicago: Chicago University Press.

8. Benjamin, W. (1972–1999) *Gesammelte Schriften*. Hrsg. von R. Tiedemann u. H. Schweppenhäuser, unter Mitwirkung von Th.W. Adorno u. G. Scholem. 7 Bände u. Supplement. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

9. Löwenthal, L. (2016) *Communication in Society*. Vol. 1: Literature and Mass Culture. New Brunswick and London: Transaction. pp. 173–193.

10. Sholem, G. (2014) *Val'ter Ben'yamin – istoriya odnoy druzhby* [Benjamin and Brecht: The Story of a Friendship]. Translated from German by B. Skuratov. Moscow: Grundrisse.

11. Rabinbach, A. (1997) *In the Shadow of Catastrophe: German Intellectuals between Apocalypse and Enlightenment*. Berkeley: University of California Press.

12. Benjamin, W. (2004) *Maski vremeni. Esse o culture i literature* [The Masks of Time. Essays on Culture and Literature]. Translated from German. St. Petersburg: Simpozium.

13. Lukács, G. (1994) *Teoriya romana* [The Theory of the Novel]. Translated from German by G. Bergel'son. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 9. pp. 19–78.

14. Eiland, H. & Jennings, M.W. (2018) *Val'ter Ben'yamin: kriticheskaya zhizn'* [Walter Benjamin: A Critical Life]. Translated from English by N. Edelman. Moscow: Delo RANHiGS.

15. Benjamin, W. (2000) *Ozareniya* [Illuminations]. Translated from German by N.M. Bernovskaya, Yu.A. Danilov, S.A. Romashko. Moscow: Martis.

16. Tihanov, G. (2019) *The birth and death of literary theory: regimes of relevance in Russia and beyond*. Stanford, California: Stanford University Press.

17. Lautréamont. (1998) *Pesni Maldorora. Lotreamon posle Lotreamona* [The Songs of Maldoror. Lautréamont after Lautréamont]. Translated from French. Moscow: Ad Marginem.

18. Wizisla, E. (2017) *Ben'yamin i Brecht – istoriya druzhby* [Benjamin and Brecht: The Story of a Friendship]. Translated from English. Moscow: Grundrisse.

19. Hofmannsthal, H. von. (1995) *Izbrannoe* [Selected Works]. Translated from German by Yu.I. Arkhipov. Moscow: Iskustvo.

20. Komarovich, V.L. (1966) "Mirovaya garmoniia" Dostoevskogo [Dostoevsky's "World Harmony"]. In: *O Dostoevskom. Stat'i*. Reprint. Introd. by D. Fanger. Providence, Rhode Island: Brown University Press. pp. 119–149.

21. Bakhtin, M.M. (2000) *Sobranie sochineniy v 7 tomakh* [Collected Works in 7 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Russkie slovari.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/72/12

С.С. Жданов

НЕМЕЦ КАК ГЕРОЙ ПУТИ (ПО ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «ДУЭЛЬ»)

Рассматривается связь образа фон Корена, героя повести А.П. Чехова «Дуэль», с типажными немцами русской литературы XIX в. в контексте предложенной Ю.М. Лотманом пространственной типологии героев. Акцентируется наличие в образе чеховского персонажа как черт, присущих немецким типажам, героям места (приверженность теории, прямолинейность, интенция к упорядочиванию пространства), так и мотива уклонения от прямолинейного движения, характеризующего фон Корена как способного на изменение героя пути.

Ключевые слова: А.П. Чехов, имагология, этностереотип, немецкость, герой-немец, герой пути, образ ученого, русская литература

Творческие и биографические связи А.П. Чехова с Германией рассматриваются в современном литературоведении в различных аспектах – от исследования идейных переключек творчества русского писателя с немецкой философией (например, в статьях К. Йетле [1], Т. Копылович [2], Е. Себиной [3]) до изучения его «предсмертного» путешествия на немецкий курорт (Р.Д. Клуге [4], Р. Лангендёрфер [5]).

Еще одним вопросом в рамках данной проблематики является рассмотрение маркируемых немецкостью чеховских персонажей в работах таких исследователей, как В.С. Абрамова [6], Т.О. Буглак [7], У. Даннеман [8], О.С. Крюкова [9], Д.Л. Рясов [10], К. Хильшер [11]. При этом указанные авторы в своих рассуждениях отталкиваются от феноменов этностереотипа и литературного штампа, т.е. типажа как особого устойчивого способа описания героя-немца в русской литературе. Так, исследователи отмечают частое обращение А.П. Чехова к немецкому типуажу в его ранних рассказах, в которых, по мнению О.С. Крюковой, «...все “немецкое” становится богатейшим источником комического» [9. С. 89].

Сложнее обстоит дело с образами немцев в «средний» и поздний периоды чеховского творчества, которые выделяют исследователи, что представляет для нас особый интерес, поскольку рассматриваемая в данной статье повесть «Дуэль» не относится к ранним произведениям А.П. Чехова. Наиболее радикальной в связи с этим представляется позиция К. Хильшера, утверждающей, что «нет ни одного рассказа среднего и позднего периода, который бы имел в качестве главной темы национальную проблематику»¹ [11. С. 629]. Причем, по утверждению исследовательницы, чеховские «герои с немецкими именами вообще не соответствуют стереоти-

¹ Здесь и далее перевод с немецкого наш. – С.Ж.

пам, выработанным в русской литературной традиции» [11. С. 630–631]. Менее категорична У. Даннеман, придерживающаяся эволюционной точки зрения на развитие «немецких» чеховских образов как на «деконструкцию стереотипов»: «Сначала в прозе он показал немцев очень стереотипно, потом в драматургии он их изобразил индивидуальными характерами» [8. С. 11]. При этом исследовательница считает героя чеховской повести «Дуэль» с немецкой фамилией фон Корен неким переходным этапом, когда наблюдается стремление автора внести в характеристику немецкого образа нетипичные свойства.

Второй, «эволюционный», подход представляется нам более взвешенным. Тем более что, как показали еще А.В. Жуковская, Н.Н. Мазур, А.М. Песков, немецких литературных типажей в русской литературе имеется целое множество [12]. В частности, чеховский образ зоолога фон Корена имеет, что будет показано далее, определенные черты сходства с типажом немца-ученого [13], хотя и далеко не исчерпывается ими.

Для более адекватного суждения о немецкости либо ненемецкости героя повести «Дуэль» следует обратиться к классификации персонажей, предложенной Ю.М. Лотманом, который, в частности, выделяет героев пути и героев места, т.е. характеризует их через пространство. Герой места статичен, связан с определенным закрытым локусом, тогда как «герой пути перемещается по определенной пространственно-этической траектории в линейном *spatium'e*» [14. С. 417]. Образы таких персонажей определяются «открытым пространством» [14. С. 417] и отличаются от образов героев места большей индивидуализацией, что вытекает из медиационной функции пути, который, по В.Н. Топорову, «...нейтрализует противопоставления этого и того, своего и чужого, внутреннего и внешнего, близкого и далекого... “культурного” и “природного”, видимого и невидимого, сакрального и профанического...» [15. С. 260]. В результате образ героя пути, связанного с множеством гетерогенных локусов, является более сложным, чем образ героя одного определенного пространства.

Эта лотмановская типология персонажей ранее была использована нами для анализа немецкой образности в русской литературе XIX в. [16]. Было показано, что немцы – герои места обладают большей типажностью, чем маркированные немецкостью герои пути. Позднее к данной классификации уже при характеристике чеховского фон Корена прибегает и Т.О. Буглак, которая подчеркивает: «...как фон Корен, так и Лаевский, по типологии Ю.М. Лотмана, являются героями подвижными в противовес героям неподвижным, о которых мы говорили ранее» [7. С. 261], т.е. немецким персонажам из чеховского раннего периода. Отметим, что и В.С. Абрамова прибегает к понятию динамики при определении специфики изображения Другого в дальнейшем творчестве А.П. Чехова: «В отличие от ранних рассказов... в более поздних текстах образы иноземцев отличаются динамичностью» [6. С. 132]. У. Даннеман прямо подчеркивает: «Фон Коррен изображен не статично, как другие немцы» [8. С. 16]. Несмотря на вышеприведенные замечания, следует отметить, что в литературоведении образ че-

ховского фон Корена в аспекте его типажной немецкости ранее подробно не рассматривался. Данная имагологическая работа заполняет эту лакуну, представляя персонажа как индивидуализированного героя пути, в образе которого, однако, есть элементы, характерные для типажного немца.

Эти особенности образа фон Корена становятся понятны при его сопоставлении с другими образами героев-немцев в русской литературе. Так, своей приверженностью теории, уверенностью в ее непогрешимости чеховский персонаж напоминает типажных немцев-ученых, например френолога Шишкеногольма из прутковской оперетты «Черепослов, сиречь Френолог», утверждавшего: «...профессор френологии может всегда безошибочно узнать: кто способен и кто не способен любить...» [17. С. 222]. Аналогично фон Корен, наблюдавший за своим антагонистом Лаевским, совершенно уверен в испорченности последнего. В желании уничтожить противника и доказать собственную правоту чеховский немец готов идти до конца, даже подвергая свою жизнь риску, что роднит его с обладателем «железной воли» — лесковским инженером Пекторалисом, соперничавшим до самой смерти с безвольным Сафронычем. Причем путешествующий по России немецкий герой Н.С. Лескова парадоксально выступает героем места: перемещаясь в «физическом» художественном пространстве произведения, он остается недвижим и неизменен в пространстве этическом. Точно так же движется, но не меняется преданный своей теории комический ученый-немец Шпурцман из рассказа О. Сенковского «Ученое путешествие на Медвежий остров» [18]. Сходную жесткость, неизменность в своих представлениях о мире проявляет в начале чеховской повести и фон Корен.

С типажными немцами фон Корена роднит также мотив обывательского самолюбования как признака самозамкнутости, эгоцентричности, что проявляется в сцене рассматривания героем себя в зеркале: «Самосозерцание доставляло ему... удовольствие... Он был очень доволен и своим лицом, и красиво подстриженной бородкой, и широкими плечами, которые служили очевидным доказательством его хорошего здоровья и крепкого сложения. Он был доволен и своим франтовским костюмом, начиная с галстука, подбранного под цвет рубахи, и кончая желтыми башмаками» [19. С. 367].

В то же время в портретном описании фон Корена автором подчеркивается ненемецкость внешности героя: «...смуглое лицо, большой лоб и черные, курчавые, как у негра, волосы» [19. С. 367]. Вообще, в этом образе обнаруживается сочетание разнорасовых характерных черт: немецких, африканских (сопоставление с негром, а также азиатских (через изображение элементов одежды): «рубаха из тусклого ситца с крупными цветами», «похожего на персидский ковер», «широкий кожаный пояс вместо жилетки» [19. С. 367]. Указание на Персию, кроме аллюзий общеориенталистского толка, характерных для кавказского текста, может восприниматься как ницшеанская реминисценция о Заратустре, немце в иранской «маске». Национальная неопределенность образа фон Корена проступает и в том, что он не является немцем в глазах его друга, доктора Самойленко. Последний упрекает Корена за его ярко выраженные социал-

дарвинистские идеи, источником которых объявляется немецкая мысль: «...ты ученейший, величайшего ума человек и гордость отечества, но тебя немцы испортили» [19. С. 376]. Оставаясь на позиции, что «...всё зло в политике и науке происходило от немцев» [19. С. 376], доктор не включает в их число своего друга.

В повести в связи с фон Кореном фиксируются два пространственных варианта. Первый из них – предполагаемый – задан его антагонистом Лаевским. Этот локус имеет сходство с типажным идиллическим хронотопом, напоминающим штольцевскую усадьбу, увитую виноградом, в финале романа И.А. Гончарова, или дом «добродетельного фатера» в романе «Игрок» Ф.М. Достоевского. Лаевский заявляет доктору Самойленко: «Если бы вместо меня был ты или этот твой зоолог фон Корен, то вы, быть может, прожили бы с Надеждой Федоровной тридцать лет и оставили бы своим наследникам богатый виноградник и тысячу десятин кукурузы...» [19. С. 355–356].

Однако честолюбивый зоолог не довольствуется итоговым пространством штольцевского масштаба. Фон Корен желает осуществить то, в чем заключается изначальный идеал освоения мира Штольцем – всеохватность: «Учиться хочет, все видеть, знать» [20. С. 54]. Для фон Корена это означает волю к исследованию (= покорению) русского простора, что сближает героя с лесковским Пекторалисом, чья идея фикс – «все подчинять» [21. С. 15]. Этот большой упорядоченный локус – второй, «истинный», пространственный вариант образа фон Корена. При этом, как и герой Н.С. Лескова, чеховский немец не просто грезит о власти над пространством Чужого, но строит четкие планы, что согласуется с традицией изображения немецкой типажности в русской литературе: «Через два года, когда у меня будут готовы средства и люди, я отправлюсь в экспедицию <...> Я пройду берегом от Владивостока до Берингова пролива и потом от пролива до устья Енисея. Мы начертим карту, изучим фауну и флору и обстоятельно займемся геологией, антропологическими и этнографическими исследованиями»¹ [19. С. 383]. Заметим, что фон Корен, строя фразу, использует не условный союз «если», а временной «когда»: в хронотопе его путь определен им не как возможная линия движения, а как предначертанная ему типажная «немецкая колея»².

¹ При определенном сходстве сцен из чеховской повести, где фон Корен убеждает дьякона бросить все и поехать с ним в экспедицию к Енисею, и вышеупомянутого рассказа О. Сенковского, когда Шпурцман уговаривает барона Бромбеуса отправиться к устью Лены, есть между ними и различие. Шпурцман делает акцент на возможности «сделать какое-нибудь важное для науки открытие» [18. С. 41], а фон Корен – на шанс «перестать быть обыкновенным дьяконом» и стать «другим человеком». [19. С. 384], т.е. при общем элементе жажды славы в последнем случае подчеркнут момент внутренней трансформации, т.е. пути.

² В русской литературе, как правило, путь героя-немца предзадан, линейен и различается обычно лишь масштабом охвата пространства. Это может быть «узенькая немецкая колея», как у Штольца-старшего или гоголевского жестянщика Шиллера, либо «широкая дорога» не вполне типажного Штольца-сына [20. С. 161].

Та же самая воля утверждения своего *Я* в пространстве заставляет зоолога, как считает Лаевский, заниматься исследованием медуз на Кавказе, на побережье Чёрного моря, а не в более пригодных для этого условиях: «Все серьезные зоологи работают на биологических станциях в Неаполе или Villefranche. Но фон Корен самостоятелен и упрям: он работает на Черном море, потому что никто здесь не работает; он порвал с университетом, не хочет знать ученых и товарищей, потому что он прежде всего деспот, а потом уж зоолог» [19. С. 398].

Причём герой покоряет как биологическое, так и городское социальное пространство, центр которого он образует: «...живет он второе лето в этом вонючем городишке, потому что лучше быть первым в деревне, чем в городе вторым. Он здесь король и орел; он держит всех жителей в ежах и гнетет их своим авторитетом. Он прибрал к рукам всех, вмешивается в чужие дела, всё ему нужно и все боятся его» [19. С. 398]. По мнению Лаевского, высшая цель фон Корена – стать повелителем окружающего пространства (наподобие лесковского Пекторалиса): «Ему нужна пустыня, лунная ночь: кругом в палатках и под открытым небом спят его голодные и больные, замученные тяжелыми переходами казаки, проводники, носильщики, доктор, священник, и не спит только один он и, как Стэнли, сидит на складном стуле и чувствует себя царем пустыни и хозяином этих людей» [19. С. 397].

Столь же типажно немецким изображается *Я* героя (как, по В.Н. Топорову, «ось раз-ворота» [15. С. 239]), проявляющееся через самоактуализацию в пространстве: «Это натура твердая, сильная, деспотическая» [19. С. 397]. Мотив дисциплинарно-насилованного упорядочивания человеческого естества, т.е. внутреннего элемента, коррелирующего с внешним пространством, можно усмотреть также в реплике фон Корена, порицающего русского дьякона за то, что тот, «по-видимому», «никогда» не будет «заниматься делом»: «Бить вас некому!» [19. С. 368].

Образ фон Корена, равно как и Штольца, отмечен мотивом непрерывного движения. Гончаровский персонаж постоянно «путешествует» [20. С. 54], или, в интерпретации раздосадованного домоседа-Обломова, «чёрт знает где шатается!» [20. С. 39]. Также и фон Корен «...идет, идет, идет куда-то...» [19. С. 397]. Но если финальной точкой пути Штольца становится идиллическое пространство его дома, то пространственные перемещения чеховского героя могут закончиться лишь с его смертью: «...люди его... мрут один за другим, а он – идет и идет, в конце концов погибает сам и все-таки остается деспотом и царем пустыни, так как крест у его могилы виден караванам за тридцать-сорок миль и царит над пустыней» [19. С. 397].

Но даже гибель героя становится манифестацией его пространственного самоутверждения (крест здесь выступает вертикальной «мировой» осью, зримым воплощением непоколебимого немецкого *Я*). Аналогичным образом лесковский Пекторалис своей смертью стремится заявить о торжестве железной воли. Показательна в этом смысле финальная сцена чеховской повести, в которой фон Корен отправляется на лодке в бурлящее зимнее

море, собираясь пересечь на пароход: «Лодка... вышла на простор. Она исчезла в волнах, но тотчас же из глубокой ямы скользнула на высокий холм...» [19. С. 454]. Подобно лесковскому инженеру, ученый из чеховской повести устремляется в пространство смертельной водности. По аналогии с Пекторалисом, совершающим свой путь сквозь застуженную Россию во имя осуществления своей цели, фон Корен, невзирая на угрозу жизни, вновь отправляется подчинять себе неупорядоченное российское пространство.

Амбициозностью фон Корен также похож на разъезжающего по Сибири ученого Шпурцмана из сатирического произведения О. Сенковского, который, между прочим, тоже согласен проститься с жизнью после свершения «великого» открытия. Признание достижений будущей экспедиции необходимо чеховскому герою, поскольку он хочет самоутвердиться в научной сфере и, более того, преобразовать ее в соответствии со своими правилами: «Он уж и теперь мечтает, что когда вернется из экспедиции, то выкурит из наших университетов интригу и посредственность и скрутит ученых в бараний рог» [19. С. 398].

Однако в волевой устремленности беспрестанного движения немца, с точки зрения Лаевского, имеются не только смертельные, но и жизнеутверждающие элементы. Неожиданно фон Корен включается в ряд бесчисленных русских странников, правдоискателей, ведомых верой в существование пространства истины. Образ лодки, уносящей героя в морскую даль, символизирует борьбу не столько немецкой, сколько человеческой воли с жизненным хаосом: «Лодку бросает назад <...> делает она два шага вперед и шаг назад, но гребцы упрямы, машут неумоимо веслами и не боятся высоких волн. <...> Так и в жизни... В поисках за правдой люди делают два шага вперед, шаг назад. Страдания, ошибки и скука жизни бросают их назад, но жажда правды и упрямая воля гонят вперед и вперед. И кто знает? Быть может, доплывут до настоящей правды...» [19. С. 455]. В данном случае мотив беспрестанного движения типажного немца как воплощения протестантского трудового этоса для штотльцевского варианта в романе И.А. Гончарова или пресловутого *Drang nach Osten* в «Железной воле» Н.С. Лескова у А.П. Чехова получает новую интерпретацию в качестве мотива русского правдоискательства. Данная смена «национальных регистров» фиксирует характерное для отечественной культуры понимание пути как устремления к священной истине: «...стремление к святости подразумевает необходимость отказаться от оседлой жизни и отправиться в путь. Разрыв с грехом мыслился как уход, пространственное перемещение» [22. С. 408]. Это, однако, не отменяет того, что реализатором этого торжества воли в секуляризованном варианте выступает герой, образ которого имеет черты немецкости, причем с «германской» отсылкой к нищезанятию.

Наряду с этим в чеховском тексте можно обнаружить определенную сюжетную амбивалентность, из-за чего финал произведения оказывается неоднозначным. В данном случае выявляется нарративное балансирование между уже указанным нами сюжетом упорядочивания неменяющимся

немцем окружающего пространства и сюжетом нравственной трансформации немца под влиянием внешнего мира.

Так, перемещаясь в пространстве Чужого, фон Корен стремится данное пространство упорядочить с помощью дисциплинирующих действий: «Из него вышел бы превосходный, гениальный полководец. Он умел бы топить в реке свою конницу и делать из трупов мосты...» [19. С. 397]. В этом случае герой похож на немецких генералов из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» с их фантазиями о целерациональных линейных перемещениях военных колонн: «Для этой цели необходимо... Первая колонна марширует... вторая колонна марширует... третья колонна марширует...» [23. С. 330].

Лаевский винит фон Корена в том, что реальных людей последний не видит. Для него имеет значение упорядочивание мира ради выживания человечества в соответствии с идеями социального дарвинизма, иначе говоря, действительность должна подчиниться плану героя-немца: «Для фон Корена же люди – ценки и ничтожества, слишком мелкие для того, чтобы быть целью его жизни» [19. С. 398]. В данном случае актуализируется образ ученого-рационалиста, воспринимающего жизнь как абстракцию и вследствие этого не ценящего ее: «Он работает, пойдет в экспедицию и свернет себе там шею не во имя любви к ближнему, а во имя таких абстрактов, как человечество, будущие поколения, идеальная порода людей» [19. С. 398].

По мысли Лаевского, фон Корен сводит антропное к биологическому уровню, нивелирующему значение индивида по отношению к виду: «Он хлопочет об улучшении человеческой породы, и... мы для него только рабы, мясо для пушек, выючные животные; одних бы он уничтожил или законопатил на каторгу, других скрутил бы дисциплиной, заставил бы, как Аракчеев¹, вставать и ложиться по барабану, поставил бы евнухов, чтобы стеречь наше целомудрие и нравственность, велел бы стрелять во всякого, кто выходит за круг нашей узкой, консервативной морали, и всё это во имя улучшения человеческой породы...» [19. С. 398].

Для фон Корена упорядочение мира в соответствии с его взглядами предполагает искоренение стихийного, дезорганизирующего элемента. В этом случае происходит пересечение сюжета переделывания мира и сюжета вытеснения Чужого за пределы упорядоченного, поскольку крайний вариант трансформации пространства как своего рода «апокатастасиса» подразумевает для немца физическое устранение Чужого как мирового зла. Фон Корен рассчитывает упорядочивать социальное пространство двумя способами. Согласно первому маргиналов необходимо помещать в особые «анклавы», где на них станут воздействовать силой или тяжким трудом, приучая к дисциплине: «Уничтожить Лаевского нельзя, ну так изолируйте его, обезличьте, отдайте в

¹ Показательно, что, как и в работе А.И. Герцена «Русские немцы и немецкие русские», в чеховской повести мотив немецкого дисциплинирования связывается с образом Аракчеева: «Аракчеев <...> был... по службе немец и, не отдавая себе никогда отчета, выбивал из солдата и мужика не только русского, но и человека» [24. С. 150].

общественные работы...» [19. С. 375]; «По-моему, самый прямой и верный путь – это насилие. *Manu militari* ее следует отправить к мужу, если муж не примет, то отдать ее в каторжные работы или какое-нибудь исправительное заведение» [19. С. 393–394].

Второй путь, по фон Корену, – это физическое изъятие нарушителя порядка из пространства посредством его убийства. Фон Корен не единожды склоняется к мысли о желательности смерти Лаевского: «Вот уж кого мне не жаль! <...> Если бы этот милый мужчина тонул, то я бы еще палкой подтолкнул: тони, братец, тони...»¹ [19. С. 368–369]; «Лаевский безусловно вреден и так же опасен для общества, как холерная микроба <...> Утопить его – заслуга» [19. С. 369]; «...мы должны сами позаботиться об уничтожении хилых и негодных, иначе, когда Лаевские размножатся, цивилизация погибнет...» [19. С. 376]. В итоге зоолог, воспользовавшись неуравновешенностью противника, вызывает его на дуэль, неукоснительно следуя, подобно типажному «доброму немцу», своему плану.

Для движения фон Корена, как и Штольца², характерна прямолинейность: «...самый прямой и верный путь – это насилие» [19. С. 393]; «Смотрите в глаза черту прямо...» [19. С. 432]. Аналогично Штольцу чеховский ученый стремится к определенности и в словах и в поступках: «Мы проклинаям порок только за глаза, а это похоже на кукиш в кармане» [19. С. 393]. В данный образный ряд прямолинейности включается и «дуло пистолета» фон Корена, «направленное прямо в лицо» Лаевскому [19. С. 447]. Русский герой склонен уклоняться от всего и вся и даже под страхом смерти не может наставить свое оружие прямо на противника, предпочитая выстрелить в воздух. Немец же невозмутимо прицеливается. Таким образом, в сцене поединка противоположные пространственные принципы поведения героев выражены весьма наглядно.

Вместе с тем, в дополнение к сказанному выше, путь фон Корена сходен с «металлизмом» лесковского Пекторалиса в том, что чеховский зоолог сам берет на себя роль орудия социально-биологического отбора, рассуждая в этом случае подобно инженеру Н.С. Лескова, который рассматривает свою судьбу как умножение (хотя и неосуществленное) доставшейся от предков «железной воли» в будущих потомках. Кроме того, Пекторалис неустанно пытается погубить своего противника, жалкого Сафроныча, а фон Корен стремится покончить с «микробой» Лаевским. Чеховский герой, оправдывающий свое поведение биологической теорией, аналогичен в движении траектории пули,

¹ Вполне вероятно, это парафраз знаменитому ницшевскому «...was fällt, das soll man auch noch stossen!» [25] из «Also sprach Zarathustra», что в недословном переводе на русский превратилось в «Падающего толкни!».

² Сравните с «похвалой прямоте» в интерпретации Штольца: «Простой, то есть прямой, настоящий взгляд на жизнь – вот что было его постоянною задачею, и... он... был внутренне горд и счастлив всякий раз, когда ему случалось заметить кривизну на своем пути и сделать прямой шаг» [20. С. 165]. Вообще, немцы, по мнению русской матери Андрея, способны лишь к прямолинейному движению в этическом пространстве и не способны «обойти какое-нибудь правило, нарушить общий обычай» [20. С. 157–158].

подчиняющейся физическим законам баллистики, так же как герой-немец следует собственным жизненным планам. Ни пуля, ни персонаж не способны уклониться от предзаданного пути. Сам фон Корен категорично заявляет о недопустимости отклонения от выбранной траектории движения: «...если бы... государство или общество поручило тебе уничтожить его... решился?» – «Рука бы не дрогнула» [19. С. 394]; «В интересах человечества и в своих собственных интересах такие люди должны быть уничтожаемы. Непременно» [19. С. 375]. Чеховский герой уподобляется куску металла, пуле, которая призвана устранить Чужого-Лаевского из пространства немца.

В сущности, по типу движения именно Лаевский прямо противоположен фон Корену. Если ученый-немец является дисциплинатором-упорядочивателем пространства, то русский герой предстает трикстером. Фон Корен, по сути, делает Лаевского ответственным за все несчастья здешнего общества: «...он научил жителей городка играть в винт <...> пить пиво <...>; ему же обыватели обязаны сведениями по части разных сортов водок <...> прежде здесь жили с чужими женами тайно <...>; прелюбодеяние считалось чем-то таким, что стыдились выставлять на общий показ; Лаевский же явился в этом отношении пионером: он живет с чужой женой открыто¹» [19. С. 369–370]. Отметим также, что для фон Корена Лаевский является соперником в утверждении власти над пространством: «Еще год-два – и он завоюет все кавказское побережье <...> Судите же, какое у него широкое поле для заразы!» [19. С. 373–375].

В сущности, перед нами развёртывается поединок между героем места, строго соблюдающим законы, и, по типологии Ю.М. Лотмана, героем «степи», эти законы игнорирующим (это также напоминает противостояние Пекторалиса с Сафроничем): «...он недурной актер и ловкий лицемер <...> Рыться под цивилизацию, под авторитеты, под чужой алтарь, брызгать грязью, шутовски подмигивать на них только для того, чтобы оправдать и скрыть свою хилость и нравственную убогость, может только очень самолюбивое, низкое и гнусное животное» [19. С. 373–375].

Дисциплинатору немцу, напротив, требуется, чтобы «...порядки стали лучше, а чиновники исправнее, честнее и вежливее» [19. С. 373–375]. В ходе борьбы фон Корен не только находит в Лаевском черты шута-трикстера, но и отказывается признавать его человеком, изгоняет Чужого

¹ В данном случае фон Корен позволяет себе в поступках некоторую двусмысленность. С одной стороны, он считает за лучшее открыто порицать общественные недостатки, с другой – предпочитает, чтобы изъяны общества оставались незаметными ради сохранения пристойности. При этом дисциплинатор и реформатор фон Корен, считающий, что социолог и зоолог означают «одно и то же» [19. С. 393], в своих убеждениях чрезвычайно консервативен, и в этом он сходен с обывателями, которых он презирает. Разница между ними лишь в способах рационализации морали. Филистеры выводят ее из почитания традиции, в фон Корен обосновывает установленные правила общественной жизни при помощи биологических законов. Подобно типажным немцам, зоологу необходимы определённые принципы регламентации социальной действительности, которыми в некоторой степени пренебрегает Лаевский.

из социального пространства, издевательски называя «микробой» [19. С. 369], «макакой» [19. С. 373], «низким и гнусным животным» [19. С. 374]. Этот «биологический» дискурс в итоге применяется немцем-ученым для оправдания убийства противника.

Трудно сказать, сознательно ли А.П. Чехов использует обезьяний мотив в контексте с немецкой образностью. Но примечательно, что немец-шарманщик с обезьяной фигурирует в чеховском рассказе «Благодарный немец», относящемся к раннему периоду творчества писателя, где, как уже сказано, национальные стереотипы используются напрямую. В связи с этим нельзя не отметить скрытый подтекст «обезьяньего мотива», если вспомнить русскую поговорку «Немец хитер, обезьяну выдумал». Социальный дарвинист и зоолог, Фон Корен на самом деле выдумывает «обезьяну» (макаку), обозначая таким образом Лаевского с его любовницей. Если судить по словам ученого, его противники не живые люди, а карикатуры, олицетворяющие идею деградации. Это и психологическая уловка, и перенесенный в социальное пространство вариант абстрактного отношения немца-геллертера к миру. Фон Корен борется не с конкретными людьми (он даже не может правильно назвать отчество сожительницы Лаевского), а с возникшими в голове ученого идеями относительно них.

Немец-дисциплинатор, с одной стороны, пытается рационализировать свое отношение к нарушающему столь любимый им порядок трикстеру, причем делая это через метафору движения: «... я бы прошел мимо него, если бы он не был так вреден и опасен» [19. С. 373]. С другой – это отношение внерационально. Ненависть Лаевского и публично выражая свое отвращение к нему, фон Корен фактически противоречит собственным убеждениям. Заявляя доктору Самойленко, что «ненавидеть и презирать микробу – глупо...» [19. С. 369], герой-немец ощущает именно ненависть. Так, в ходе дуэли Лаевский замечает «выражение ненависти и презрения в позе и во всей фигуре» соперника [19. С. 447–448]. В определенном смысле это еще один пример уклонения от заявленной героем-немцем прямолинейности.

Вообще, мотив вымещения Чужого из своего пространства является ведущим в повести. Он и Лаевский не могут сосуществовать в одном локусе: «Лаевский знал, что его не любит фон Корен... и в его присутствии чувствовал себя так, как будто всем было тесно и за спиной стоял кто-то» [19. С. 387]. Даже выражению глаз фона Корена приписывается вытесняющая сила: «Лаевский почувствовал неловкость: в спину ему бил жар от костра, а в грудь и в лицо – ненависть фона Корена...» [19. С. 391]. В итоге герой-немец, движущийся к цели устранил Чужого, буквально загоняет своего противника в ловушку, лишая возможности сбежать из города и тем самым провоцируя на поединок: «“Да, ваше положение безвыходно”, – сказал фон Корен...» [19. С. 423].

Стоит отметить, что воинственность героя-немца актуализируется в самом начале повести, когда фон Корен описывается прицеливающимся из пистолета в портрет генерала Воронцова, занимавшего несколько лет должность царского наместника на Кавказе. Зоолог в некотором смысле состязается с Во-

ронцовым за власть над территорией, чтобы позже, ведя борьбу с Лаевским уже за «жизненное» пространство, убивать по-настоящему.

Но во время дуэли, когда немец целится не в портрет, лишь в своем воображении уничтожая врага, а наводит пистолет на реального человека, его рука в момент выстрела, хотя это и противоречит сказанным им ранее словам, все-таки «дрогнула», и пуля лишь слегка ранит Лаевского. Такой исход поединка объясняется, с нашей точки зрения, тем, что «траекторию пули» в финальной сцене замещает образ путей человеческих, где движение не может быть исключительно рационально рассчитанным, что характерно для типажных немцев, но отличается наличием отклонений и изменений.

Однако эпизод с дуэлью все же не имеет однозначной трактовки, поскольку непонятно, допустил бы Корен промах, если бы в последней момент не вмешался дякон. Случайно ли дрогнула его рука, или все же зоолог в заключительный миг дуэли на самом деле отказался от убийства? Во всяком случае, в сцене примирения бывших соперников фон Корен отстаивает общую правильность собственных взглядов, признавая в то же время ошибочность своих выводов относительно опасности Лаевского для общества: «...я не затем пришел сюда, чтобы извиняться или уверять, что я не виноват. Я действовал искренно и не изменил своих убеждений с тех пор... <...> я ошибся относительно вас, но ведь спотыкаются и на ровной дороге...» [19. С. 452]. Соответственно, ученый-немец продолжает судить о ситуации как о неизменяемом в целом пути, на котором могут возникнуть незначительные случайные отклонения. Фон Корен, уступая в малосущественном, не отказывается от общей правильности выстроенной им теории: «...такова уж человеческая судьба: если не ошибаешься в главном, то будешь ошибаться в частностях» [19. С. 452–453].

При ответе на вопрос, изменился ли фон Корен, необходимо также принять во внимание мотив «скручивания в бараний рог» как воли к подчинению, в том числе и самодисциплинированию. В начале произведения Лаевский заявляет, что зоолог не прочь «скрутить ученых в бараний рог» и «скрутил бы дисциплиной» обычных людей [19. С. 398]. В финале повести уже сам фон Корен, присмотревшись к тому, как, сгорбившись за столом, кропотливо работает его прежний соперник, произносит: «Как он скрутил себя!» [19. С. 451]. Иными словами, герой отмечает, что Лаевский обуздал себя, приобщившись к «немецкой железной воле», и в определенной мере стал похож на него¹. Таким образом, концовку можно рассматривать как утверждение фон Корена в изначально занимаемой им позиции.

С другой стороны, допущение героем вероятности «споткнуться» как возможности отклониться от волевой прямолинейности в движении может

¹ Сравните с проявлением целерациональности в мотиве контроля немца за своей телесностью, гиперболизированно представленном в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект», в которой жестянщик Шиллер готов сам себе отрезать нос, только бы не отступить от планов по накоплению капитала.

рассматриваться в качестве свидетельства трансформации персонажа в героя пути. Типажные немцы, герои места, напомним, не приемлют даже малейшего изменения траектории движения. Так, лесковский Пекторалис может вести себя глупо с точки зрения здравого смысла, но все его поступки при этом целерациональны, т.е. объясняются наличием цели самоутверждения в пространстве. Если уж инженер решил известить Сафроныча, то его рука, в отличие от руки фон Корена, не дрогнула. Таким образом, чеховский герой вырывается за пределы жестко детерминированного, рационализированного «немецкого» локуса в новое пространство, где будущее не определено изначально и есть место случайностям, альтернативным путям развития и вообще человечности, которая предполагает свободу выбора¹.

Отметим также некоторую неуверенность, которую фон Корен чувствует перед тем, как переступить порог дома Лаевских, – неуверенность, которая совершенно не в характере того же лесковского Пекторалиса, пожаловавшего в дом Сафроныча на его поминки, чтобы публично продемонстрировать свою железную волю. Все эти детали выступают внешне едва заметными, но очевидными проявлениями перемены в фон Корене. До сюжетной кульминации характер его движения в пространстве был уподоблен траектории пули, управляемой физическими законами баллистики. Также образ пули связан с мотивом металлизма, которым проникнуто описание немецкости в русской литературе. Однако в итоге фон Корен сворачивает на пути человеческие, что в финальной сцене подчеркивается его символическим отплытием на лодке как вхождением в стихийное пространство моря (= жизненный хаос), где хрупкая общечеловечность является более значимым атрибутом, чем такие частные характеристики, как немецкость или принадлежность героя к ученым.

Итак, образ фон Корена в повести А.П. Чехова «Дуэль» отличается многогранностью. С одной стороны, в нем присутствуют черты, сходные с характеристиками немецких типажей в русской литературе. Это и типаж отвлеченного теоретика немца-ученого, и гротескно типизированный образ инженера Пекторалиса из рассказа Н.С. Лескова «Железная воля». Этому, надо сказать, способствует сама чеховская манера изображения персонажа. Фон Корен часто описывается не напрямую, а через субъективную оценку его личности другими героями – через их фразы или передачу их мыслей о зоологе. Соответственно, мы сталкиваемся с образом фон Корена, представленного с точки зрения не только рассказчика, но и других персонажей. Именно этот второй образ более типажен и клиширован. Но и в ре-

¹ Трансформации, переживаемые как Лаевским, так и фон Кореном, безусловно, соотносятся с одной из ключевых гуманистических чеховских тем – темой способности личности к изменению. Но в данной работе нас интересует более узкий, имагологический контекст связи образа фон Корена с немецкими типажами, которым свойственна неизменяемость. Именно возможность преобразования, отхода от предзаданности движения в художественном пространстве отличает персонажа чеховской повести от типажных немцев, составляющих большинство маркируемых немецкостью героев в русской литературе, и делает его героем пути.

пликах и действиях самого отмеченного немецкостью персонажа проступают характерные для типажного немца черты. Это прежде всего касается выстраивания автором его образа как дисциплинатора и упорядочивателя окружающего пространства, а также характеристики пространственного движения героя, что уподобляет его путь точно рассчитанной траектории пули как воплощения неумолимой судьбы. С другой стороны, отходом от типажности выступает здесь уже сама возможность отклониться от неизменяемой траектории, нарушить правило жизни, что, как подчеркивается, например, в гончаровском романе, невозможно для типажных немцев. В этом отклонении проявляется не механическая «железная воля», а гуманистический посыл, позволяющий герою-немцу преодолеть и теоретический фанатизм, и фатум, что дает возможность оценивать образ фон Корена как героя пути (хотя и осложненного наличием черт героя места). Однако финал повести остается открытым, ставя под вопрос способность героя-немца окончательно свернуть со своей рациональной жизненной траектории и в то же время выходя на тему русского странничества как правдоискательства.

Литература

1. Йеттле К. А.П. Чехов и И.-В. Гете // Чехов и Германия. Молодые исследователи Чехова. М., 1996. Вып. 2. С. 32–35.
2. Копылович Т. Мировоззрение Антона Павловича Чехова и философия Артура Шопенгауэра // Чехов и Германия. Молодые исследователи Чехова. М., 1996. Вып. 2. С. 115–122.
3. Себина Е. Чехов и Ницше: Проблема сопоставления на материале повести А.П. Чехова «Черный монах» // Чехов и Германия. Молодые исследователи Чехова. М., 1996. Вып. 2. С. 126–136.
4. Kluge R.-D. „...ein großer Garten, dahinter bewaldete Berge...“. Anton Tschschow in Badenweiler. Spuren 45. Eine Veröffentlichung der Arbeitsstelle für literarische Museen, Archive und Gedenkstätten in Baden-Württemberg. Marbach am Neckar : Deutsche Schillergesellschaft, 1998. 15 S.
5. Langendörfer R. Kranker Anton und „Blauer Heinrich“. Kranke und Gesunde im Badenweiler von 1904. URL: <https://www.deutsche-tschechow-gesellschaft.de/content/download/509/3476/file/Kranker%20Anton%20und%20%E2%80%9EBlauer%20Heinrich%E2%80%9C.pdf> (date of access: 09.04.2020).
6. Абрамова В.С. Этностереотипы и их роль при изображении иностранцев в прозе А.П. Чехова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 127–142. DOI: 10.17223/19986645/53/9
7. Буглак Т.О. «Русское» и «немецкое» художественные пространства в творчестве А.П. Чехова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 259–263.
8. Даннеман У. Изображение немцев в творчестве Чехова: деконструкция стереотипов // Чехов и Германия. Молодые исследователи Чехова. М., 1996. Вып. 2. С. 11–18.
9. Крюкова О. С. Немцы и «немецкое» в раннем творчестве А.П. Чехова // А.П. Чехов и мировая культура: к 150-летию со дня рождения писателя : сборник материалов междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 1–4 октября 2009 г. Ростов-н/Д, 2009. С. 89–84.
10. Рясов Д.Л. Образы немцев в творчестве А.П. Чехова: продолжение гоголевской традиции // Междисциплинарные связи при изучении литературы : сб. науч. тр. 2019. С. 168–171.

11. *Hielscher K.* „Die absolute Freiheit von Vorurteilen“. Thematisierung und Dekonstruktion der nationalen Stereotypen bei Anton Čechov // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. München: Wilhelm Fink, 2006. Bd. 4: 19./20. Jahrhundert : Von den Reformen Alexanders II bis zum Ersten Weltkrieg. S. 605–635.
12. Жуковская А.В., Мазур Н.Н., Песков А.М. Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 37–54.
13. Жданов С.С. Ученость «Германии туманной»: к комическому образу немецкого ученого в русской литературе конца XVIII – начала XX вв. // Вестник СГУГиТ. 2017. № 4. С. 243–256.
14. Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Избр. ст. : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 413–447.
15. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–285.
16. Жданов С.С. Национальность героя как элемент художественной системы (немцы в русской литературе XIX века) : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 197 с.
17. Прутков К. Сочинения. М. : Худож. лит., 1976. 381 с.
18. Сенковский О. Ученое путешествие на Медвежий остров // Русская фантастическая проза XIX – начала XX века. М., 1991. С. 34–116.
19. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1977. Т. 7. 735 с.
20. Гончаров И.А. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Худож. лит., 1979. Т. 4. 534 с.
21. Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 11 т. М. : Худож. лит., 1957. Т. 6. 686 с.
22. Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Избр. ст. : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 407–412.
23. Толстой Л.Н. Собрание сочинений : в 22 т. М. : Худож. лит., 1979. Т. 4. 400 с.
24. Герцен А.И. Собрание сочинений : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. 703 с.
25. *Nietzsche F.* Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/7205/pg7205-images.html> (дата обращения: 10.02.2019).

A German as a Character of the Way (Based on Anton Chekhov's Novella *The Duel*)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 232–247. DOI: 10.17223/19986645/72/12

Sergey S. Zhdanov, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation), Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

Keywords: Anton Chekhov, imagology, ethnic stereotype, Germanness, German characters, character of way, image of scientist, Russian literature.

The article deals with the image of the character von Koren in Anton Chekhov's novella *The Duel* in connection with German types of characters in Russian literature of the 19th century. Along with Chekhov's novella, other Russian writers' works related with the literary Germanness are used in order to determine common and differential features of German characters in the analyzed texts. These are Osip Senkovsky's story "The Scientific Journey to Bear Island", Kozma Prutkov's operetta "Chereposlov, videlict Phrenologist", Nikolai Leskov's story "Iron Will", Ivan Goncharov's novel *Oblomov*, and some others. The main methods of the study are structural semiotics and comparative-typological analysis. The theoretical basis of the article builds on Yu.M. Lotman's typology of characters whereby the characters of the way, the place and the 'steppe' are distinguished and German character types in Russian literature of the 19th century (A.V. Zhukovskaya et al.) are classified. In the context of appealing to literary character types of other nations, *The Duel* could be attributed to the 'transitional' period of Chekhov's work. Opposite to the early texts of the author where ethnic stereotypes are used as is to create a comic effect, the later texts are characterized with

the shift away from the simple ‘copying’ of character types. In this respect, von Koren’s image is notable for its greater individualization and ambivalence. On the one hand, this image has features similar to characteristics of such German character types in Russian literature as German scientists and even ‘good Germans’ (‘dobrye nemtsy’), namely, philistines. Irrational fidelity to a theory or a plan, straightforwardness and intention to regularize the surrounding space are typical for these images. These character types are stationary characters of the place according to Lotman’s typology. Even if they nominally wander in the space, their motion is straightlined, purposeful rational and fully determined from the beginning. All these features are peculiar to the image of von Koren tending to drive out the Other (his Russian antagonist Laevskiy) from his regularized space. The image of Laevskiy has features of a trickster and belongs to the type of the character of the ‘steppe’. On the other hand, the image of von Koren oversteps the boundaries of the character type. His portrait representation is characterized with non-Germanness (presence of African, Asian features). In addition, von Koren finally gives up on the ‘German’ unchangeable kind of motion in the literary space similar to the track of a bullet and abandons his plan, which is impossible for the German character type in Russian literature. Furthermore, von Koren’s image in the scene of his sailing in the rough sea is related to the motif of pilgrimage as a search for truth that is traditional for Russian culture. This denouement marks von Koren’s shift from the character of the place to the character of the way, although the author leaves the finale open.

References

1. Yettle, K. (1996) A.P. Chekhov i I.-V. Gete [A.P. Chekhov and J.-W. Goethe]. In: Kataev, V.B. et al. (eds) *Chekhov i Germaniya. Molodye issledovateli Chekhova* [Chekhov and Germany. Young researchers of Chekhov]. Vol. 2. Moscow: Lev Tolstoy. pp. 32–35.
2. Kopylovich, T. (1996) Mirovozzreniya Antona Pavlovicha Chekhova i filosofiya Artura Shopengauera [Worldviews of Anton Pavlovich Chekhov and the philosophy of Arthur Schopenhauer]. In: Kataev, V.B. et al. (eds) *Chekhov i Germaniya. Molodye issledovateli Chekhova* [Chekhov and Germany. Young researchers of Chekhov]. Vol. 2. Moscow: Lev Tolstoy. pp. 115–122.
3. Sebina, E. (1996) Chekhov i Nitsshe. Problema sopostavleniya na materiale povesti A.P. Chekhova “Chernyy monakh” [Chekhov and Nietzsche. The problem of comparison based on A.P. Chekhov’s “The Black Monk”]. In: Kataev, V.B. et al. (eds) *Chekhov i Germaniya. Molodye issledovateli Chekhova* [Chekhov and Germany. Young researchers of Chekhov]. Vol. 2. Moscow: Lev Tolstoy. pp. 126–136.
4. Kluge, R.-D. (1998) “...ein großer Garten, dahinter bewaldete Berge...”. *Anton Tschechow in Badenweiler*. Spuren 45. Eine Veröffentlichung der Arbeitsstelle für literarische Museen, Archive und Gedenkstätten in Baden-Württemberg. Marbach am Neckar: Deutsche Schillergesellschaft.
5. Langendörfer, R. (2020) *Kranker Anton und “Blauer Heinrich”*. *Kranke und Gesunde im Badenweiler von 1904*. [Online] Available from: <https://www.deutsche-tschechow-gesellschaft.de/content/download/509/3476/file/Kranker%20Anton%20und%20E2%80%9EBlauer%20Heinrich%20E2%80%9C.pdf> (Accessed: 09.04.2020).
6. Abramova, V.S. (2018) Ethnic Stereotypes and the Role They Play in the Representation of Foreigners in Chekhov’s Prose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 53. pp. 127–142. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/53/9
7. Buglak, T.O. (2013) “Russkoe” i “nemetskoe” khudozhestvennye prostranstva v tvorchestve A.P. Chekhova [“Russian” and “German” art spaces in the works of A.P. Chekhov]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 4. pp. 259–263.
8. Danneman, U. (1996) Izobrazhenie nemtsev v tvorchestve Chekhova: dekonstruktsiya stereotipov [Image of Germans in Chekhov’s Works: Deconstruction of Stereotypes]. In:

Kataev, V.B. et al. (eds) *Chekhov i Germaniya. Molodye issledovateli Chekhova* [Chekhov and Germany. Young researchers of Chekhov]. Vol. 2. Moscow: Lev Tolstoy. pp. 11–18.

9. Kryukova, O.S. (2009) [The Germans and the “German” in the early works of A.P. Chekhov]. *A.P. Chekhov i mirovaya kul'tura: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya* [A.P. Chekhov and world culture: on the 150th anniversary of the birth of the writer]. Conference Proceedings. Rostov-on-Don. 01–04 October 2009. Rostov-on-Don: LOGOS. pp. 89–84. (In Russian).

10. Ryasov, D.L. (2019) *Obrazy nemtsev v tvorchestve A.P. Chekhova: prodolzhenie gogolevskoy traditsii* [Images of Germans in the works of A.P. Chekhov: continuation of the Gogol tradition]. In: *Mezhdistsiplinarnye svyazi pri izuchenii literatury* [Interdisciplinary relations in the study of literature]. Saratov: Saratovskiy istochnik. pp. 168–171.

11. Hielscher, K. (2006) “Die absolute Freiheit von Vorurteilen”. Thematisierung und Dekonstruktion der nationalen Stereotypen bei Anton Čechov. In: *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht*. Bd. 4: 19./20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II bis zum Ersten Weltkrieg. München: Wilhelm Fink. pp. 605–635.

12. Zhukovskaya, A.V., Mazur, N.N. & Peskov, A.M. (1998) Nemetskie tipazhi russkoy belletristiki (konets 1820-kh – nachalo 1840-kh gg.) [German types of Russian fiction (late 1820s – early 1840s)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 34. pp. 37–54.

13. Zhdanov, S.S. (2017) Scholarism of the “Nebulous Germany”: To the Comic German Scientist's Image in Russian Literature of the Late 18th – Early 20th Centuries. *Vestnik SGUGiT – Vestnik SSUGT*. 4. pp. 243–256. (In Russian).

14. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: In 3 volumes]. Vol. 1. Tallin: Aleksandra. pp. 413–447.

15. Toporov, V.N. (1983) Prostranstvo i tekst [Space and text]. In: Tsiv'yan, T.V. (ed.) *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow: Nauka. pp. 227–285.

16. Zhdanov, S.S. (2005) *Natsional'nost' geroya kak element khudozhestvennoy sistemy (nemtsy v russkoy literature XIX veka)* [Nationality of the hero as an element of the artistic system (Germans in Russian literature of the 19th century)]. Philology Cand. Diss. Novosibirsk.

17. Prutkov, K. (1976) *Sochineniya* [Writings]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

18. Senkovskiy, O. (1991) Uchenoe puteshestvie na Medvezhiy ostrov [The Scientific Journey to Bear Island]. In: *Russkaya fantasticheskaya proza XIX – nachala XX veka* [Russian fantastic prose of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Pravda. pp. 34–116.

19. Chekhov, A.P. (1977) *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: In 30 volumes]. Vol. 7. Moscow: Nauka.

20. Goncharov, I.A. (1979) *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected works: In 8 volumes]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

21. Leskov, N.S. (1957) *Sobr. soch.: v 11 t.* [Collected works: In 11 volumes]. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

22. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: In 3 volumes]. Vol. 1. Tallin: Aleksandra. pp. 407–412.

23. Tolstoy, L.N. (1979) *Sobr. soch.: v 22 t.* [Collected works: In 22 volumes]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

24. Herzen, A.I. (1958) *Sobr. soch.: v 30 t.* [Collected works: In 30 volumes]. Vol. 14. Moscow: USSR AS.

25. Nietzsche, F. (2019) *Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen*. [Online] Available from: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/7205/pg7205-images.html> (Accessed: 10.02.2019).

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/72/13

И.Б. Казакова

ЭТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ У. ВОРДСВОРТА В КОНТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ XVIII в.

Сопоставляются этические взгляды романтика У.Вордсворта и представителя английского этического сентиментализма Шефтсбери. Особое внимание уделяется таким проблемам, как роль чувств в моральном познании, объяснение и оправдание зла, нравственный смысл воображения, а также понятиям любви, свободы и долга. Поднимается вопрос о роли в формировании мировоззрения Вордсворта моральной философии И. Канта, которая в интерпретации английского романтика приобрела некоторые черты этического сентиментализма.

Ключевые слова: Уильям Вордсворт, Шефтсбери, этический сентиментализм, романтизм, воображение, эстетическая теодицея

Вопрос о преемственности этических идей эпохи Просвещения в творчестве представителей романтизма, как и в целом вопрос об этических воззрениях романтиков, редко привлекает внимание исследователей, поскольку эпоха романтизма отдавала предпочтение художественно-эстетической, а не этической стороне человеческого существования. С точки зрения исключительной личности романтика его нравственные задачи неотличимы от задач эстетической самореализации. В. Виндельбанд пишет об этом: «Нравственная функция гения заключается в самонаслаждении своей творческой фантазией, она не предусматривает необходимость какой-нибудь практической деятельности, не служит ни собственной, ни чужой пользе. Ни одна из целей, называемых в обыденной жизни нравственными, не является ее объектом; она – не работа, а наслаждение, утопающее в собственной свободе. <...> Неустанная работа этического «я» обратилась... в эстетическую игру фантазии. Работа со всеми целями будничной жизни – это удел филистера, гений же, как и олимпийские боги, свободен и имеет только одну задачу – дойти до конца в переживании самого себя, полностью насладиться самим собой» [1. С. 287].

Однако среди разнообразия художественных и интеллектуальных проявлений романтизма можно встретить и интерес к традиционной моральной проблематике, и попытки интегрировать ее в новое мировосприятие романтической эпохи. В английском романтизме примером такой актуализации моральной философии предшествующих эпох является творчество Уильяма Вордсворта.

Читатели XIX в. отмечали нравственный пафос поэзии Вордсворта и воспринимали его как автора-моралиста [2. Р. 3]. Так, Дж.С. Милль утверждал, что Вордсворт помог ему преодолеть нравственный кризис [2. Р. 1–2]. Анализируя этические воззрения английского поэта, исследователи зачастую стремятся выявить их истоки, обнаруживая влияние римского стои-

цизма, Б. Спинозы [2. Р. 10–11], И. Канта [3. Р. 62], Дж. Локка [4. Р. 132]. Нередко обращают внимание на влияние Шефтсбери, при этом акцент делается в первую очередь на эстетических идеях английского философа [4. С. 6; 5. Р. 113]. Однако воздействие Шефтсбери на Вордсворта не ограничивалось областью эстетического, а распространялось и на сферу нравственных представлений, во многом определив своеобразное мировоззрение этого представителя романтизма. Как замечает Э. Вольф, благодаря влиянию английского философа в XVIII в. возникла целая традиция моралистической английской поэзии, достигшая своей высшей точки в поэтическом творчестве Вордсворта [6. Р. 117]. Чтобы понять, какова роль Шефтсбери (и стоящей за ним традиции) в формировании взглядов этого представителя озерной школы, обратимся к сочинениям обоих авторов.

К какой бы теме ни обращался в своем творчестве Вордсворт, моральная проблематика всегда становилась определяющей для раскрытия этой темы. Поскольку сфера нравственности – это в первую очередь взаимоотношения людей, рассмотрим, каким образом они изображаются в его поэзии.

Одна из сквозных тем творчества Вордсворта – распад патриархальных отношений в сельской Англии, социальная несправедливость, тяжелая жизнь беднеющего сельского населения в условиях разрушающегося привычного уклада жизни. Так, многие герои «Лирических баллад» – простые люди, которые перенесли много невзгод, но находят духовную опору в естественных моральных чувствах – привязанности к близким и верности им, благодарности, отзывчивости. По утверждению поэта, «лучшее, что знает человек» – это «мелкие, невидные деянья любви и доброты» [7. С. 215]. Естественность этих чувств, как и естественность нравственности в целом, – одна из излюбленных идей Вордсворта, восходящая к этическому сентиментализму XVIII в. Шефтсбери, один из его основоположников, полагал, что совершаемое человеком добро доставляет его душе одно из самых сильных удовольствий: «Ни одна душа не совершала добрых дел – так, чтобы с еще большей готовностью не совершать их – и с большим наслаждением. И дела любви, милосердия или щедрости никогда не совершались иначе, нежели с возрастающей радостью сердца, так чтобы совершающий их не испытывал все большей любви к этим благородным действиям» [8. С. 113]. Обратная нравственная ситуация изображается Вордсвортом в «Строках, оставленных на камне в разветвлении тисового дерева...»: герой полностью утрачивает способность радоваться, отказавшись от духовной близости с людьми. Поэт так описывает это состояние отчуждения своего героя:

...Он вспоминал о тех, чей ум согрет
Теплом великодушья, для кого
Соединялись мир и человек
Как бы в чудесном действе, – он вздыхал
И радовался горько, что другим
Так чувствовать дано, как он не мог¹ [7. С. 55].

¹ Перевод И. Меламеда.

Вордсворт постоянно возвращается к мысли о том, что источником нравственности является природа:

...Я рад признать
В природе, в языке врожденных чувств
Чистейших мыслей якорь, пристань сердца,
Вожатого, наставника и душу
Природы нравственной моей¹ [7. С. 219].

Это естественное происхождение нравственных чувств противопоставляется искусственному, книжному усвоению морали. Контраст чувств и разума как возможных источников нравственности подчеркивается в стихотворениях «Увещеванье и ответ» и «Все наоборот». На совет друга читать и таким образом усваивать знания лирический герой отвечает, что лучше всего знание нравственности усваивается через эмоциональный контакт с природой:

Тебе о сущности добра
И человечьем назначенье
Расскажут вешние ветра,
А не мудреные ученья² [7. С. 201].

Поднимаемый таким образом Вордсвортом вопрос об источнике нравственных знаний – один из важнейших в английской моральной философии XVIII в. Шефтсбери решает этот вопрос в духе неоплатонизма: умение распознавать добро и зло для него – это результат врожденного стремления души к прекрасному, которое на определенной ступени восхождения по лестнице красоты превращается в моральное добро. Философ пишет об этой ступени познания прекрасного: «...мораль, добродетель, процветание всех дел, совершенствование человеческой природы – вот перспективы, восторгающие ее [душу], вот очарование красоты, которое влечет ее к себе» [8. С. 97]. Иными словами, Шефтсбери верит во врожденную predisposition человеческой души к добру, а ориентиром для распознавания добра в его моральной философии выступает чувство радости и особого удовольствия. При этом английский мыслитель допускает, что этическое восприятие достигнет более высокого уровня и станет свободным от случайностей, если помимо естественной склонности к добру человек будет иметь знание своей нравственной природы, основанное на ее тщательном теоретическом изучении [8. С. 146]. Ф. Хатчесон, наиболее верный последователь Шефтсбери в эту эпоху, тоже говорит о существовании врожденного морального чувства и об удовольствии, которое нам доставляют проявления нравственности [9. Р. 131–132]. Также и крупнейший представитель этического сентиментализма в Англии – Д. Юм – настаива-

¹ Перевод В. Рогова.

² Перевод И. Меламеда.

ет на том, что нравственность располагается в сфере эмоциональных восприятий и нравственный опыт дается нам с помощью положительно или отрицательно окрашенных эмоциональных переживаний, вызванных феноменами моральной жизни [10. С. 512].

Таким образом, в поэзии Вордсворт продолжает традицию английской этической философии XVIII в., но несомненно, что ближе всего ему взгляды Шефтсбери. В этом можно убедиться, обратившись к вопросу об источнике морального чувства в сочинениях Шефтсбери и Вордсворта. Автор «Моралистов» отвергает христианскую религию в качестве такого источника, поскольку, по его мнению, в ней нет естественности и она принуждает человека к нравственности, запугивая его загробным наказанием [8. С. 123–124]. Шефтсбери также отмечает пагубность веры в чудеса, которые предстают у него как знаки божественного присутствия второго порядка, мешающие увидеть Бога в законах управляемой им Вселенной – знаках первого порядка [8. С. 172]. Бог у Шефтсбери – это не личность, а подобие неоплатонического Единого, первопричина, принцип единства природы: «...все – божество, все – Единое, собранное в себе самом и пребывающее... скорее в более простом и совершенном виде, нежели во множестве различных способов существования, а переходя к творчеству, это Единое разворачивается, создавая разнообразную картину природы и этот наш прекрасный видимый мир» [8. С. 198–199].

В художественном мире Вордсворта также присутствует божество, близкое Богу Шефтсбери и неоплатоническому Единому. В автобиографической поэме «Прелюдия» описываются переживания человеческой души, обретающей Бога в общении с природой:

When strongly breathed upon
By this sensation – whencesoe'er it comes,
Of union or communion – doth the soul
Rejoice as in her highest joy: for there,
There chiefly, hath she feeling whence she is,
And passing through all Nature rests with God [11. P. 439].

*[Когда вольно дышится / При каждом возникновении этого ощущения / Единства или общения, душа / Радуется самой высокой радостью, так как там, / Именно там она чувствует, откуда она, / И, пройдя сквозь всю природу, успокаивается в Боге]*¹.

Ощущение единства мира неотделимо для поэта от ощущения его божественности. Все единичные проявления природы в поэзии Вордсворта

Are god, Existing in the mighty whole,
As indistinguishable as the cloudless East
At noon is from the cloudless west, when all
The hemisphere is one cerulean blue [12. P. 525].

¹ Перевод И. Казаковой.

*[Есть Бог, суищий в мощном целом / Так же неразлично, как безоблачный восток / В полдень неотличим от безоблачного запада, когда вся / Небесная сфера – это одна лазурная синева]*¹.

Из этой идеи единства и божественности всего в универсуме Шефтсбери и Вордсворт делают вывод этического характера, что любовь к отдельному существу возможна только как часть любви к миру в целом. Шефтсбери в «Моралистах» объясняет эту идею на примере любви к конкретному человеку: на замечание Филокла, что он может любить только индивида, а не род, поскольку для любви необходим чувственный образ, Теокл приводит возражение, что наша способность представлять себе образ незнакомого человека или собирательный образ целого сообщества (например, народа) дает нам возможность любить незнакомых людей и, в конечном счете все человечество [8. С. 116–117]. Иными словами, воображение помогает нам полюбить человечество, создавая его собирательный, но зримый образ в виде конкретного человека. Кроме того, Теокл – защитник идеи любви к человечеству – настаивает на том, что именно эта любовь первична, поскольку предполагает в своем носителе великодушие, расположение к людям и готовность признать в них положительные черты, необходимые для любви и дружбы [8. С. 114].

Итак, Шефтсбери высказывает мысль о том, что для нравственной жизни необходимо иметь воображение. В воззрениях Вордсворта воображение также занимает чрезвычайно важное место: оно является гносеологической способностью, и плоды его познавательной деятельности соответствуют устройству универсума. По словам Э. Хирша, у Вордсворта «воображение – это эпистемологическая санкция для живого универсума, и этот же самый универсум санкционирует логику воображения. <...> Акт воображения – это акт, который делает явным скрытое единство всех вещей» [13. Р. 103]. Сам поэт определяет воображение как

...another name for absolute power
And clearest insight, amplitude of mind,
And Reason in her most exalted mood [11. Р. 606].

*[...другое название для абсолютной энергии / И яснейшей интуиции, и размаха мысли, / И разума в его самом возвышенном настрое]*².

Помимо гносеологической функции воображение у Вордсворта способно выполнять роль жизненного ориентира и нравственной опоры, более надежной, чем рассудок, память и надежда:

Воображенье – вот сей дар желанный,
Свет мысленный и истинный оплот,
Лишь амарант его благоуханный

¹ Перевод И. Казаковой.

² Перевод И. Казаковой.

Чело страдальца тихо обовьет, –
Его не сдуют бедствий ураганы,
Его и ветер скорби не сомнет¹ [7. С. 435].

Согласно Вордсворту воображение позволяет охватить природу в целостности, почувствовать ее как существо, подобное человеку, – одушевленное, разумное, нравственное. Однако эта способность, хотя и является врожденной, требует развития. В «Тинтернском аббатстве» способность воспринимать природу таким образом описывается поэтом как итог длительного нравственного развития его личности. Если в юности он видел в ней отражение бурных страстей, то в более зрелом возрасте стал различать в ней другое содержание:

Я теперь
Не так природу вижу, как порой
Бездумной юности, но часто слышу
Чуть слышную мелодию людскую
Печальную, без грубости, но в силах
Смирять и подчинять² [7. С. 219].

В «Прелюдии» поэт также говорит об этом восприятии природы как источника нравственности: «...To every natural form, rock, fruit or flower, / Even the loose stones that cover the highway, / I gave a moral life... [11. P. 208]. [...Каждой природной форме, скале, плоду или цветку, / Даже камням на дороге / Я приписывал моральную жизнь...]³.

Проистекающая из единого истока, пронизанная божественным присутствием природа и у Шефтсбери и у Вордсворта предстает как совершенство. Для Шефтсбери совершенство мира в первую очередь заключается в упорядоченности, гармонии и целесообразности его частей по отношению к целому [8. С. 141–144]. Однако философ вынужден признать, что в этом гармоничном мире присутствуют явления, которые на первый взгляд не вписываются в мировую гармонию – это страдания и смерть, которые можно считать природным злом, и сосредоточенное в человеческом мире моральное зло. Природное зло Шефтсбери объясняет в духе неоплатонизма: гибель и страдания частей компенсируются гармонией и совершенством целого. Философ пишет об этом: «...от разных земных существ требуется умение отречься – они должны идти на жертвы друг ради друга. Растения гибнут и кормят животных, тела животных, разлагаясь, питают почву и так вновь возвращают растительный мир» [8. С. 98]. В конечном счете все частные несовершенства природы меркнут перед ее идеальным прообразом: «...любое природное существо, смертное и подверженное порче, из-за смертности и испорченности своей лишь уступает природе

¹ Перевод Г. Кружкова.

² Перевод В. Рогова.

³ Перевод И. Казаковой.

лучшей, а все они в совокупности уступают наилучшей и наивысшей Природе, природе бессмертной и не подверженной порче» [8. С. 99]. Подобным же образом Шефтсбери стремится объяснить вторжение природного зла – в виде страдания – в жизнь человека: страдания одного уравниваются удовольствиями другого, и (если встать на позицию неоплатонизма и допустить существование круговорота рождений) возможно, что в другой жизни эти страдания обернутся для человека положительным опытом и приведут его к благу [8. С. 111–112].

Более трудным для Шефтсбери оказывается решение вопроса о моральном зле, которое является единственным исключением в общей картине упорядоченного мира: «Все, что мы видим на небесах и на земле, являет нам порядок и совершенство... Все превосходно, все заслуживает любви, все радуется и веселит – все, кроме человека и его жизненных обстоятельств, которые кажутся не столь совершенными. Здесь и начинаются все беды и все зло, и отсюда идет разрушение всего благоустроенного строения. Стоит обратиться к человеку, и все исчезает, и весь порядок всего бытия, повсюду столь устойчивого, целостного и недвижимого, здесь опрокинут и утрачен...» [8. С. 144–145]. Используемую им для объяснения природных несовершенств эстетическую теодицею философ не хочет применять для оправдания зла в человеческом мире, поскольку никакая красота и гармония мира не восполняют моральных недостатков человечества. Устами одного из персонажей философ говорит в «Моралистах»: «Ничто... не извинит недостатков или пороков одной части творения, человечества, хотя бы все прочее было прекрасно и без изъяна. Всякая непогода и буря тоже по-своему прекрасны, но лишь за исключением бури в человеческом сердце» [8. С. 90–91]. Шефтсбери рассматривает разные способы объяснения и оправдания этого вида зла: например, он прибегает к одному из христианских вариантов теодицеи, согласно которому зло необходимо, чтобы в борьбе с ним человек совершенствовал свою добродетель [8. С. 135].

Шефтсбери не удается найти какое-либо объяснение склонности человека к злу (философ допускает, что мы знаем еще не все законы морального мира [8. С. 145]), поэтому он постоянно возвращается к своей излюбленной эстетической теодицее в том виде, в котором она существует в неоплатонизме: всякое безобразие, в том числе и моральное зло, возникает по причине неправильного или неполного воплощения идеи в материи [14. С. 491–492]. Как и основатель неоплатонизма Плотин, автор «Моралистов» возлагает вину за человеческие пороки на материю, несовершенство которой ослабляет заключенную в ней душу: «Не приходится удивляться... тому, что внутренняя форма, душа и расположение духа бывают причастны к... случайному безобразию и нередко страдают вместе со своим ближайшим спутником. Кто способен удивляться слабости духа и порочности ума, заключенного в таком болезненном теле и зависящего от таких выродившихся органов?» [8. С. 99]. То есть Шефтсбери переводит моральную проблематику в область эстетического, предлагая рассматривать моральное несовершенство как безобразие, нарушение соотношения формы (ду-

ши) и материи. Преодолению склонности к злу, полагает английский мыслитель, должно способствовать осознание единства мироздания, проистекающего из единого источника – Бога. Это неоплатоническое божество, первоисток и принцип Единства, должно пониматься и как моральное добро [8. С. 190]. Познав добро в его самом высшем проявлении, душа человека освободится от всякого зла, которое всегда есть результат неудачной индивидуации – отделения идеи от Единого и ее воплощения в индивидуальном существе.

Этот способ освобождения от зла носит эстетический характер, так как предполагает работу воображения, без которого будет очень трудно «представлять вселенную одной-единственной цельной вещью» [8. С. 178]. Таким образом, воображение – понятие из эстетической области – становится одним из важнейших в этическом учении Шефтсбери, позволяя человеку проникнуться любовью к человечеству и ко всему мирозданию. По замечанию Э. Вольфа, в сочинениях Шефтсбери воображение открывает для людей новые аспекты мира, делая его восприятие возвышенным [6. Р. 117].

Что касается Вордсворта, то в его поэзии тема природного зла не акцентируется. Наоборот, в стихотворении «Гнездо пеночки» он иллюстрирует мысль о взаимосвязи и гармонии всего в природе историей не о самопожертвовании, а о взаимопомощи: куст разрастается и поднимает свои листья, чтобы спрятать от хищников гнездо с птенцами. Заканчивается эта история словами о любви, царящей в природе. Обращаясь к пеночке, поэт говорит:

Не забывай, как здесь тебя
В тенистой роще, в дождь и зной,
Берег, лелея и любя,
Куст буквицы лесной¹ [7. С. 517].

Природа для Вордсворта всегда выступает как благо (и моральное добро в том числе), из чего можно сделать вывод, что это понятие для него синонимично понятию жизни. В стихотворении «Старый камберлендский нищий» поэт говорит о том, что жизнь даже самого ничтожного существа – это благо, поскольку это все равно жизнь, т.е. добро и смысл. Он пишет об этом:

Tis Nature's law
That none, the meanest of created things,
Of forms created the most vile and brute,
The dullest or most noxious, should exist
Divorced from good – a spirit and pulse of good,
A life and soul, to every mode of being
Inseparably linked [15. P. 94].

¹ Перевод Д. Мина.

[Этот закон природы таков, / Что даже ничтожнейшие из сотворенных вещей, / Из форм, созданных наиболее низменными и грубыми, / Тусклыми или отравленными, не могли бы существовать / Отлученными от добра – духа и пульсов добра, / Жизни и души, с вечным модусом бытия / Неразрывно связанные]¹.

В стихотворении «Нас семеро» героиня – маленькая девочка – утверждает, что вместе с братьями и сестрами их семеро, хотя двое из детей умерли. И сколько бы взрослый собеседник ни убеждал ребенка, что их пятеро, девочка стояла на своем:

«Да нет уж двух: они в земле,
А души в небесах!»
Но был ли прок в моих словах?
Все девочка твердила мне:
– О нет, нас семь, нас семь!² [7. С. 111]

Девочка продолжает воспринимать умерших брата и сестру как живых, поскольку чувствует себя и своих родных как единое целое, от которого невозможно отделить что-либо, не разрушив этой целостности. Эта целостность восприятия опирается на любовь, которая настолько сильна, что, по замечанию исследователя, ее «непосредственный чувственный опыт» отвергает любые факты [4. Р. 149].

Таким образом, в поэзии Вордсворта необходимым условием для приобщения к источнику нравственности – природе, воспринимаемой как единство, необходимо испытывать любовь. Неспособность любить становится непреодолимым препятствием для обретения этого единства, что постоянно подчеркивается поэтом. Так, в поэме «Питер Белл» герой неспособен видеть мир в истинном свете, поскольку неспособен чувствовать:

A primrose by a river's brim
A yellow primrose was to him,
And it was nothing more.
.....
The soft blue sky did never melt
Into his heart [15. С. 100].

[Примула у края реки / Была для него лишь желтой примулой, / И больше ничем... / Голубое небо никогда не проникало / В его сердце]³.

Когда Питер Белл начинает чувствовать, к нему приходит истинное знание:

¹ Перевод И. Казаковой.

² Перевод И. Козлова.

³ Перевод И. Казаковой.

And now is Peter taught to feel
That man's heart is a holy thing:
And Nature, through a world of death,
Breathes into him a second breath,
More searching than the breath of spring [15. P. 109].

*[И ныне Питер почувствовал, / Что человеческое сердце – священная вещь, / И природа сквозь смертный мир / Вдыхает в него второе дыхание, / Более проникновенное, чем дыхание весны]*¹.

Очевидно, что в такой системе представлений зло должно пониматься, в первую очередь как отъединение человека от мира и других людей, которое происходит сначала на уровне эмоций, а потом превращается в образ мыслей. О таком мышлении Вордсворт пишет:

Such consciousness I deem but accidents,
Relapses from the one interior life
That lives in all things, sacred from the touch
Of that false secondary power by which
In weakness we create distinctions [12. P. 525].

*[Я вижу в таком сознании случайности, / Отпадение от единой внутренней жизни, / Что живет во всех вещах, защищенная от прикосновения / Той фальшивой энергии, при которой / Мы по своей слабости творим различия]*².

Таким образом, для Вордсворта, говоря словами Э.Д. Хирша, «корень всякого зла – это разделяющее мышление, отрицающее всякие связи» [13. P. 113]. Вместо того, чтобы видеть во всех вещах то, что их объединяет – присутствие божественной жизни, мы пытаемся познать их через различия между ними, всегда несущественные для истинного знания.

Преодолеть разъединение с миром и людьми может только любовь, о значении которой в этическом учении Шефтсбери и в мировоззрении Вордсворта уже упоминалось выше. Автор «Моралистов» говорит о любви как об основе отношения человека к Богу и миру: «Любовь – простая, чистая, несмешанная, любовь, у которой нет иного предмета, нежели одно великолепие самого бытия, любовь, которая не допускает иной мысли о счастье, нежели мысль о счастье самого бытия» [8. С. 132]. Именно такая любовь «освобождает нас от всего мирского, чувственного и низменно своекорыстного» [8. С. 132]. Для такой любви, как уже было сказано, необходимо воображение, поскольку ее объект невозможно воспринять чувственно. Вордсворт, ценящий воображение в первую очередь как познавательную способность, ассоциирует его также и с любовью. В поэме «Прелюдия» (в версии 1805 г.) английский романтик, описывая возможно-

¹ Перевод И. Казаковой.

² Перевод И. Казаковой.

сти воображения вывести человеческую душу из тьмы и дать ей познать жизнь, бесконечность и Бога, заканчивает прославление воображения следующими словами:

Imagination having been our theme,
So also hath that intellectual love,
For they are each in each, and cannot stand
Dividually [11. P. 605].

[Нашей темой было воображение, / Как и эта интеллектуальная любовь, / Поскольку они есть в каждом, и никто не может оставаться / Отдельно от других]¹.

Упоминание интеллектуальной любви отсылает к философии Б. Спинозы, влияние которого на Вордсворта является дискуссионным вопросом [3. P. 58–66]. По поводу данного фрагмента из поэмы М. Райдер пишет: «В этом важном пассаже, в котором определяется главная тема «Прелюдии», Вордсворт использует термин «воображение» вместо спинозианского термина «интуиция», вкладывая в него тот же смысл, – обозначение полного радости интуитивного чувства космического единства» [3. P. 63].

Представляется, что нет необходимости уяснять, кто оказал большее влияние на Вордсворта в вопросе о значении любви для приобщения к нравственной жизни универсума, – Шефтсбери или Спиноза, поскольку в основе всех упомянутых здесь концепций космической любви лежит одна интеллектуальная традиция – пантеизм в его неоплатоническом варианте [16. С. 133]; и восхождение души, движимой любовью, т.е. влечением к прекрасному, по лестнице красоты, описанное в философии Шефтсбери и поэзии Вордсворта, полностью вписывается в неоплатоническое учение о познании посредством любви.

С влиянием спинозизма также связывают идею Вордсворта о свободе воли. В учении Спинозы свободой обладает Бог, поскольку он не ограничен ничем извне. Человек тоже свободен, но не в том смысле, что его существование ничем не обусловлено, а в том, что он по своей природе причастен к божественной свободе и бесконечному бытию.

В поэме Вордсворта «Прогулка» («The Excursion») есть фрагмент, в котором поэт излагает свое понимание свободы воли, близкое философии Спинозы:

So build we up the Being that we are;
Thus deeply drinking-in the soul of things,
We shall be wise perforce; and, while inspired
By choice, and conscious that the Will is free,
Shall move unswerving, even as if impelled
By strict necessity, along the path
Of order and of good [17. P. 123].

¹ Перевод И. Казаковой.

*[Так мы создаем бытие, которым являемся; / Испив из глубины душу вещей, / Мы по необходимости станем мудрыми, и, будучи вдохновленными / Лучшим и созная, что воля свободна, / Мы должны неуклонно двигаться, как будто побуждаемые / Строгой необходимостью, по пути / Порядка и добра]*¹.

Таким образом, свободная воля для Вордсворта – это добровольное подчинение природной необходимости, которая равнозначна добру.

Все рассмотренные выше аспекты мировоззрения Вордсворта вполне вписываются в традиции этического сентиментализма, основанного на вере в то, что нравственность опирается на чувства или ощущения, однако в этических представлениях английского романтика имеется чуждый этой традиции элемент – понятие долга, заимствованное из этики И. Канта. Хотя вопрос о влиянии кантианства на творчество Вордсворта не относится напрямую к рассматриваемой в статье проблематике, обращение к нему поможет составить более полное представление о нравственных воззрениях поэта.

В одном из писем, написанных в поздний период жизни, Вордсворт характеризовал сочинения представителей немецкой классической философии как «тоскливые» и признавал в качестве единственной заслуги немецких философов перед теоретической английской мыслью популяризацию платонизма [18. Р. 76]. Однако намного раньше, размышляя о проблемах этики, Вордсворт отмечал преимущества немецкой философии перед английской в этой области: в письме от 31 марта 1809 г. поэт противопоставлял деградировавшую до утилитаризма моральную философию в Англии немецкой философской этике, в которой звучит «голос рассудка и природы» [3. Р. 68]. Свидетельством того, что вдохновила поэта именно этика Канта, является в первую очередь «Ода долгу» («Ode to Duty»).

Хотя ода предваряется эпиграфом в виде цитаты из письма Сенеки, что должно напомнить об этике стоицизма, описание долга в самом стихотворении вполне соответствует кантианству: поэт называет долг суровой дочерью божественного голоса («Stern Daughter of the Voice of God»), говорит о свободе, которая начинает осознаваться «в тишине мысли» (But in the quietness of thought: / Me this unchartered freedom tires») [19. Р. 26, 28]. Однако в третьей строфе оды поэт отступает от кантианской этики, утверждая, что «наша натура будет счастливой, если любовь – наш безошибочный свет и радость – наша защита» («...happy will our nature be, / When love is an unerring light, / And joy its own security») [19. Р. 27]. М. Райдер полагает, что эти строки, возможно, возникли под воздействием концепции «прекрасной души», предложенной Ф. Шиллером в противовес кантианскому разделению нравственного долга и чувственной склонности [3. Р. 70]. Согласно Шиллеру прекрасная душа – это душа нравственно совершенного человека, у которого склонность участвует в моральном поведении и согласуется с долгом; иными словами, такой человек выполняет свой нрав-

¹ Перевод И. Казаковой.

ственный долг с радостью и удовольствием [20. С. 145–149]. Разумеется, концепция прекрасной души близка мировоззрению английского поэта, однако высказываемые в «Оде долгу» мысли о согласии долга и чувства, о чувстве радости, которое служит нам ориентиром в нравственной сфере и защищает нас от ошибок, у Вордсворта более естественно вписываются в контекст английского этического сентиментализма и философии Шефтсбери.

Таким образом, излагая в оде кантианскую концепцию долга, Вордсворт и здесь не отказывается от своей излюбленной этической идеи о естественности нравственных чувств, созвучной Шефтсбери и другим английским моральным философам XVIII в.

Еще одна сторона этики Канта, которая нашла отражение в поэзии Вордсворта, – это формулировка категорического императива с помощью понятия цели: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также, как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [21. С. 270].

В поэме «Прогулка» Вордсворт обращается к этой идее Канта, размышляя о том, какие моральные последствия ждут человека, отказавшегося от соблюдения этого принципа:

Our life is turned
Out of her course, wherever man is made
An offering, or a sacrifice, a tool
Or implement, a passive thing employed
As a brute mean, without acknowledgment
Of common right or interest in the end;
Used or abused, as selfishness may prompt.
Say, what can follow for a rational soul
Perverted thus, but weakness in all good,
And strength in evil? [17. С. 249]

[Наша жизнь сбилась / Со своего курса там, где человек стал для нас / Подношением или жертвой, инструментом / Или орудием; вещью, используемой / Как грубое средство, без признания / Общих прав или конечных целей; / Эгоистически потребляемой. / Скажи, что может произойти с разумной душой, / Столь извратившейся, как не ослабление в добре / И усиление в зле?]¹

Эти строки – подтверждение того, что воззрения Вордсворта в области нравственности формировались не только под влиянием идей этического сентиментализма. Однако, как свидетельствует «Ода долгу», поэт пытается дополнить деонтологическую кантовскую этику отсылками к сфере человеческих чувств.

Рассмотрев этические представления Вордсворта в контексте моральной философии XVIII в., в первую очередь в контексте учения Шефтсбери,

¹ Перевод И. Казаковой.

можно прийти к выводу, что идеи этического сентиментализма получили продолжение в творчестве этого поэта-романтика. При этом принадлежность Вордсворта к романтизму сыграла заметную роль в том, как он воспринимает и интерпретирует моральную философию мыслителя XVIII в.: немаловажную роль в его этических воззрениях играет категория воображения, которое традиционно считается принадлежностью сферы эстетического. Однако эстетические моменты никогда не перевешивают в его этике собственно нравственные: воображение, интуиция, способность видеть красоту мира выступают у Вордсворта как способы достижения единства с миром, которое и делает человека нравственным – способным любить других, сострадать, отзываться на боль и радость другого человека. Таким образом, эстетическое в мировоззрении Вордсворта является необходимым условием этического и этапом на пути его достижения.

Литература

1. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками : в 2 т. Т. 2: От Канта до Ницше / пер. с нем.; под ред. А. Введенского. М. : Гиперборей: Кучково поле, 2007. 512 с.
2. Potkay A. Wordsworth's Ethics. Baltimore : Johns Hopkins Press, 2012. VII+254 p.
3. Rader M. Wordsworth: A Philosophical Approach. Oxford : The Clarendon Press, 1967. 217 p.
4. Grob A. The philosophic mind: A study of Wordsworth's poetry and thought 1797–1805. Columbus : Ohio State University Press, 1973. XII+279 p.
5. Boyson R. Wordsworth and the Enlightenment Idea of Pleasure. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 247 p.
6. Wolff E. Shaftesbury und seine Bedeutung für die englische Literatur des 18. Jhr.: Der Moralist und die literarische Form. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1960. 238 S.
7. Вордсворт У. Избранная лирика : сб. / сост. Е. Зыкова. М. : Радуга, 2001. 592 с.
8. Шефтсбери. Эстетические опыты / сост., пер., коммент. А.В. Михайлова. М. : Искусство, 1975. 543 с.
9. Hutcheson F. An Inquiry into the Original of our Ideas of Beauty and Virtue in Two Treatises. Indianapolis : Liberty Fund, Inc., 2008. XXXII, 271 p.
10. Юм Д. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. С.И. Церетели и др. ; вступ. ст. А.Ф. Грязнова ; примеч. И.С. Нарского. 2-е изд., доп. и испр. М. : Мысль, 1996. 733 с.
11. Wordsworth W. The Prelude or Growth of a Poet's Mind: The Four Texts (1798, 1799, 1805, 1850) / ed. by J. Wordsworth. London : Penguin Books Ltd., 1995. 868 p.
12. Wordsworth W. The Prelude or Growth of a Poet's Mind / ed. by E. de Selincourt. Oxford : Clarendon Press, 1926. LXII, 614 p.
13. Hirsch E.D. Wordsworth and Schelling: A typological Study of Romanticism. New Haven : Yale University Press, 1960. XI, 214 p.
14. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Поздний эллинизм. Харьков : Фолио ; Москва : АСТ, 2000. 960 с.
15. Wordsworth W. The complete poetical works: Cambridge Edition. Boston ; New York, 1904. XLII+937 p.
16. Лосев А.Ф. Словарь античной философии: избр. ст. М. : Мир идей, 1995. 228 с.
17. Wordsworth W. The Excursion: A Poem. London : Simpkin, Marshall and Co., 1814. 268 p.
18. Wordsworth W. The Critical Opinions of William Wordsworth / ed. by L. Markham, Jr. Peacock. Baltimore : Johns Hopkins Press, 1950. 469 p.

19. Wordsworth W. Poems of Wordsworth. New York : C.S. Francis and Co., 1854. 714 p.
20. Шиллер Ф. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М. : Худож. лит., 1957. 791 с.
21. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 4, ч. 1 / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М. : Мысль, 1965. 544 с.

William Wordsworth's Ethical Views in the Context of 18th Century English Moral Philosophy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 248–263. DOI: 10.17223/19986645/72/13

Irina B. Kazakova, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: kib_sam@mail.ru

Keywords: William Wordsworth, Shaftesbury, ethical sentimentalism, romanticism, imagination, aesthetic theodicy.

The article analyzes the moral views of the English romance of William Wordsworth that reflected in his poetic works. The author traces the continuity of Wordsworth's ethics with the moral philosophy of the eighteenth century, primarily with English ethical sentimentalism, and notes the closeness of the poet's views with the moral ideas of Shaftesbury. The closest points in the ethical concepts of Wordsworth and Shaftesbury are the idea of nature as a source of moral sense, the concept of the unity of all living things and the ensuing thought of love for humanity as a necessary condition for love for an individual person. To know the unity of nature and the integrity of humanity is possible only with the help of creative intuition and imagination, which both the romantic poet and the philosopher of the Enlightenment see as a necessary part of man's moral attitude to the world. The lack of emotional connection with the world deprives a person of the opportunity to distinguish good from evil and live a moral life. Both Wordsworth and Shaftesbury try to understand and explain the nature of evil, which is associated with the imperfection of the material world, the suffering and death of all living things. To explain evil, Shaftesbury uses aesthetic theodicy, describing the individual negative aspects of the universe as necessary components of world harmony. Wordsworth does not focus on natural evil and explains moral evil in man as an emotional falling away from world unity and, as a result, inability to love other living beings. Wordsworth and Shaftesbury consider the feeling of joy and pleasure that a person experiences when doing a good deed or observing moral manifestations in other people to be evidence of the innate and natural nature of morality. Many features in the ethical views of Wordsworth and Shaftesbury testify to the inclination of these thinkers to the pantheistic worldview and to philosophical concepts based on pantheism – Neo-Platonism, and, in the case of Wordsworth, to the teachings of Baruch Spinoza. The influence of Neo-Platonism is evidenced by the interpretation by these authors of the concept of love as a way of knowing the unity of the world and as an attraction of the soul to the beautiful, including moral beauty. Spinoza's influence on Wordsworth can be traced in his understanding of free will. Among thinkers who influenced Wordsworth in the field of ethical ideas, Immanuel Kant, who did not share the views of the eighteenth-century ethical sentimentalism, stands apart. In Kant's moral philosophy, the English poet was attracted by the idea of duty dictated by the categorical imperative – the voice of God in the human soul, and the idea of the inadmissibility of treating a person only as a means. In general, the analysis of the moral ideas that were reflected in Wordsworth's poetry speaks of the connection of this representative of romanticism with the traditions of the moral philosophy of the Enlightenment and in the first place with the teachings of Shaftesbury.

References

1. Windelband, W. (2007) *Istoriya novoy filosofii v ee svyazi s obshchey kul'turoy i ot del'nyimi naukami: v 2 t.* [The history of new philosophy in its connection with general culture and individual sciences: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Giperboreya; Kuchkovo pole.

2. Potkay, A. (2012) *Wordsworth's Ethics*. Baltimore: Johns Hopkins Press.
3. Rader, M. (1967) *Wordsworth: A Philosophical Approach*. Oxford: The Clarendon Press.
4. Grob, A. (1973) *The philosophic mind: A study of Wordsworth's poetry and thought 1797–1805*. Columbus: Ohio State University Press.
5. Boyson, R. (2012) *Wordsworth and the Enlightenment Idea of Pleasure*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Wolff, E. (1960) *Shaftesbury und seine Bedeutung für die englische Literatur des 18. Jhr.: Der Moralist und die literarische Form*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
7. Wordsworth, W. (2001) *Izbrannaya lirika: sbornik* [Selected lyrics: A compendium]. Translated from English. Moscow: Raduga.
8. Shaftesbury. (1975) *Esteticheskie opyty* [Aesthetic experiences]. Translated from English by A.V. Mikhaylov. Moscow: Iskusstvo.
9. Hutcheson, F. (2008) *An Inquiry into the Original of our Ideas of Beauty and Virtue in Two Treatises*. Indianapolis: Liberty Fund, Inc.
10. Hume, D. (1996) *Sochineniya: v 2 t.* [Writings: In 2 volumes]. Translated from English by S.I. Tsereteli et al. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
11. Wordsworth, W. (1995) *The Prelude or Growth of a Poet's Mind: The Four Texts (1798, 1799, 1805, 1850)*. London: Penguin Books Ltd.
12. Wordsworth, W. (1926) *The Prelude or Growth of a Poet's Mind*. Oxford: Clarendon Press.
13. Hirsch, E.D. (1960) *Wordsworth and Schelling: A typological Study of Romanticism*. New Haven: Yale University Press.
14. Losev, A.F. (2000) *Istoriya antichnoy estetiki: Pozdny ellinizm* [A History of Ancient Aesthetics: Late Hellenism]. Kharkiv: Folio; Moscow: AST.
15. Wordsworth, W. (1904) *The complete poetical works: Cambridge Edition*. Boston; New York: Houghton, Mifflin & Co.
16. Losev, A.F. (1995) *Slovar' antichnoy filosofii: Izbrannye stat'i* [Dictionary of Ancient Philosophy: Selected Articles]. Moscow: Mir idey.
17. Wordsworth, W. (1814) *The Excursion: A Poem*. London: Simpkin, Marshall and Co.
18. Wordsworth, W. (1950) *The Critical Opinions of William Wordsworth*. Baltimore: Johns Hopkins Press.
19. Wordsworth, W. (1854) *Poems of Wordsworth*. New York: C.S. Francis and Co.
20. Schiller, F. (1957) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works: In 7 volumes]. Translated from German. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
21. Kant, I. (1965) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 volumes]. Translated from German. Vol. 4 (1). Moscow: Mysl'.

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/72/14

М.Н. Николаева, Н.Н. Томская

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНИКИ ПОТОКА СОЗНАНИЯ В АБСУРДИСТСКИХ ПЬЕСАХ С. БЕККЕТА

Рассматривается приём потока сознания в развитии от модернизма к постмодернизму на материале романа Дж. Джойса «Улисс» и абсурдистских пьес С. Беккета. Анализируются способы языкового выражения потока сознания в тексте пьес театра абсурда, обусловленные установками постмодернизма, философией театра абсурда и творческими поисками С. Беккета. Установленные языковые средства дифференцируются на типичные для потока сознания в драматургическом тексте и вариативные авторские элементы.

Ключевые слова: Сэмюэль Беккет; Джеймс Джойс; театр абсурда; драматургический текст; поток сознания; вербализация

Термин «поток сознания» впервые был предложен американским психологом Уильямом Джеймсом в 1890 г. для описания работы сознания человека – бесконечного течения мыслей, идей, ощущений и образов. Однако с тех пор понятия «сознание» и «поток сознания» переосмыслились не только с позиций научных дисциплин, в частности психологии, лингвистики, психолингвистики и литературоведения, но и писателями в их литературном творчестве.

Цель статьи заключается в определении специфики языкового выражения потока сознания в тексте абсурдистских пьес С. Беккета.

Поток сознания чаще всего рассматривается с позиций литературоведения и определяется как литературный прием, техника письма, творческий метод или принцип. В рамках лингвистики текста поток сознания можно рассматривать как «стилистический прием», если определять его широко как «субъективный лингвистический фактор текстообразования, отражающий особый способ текстовой организации, выбранный автором для наиболее адекватного отражения своего видения мира и описываемой ситуации» [1. С. 460]. Однако в отличие от традиционных стилистических приемов, которые образуются на основании бинарной оппозиции значения и/или структуры компонентов, составляющих тот или иной стилистический прием, в основу техники потока сознания закладывается более сложный логико-ассоциативный алгоритм. Поток сознания может быть реализован с помощью различных языковых средств, включая и стилистические приемы. В задачи данной статьи входит систематизация языковых средств, типичных для вербализации техники потока сознания в драматургическом тексте, а также определение вариативных, авторских приемов использования техники потока сознания в тексте пьес С. Беккета.

Чтобы описать специфику потока сознания в драматургии С. Беккета, необходимо обратиться к прозе Дж. Джойса. Во-первых, потому что Дж. Джойс развил технику потока сознания в романе «Улисс», раскрыв её художественные возможности. Во-вторых, сравнительный анализ художественного стиля Джеймса Джойса (1882–1941) и Самюэля Беккета (1906–1989) представляет интерес по ряду причин: оба писателя – ирландцы, выросли и получили образование в Дублине, но прожили большую часть своей жизни вдали от родины, в континентальной Европе. Дж. Джойс и С. Беккет были не просто современниками, но много сотрудничали. С. Беккет некоторое время работал личным секретарем Дж. Джойса. Очевидно, что непосредственное знакомство с творчеством Дж. Джойса, оказавшим сильное влияние на многих писателей модернистов и постмодернистов, не прошло бесследно для С. Беккета в 1951 г. Будучи под впечатлением от романа Дж. Джойса «Улисс», С. Беккет публикует свой роман-одиссею «Моллой», в котором прибегает к повествованию от первого лица и широко использует технику потока сознания. Несмотря на ощутимое влияние произведений Дж. Джойса С. Беккет стремился выработать свой художественный стиль [2]. Это привело его к радикальной идее литературы не-слова, или литературы молчания, в терминологии И. Хассана [3], контрастирующей с «апофеозом слова» Дж. Джойса [4. С. 98].

Поток сознания представляет собой трехчастную структуру, в основе которой лежит тема, являющаяся отражением объективной реальности, и стойкие, глубокие мотивы, воспоминания и ассоциации, вызванные «внутренними деформациями основы», или «травмами сознания», которые всегда присутствуют в сознании или подсознании и могут актуализироваться в любой момент [5. С. 62]. Укоренившаяся в сознании мысль (тема) представляет собой отправную точку развития, на которое одновременно воздействуют два взаимодополняющих процесса: рефлексивный (от сознания к реальности и от неё назад к сознанию) и рефлексивный (от сознания к подсознанию (бессознательному) и от него к сознанию). Таким образом, поток сознания основывается на взаимодействии трех ментальных процессов (восприятия, осмысления и рефлексии). Триггером «потока» сознания может быть любой из них.

Сознание одного из главных героев «Улисса» Леопольда Блума, соприкасаясь с материальным миром, генерирует новые впечатления и ассоциации. Так, «блумовский» поток сознания строится на акцентуации внешних вторжений. Такой метод фиксации мельчайших ассоциаций восходит к идеям З. Фрейда [5. С. 64]. Внешние факторы влияют на бессознательное, которое, выходя на уровень сознательного, отражается в структуре речи. Реципиентом с наиболее распространенным и нормативным алгоритмом мироосмысления такая речь воспринимается как хаотичная, алогичная и обрывочная. В тексте это может быть выражено с помощью эллиптических конструкций, апосиопезы (умолчания), инверсии. Эти приемы не усложняют понимание, а лишь уменьшают степень вербальной экспликации работы сознания.

Любая мысль, формируемая в сознании и получающая репрезентацию во внутренней речи, может быть эксплицирована с помощью различных языковых средств и приемов. Например, финальный внутренний монолог персонажа «Улисса» Молли представляет собой неделимый поток сознания, вербализованный с помощью восьми сверхдлинных предложений, предложений-гигантов, не содержащих ни одного знака препинания. Тем не менее в этом трудно воспринимаемом монологе есть структура и форма. Слова объединяются в синтаксические конструкции, которые эксплицируют темы, плавно сменяющие одна другую. Молли медленно погружается в сон, и её «поток сознания» трансформируется в бессознательное. Лингвистически такой эффект создается за счет отказа в использовании знаков пунктуации, наличия перечислений и многочисленных повторов, передающих ритмически организованную и упорядоченную последовательность изображаемого мыслительного процесса. Повторы также помогают переходить к следующей теме, выступая некими «порогами» или скрепами, за которые сознание Молли цепляется в своем «потоке» [6. С. 68]. Так, в ее монологе многократно повторяется слово *yes*, которое Дж. Джойс считал типичным в устах женщин. Весь эпизод, начинающийся с сочетания слов *yes because* и заканчивающийся фразой *yes I said yes I will Yes*, можно назвать примером женского «потока сознания», непредсказуемого, интуитивного, происходящего из бессознательного, иррационального.

Если работы Дж. Джойса являются общепризнанными образцами эпохи модернизма, то с творчеством С. Беккета всё не так однозначно. Ряд исследователей определяют его как представителя позднего модернизма [7, 8], другие – однозначно признают его как писателя-постмодерниста [3]. Принимая во внимание наличие свойств лингвистического негативизма [9, 10], фрагментарности и дезинтеграции в текстах пьес С. Беккета, мы склонны относить творчество С. Беккета к постмодернизму.

Возникает вопрос: насколько совместимы абсурдизм и вербальная репрезентация потока сознания? Подчеркнем, что абсурд в нашей статье понимается в экзистенциальном смысле и не предполагает непременно нарушения логических закономерностей. Но если постмодернизм отказывается от правил в пользу принципа игры, то поток сознания в театре абсурда – это и есть реализация принципа игры прежде всего с языковыми структурами. Это умозаключение согласуется с трактовкой еще одной важной темы в творчестве С. Беккета – проблемы коммуникации, которая может быть и причиной и следствием такой игры. Описанная выше трехчастная структура потока сознания, коммуникативная затрудненность и часто сопутствующая им алогичность являются воплощением важного принципа философии постструктурализма – принципа ризомы. Ризомность отрицает структуру с единым семантическим центром и предлагает вместо нее полиморфное образование со множеством смыслов. Как ведущий принцип художественного мышления в постмодернизме ризомность выражается во фрагментарности, хаотичности, цитатности, синкретизме жанров [11. С. 121]. В абсурдистских пьесах такие деконструктивистские тен-

денции наблюдаются в том числе и в специфическом построении диалогов, когда персонажи, несмотря на внешние признаки вовлеченности в коммуникацию, сохраняют концентрацию на своем внутреннем мире, что выражается в частых повторах отдельных тем, а также в монологах. В определенном смысле поток сознания, который чаще всего воплощается в монологах, сохраняется и в диалогах в виде некоторых тем, всегда присутствующих в сознании героев и потенциально готовых «прорваться» в виде монолога. Маркерами следования стратегии избегания коммуникации и присутствия скрытого потока сознания в диалогах пьес являются повторы, паузы и алогизмы. Сознание и мышление персонажей в театре абсурда изображены ризомными – одновременно протекающими в разных коммуникативных плоскостях.

Художественный мир абсурдистских пьес С. Беккета апокалиптически страшен, почти невозможен, всегда на грани конца, ожидание которого невыносимо. По образному выражению самого автора, это «humanity in ruins» (рус. «человечество в руинах»). Именно такое бытие продуцирует искаженные формы восприятия действительности в сознании персонажей театра абсурда. В абсурдистских пьесах люди позиционируются в определенных проблемных обстоятельствах, они стремятся это выразить в единственной доступной им речевой форме, но при этом молчат о главном, причиняющем им душевную боль: о страхе, пережитых травмирующих психику событиях прошлого и о приближении конца физического существования. Именно эти темы перманентно присутствуют в сознании персонажей и получают эксплицитное эмоциональное выражение в их монологах.

Одной из таких тем является ностальгия, шире – проблема памяти. Герои самой известной пьесы С. Беккета «В ожидании Годо» Диди и Гого вспоминают Эйфелеву башню, Библию и старые анекдоты; героиня Винни в пьесе «Счастливые дни» цитирует классиков прошлого; Крэпп из «Последней ленты Крэппа» предается воспоминаниям о своей молодости. Поток сознания в театре абсурда всегда перемешан с воспоминаниями. Действие в пьесах театра абсурда не развивается, оно как бы застыло на месте, но при этом в тексте всегда присутствуют реминисценции, отсылающие к прошлому. Эпизоды, выражающие будущие события, планы, мечты и фантазии персонажей, практически отсутствуют в анализируемых пьесах. Временной континуум в текстах пьес трансформируется и начинает обозначать статичный момент из жизни героев, которые боятся будущего, страдают в настоящем или не понимают его и живут бессвязными воспоминаниями о прошлом. Текст, обозначающий такое состояние, в высшей степени «ризомный», лишен линейной структуры, он многомерен и состоит из множества тем и подтем, не всегда логически связанных. Поэтому поток сознания в театре абсурда бросает вызов зрительскому восприятию базовых категорий времени, пространства и порядка.

Вышеизложенные особенности драматургии С. Беккета вербализуются с помощью средств разных уровней языковой системы – морфологического, лексического и синтаксического. Когнитивная категория памяти репре-

зентируется с помощью средств грамматической категории времени, прежде всего с помощью временных форм глагола. В тексте пьес театра абсурда фрагменты, являющиеся воспоминаниями, выражены с помощью форм прошедшего времени глаголов, сослагательного наклонения (*Suppose we repented* [12. Р. 13], *We wouldn't have to go into details* [12. Р. 13]) и грамматической конструкции «модальный глагол + перфектный инфинитив» (*You should have been a poet* [12. Р. 14] или *I must have made a note of it* [12. Р. 16]). Эта грамматическая конструкция обозначает также сожаление об упущенных в прошлом возможностях и невозможность исправить в настоящем ранее сложившуюся ситуацию.

Травмы сознания отражаются в когнитивных процессах героев, находящихся вербализацию в синтаксических структурах, являющихся эллиптическими и / или односоставными предложениями. Еще большую фрагментарность тексту придают многочисленные паузы, выражаемые с помощью пунктуационных знаков и стилистических приемов, в частности апосиопезы, основной функцией которой является вербализация умолчания и недосказанности.

Постапокалиптическая действительность и негативизм передаются в пьесах С. Беккета посредством лексических единиц лексико-семантических групп, таких как «страдание» (*beat, a little heap of bones, hurt, suffer*), «конец» (*end, finish, the last moment*), «темнота» (*black ball, dark nurse, closed eyes, darkness, profound gloom, night*); слов с общей семой «повторный» (*again, the same, as usual, resume*), а также сокращенных отрицательных форм глагола (*can't, mustn't, don't, didn't, wasn't, weren't*) и отрицательных местоимений (*nothing, none, no*). Используемые языковые средства позволяют наиболее ярко выразить эмоциональную подавленность, отсутствие перспективы, разочарованность и потерю смысла жизни.

Использование техники потока сознания в драматургии С. Беккета обусловлено еще и требованиями сценического жанра. В драме все внутреннее монологи должны быть озвучены и при всём их психологизме должны оставаться сценичными. Средства создания сценичности не сводятся только к театральным приемам, они могут быть обнаружены непосредственно в драматургическом тексте. Например, драматург может прибегать к интердискурсивности, стилизуя внутренний монолог под публичное выступление (речь Лаки) или внедряя песни и анекдоты. Сценический эффект также дают паузы, которые в зависимости от их долготы и функции могут быть по-разному выражены в тексте, например знаками препинания или ремарками *pause, silence, hesitates*.

С. Беккет сознательно отстраняется от злободневности и публицистичности. Это позволяет ему сконцентрироваться на субъективном восприятии действительности персонажами. При этом сама действительность становится второстепенной или трудно определяемой из-за неопределенности изображаемого в пьесах времени и пространства.

Интерес С. Беккета к проблеме психических расстройств и отклонений можно объяснить некоторыми фактами его биографии: сложные отноше-

ния с матерью, проявление депрессии и попытки избавиться от этой болезни с помощью психоанализа, знакомство с безответно любившей С. Беккета дочерью Джеймса Джойса Люцией, которая впоследствии лечилась от шизофрении у известного психиатра Карла Юнга. В своих абсурдистских пьесах С. Беккет стилизует психические и речевые патологии, используя доступный ему арсенал языковых средств и при этом выстраивая глубокий и открытый к множеству интерпретаций подтекст. Прибегая к такому художественному приему, С. Беккет реабилитирует и повышает социальную значимость людей с психическими проблемами. Во многом его произведения, в частности пьесы 1950-х гг., предвосхитили работы философа-постструктуралиста М. Фуко, рассматривавшего проблемы безумия. В своих трудах «История безумия в классическую эпоху» (1961), «Рождение клиники: Археология врачебного взгляда» (1963) философ М. Фуко критикует классическую психиатрию, подавляющую личность пациента путем изоляции и лишения его прав. М. Фуко предлагает новый взгляд на безумие как на форму психической жизни, позволяющей глубже осознать суть человеческого существования.

Известно, что С. Беккет проявлял интерес к работам по медицине и психологии, связанным с такими поведенческими и речевыми отклонениями, как эхолалия – неконтролируемое автоматическое повторение слов, и копролалия – болезненное, непреодолимое импульсивное влечение к циничной и нецензурной брани. Парадоксально, что эти два симптома, характеризующие речевую патологию, известную как синдром Туретта, напоминают алгоритм построения некоторых лингвостилистических явлений, таких как полисемия, рифма, ритм, повтор и каламбур [13. Р. 175]. Вероятно, подобные наблюдения легли в основу речевой партии персонажа Лаки из пьесы «В ожидании Годо», речь которого, как и при синдроме Туретта, отличается навязчивостью и судорожностью. Несмотря на своё имя Lucky (счастливчик), этот персонаж полностью поработан и подчинён воле другого персонажа по имени Поццо. При этом реплики Поццо отличаются подчёркнутой красноречивостью (например, лиричный монолог о сумерках). Лаки не воспринимают как личность, его держат на привязи, как животное, он неукоснительно, молча выполняет команды своего хозяина. Более того, во втором акте пьесы он и вовсе теряет дар речи. Такое противопоставление Поццо и Лаки можно трактовать с точки зрения природы властных отношений и роли языка в них. Коммуникативное превосходство Поццо здесь является атрибутом его власти над Лаки. Дуэт Поццо и Лаки можно также трактовать как аллегорию социально-политических процессов в первой половине XX в. в Европе, свидетелем которых был С. Беккет. 1930-е гг. были эпохой идеологической пропаганды, основным средством которой был язык. Ужасы Второй мировой войны привели к всеобщему разочарованию, в том числе и в языке как истинном орудии коммуникации, установилась эпоха молчания или абсурда. В этом смысле Поццо представляет собой человека прошлой эпохи диктата, умело пользующегося языком в целях доминирования и господства, а Лаки – его жертва, лицо новой эпохи молчания.

Речь Лаки – это не адресованные самому себе мысли, а некое подобие публичной речи, которую ему приказывают продемонстрировать командой «Think!». Поскольку ему приказывают именно думать (think), а не говорить (speak), данный отрывок можно рассматривать как случай вербализованного внутреннего монолога, т.е. потока сознания, а не публичной речи. Монолог Лаки начинается с использования фраз, характерных для научной или богословской речи, – *Given the existence... of a personal God* [12. Р. 42]. Смысловое и тематическое наполнение потока сознания в рассматриваемом монологе представляет собой синтез схоластической, богословской терминологии с абсурдной и бессмысленной. Так, анафорический повтор *divine apathia, divine athambia, divine aphasia* содержит два термина и заимствованное слово: *aphasia* (от греч. *a* – отрицательная частица и *phasis* – речь), что означает расстройство речи, неспособность пользоваться фразами и словами как средством выражения мыслей; *apathia* (греч. *apatheia* «бесчувственность») – расстройство эмоционально-волевой сферы, выражающееся в безразличии к себе и окружающему, отсутствии желаний и бездеятельности; *athambia* (в македонском: атамбија (грч. *athambia*) «смелость, бесстрашие, свобода от страха»). Примечательно, что в русских переводах пьесы вместо транслитерированного слова «атамбия» используется термин «агнозия» [14], обозначающий расстройство, связанное с нарушением функций распознавания, узнавания и понимания предметов, объектов и явлений при сохранении сознания и восприятия. Однако повторяющийся эпитет *divine* (божественный), семантически и стилистически не сочетающийся с терминами, участвует в создании парадоксальной стилистической комбинации, квазиоксюморона. Другой латинский термин *qua* (лат. «в функции или качестве чего-либо») посредством множественного слитного повтора начинает напоминать звукоподражательное слово *quaquaquaqua*, имитирующее кряканье уток или кваканье лягушек. Повторение слогов в сочетании слов *Academy of Anthropometry* превращает его в труднопроизносимое непристойное *Acacacacademy of Anthropolopometry*, что наряду с искажением фамилий учёных *Fartov and Belcher* демонстрирует копролалический характер высказывания. Судорожное перечисление рифмующихся за счёт одинаковых окончаний слов здесь стилистически маркировано и имитирует проявление синдрома Туретта. Лаки пытается извлечь из сознания примеры, но эхололически повторяет собственные слова, при этом часто механически составляет новые несуществующие слова, окказионализмы. Примерами окказионализмов являются название несуществующего вида спорта *conating* или топоним *Feckham*.

Монолог Лаки с обилием повторов и избыточными перечислениями кажется нонсенсом, но если исключить повторяющиеся выражения, то текст приобретает вид вполне осмысленного сообщения:

Given the existence... of a personal God... outside time... who... loves us dearly... and suffers... with those who... are plunged in torment... it is established beyond all doubt... that as a result of the labours unfinished... man... is seen to waste and pine [12. Р. 42–43].

Речь Лаки – это высказывание о человеке и Боге, главный посыл которого заключается в том, что человек сам виноват в своём удручающем состоянии, поскольку не завершил свой труд и, бездельничая, обречен на мучения. Это сообщение обращено к Владимиру и Эстрагону, которые бездействуют и ожидают мистического Годо в надежде найти в его лице спасение, они не могут понять смысл монолога Лаки и поэтому не хотят его слушать, физически заставляя Лаки замолчать.

Таким образом, речь Лаки – это яркий образец «потока сознания», где на передний план выступает третий элемент – травмы сознания, которые здесь проявляются в виде речевой патологии. Несмотря на то, что речь Лаки имитирует публичное выступление, которое должно быть гораздо полнее оформлено вербально, чем типичный внутренний монолог, здесь мы наблюдаем противоположное явление, когда травмированное сознание препятствует полноценному вербальному выражению.

Ряд пьес С. Беккета представляют собой практически непрерывный поток сознания. Так, «Последняя лента Крэппа» – одноактная пьеса, где всего одно действующее лицо – старик Крэпп, который слушает свои старые аудиозаписи. Эти записи представляют собой устный дневник, фактически поток сознания о пережитых событиях своей жизни. Преобладающими ремарками в пьесе являются слова *pause* (рус. пауза) и *hesitates* (рус. колеблется, медлит), их использование задаёт особый ритм пьесе, в которой ничего не происходит и время как бы остановилось. Всё, что наблюдает зритель или читатель, – это воспроизведение потока сознания героя, застрявшего между собственными воспоминаниями разных лет, с помощью речевых средств. Типичные для театра абсурда повторы здесь представлены в новом формате: Крэпп буквально перематывает свою запись назад и таким образом повторяются уже не отдельные слова, а целые реплики.

В конце пьесы Крэпп делает новую монологическую аудиозапись, в которой негативизм и неопределённость выражены с помощью отрицательных средств и неопределённых местоимений: *Everything there, everything on this old muckball <...>; one pound six and something; nothing to say, not a squeak, not a soul* [12. P. 222]. Тема ностальгии и воспоминаний раскрывается через использование конструкции «модальный глагол + перфектный инфинитив смыслового глагола», передающей сожаление и печаль о том, что не случилось в его жизни: *Could have been happy with her, up there on the Baltic, and the pines, and the dunes* [12. P. 222]. Перечисление, осложненное многосоюзием и антитезой (*all the light and dark and famine and feasting*), приближает монолог к естественной речи. Натуралистичность монологу также придают эллиптические высказывания (*Getting known. Not a soul. Last fancies*) и междометие (*Pah!*), выражающее грусть о прошлом. При этом диалог остается сценичным за счёт форм восклицаний (*Yes! Let that go! Jesus!*), включения текста песни, риторических вопросов (*Could I? And she?*), а также сниженной лексики (*old muckball, bony old ghost of a whore, kick in the crutch*).

Пьеса «Не я» представляет собой одно монологическое высказывание необычного персонажа, части лица, Рта. Вся сцена погружена в темноту, и

подсвечивается только рот актрисы. Рот от третьего лица фрагментарно рассказывает историю жизни женщины и смену ее физического состояния от практически немоты до патологического неконтролируемого говорения, известного в логопедии и психолингвистике как тахилалия [15]. Здесь, как и в речи Лаки, наблюдается стихийный, неконтролируемый поток речи, периодически переходящий в крик:

MOUTH: out . . . into this world . . . this world . . . tiny little thing . . . before its time . . . in a godfor- . . . what? . . girl? . . yes . . . tiny little girl . . . into this . . . out into this . . . before her time . . . godforsaken hole called . . . called . . . no matter . . . [12. Р. 376].

Монолог без четкой структуры высказываний является типичным примером «потока сознания». Многочисленные повторы и умолчания разграничиваются многоточиями. Интересно, что многоточие передает задумчивую манеру произнесения, в отличие от употребления тире, другого пунктуационного знака, используемого в тексте пьесы для обозначения резко оборвавшейся, незаконченной речи. В силу деления текста пьесы на очень краткие синтагмы, которые могут состоять из единственного односложного слова, создается эффект быстрого, отрывистого говорения.

Важно, что героиня отказывается отождествлять себя с предметом своего рассказа: *...and she found herself in the . . . what? . . . who? . . . no! . . . she!* [12. Р. 377]. Речевая патология и проблема самоидентификации свидетельствуют о пережитом травмирующем опыте, который не называется напрямую, но подразумевается.

Таким образом, самой очевидной, но не менее важной особенностью приема потока сознания в драматургическом тексте является монологическая форма высказывания. В условиях повышенной диалогичности драматургического текста любой монолог уже обладает маркированным значением, которое только усиливается в случае аутодиалога или внутреннего монолога. Основными языковыми средствами выражения потока сознания в тексте пьес являются апосиопеза (умолчание), эллиптические конструкции, повторы и перечисления, которые призваны создать эффект особого психологического состояния и симультанности мышления и говорения. Такие свойства драматургического текста, как сценичность и стилизация разговорной речи, вовлекают в реализацию потока сознания элементы разговорной или сниженной лексики, риторические вопросы, средства актуализации интертекстуальности (цитаты и аллюзии), интердискурсивности (использование песен), а также экстралингвистические средства (крики и паузы).

В абсурдистской драматургии С. Беккета прием потока сознания строится на внутренней деформации основы мышления, обусловленной травмами сознания. Подобная деформация выражается во фрагментарности монологов, достигаемой множественными повторами единиц разных языковых уровней и паузаций. Поток сознания при этом имплицитно присутствует и в диалогах, на что указывают не только паузы и повторы, но и алогизмы. Такое «расщепление» потока сознания на разные коммуника-

тивные планы (диалог и аутодиалог) свидетельствует о ризомности мышления, что выражается в постмодернистском тексте пьес театра абсурда.

Литература

1. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. 6-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2016. 610 с.
2. Краснящих А. Джойс и Беккет без права переписки. 2012. URL: <http://www.russ.ru/pole/Dzhoyts-i-Bekkett-Bez-prava-perepiski> (дата обращения: 18.10.2019).
3. Hassan I. Literature of Silence: Miller & Beckett. New York : Alfred A Knopf, 1967. 225 p.
4. Беккет С. Осколки: эссе, рецензии, критические статьи / сост., пер. с англ и фр., послесл. и примеч. М. Дадына. М. : Текст, 2009. 192 с.
5. Николаева М.Н. Поток сознания как способ актуализации связности в художественном тексте // Проблемы современной стилистики : сб. науч. тр. Вып. 459. М., 2001. С. 55–67.
6. Коузия Л.А. Феномен «потока сознания» в произведениях М. Пруста, Дж. Джойса и У. Фолкнера // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. С. 65–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/fenomen-potoka-soznaniya-v-proizvedeniyah-m-prusta-dzh-dzhoysa-i-u-folknera> (дата обращения: 18.10.2019).
7. Miller T. Late Modernism: Politics, Fiction and the Arts Between the World Wars. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1999. 276 p.
8. Jenson F. A Singular Modernity. London : Verso, 2002. 250 p.
9. Weller Sh. Beckett and Late Modernism // The New Cambridge Companion to Samuel Beckett / ed. D. Van Hulle. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. P. 89–102.
10. Николаева М.Н., Томская Н.Н. Лингвонегативизм С. Беккета (на примере текста пьесы «В ожидании Годо») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6-1 (84). С. 128–135.
11. Кучменко М.А. Принцип ризомы как структурообразующий фактор постмодернистского текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. С. 119–122. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/printsip-rizomy-kak-strukturoobrazuyushchiy-faktor-postmodernistskogo-teksta> (дата обращения: 18.10.2019).
12. Beckett S. The Complete Dramatic Works. London : Faber and Faber, 2006. 476 p.
13. Maude U. Beckett, Body and Mind In: Van Hulle, Dirk, ed. The New Cambridge Companion to Samuel Beckett. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. P. 170–184.
14. Беккет С. В ожидании Годо / пер. О. Тархановой URL: <https://www.litmir.me/br/?b=2865&p=10> (дата обращения: 16.11.2019).
15. Barry E., Broome M., Heron J. Not I: Beckett and psychiatry // British Journal of Psychiatry. 2014. № 204 (3). P. 239.

Features of the Stream of Consciousness in the Absurdist Plays by Samuel Beckett

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 264–275. DOI: 10.17223/19986645/72/14

Marina N. Nikolaeva, Natalia N. Tomskaya, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: marinik2@yandex.ru / natalie_tomskaya@mail.ru

Keywords: Samuel Beckett, James Joyce, theatre of absurd, dramatic text, stream of consciousness, verbalization.

The article considers the specificity of a linguistic reproduction of the stream of consciousness in the dramatic text of Samuel Beckett's absurdist plays. The material of the research is the text of three plays by Beckett: *Waiting for Godot* (1956), *Krapp's Last Tape*

(1958) and *Not I* (1972). The latter two are monodramas and are bright illustrations of the stream of consciousness technique. To compare the creative ways of employing the stream of consciousness procedure, the research involves the analysis of some episodes of *Ulysses* by James Joyce. The method of the research is a comprehensive linguistic and stylistic analysis of the text, complemented by some data of literary and cultural studies. Beckett and Joyce's literary connections are taken into account as well as the philosophy and themes of the theatre of the absurd and the principles of postmodernism, particularly that of the rhizome, which inspired the use of certain linguistic means to explicate the stream of consciousness technique. Recognizing Joyce's influence on Beckett's works, as well as Joyce's role in the development of the stream of consciousness technique, the research starts with the analysis of the linguistic features of this technique, employed in *Ulysses*. Ellipsis, aposiopesis, repetition and enumeration have been identified as the main stylistic means of the stream of consciousness. There have been identified several specific features of Beckett's dramaturgy which distinguish it from modernists' works and those of Joyce. Those features allow us to define Beckett as a postmodern playwright. They include linguistic negativism or "literature of the unword" (the term was offered by Beckett), the postmodernism game and rhizome, comprising fragmentarity and chaos. In addition to the cultural paradigm, another significant factor determining linguistic features of a dramatic work is its subject matter. From the variety of themes raised by the author, the most relevant to the stream of consciousness are the problems of communication, memory, traumatized consciousness and negativism. The main stage of the research is the linguistic and stylistic analyses of the texts of Beckett's plays which have revealed the already noted stylistic means of the stream of consciousness in *Ulysses* by Joyce, as well as some devices peculiar to the dramatic text as a whole and Beckettian elements characteristic of his unique style. Thus, the staginess and the colloquial language of the dramatic text require additional impulses from the stream of consciousness in the form of non-literary vocabulary, rhetorical questions, and elements of intertextuality, interdiscursivity, and some extralinguistic features. The Beckettian stream of consciousness technique includes the excessive use of repetition and pauses, as well as an elaboration of a technique reproducing traumatized consciousness through linguistic and stylistic imitation of speech pathologies.

References

1. Zherebilo, T.V. (2016) *Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponyatiy* [Dictionary of linguistic terms and concepts]. 6th ed. Nazran: Pilgrim.
2. Krasnyashchikh, A. (2012) *Dzhoys i Bekket bez prava perepiski* [Joyce and Beckett without the right of correspondence]. [Online] Available from: <http://www.russ.ru/pole/Dzhoys-i-Bekket-Bez-prava-perepiski> (Accessed: 18.10.2019).
3. Hassan, I. (1967) *Literature of Silence: Miller & Beckett*. New York: Alfred A Knopf.
4. Beckett, S. (2009) *Oskolki: Esse, retsenzii, kriticheskie stat'i* [Disjecta: Miscellaneous Writings and a Dramatic Fragment]. Translated from English and French by M. Dadyan. Moscow: Tekst.
5. Nikolaeva, M.N. (2001) Potok soznaniya kak sposob aktualizatsii svyaznosti v khudozhestvennom tekste [Stream of consciousness as a way to actualize coherence in a literary text]. In: *Problemy sovremennoy stilistiki* [Problems of modern stylistics]. Vol. 459. Moscow: MSLU. pp. 55–67.
6. Kougiya, L.A. (2007) Fenomen "potoka soznaniya" v proizvedeniyakh M. Prusta, Dzh. Dzhoysa i U. Folknera [The "stream of consciousness" phenomenon in the works of M. Proust, J. Joyce and W. Faulkner]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. pp. 65–69. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/fenomen-potoka-soznaniya-v-proizvedeniyah-m-prusta-dzh-dzhoysa-i-u-folknera> (Accessed: 18.10.2019).

7. Miller, T. (1999) *Late Modernism: Politics, Fiction and the Arts Between the World Wars*. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press.
8. Jameson, F. (2002) *A Singular Modernity*. London: Verso.
9. Weller, Sh. (2015) Beckett and Late Modernism. In: Van Hulle, D. (ed.) *The New Cambridge Companion to Samuel Beckett*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 89–102.
10. Nikolaeva, M.N. & Tomsкая, N.N. (2018) Linguistic Negativism of S. Beckett (By the Material of the Play “Waiting for Godot”). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theoru & Practice*. 6-1 (84). pp. 128–135. (In Russian).
11. Kuchmenko, M.A. (2014) Principle of a rhizome as structure-forming factor of postmodernist text. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie – Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and the Arts*. pp. 119–122. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/printsip-rizomy-kak-struktureobrazuyuschiy-faktor-postmodernistskogo-teksta> (Accessed: 18.10.2019). (In Russian).
12. Beckett, S. (2006) *The Complete Dramatic Works*. London: Faber and Faber.
13. Maude, U. (2015) Beckett, Body and Mind. In: Van Hulle, D. (ed.) *The New Cambridge Companion to Samuel Beckett*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 170–184.
14. Beckett, S. (2019) *V ozhidanii Godo* [Waiting for Godot]. Translated from English by O. Tarkhanova. [Online] Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=2865&p=10> (Accessed: 16.11.2019).
15. Barry, E., Broome, M. & Heron, J. (2014) Not I: Beckett and psychiatry. *British Journal of Psychiatry*. 204 (3). p. 239.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/72/15

Н.Е. Никонова

**ОБРАЗЫ СВОБОДЫ В ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ
В.А. ЖУКОВСКОГО: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭГОДОКУМЕНТОВ
И НЕОПУБЛИКОВАННОГО КОНСПЕКТА СОЧИНЕНИЯ
К.Э. ЯРКЕ «DIE RECHTLICHE FREIHEIT» (1831)¹**

Рассмотрены образы свободы в правовом дискурсе В.А. Жуковского. В качестве материалов исследования используются эгодокументы и неопубликованный конспект сочинения немецкого профессора по уголовному праву К.Э. Ярке «Die rechtliche Freiheit» (1831). В статье представлена одна из первых попыток анализа нового источникового материала, вводимого в научный оборот, с междисциплинарной позиции, совмещающей историко-филологический, квалитативно-лингвистический и дискурсивно-правовой подходы.

Ключевые слова: русская литература, В.А. Жуковский, К.Э. Ярке, правовой дискурс, свобода

Тема свободы в русской литературе, как известно, является одной из знаковых, однако специального исследования на материале творчества В.А. Жуковского она доныне не получала. Обнаруженная в архиве поэта записная книжка, испещрённая карандашными и чернильными записями на русском и немецком языках, обостряет актуальность изучения ореола смыслов, связанных с функционированием особой для отечественной словесности единицы в наследии поэта. Принадлежность обнаруженного конспекта к сфере юриспруденции ставит также не менее важный вопрос о дискурсе права в творчестве В.А. Жуковского [1], поиск ответов на который должен стать посылом для монографического исследования. Настоящая статья представляет одну из первых попыток анализа нового источникового материала, вводимого в научный оборот, с междисциплинарной позиции, совмещающей историко-филологический, квалитативно-лингвистический и дискурсивно-правовой подходы.

Ранее не опубликованная записная книжка В.А. Жуковского, сохранившаяся в РНБ, содержит 14 листов, с обеих сторон, заполненных записями поэта; сотрудниками архива единице хранения № 38 дано название «[О свободе]. Отдельные черновые записи» и примерная датировка [1832–1833 гг.]. Как удалось установить, оба предположения являются верными лишь отчасти. Фрагменты представляют собой типичный для автора рукописи тип перевода-конспекта, или выписок, из программного для форми-

¹ Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

рования его взглядов сочинения с включением собственных размышлений, которые могут кардинально отличаться от концепции, изложенной в реферируемом источнике. Принципиальная значимость таких читательских и переводческих практик поэта для эстетического, художественного, исследовательского мировоззрения доказана на примерах масштабного изучения его личной библиотеки [2].

Определить автора и название оригинала позволила одна из записей на немецком языке, которая в отличие от большинства других фрагментов почти дословно воспроизводит источник и гласит: «*Rechtliche Freyh. Wenn diese Späre rechtlich anerkannt wird und mithin gleichbedeutend mit einem rechtlich gesicherten, unabhängigen, keiner fremden Willkür unterworfenen Rechtszustand*» [3. S. 117] [Правовая своб<ода>]. Если эта сфера признана юридически и тем самым получает статус равнозначной гарантированному, независимому состоянию права, не подверженному внешнему своеволию¹.

Процитированное Жуковским-читателем сочинение принадлежит перу Карла Эрнста Ярке (Karl Ernst Jarcke, 1801–1852), известного немецкого издателя, теоретика и историка, выпустившего труды о немецком уголовном праве (три тома, 1827–1830) [4]; о французской революции 1830 г. [5], множество публикаций в возглавляемом им периодическом издании «Берлинский политический еженедельник», основанном консервативными кругами Пруссии для противостояния либерально-революционным настроениям. Подшивка этого периодического издания сохранилась в библиотеке Жуковского в Томске (1832. № 1–52; 1833. № 1–45) [6]. Однако искомая работа Ярке вышла в газете не в 1832 или 1833 г., а в № 10–11 за 1831 г. (10 и 17 декабря 1831 г.) под заглавием «Правовая свобода» (*Die rechtliche Freiheit*) [7]. Впервые в монографическом виде она была издана лишь в 1839 г. в составе разных сочинений автора в Мюнхене [8] и не отличалась от первопубликации.

В эссе Ярке изложены основные взгляды на важнейшие понятия юриспруденции, на государство и церковь, права и свободы, которые в совокупности образуют устойчивую систему, характерную для представлений о государственности в консервативных кругах прусской мыслящей элиты 1830–1840-х гг. Идеологами этого сообщества выступили Карл Людвиг фон Галлер (1768–1854), братья Эрнст Людвиг фон Герлах (1795–1877) и Людвиг Фридрих Леопольд фон Герлах (1790–1861), а также Йозеф Мария фон Радовиц (1797–1853), ставший близким другом для Жуковского, провозвестником экуменической идеи и героем биографического очерка (по риторике близкого житию), изданного в Германии в 1850 г. [9].

С главным трудом Галлера, заложившим патримониальную теорию европейской Реставрации концепций государства и права Ярке, познакомился в Берлине благодаря общению с Герлахами и Радовицем, которые не просто продвигали идеи Галлера, но развивали и интерпретировали их. Как отмечает Ф. Петерс, «Ярке, в первую очередь, является учеником Карла

¹ Перевод с немецкого языка в настоящей статье выполнен её автором.

Людвига фон Галлера, инициировавшего европейское движение по возрождению концепции государственности» [10]. В данном случае имеется в виду его многотомный труд «Реставрация науки о государстве, или Теория о противопоставлении естественно-уютного состояния государственности химере искусственно-гражданственного» [11].

Основная цель разработанной Галлером теории заключается в противостоянии революции и тем философским системам, которые пропагандируют революционное движение. Прежде всего, он подробно излагает концепцию о естественных началах государственности, восходящих к библейским, и о дальнейших реально-исторических основаниях развития государства и права. Искусственной и чуждой религиозно-гуманистической идее признаётся не только революция, но и деспотизм, либерализм и абсолютизм. Монархи являются правителями, по мысли Галлера, в силу естественного хода истории и не нуждаются в дополнительных абстрактных надстройках для оправдания власти и права собственности. Образчиком подобной общественной структуры и её примером служит семья, которая представляет собой не что иное, как первое государство, где отец выступает главой подобно монарху в своей стране.

Понять отношение Жуковского к учению Галлера, ставшему фундаментом для изысканий немецких политических романтиков, позволяет его письмо к А.И. Тургеневу из Верне от 14/26 марта 1833 г. Эпистолярный отзыв написан по прочтении первого тома его упомянутого главного труда о государственности, пять из шести томов которого хранятся в личной библиотеке [б. № 1217/а] поэта с многочисленными пометами и записями владельца. Жуковский пишет другу: «Книга прекрасная. <...> Галлерова система проста, удовлетворительна, в ней логическая строгая связь, и она особенно удовлетворительна тем, что ставит границы заносчивости человеческого уму и возвращает должное Богу. <...> Галлерова система есть та именно, которая мне надобна: нельзя без отвращения и без содрогания читать всего того, что врут защитники фальшивой свободы», заключая, что «общим криком» должна стать религия («в ней и гражданство, и свобода, и благородство души человеческой» [12. С. 273–276]).

А.С. Янушкевич, исследовавший маргиналии в этом многотомнике, отмечает, что записи и отчёркивания читателя сохранились в первом и в начале второго тома и включают более 30 фрагментов на русском, французском и немецком языках, которые «запечатлели сложность его общественной позиции в этот период» [13. С. 509–517], обусловленную тем, что в 30-е гг. «его идеал государства не был просто абстракцией, он конкретизировался в постановке и решении целого ряда проблем» [13. С. 509–517]. В многотомнике Галлера Жуковского интересуют также концепты юридического дискурса («государство», «закон», «справедливость», «равенство», «монархия» и др.). В том же письме к Тургеневу он перелагает концепцию немецкого историка на русский язык: Галлер «вместо ложных систем, созданных на основании ложной идеи (систем, к коим насильственно применили в наше время порядок гражданский), принимает просто сей

порядок, неискусственно создавшийся, сам собою, вследствие вечных Божественных законов, и существующий теперь в развитии таким, каков он существовал первобытно в своем зародыше» [12. С. 273–276]. Конспект сочинения Ярке о правовой свободе, ранее не атрибутированный, дополняет знание о круге чтения поэта и общественно-политических взглядах, определивших облик российского двора и российской государственности, в судьбе которой он сыграл значимую роль.

Автор единственного и самого подробного монографического исследования, посвященного Ярке и берлинскому политическому кругу консерваторов-единомышленников, справедливо отмечает, что отправным пунктом для образа мышления и бытия небольшой, но сильной партии вокруг Фридриха Вильгельма IV было религиозное чувство, удивительная комбинация духовных настроений того времени: «Прежде всего в этом окружении царил дух пиетизма, возникшего как реакция против деизма прошедшего века. Но они расширили свое понимание Божественного до религиозно-мистической философии, которая проникла далеко за пределы пиетизма»; «как историки права они вышли из романтизма», поскольку переняли от него тягу к универсализму, предпочтение целого части и индивидууму, представление о том, что «невозможно существование отделенного от целого, самого по себе существующего бытия» [10]. Словом, берлинские политические романтики не были теоретиками государства и права в узком смысле слова, в их чаяния не входило только создание государственной системы особого толка.

Вслед за Галлером, Герлахами и Радовицем Ярке пропагандировал учение о правовом откровении, данном от Бога; в его представлении справедливость Божественная и права человека оказались единым целым, поэтому революция как явление, в его понимании, губительна, поскольку она восстает против старых священных прав. Оригинальное умозаключение Ярке, что революцию можно преодолеть расширением свобод, ставит на место революционного французского «романского духа» конкретные правовые «германские свободы». Искомая модель государственности выстраивается на признании священного Божественного и исторически сложившегося права, категорически отвергает идею всеобщего равенства, а предложенный принцип права, гарантом которого выступает монарх, главенствует над государством как провозвестник высшего христианского мира, который есть главная цель. Это Ярке имеет в виду, когда говорит: «Германское государство следует обозначить как господство неограниченных личных свобод, с одной стороны, а с другой стороны, как подчиненность всех свобод высшему закону христианства» [10]. Таким образом, по мысли автора, права личности следует поставить выше права масс, а главный инструмент для достижения этой задачи предоставляет борьба за «правовые свободы».

Учитывая дату первопубликации сочинения Ярке (конец 1831 г.), наличие в библиотеке Жуковского аккуратно скреплённой и обёрнутой подшивки «Берлинской политической еженедельной газеты» за 1832 и 1833 гг., в которой впервые было напечатано сочинение о правовых свободах, кон-

спект следует датировать 1833 г. К этому утверждению располагают также имеющиеся на страницах книжки пометы Жуковского: «10/22 февраля» [3. Л. 2] и «11/23 февраля» [3. Л. 5]. Кроме того, одна из лаконичных дневниковых записей поэта в эти дни 1833 г. содержит соответствующее указание: «Начал чтение политическое» [14. Т. 13. С. 349]. Наконец, письмо к Тургеневу с характеристикой системы Галлера отправлено в марте этого же года, из второго заграничного путешествия поэта, когда его преимущественно занимает чтение, а поэзия отходит на второй план. Конспектирование труда Ярке органично входит в круг чтения Жуковского этого периода, который преимущественно составляют труды немецких историков и политиков консервативного толка.

Конспект В.А. Жуковского повторяет логику программного сочинения Ярке, однако предваряет его своего рода оглавление, в котором читатель располагает следующие интересующие его тематические аспекты в порядке, отличном от композиции оригинала. На шмүттитуле читаем: «Что есть закон. Что есть право. Что есть государь, предшественник закона, Бог имеет право. Что есть подданный [3. Л. I]. На первой странице он дополняет его списком, более близким идеям немецкого юриста: «Свобода. Ее дефиниция. Общая свобода выбора. Свобода гражданская. Ее гарантии. Свобода общества. Правление. Революция. Республика» [3. Л. I об.].

Карандашные записи Жуковского на русском языке малоразборчивы, немецкоязычные фрагменты и комментарии к ним выполнены не только карандашом, но и чернилами, более четким почерком, поэтому поддаются расшифровке. Порядка восьми страниц таких билингвальных отрывков, а также четыре из девяти листов более или менее разборчивого карандашного текста дают основание для утверждения диалогического характера связи размышлений русского поэта с концепцией Ярке. С одной стороны, читатель следует мысли источника, выделяя соответствующие тезисы: те же три ступени свободы (свободу выбора религии и совести, личную свободу и свободу собственности); разделы о революции, абсолютизме, аристократии и монархии. С другой стороны, Жуковский вступает в дискуссию с автором оригинала, интерпретируя его и дополняя собственными размышлениями.

Утверждение Ярке о двух препятствующих осуществлению юридических свобод причинах, которые заключаются в «страстях правителей» и «пренебрежении к идее государства и всеобщего блага народа», читатель сопровождает записью «Die Leidenschaften des Fürsten sind oft tyrannisch» [Страсти правителей часто бывают тираническими]. Комментарий получает и наблюдение о страстях народа, ряд причин для появления таковых Жуковский записывает по-немецки и дополняет: «Influenzen der Parthei, Beschränktheit an Absichten, Neid gegen die höheren, keine Traditionen, keine Scheu der Nachwelt, kein Rat der Vorfahren, Zeitungspopularität, Lockerung des Eigennutzes, die Kürze der Zeit, die Veränderung» [3. Л. 9] [влияние партий, ограниченность во взглядах, зависть к вышестоящим, отсутствие традиций, отсутствие боязни перед высшей волей, отсутствие наставления предков,

популярность газет, привлекательность личной выгоды, преходящесть времени, изменчивость]. В большинстве своём дополнения выполнены в стилистике, свойственной мировоззрению Жуковского-романтика, что не противоречит взглядам Ярке.

Однако в заключение рассуждений об опасностях правовых нарушений со стороны правителей и со стороны народа читатель кардинально переиначивает вывод немецкого автора, утверждающего абсолютную неизблемость установленных законом прав и свобод для обеих сторон. Ярке утверждает, что любой правитель-монарх, призванный по определению своей роли, определённой Богом, блюсти справедливость по отношению к своим подданным, не обладает правом нарушить установленные правила («Однако никто и нигде не может быть уполномочен даже во имя любви нарушить правовую справедливость» [3. Л. 9] [*Aber niemals und nirgends ward er für befugt gehalten, um der Liebe willen die Gerechtigkeit zu verletzen...*]). Жуковский же записывает цитату и к ней обратное по смыслу заключение: «*aber nur um der Liebe willen konnte er die Gerechtigkeit verletzen*» [но лишь во имя любви он может нарушить правовую справедливость].

Таким образом, Жуковский признаёт высшую волю монарха, данную ему Богом, в то время как Ярке встаёт на сторону высшей воли как таковой, не соглашаясь с исключительностью волеизъявления правителя, несмотря на факт его избранничества. Тот же характер переогласовки стиля можно наблюдать в переиначивании понятий «честность» и «чистота» правителя, когда Жуковский заменяет немецкое «*Redlichkeit*» на «*Reinheit*», записывая цитату «*Interesse vereinbart mit der größten persönlichen Reinheit*» [3. Л. 10] [Интерес в совокупности с высшей личностной чистотой].

Наконец, Жуковский соглашается с признанием относительности любых политических и юридических концепций в силу их абстрактности в сравнении с идеей истины, данной Богом, выписывая тезис из оригинала о миссии монарха: «*Zu diesem nicht die Verpflichtung/ die Menschen glücklich zu machen, auch mit dem Verfolgen anderweitiger metaphysischen Tendenzen oder der Verwirklichung irgendeiner Theorie oder eines Staatszweckes*» [3. Л. 10 об.] [Также не имеет и обязательства по сохранению счастья человеческого, в том числе за счет следования каким-либо метафизическим тенденциям или осуществления какой-либо теории или выдуманной государственной цели]. При этом, говоря об иллюзорности и реальной важности влияния на государственное устройство и правление, Жуковский подчёркивает важность деятельности литераторов, отмечая по-немецки, что идеи Макиавелли получили распространение благодаря популяризации в сочинениях писателей: «*Durch Schriftsteller angenommen und entwickelt*» [3. Л. 10 об.] [Писателями восприняты и распространены]. В целом другие трансформации формулировок, выписанных Жуковским избранных мест из сочинения Ярке, связаны с усилением образности, стилистической выразительности. Например, варьируя высказывание немецкого юриста, он сравнивает абсолютизм и революцию с «бездушным» существом, добавляя это определение, соответствующее его собственному репертуару художествен-

ных средств: «Die Idee einer absoluten Staatsgewalt ist das unselige Geschöpf der revolutionären Lehre» [3. Л. 11] [Идея абсолютистской государственной власти суть бездушное творение революционных учений].

Конспект работы Ярке имеет программный характер, его содержание находит непосредственное отражение в правовом дискурсе Жуковского в его дневниках, в большинстве из пассажей, касающихся теории государства и права, свобод и прав, государственного режима и общественного устройства. Такие рассуждения в творческом наследии поэта встречаются только в прозе. Что касается концепта свободы в его поэтическом творчестве, то он реализуется в трех основных смысловых вариантах, не связанных с дискурсом права, но подлежащих краткому освещению в рамках данной статьи.

Анализ поэтических текстов Жуковского показал преобладание следующих реализаций концепта: во-первых, свобода – это раздолье, простор, воля; во-вторых, лёгкость, отсутствие затруднений в чём-либо; в-третьих, свободное, незанятое время, досуг. Наиболее показательны случаи употребления такой образности с лёгкостью можно припомнить из эстетических манифестов поэта, при этом указанные варианты, как правило, связываются в большинстве случаев с темами природы, дружбы и поэтического творчества: «Свобода, резвость, смех, хор песней, гул рогов» [14. Т. 1. С. 64] («Опустевшая деревня»); «Так я, воспитанник свободы, // С любовью, с радостным волнением певца, // Дышал в объятиях природы» [14. Т. 1. С. 73] («Отрывок. (Подражание)»); «О братья! о друзья! где наш священный круг? // Где песни пламенны и музам и свободе?» [14. Т. 1. С. 77] («Вечер. Элегия»); «Свободою вздохнуть // Придешь в стране родимой» [14. Т. 1. С. 151] («К Блудову»); «Здесь мирный труд, свобода с тишиной» [14. Т. 1. С. 216] («К А.Н. Арбеновой») и др. Напомним, что два хрестоматийных стихотворения поэта – «К портрету Гете» и «Невыразимое» – начинаются с апелляции лирического Я к концепту свободы именно в этих смыслах, т.е. в связи с высоким романтическим образом природы и творческого духа, соответственно: «Что наш язык земной пред дивною природой? // С какой небрежною и легкою свободой // Она рассыпала повсюду красоту» [14. Т. 2. С. 129] («Невыразимое»); «Свободу смелую приняв себе в закон, // Всезрящей мыслию над миром он носился» [14. Т. 2. С. 149] («К портрету Гете»).

Наряду с выделенным комплексом смыслов концепта свободы в стихотворениях Жуковского не менее важное место занимает семантический ряд, сопряжённый с патриотизмом и славными, знаменательными для России историческими событиями, победами в сражениях и войнах, посвящениями монархам. В данном случае примеры также очевидны: «О радость... он вступил... зажгись, костер свободы!» [14. Т. 1. С. 364] («Тульская баллада»); «И Рейн, обновлен, потек в брегах свободы» [14. Т. 1. С. 373] («Императору Александру»), «...все сладкое для сердца: честь, свобода, // Великость, слава, мир, отечество, алтарь» [14. Т. 1. С. 377] («Императору Александру»); «Ты знамена святой свободы // Покорным даровал врагам» [14.

Т. 2. С. 26] («Песнь русскому царю от его воинов»); «Всегда при кликах возлетал // Спасенья и свободы» [14. Т. 2. С. 39] («Певец в Кремле») и др.

К менее репрезентативным реализациям концепта свободы в поэзии Жуковского необходимо отнести традиционную романтическую вариацию прочтения, связанную с темой узничества (баллада «Узник», например), однако и в таких сюжетах само слово «свобода» употребляется эпизодически и не является ключевым, герои-узники в соответствующих сочинениях поэта обладают свободой внутренней и о ней говорят, не выражая богоборческих или бунтарских настроений. Совсем иная картина наблюдается в корпусе прозы автора, где темы прав и свобод возникают регулярно в контексте юридического дискурса, при этом Жуковский не избегает достаточно распространённых и полемичных пассажей, которые в совокупности позволяют говорить о целостности и системности взглядов автора, как и об их соответствии юридической концепции берлинских политических романтиков.

Концепт свободы в дневниковой прозе Жуковского претерпевает определенную эволюцию, обусловленную жизнетворческими стратегиями автора. В ранний период, связанный с историей взаимоотношений с М.А. Протасовой и крушением надежд на счастливый брак, поэт говорит преимущественно о собственной, личной, внутренней свободе как пространстве, в котором возможно осуществление «милого вместе» с возлюбленной. В 1814 г. Жуковский записывает: «Милой друг, расставаясь с тобою – я много теряю! Боже мой! не видаться! Но знаешь ли, что мы выигрываем? Свободу любить друг друга! Мы заплатили за нее своим пожертвованием! Теперь притворствовать, – розно мы свободны, и наша любовь принадлежит нам по праву» [14. Т. 13. С. 71]. Переживаемая разлука становится синонимом свободы «быть в мыслях друг с другом» [14. Т. 13. С. 102] и синонимом «возможного счастья» [14. Т. 13. С. 110].

С поступлением на придворную должность Жуковский начинает рассуждать об истории права, чаще говорит о свободе и свободах в юридическом смысле. Связующим звеном для рассуждений выступают мысли о том, что может способствовать и сопутствовать обретению истинной свободы, выступающей высшим благом. С точки зрения романтика, обретение свободы возможно при соблюдении двух условий, актуальных как для монарха, так и для всего народа и отдельного индивида: во-первых, при следовании покорности, самопожертвовании, верности долгу; во-вторых, при реализации просветительских интенций. Естественно, что для монаршего наставника определяющую роль во второй половине 1820-х гг. играет вопрос о свободе правителя и его народа. С особой интенсивностью он размышляет о нём спустя более двух лет после восстания декабристов, и хотя заметки на соответствующую тему имеют яркий эмфатический заряд, в них, как и прежде, содержится только позитивная, утвердительная интенция. Так, в 1827 г. он связывает концепт свободы с универсальным витальным началом каждого человека, включая царственных особ: «Жизнь царя есть *могущая покорность* – покорность исполнительная. Жизнь вообще

покорность деятельности. Человек свободен одною сею покорностию, и свобода его становится законною» [14. Т. 13. С. 294]. То же убеждение звучит лейтмотивом в 1828 г., когда дневниковый дискурс Жуковского буквально пестрит соответствующими замечками об обретении свобод через покорность и просвещение: «Свобода человеческая особенно доказывается тем, что человек всегда может быть справедливым, то есть что он всегда может быть *послушен должности*» [14. Т. 13. С. 301]; «Любя свою *должность* и ограничивая себя ее исполнением, делаешься совершенно от всего независимым» [14. Т. 13. С. 305]; «Государь тогда только может гордиться своим саном, когда его подданные – люди, облагорожденные свободою, нравственностью, религиею, *просвещением*» [14. Т. 13. С. 304]; «Чтобы были твердые законы, чтобы была твердая власть – дай *просвещение и не обижай свободу закона и будь раб законов*» [14. Т. 13. С. 305].

Осознание важности нового понимания общественно-политического устройства как исторического феномена приводит Жуковского к поиску соответствующих этому направлению трудов единомышленников. В его личной библиотеке появляются новые сочинения историков и теоретиков права, в круге знакомств возникают контакты, которые останутся с ним до конца дней и перерастут в близкие дружеские отношения. Одним из знакомых стало знакомство с лидером прусской консервативной элиты Йозефом фон Радовицем в 1827 г. Вполне оправданным видится предположение, что оно во многом послужило поводом для активных усилий с целью систематизации и обретения фундамента для воззрений на правовые свободы и государственность, общественный строй и права граждан, монархов, печати и волеизъявления. В подтверждение этому стоит привести цитату из дневника Жуковского за 1828 г. и его же выписку из упомянутого труда Ярке о правовых свободах:

<...> возможность человеческого благоденствия в обществе. Главное средство к тому утверждение договора между властителем и подданным <...> Результат отдаленный: общий порядок, то есть свобода всего благородного в человеке [14. Т. 13. С. 307].

Во Франции, Англии и многих странах Германии государи должны утвердить договор с своими народами; в других землях и особенно в России Государь должен убедиться в неизбежности сего договора и сам готовить к нему народ свой, без спеха, без своекорыстия, с постоянством благоразумным [14. Т. 13. С. 307].

Alle Gegensätze der Freiheit verschwinden aber neue ist nicht freyer geworden. – der Name der Freyheit nur Vertrag [3. Л. 12].

[Все противоречия свободы исчезают, однако новые не становятся свободнее. – Имя свободы есть договор].

О том, что встречи с Радовицем в начале 1830-х гг. оказали заметное влияние на оформление системы взглядов Жуковского на права и свободы, говорят и его записи в дневнике первой половины 1830-х гг. К примеру, в

1832 г. находится свидетельство автора о том, что во время своего визита Радовиц беседовал с ним «о главных основах общества», под которыми подразумеваются следующие темы, обозначенные Жуковским по-русски и по-немецки, как и в конспекте сочинения Ярке: «1) человек до падения, *frei und unfrei*. 2) Падение, *Freiheit*, знание добра и зла. Правооснования общества. Развитие права. Римская империя. Человек не человек, а гражданин; самопожертвование без любви. *Recht = Staat*. 3) Человек после искупления. Церковь инстиция любви. Право: каждому принадлежащее. Любовь: пожертвование своего каждому. Закон: выраженное право» [14. Т. 13. С. 339]. Это перечисление, по сути, повторяет и основные понятия семиосферы, выстраиваемой Ярке, который, отталкиваясь от романтического идеала свободы, связывает её с пониманием о правах, законе, государстве, монархе и подданных, церкви и замыкает её на признании абсолюта в виде воли Бога и доверии ей. Следует обратить внимание на то, что основные термины этой концепции Жуковский называет по-немецки, очевидно, признавая их неполную переводимость: «*frei und unfrei*» [свободный и несвободный], «*Freiheit*» [свобода], «*Recht = Staat*» [право = государство].

Ф. Петерс утверждает, что некоторая эклектичность концепции Ярке следует из его податливости, чуткости к влиянию единомышленников, среди которых особенно выделяется Йозеф фон Радовиц. Сравнивая взгляды двух соратников, исследователь устанавливает большую в сравнении с Радовицем сдержанность Ярке в воззрениях на права и свободы церкви и печати в исковой ими модели государственности. Автор законспектированного Жуковским труда о правовых свободах не соглашается с тотальной независимостью церкви, отсутствием цензуры для печати и контроля в области образования. Интересно, что именно в 1830-е гг. вопрос о свободе печати и преподавания в правовом русле заинтересовал и Жуковского, недвусмысленно отмечавшего в «Мыслях и замечаниях», что «свобода тиснения, некогда враг деспотизма правителей, наконец его обуздавшая, есть ныне подпора деспотизма черни, которая беспрестанно ослабляет узду ее» [14. Т. 14. С. 302], а «в мире гражданской мысли, в мире книгопечатания, должны быть гражданские и уголовные законы» [14. Т. 14. С. 201]. Что касается свободы в образовании, то суждение наставника русского престолонаследника и царя-освободителя не менее категоричны, на собственный вопрос «Может ли существовать полная свобода преподавания в университетах или нет?» [14. Т. 14. С. 298] – он отвечает: «Конечно, нет. Преподаватель, принимая обязанность профессора, входит в условия с правительством действовать согласно с ним, а не противодействовать установленному порядку, в состав которого входит и публичное образование» [14. Т. 14. С. 298].

Активная работа Жуковского над систематизацией взглядов на историю и теорию государства и права в 1820–1830-х гг. связана с историко-политической ситуацией в России и Европе, но и со спецификой культурно-исторической эпохи романтизма, оставившей свой след на всех областях человеческой мысли. Различные в деталях, но сходные по своей сути учения берлинского кружка политических романтиков оказались типологи-

чески близкими и понятными Колумбу русского романтизма, пройдя сквозь призму его лингвокультурного и художественного восприятия. Жуковский прочёл и последующие номера опубликовавшего «Правовую свободу» периодического издания, пропагандировавшего идеологию прусских консерваторов. Подшивка «Берлинского политического еженедельника», издававшегося под редакцией Ярке, содержит почти все номера за 1832 и 1833 гг., в которых в различных вариациях можно найти статьи под красноречивыми названиями «Was ist Recht?» [Что есть право?], «Revolution und Absolutismus» [Революция и абсолютизм], «Pressefreiheit» [Свобода прессы], «Die Freiheit des juste milieu» [Свобода золотой середины], следовательно, невозможно не признать определенного влияния представленных в нём идей на правовой дискурс читателя.

Прочтя фрагменты из русско-немецкого конспекта, составленного из экстрактов из сочинения Ярке «Правовая свобода», можно сделать вывод, что Жуковский с настороженностью отнёсся к идее возвеличивания свобод и послабления ограничений, хотя в его собственной мировоззренческой концепции эта идея не переставала существовать, но выражалась контекстуальными синонимами «покорность», «служение», «смирение». Это может показаться парадоксальным, если не понимать того, что центральное место в общем для политических романтиков взгляде на права и свободы, теорию и историю государства и права занимает идея Абсолюта, идеальное и всеведующее религиозно-мистическое Божественное начало.

В творческой эволюции Жуковского, в том числе и его высказываниях о свободе, это положение обнажается с переездом в Германию, и укрепление дружеских связей с Радовицем, и окружение прусского монарха, очевидно, способствовали этому процессу. Так, в дневниковой прозе 1840-х читаем: «Вера есть высшее чувство души: она есть свобода способности души принимать Откровение» [14. Т. 14. С. 296]. «Свобода гражданская состоит в полной возможности делать все то, что не запрещено законом, то есть в подчинении воли своей воле закона; высшая свобода или свобода христианская состоит в уничтожении своей воли пред высшею волею Спасителя, который есть воля Божия» [14. Т. 14. С. 299]. «Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону или совершенная возможность делать все, что не запрещает закон. – Что есть свобода в высшем смысле? Совершенная подчиненность воли Божией всегда, во всем, везде и ничему иному. – В сей подчиненности заключается свобода от зла, от судьбы, от людей» [14. Т. 14. С. 326]. В поздней прозе В.А. Жуковский не оставляет размышлений о правах и свободах в различных сферах человеческой жизни, и направление мысли поэта остаётся неизменным, поскольку фрагменты из записных книжек 1840-х гг. «Свобода» [14. Т. 11. С. 455], «Свобода преподавания» [14. Т. 11. С. 468] и др. фактически дословно повторяют краткие дневниковые записи.

Таким образом, концепт свободы в юридическом дискурсе Жуковского реализуется исключительно в эгодокументах автора (дневниковой и эпистолярной прозе, записях и конспектах). Спектр значений слова «свобода»

при этом включает как значения, близкие к словарным, так и нетривиальные дефиниции. Однако в обоих случаях речь идёт об образности романтического толка, т.е. о свободе разного типа (отсутствие политического, экономического гнёта; возможность проявления своей воли; личная независимость или др.) как универсалии, неотъемлемой от целого, которым в рамках юридического дискурса Жуковского является концепция государственности и гражданственности, основанная на религиозно-мистических началах. Новые источники, одним из которых является атрибутированный конспект сочинения Ярке «*Rechtliche Freiheit*» [Правовая свобода], позволяют по-новому представить масштаб и характер его взаимосвязей с немецким миром.

Литература

1. Сафронова Е.Ю. Дискурс права в творчестве Ф.М. Достоевского 1846–1862 гг. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 182 с.
2. Библиотека В.А. Жуковского в Томске : [в 3 ч. Ч. 3 / Ф.З. Канунова, А.С. Янушкевич, Н.Б. Реморова и др. ; ред. Ф.З. Канунова (отв. ред.), Н.Б. Реморова]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 578 с.
3. РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 38. [О свободе]: отдельные черновые записи. [1832–1833]. I+II+14 л.
4. Jarcke C.E. Handbuch des gemeinen deutschen Strafrechts : mit Rücksicht auf die Bestimmungen der preussischen, österreichischen, bairischen und französischen Strafgesetzgebung. Nachdr. der Ausg. Berlin : Dümmler, 1827–1830. 340 S.
5. Jarcke K.E. Die Französische Revolution von 1830. Historisch und staatsrechtlich beleuchtet in Ihren Ursachen, Ihrem Verlaufe und Ihren wahrscheinlichen Folgen. Berlin : Dümmler, 1831. 330 S.
6. Библиотека В.А. Жуковского : (описание) / сост. В.В. Лобанов ; [ред. Ф.З. Канунова]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 418 с.
7. Jarcke C.E. Die rechtliche Freiheit // Berliner politisches Wochenblatt. 1831. № 10 vom 10.12.1831. S. 42–43; 1831. № 11 vom 17.12.1831. S. 47–48.
8. Jarcke C.E. Vermischten Schriften. München : Verlag der literarisch-artistischen Anstalt, 1839. S. 114–132.
9. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2015. С. 237–266.
10. Peters F. Carl Ernst Jarcke's Staatsanschauung und ihre geistigen Quellen. Bonn : A. Marcus & Weber's Verlag, 1926. 87 s.
11. Haller K.L. Restauration der Staatswissenschaft. I–VI. Winterthur, 1820–1825.
12. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу / Изд. «Рус. архива» по подлинникам, хранящимся в Имп. Публ. б-ке. М., 1895. 322 с.
13. Янушкевич А.С. Круг чтения В.А. Жуковского 1820–30-х годов как отражение его общественной позиции // Библиотека В.А. Жуковского в Томске : в 3 ч. Томск, 1978–1988. Ч. 2. С. 509–517.
14. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / ред. коллегия: И.А. Айзикова, Н.Ж. Вётшева, Э.М. Жиликова, Ф.З. Канунова, О.Б. Лебедева, И.А. Поплавская, Н.Б. Реморова, А.С. Янушкевич (гл. ред.). Т. 1: Стихотворения 1797–1814 гг. / ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М. : Языки русской культуры, 1999. 760 с.; Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. / ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М. : «Языки русской культуры», 2000. 840 с.; Т. 11 (первый полутом) : Проза 1810–1840-х годов / ред. А.С. Янушкевич. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 1048 с.; Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–

1833 гг. / сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.; Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 / сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М. : Языки славянской культуры, 2004. 768 с., ил.

Images of Freedom in the Legal Discourse of Vasily Zhukovsky: Based on Ego-Documents and the Unpublished Abstract of Karl Ernst Jarcke's "Die Rechtliche Freiheit" (1831)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 276–289. DOI: 10.17223/19986645/72/15

Natalia Ye. Nikonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Keywords: Russian literature, Zhukovsky, Karl Ernst Jarcke, legal discourse, freedom.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00083.

The article presents an analysis of the image of freedom in Vasily Zhukovsky's heritage on the material first introduced into academic discourse. The analysis is made in an interdisciplinary context and employs historical-philological, qualitative-linguistic and discursive-legal approaches. The material is Zhukovsky's previously unpublished notebook containing 14 sheets with the author's notes in Russian and German on both sides. The notebook is stored in the National Library of Russia, and the archive staff titled storage unit no. 38 as "[On Freedom]. Separate Draft Notes" and roughly dated it by the years 1832–1833. The notebook actually contains Zhukovsky's notes on the essay "Die Rechtliche Freiheit" written by Karl Ernst Jarcke (1801–1852), a famous German publisher, theorist and historian. Jarcke wrote works on German criminal law, the French Revolution of 1830; as the editor of *Berliner Politisches Wochenblatt*, he had many publications there. Jarcke's essay sets out his main views on the most important concepts of jurisprudence, on the state and the church, rights and freedoms, which together form a stable system characteristic of the ideas of statehood in the conservative circles of the Prussian intellectual elite of the 1830s–1840s. The content of the notes on the essay is reflected in Zhukovsky's legal discourse in his diaries, in most theses on the theory of state and law, freedoms and rights, state regime and social structure. Only Zhukovsky's prose contains such reasoning. The concept of freedom in Zhukovsky's diary prose changes over time. In the early period, the poet speaks mainly of his own, personal, inner freedom. Upon occupying a position at the court, Zhukovsky begins to reason upon the history of law and often speaks about freedom in the legal sense. After reading the notes on Jarcke's essay, we can conclude that Zhukovsky was wary of the idea of exalting freedoms and easing restrictions. Thus, the concept of freedom in Zhukovsky's legal discourse is realized exclusively in the author's ego-documents (diary and epistolary prose, minutes and notes). The range of meanings of the word 'freedom' includes both close-to-dictionary and non-trivial definitions. In both cases, it is the imagery of the romantic sense, that is, freedom of different types (the absence of political, economic oppression; the possibility of manifesting one's will; personal independence, etc.) as a universal integral to the whole. Within the framework of Zhukovsky's legal discourse, the whole is the conception of statehood and citizenship based on religious and mystical principles. New sources, one of which is the attributed notes on Jarcke's "Die Rechtliche Freiheit", allow imagining anew the scale and nature of Zhukovsky's relationship with the German world.

References

1. Safronova, E.Yu. (2013) *Diskurs prava v tvorchestve F.M. Dostoevskogo 1846–1862 gg.* [Discourse of law in F.M. Dostoevsky's works of 1846–1862]. Barnaul: Altai State University.

2. Kanunova, F.Z. et al. (eds) (1988) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [V.A. Zhukovsky's Library in Tomsk]. In 3 parts. Part 3. Tomsk: Tomsk State University.
3. National Library of Russia. Fund 286. List 1. File 38. [O svobode]: ot del'nye chernovye zapisi. [1832–1833] [[On Freedom]: Separate Draft Notes. [1832–1833]].
4. Jarcke, C.E. (1927–1830) *Handbuch des gemeinen deutschen Strafrechts: mit Rücksicht auf die Bestimmungen der preussischen, österreichischen, bairischen und französischen Strafgesetzgebung. Nachdr. der Ausg.* Berlin: Dümmler.
5. Jarcke, K.E. (1831) *Die Französische Revolution von 1830. Historisch und staatsrechtlich beleuchtet in Ihren Ursachen, Ihrem Verlaufe und Ihren wahrscheinlichen Folgen.* Berlin: Dümmler.
6. Kanunova, F.Z. (ed.) (1981) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo: (opisanie)* [V.A. Zhukovsky's Library (description)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Jarcke, C.E. (1831) Die rechtliche Freiheit. *Berliner politisches Wochenblatt*. 10 vom 10.12.1831. S. 42–43; 11 vom 17.12.1831. S. 47–48.
8. Jarcke, C.E. (1839) *Vermischten Schriften*. München: Verlag der literarisch-artistischen Anstalt. S. 114–132.
9. Nikonova, N.E. (2015) *V.A. Zhukovskiy i nemetskiy mir* [V.A. Zhukovsky and the German world]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo. pp. 237–266.
10. Peters, F. (1926) *Carl Ernst Jarcke's Staatsanschauung und ihre geistigen Quellen*. Bonn: A. Marcus & Weber's Verlag.
11. Haller, K.L. (1820–1825) *Restauration der Staatswissenschaft*. I–VI. Winterthur.
12. Zhukovskiy, V.A. (1895) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu* [Letters from V.A. Zhukovsky to Alexander Ivanovich Turgenev]. Moscow: Published by "Russkiy Arkhiv" from the originals stored in the Imperial Public Library.
13. Yanushkevich, A.S. (1984) Krug chteniya V.A. Zhukovskogo 1820–30-kh godov kak otrazhenie ego obshchestvennoy pozitsii [V.A. Zhukovsky's reading circle in the 1820s–1830s as a reflection of his social position]. In: Kanunova, F.Z. et al. (eds) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [V.A. Zhukovsky's Library in Tomsk]. In 3 parts. Part 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 509–517.
14. Zhukovskiy, V.A. (1999–2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 volumes]. Vols 1, 2, 11 (1), 13, 14. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

УДК 81'38

DOI: 10.17223/19986645/72/16

З.К. Темиргазина, Ж.Б. Ибраева

НАБЛЮДАТЕЛЬ В ПОЭТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ П. ВАСИЛЬЕВА)

Исследуются специфика роли наблюдателя в корреляции с формами авторского сознания поэтического нарратива, способы выражения субъекта пространственного дейксиса, виды используемой наблюдателем перцепции. Установлены приемы усложнения субъектной организации в поэзии П. Васильева: смена форм авторского сознания в роли наблюдателя, изменение позиций и роли наблюдателя в рамках одной субъектной формы, привлечение читателя к совместному зрительному или слуховому восприятию.

Ключевые слова: поэтический нарратив, наблюдатель, пространственный дейксис, формы авторского сознания, субъект восприятия

Антропоцентричность гуманитарного знания определяет повышенное внимание исследователей к категории субъективности в разных ее проявлениях. «Сфера субъективности огромна, и расширяется по мере оттачивания инструментов ее исследования» [1. С. 2]. Е.В. Падучева отмечает, что первостепенную важность для изучения субъективности в нарративе имеют два понятия: наблюдатель и режим интерпретации (речевой и нарративный) [1. С. 2].

Субъектность нарратива, роль повествователя-нарратора, персонажей, субъекта восприятия и оценки, наблюдателя в воплощении художественной идеи произведения исследовались в трудах М. Мартинеса, М. Шеффеля [2], Яна Линтвельта [3], В.А. Андреевой [4] и мн. др. Два режима интерпретации – речевой и нарративный – отличаются по ряду существенных параметров, в том числе по характеристикам субъекта речи, восприятия, по способам временного и пространственного дейксиса и т.д.¹ Роль, позиция, типология наблюдателя анализировались преимущественно в прозаическом нарративе, а специфике его функционирования и репрезентации в поэтических текстах уделялось гораздо меньше внимания. Это связано с общей малоизученностью поэтического нарратива [6, 7]. Американский нарратолог Б. Макхейл объясняет этот факт также отсутствием в современной теории литературы четкого представления о том, что такое поэзия, каковы ее специфические черты [8].

В нарратологии существует точка зрения о принципиальной ненарративности поэзии. Так, Б. Хейден говорит о неприменимости абстрактных схем нарратологии к поэтическому повествованию, так как практика поэ-

¹ О речевом и нарративном режимах интерпретации более подробно см. работу Е.В. Падучевой [5. С. 265–271].

тического повествования всегда конкретна и не поддается генерализациям [9]. Мы, как и другие исследователи (В.А. Галанова [6], Л.В. Татару [7], П. Хюн [10], С.В. Бессмертнова [11], В.В. Чаркин [12], З.К. Темиргазина [13]), придерживаемся точки зрения о нарративном характере поэзии. Нарративность в лирике предполагает наличие истории [12]. Согласно трактовке Вольфа Шмида, известного теоретика нарратологии, понятие истории подразумевает событие, т.е. «...некое изменение исходной ситуации: или внешней ситуации в повествуемом мире, или внутренней ситуации того или другого персонажа (ментальные события)» [14. С. 15]. Таким образом, широкое понимание событийности, включающее ментальные события, позволяет отнести к нарративу практически все поэтические жанры, не только эпические и лиро-эпические произведения, построенные на развитии события, имеющие сюжет и фабулу, но и лирические.

Цель нашей работы – выявление специфики функционирования наблюдателя в соотношении с субъектными формами авторского сознания и восприятия в поэтическом нарративе на материале произведений Павла Васильева, определение места и роли наблюдателя как субъекта пространственного дейксиса. Мы рассмотрим также некоторые художественные методы и приемы субъектной организации поэтических текстов.

Поэзия отличается тем, что в ней на первый план выступают индивидуальные состояния человеческого сознания: эмоционально окрашенные размышления, волевые устремления, впечатления, внерациональные чувственные ощущения. Они не зависят от избранной темы. В лирическом произведении так или иначе всегда раскрывается определенное состояние авторского сознания, его изменение, т.е. ментальное событие. Даже если описывается природа, она передается не сама по себе, а в восприятии определенного субъекта. Важность категории субъекта поэзии подчеркивают Х. Шталь и Е. Евграшкина, «поскольку, являясь фундаментальным понятием, он позволяет исследовать общее поле современной поэзии и функциональность ее отношения к миру и обществу, снова ставшую особо значимой начиная с рубежа веков» [15. С. 6].

Сегодня категория субъекта в поэзии опять вызывает повышенный интерес исследователей, которые после отрицания субъекта и субъектности в постмодернизме (см. [16]) вновь возвращаются к этой фундаментальной проблеме поэзии. В 2019 г. в Берне был издан сборник «Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика» [15], в который вошли доклады двух международных конференций: «Основы: теория лирического субъекта в контексте новейшей поэзии» (2015 г., Трирский университет) и «Типы субъекта и способы его репрезентации в новейшей поэзии (1990–2015 гг.)» (2016 г., Институт языкознания и Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН). Исследуя трансформацию субъекта в поэзии начала XXI в., авторы сборника отмечают метасубъектность и транссубъектность новейшей поэзии, предлагают различные модели анализа субъектного начала поэтического текста, анализируют модусы анонимности и фиктивности. Для нашего исследования значим вывод, к которому прихо-

дят редакторы издания в предисловии: «Развивается множество форм субъектности, для описания которых традиционное литературоведение, а также языковедение не предоставляют достаточно развитого и тонкого инструментария анализа» [15. С. 26]. Предлагаемая в статье методика анализа субъектного плана поэтического нарратива, построенная на выявлении корреляции и взаимодействия различных форм субъекта в соответствии с концепцией Б.О. Кормана и наблюдателя как субъекта дейксиса и перцепции с учетом вида восприятия, в определенной степени восполнит недостаточность инструментария анализа субъекта поэзии.

Автор лирического произведения, состояние сознания которого представлено в стихотворении, не отождествляется с реальным лицом, а ментальные события, описанные переживания не являются прямым воспроизведением эмпирики внутренней жизни этого реального человека. Б.О. Корман разработал «теорию автора», или «системно-субъектный метод» [17, 18], на который мы опираемся далее при анализе поэтического нарратива. Под субъектной организацией произведения понимается соотносительность текста с субъектами речи. Согласно системно-субъектному методу Кормана выделяются следующие основные субъектные формы выражения авторского сознания: собственно автор, повествователь, лирический герой и герой «ролевой лирики».

Собственно автор выступает как субъект, который видит пейзаж, изображает обстоятельства, размышляет над ситуацией, т.е. сосредоточивает внимание читателя на объекте, на том, о чем говорится. «Спрятанность» собственно автора, однако, не означает, что он читателю недоступен: «...мы не увидим его внешности, не узнаем, каков особенный склад его характера, но его общая жизненная позиция, представления о добре и зле, социальные симпатии и антипатии, нравственный пафос, смысл его отношения к миру – все это запечатлено в стихотворении» [17. С. 75].

К собственно автору близок повествователь, который проявляется обычно в стихотворениях, где носителем речи выступает автор и повествуется о каком-то другом человеке и его жизненной судьбе. Повествователь не обращается к герою, а говорит о нем читателю; он скрыт в тексте в гораздо большей степени, чем в рассмотренных случаях.

Лирический герой является и носителем сознания, и предметом изображения, открыто стоит между читателем и изображаемым миром; внимание читателя сосредоточено преимущественно на том, каков лирический герой, что с ним происходит, каково его отношение к миру, его ментальное состояние и проч.

Ролевой герой, или герой «ролевой лирики», выступает носителем чужого сознания, авторская точка зрения выражена в стихотворении косвенно. Лирического героя и героя ролевой лирики объединяют известная определенность бытового, житейского, биографического облика и резкая характерность эмоционально-психологического склада.

Метод Б.О. Кормана позволяет осуществить системный анализ субъектной организации поэтического произведения, выявить взаимоотноше-

ния субъектов сознания, речи и восприятия, предоставляя каждой точке зрения на мир свое определенное место, право на жизненное пространство и самостоятельное функционирование. «Неоспоримым достоинством «системно-субъектного метода» является дифференцированный подход к описанию субъектной структуры лирики, вскрывающий ее неоднородность и многоплановость» [19. С. 112]. Дальнейшее развитие системно-субъектный метод получил в концепции С.Н. Бройтмана [20], который рассматривал субъектную структуру русской лирики в историческом развитии.

Для анализа субъектной организации поэтического нарратива важно уточнить соотношение понятий «субъект сознания», «субъект восприятия» и «наблюдатель». Согласно точке зрения Е.В. Падучевой «...в принципе, восприятие обязательно включает в себя акт сознания – первичную концептуализацию воспринимаемого. Однако восприятие необходимо отличать от других актов сознания, поскольку восприятие не только предполагает воспринимающее лицо, но и фиксирует МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ этого лица, отсюда связь субъекта восприятия с пространственным дейксисом» [21. С. 408–409]. Соглашаясь с этим мнением, отметим, что ментальные акты не предполагают обязательной локализации ни самого акта сознания, ни его субъекта, тем не менее акт сознания может быть непосредственно или опосредованно связан с пространственной позицией субъекта восприятия в том случае, когда рефлексия наступает в ходе восприятия или после него, являясь его результатом.

Таким образом, в определенных условиях нарратива понятие субъекта сознания может включать в себя понятие субъекта восприятия, например в обстоятельствах фиксации физической локации субъекта, т.е. при пространственном дейксисе. «Дейксис места указывает на местоположение относительно центра высказывания, т.е. лингвистическими средствами указывает на положение говорящего в трехмерном пространстве, а также на его / ее отношение к местоположению других участников беседы» [22. С. 35]. Пространственный дейксис выступает связующей характеристикой понятий субъекта восприятия и наблюдателя. Т.А. Демешкина подчеркивает роль пропозициональных моделей восприятия, обладающих универсальным характером, в поэтических текстах и полагает, что их существование позволяет объединить поэзию с текстами любой другой природы (в том числе и написанными на других языках) [23. С. 10].

В трактовке наблюдателя с позиции лингвистов, представленной в работах Ю.Д. Апресяна [24], Е.В. Падучевой [1, 5, 21] и др., он характеризуется как субъект вторичного дейксиса, в отличие от говорящего – субъекта первичного дейксиса в речевом (ненарративном) режиме интерпретации. Наблюдатель функционально тождествен говорящему в определенных нарративных обстоятельствах и может отличаться от него. О.А. Ковалев определяет наблюдателей в художественном тексте с рецептивно-эстетической позиции так: наблюдатели – это «...такие персонажи, которые в самом тексте выступают в качестве персонифицированной рецептивной активности. Такой персонаж не обязательно выступает носителем какой-то

определенной точки зрения – важен сам факт его сенсорного напряжения, его внимания» [25. С. 120]. Иными словами, наблюдатель важен не столько потому, что он выражает какую-то точку зрения, а сколько потому, что передает сенсорное напряжение авторского сознания, оказывающее влияние на читателя, воздействующее на его эмоционально-чувственную сферу при интерпретации текста. Способы проявления в поэтическом нарративе лирического субъекта-наблюдателя могут носить эксплицитный и имплицитный характер.

Анализ поэтического нарратива, осуществленный в статье, опирается на системно-субъектный метод Б.О. Кормана и нарративный режим интерпретации наблюдателя как субъекта дейксиса и восприятия (Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева, М. Мартинес, М. Шеффель). Описание форм субъектного сознания и восприятия, воплощенных в роли наблюдателя с пространственно-дейктическими параметрами, осуществлено на материале стихотворений русского поэта Павла Николаевича Васильева (1910–1937) [26]. Для формализации описания обозначим собственно автора как S_1 , повествователя – S_2 , лирического героя – S_3 , ролевого героя – S_4 , наблюдателя – N , объект наблюдения (при необходимости) – O . Обозначение субъекта сознания может дополняться обозначением каналов восприятия: зрительный / визуальный – v , слуховой / акустический – a , обонятельный / одоративный – o , тактильный – t , вкусовой – ta (taste).

Собственно автор в роли наблюдателя $N = S_1$

(1) *В черном небе волчья проседь,
И пошел буран в бега,
Будто кто с размаху косит
И в стога гребет снега* («Песня». 1932) [26].

В примере (1) собственно автор (по типологии Б.О. Кормана) выступает как наблюдатель – $N = S_1$. Вербально он не эксплицируется. Тем не менее из описания зимнего вечера и непогоды выводится идея о наличии наблюдателя-зрителя – $N = S_{1v}$. Он видит эту картину и передает свое субъективное отношение к ней в образах, метафорах и эпитетах: *черное небо*, *бледные просветы на нем* – *волчья проседь*, усиливающийся буран – *пошел буран в бега*; очеловеченный образ бурана-крестьянина, который *с размаху косит и в стога гребет снега*.

В стихотворении «Лагерь» (1933) собственно автор, выступая в роли стороннего наблюдателя событий гражданской войны в городе, не обозначает свою оценочную точку зрения. Он представляет читателю сцены и картины, как бы передвигаясь по городу, захватывая в кадр наиболее значимые события: стрельбу из пулеметов на базаре, отстреливающихся на бегу красноармейцев, солдат, катящих захваченную пушку, осенний сад, убитого харчевника на сеновале, кипящий суп в харчевне. Наблюдатель использует визуальный, акустический и обонятельный каналы восприятия ($N = S_{1vao}$).

Далее в повествовании автор проявляет себя открыто и обозначает свое присутствие. Употребление частицы *И вот...* характеризует позицию

наблюдателя: «здесь – передо мной – сейчас», подчеркивая для читателя эффект присутствия автора в кадре.

(2) *На сеновале под тулупом
Харчевник с пулей в глотке спит,
В его харчевне пар над супом
Тяжелым облаком висит.*

***И вот** солдаты с котелками
В харчевню валяются, как снег,
И пьют веселыми глотками
Похлебку эту у телег.*

*Войне гражданской не обуза –
И лошадь мертвая в траве,
И рыхлое мяско арбуза,
И кровь на рваном рукаве («Лагерь». 1933) [26].*

В третьем четверостишии автор проявляет себя в комментировании наблюдаемых им событий: ***Войне гражданской не обуза – И лошадь мертвая в траве, И рыхлое мяско арбуза, И кровь на рваном рукаве.*** Эти строки принадлежат автору-наблюдателю, который после размышлений об увиденном и услышанном приходит к выводу о безжалостности войны, о том, что она делает людей черствыми, привычными к смерти, крови, трупам.

Повествователь в роли наблюдателя $N = S_2$

В стихотворении «Конь» автор повествует о том, как в голодную зиму хозяин вынужден забить коня – кормильца и гордость семьи. Наблюдатель $N = S_{2v}$ последовательно перемещается в пространстве: от общего обзора замеченной снегом станицы переходит к избе, крыльцу, воронам у крыльца, т.е. сужает поле зрения; затем повествователь переходит в избу, описывая горящего хозяина за столом, пса под лавкой, босоногого малыша, огонь в печке:

(3) *Замело станицу снегом – белым-бело.
Путался протяжливый волчий волок,
И ворон откуда-то нанесло,
Неприютливых да невеселых.*

...

*А у хозяина беды да тревоги,
Прячется пес под лавку –
Боится, что пнут ногой,
И детеныш, холстяной, розовоногий,
Не играет материнскою серьгой.*

*Ходит павлин-павлином
В печке огонь,
Собирает угли клювом горячим.
А хозяин бабку стопудовую*

*Положил на ладонь –
Кудерь подрагивает, плечи плачут («Конь». 1932) [26].*

Далее в (4) нарратор наблюдает за хозяином, следуя за ним:

*(4) Подымет, накинёт буланный тулуп
И выносит горе свое
На уличный холод.
Расшатывает горе дубовый пригон.*

*Да по прекрасным глазам,
По карим
С размаху – тем топором...
И когда по целованной
Белой звезде ударил,
Встал на колени конь
И не поднимался потом («Конь») [26].*

В стихотворении (6) повествователь-наблюдатель находится на улицах города среди идущей толпы, видит стены домов из стекла и камня, городские парки:

*(6) Из стекла и камня **вижу** стены,
Парками теснясь, идет народ («Горожанка», сентябрь 1934) [26].*

Его присутствие выражено глаголом 1-го лица *вижу*. Он является частью толпы, одним из многих. Читатель воспринимает события и окружающий мир его глазами. Наблюдатель находится в кадре, его физическое присутствие значимо.

Субъект обозначает себя как наблюдателя-зрителя в форме 1-го лица глаголов зрительного восприятия. Е.В. Падучева, характеризуя наблюдателя в нарративном дискурсе, писала, что он, в отличие от говорящего, не может обозначаться эгоцентриками в 1-м лице: «...говорящий называет себя Я, а Наблюдатель назвать себя не может никак. Его присутствие проявляется скорее в запрете на употребление местоимения 1 лица» [21. С. 406]. Но при нарративной интерпретации текста говорящий может выступать в роли наблюдателя, определяющего вторичный дейксис текстового пространства и, соответственно, называющего себя в 1-м лице. Ю. Петерсен пишет, что повествование от 1-го лица может быть формой выражения истории, когда повествователь находится вне повествуемой истории или выступает в ней в качестве одного из персонажей [27].

Лирический герой в роли наблюдателя N = S₃.

В стихотворении «Гаданье» (7) наблюдатель – это лирический герой, который выступает носителем сознания и участником событий. Он открыто проявляет себя в нарративе в формах местоимений и глаголов 1-го лица, рассказывает о своих наблюдениях и переживаниях после произошедшего (*я видел*). Как наблюдатель он обозначает свое местоположение – точку

наблюдения, как субъект восприятия – канал восприятия (визуальный: «видел»): $N = S_{3v}$. Указание на точку наблюдения выводится из описания ситуации: лирический герой недалеко от зарослей карагача, в которых находится объект наблюдения, в зоне видимости, которая позволяет ему увидеть все детали сцены: шаль, упавшую с плеч девушки; шаль цепляется за ветви карагача. Роль наблюдателя в этой сцене специфична: он выступает в роли подсматривающего, в роли нежелательного свидетеля интимной сцены со своей подругой и другим мужчиной. Действующие лица его не замечают. Эмоциональное потрясение героя от предательства подруги передает метафора *ветви невеселые*.

(7) **Я видел** – в зарослях карагача
Ты с ним, моя подруга, целовалась.
И шаль твоя, упавшая с плеча,
За ветви невеселые цеплялась («Гаданье», 1932) [26].

Отметим еще одну важную деталь, характеризующую наблюдателя: он видит в этой сцене только девушку, фокусирует свое внимание только на ней и, соответственно, описывает только ее, т.е. происходит внутренняя фокализация повествования [28. С. 204–209]. Второго участника сцены он вообще не замечает, и тот обозначается им в повествовательном плане неопределенно как 3-е лицо (*с ним*). Как наблюдатель лирический герой в этой сцене остается за кадром, причем поневоле, случайно.

В строках (8) лирический герой обозначает себя как наблюдателя не только с помощью глагола *вижу*, но и с помощью частицы *вот*, вносящей дейктическое значение непосредственного зрительного присутствия и наблюдателя, и читателя-зрителя:

(8) **Вот я вижу**, лежит молодая, в длинных одеждах, опершись о локоть, –
Ваятель теплого, ясного сна вокруг нее пол-аршина оставил,
Мальчик над ней наклоняется, чуть улыбаясь, крылатый...
Дай мне, жизнь, усыплять их так крепко – каменных женицин
(«Мню я быть мастером, затосковав о трудной работе...», июнь 1932) [26].

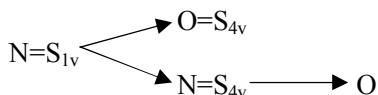
4. Ролевой герой как наблюдатель $N = S_4$.

Рассмотрим случаи корреляции наблюдателя и такой формы авторского сознания, как ролевой герой в произведениях П. Васильева. Автор принимает форму героя ролевой лирики и передает функции наблюдателя ему: $N = S_{4v}$. Сознание ролевого героя является результатом рефлексии двух субъектов – автора и самого героя, таким образом, текст имеет двухсубъектную организацию:

(9) **А конкистадор поднял шторы,**
Глядит в окно – мелькают горы,
За кряжем кряж, за рядом ряд,
Спит край морозный, непроезжий,
И звезды крупные, медвежьи
Угрюмым пламенем горят.

*Блестят снега, блестят уныло.
Ужели здесь найдут могилу
Веселой Франции сыны?..* («Принц Фома». 1935) [26].

Автор передает свой голос, свою точку зрения через визуальные наблюдения и оценку ролевого героя, совпадающие с его собственными. См., например, выбор эпитетов (*край морозный, непроезжий; звезды медвежьи; угрюмым пламенем*), метафор (*снега блестят уныло*). Подавленное состояние и опасения ролевого героя – французского посланника – проявляются в несобственно прямой речи: *Ужели здесь найдут могилу Веселой Франции сыны?..* Риторический вопрос является результатом негативно-оценочного осмысления акта зрительного восприятия картин за окном движущегося поезда. Глагол *мелькают* содержит в своей семантике идею движущегося наблюдателя (Ю.Д. Апресян). Автор интерпретирует пространственные дейктические показатели через ролевого героя – движущийся по просторам Сибири поезд, в котором находится персонаж. Можно говорить о том, что в нарративном режиме сам ролевой герой S_{4v} в определенной степени является объектом наблюдения (O) для собственно автора. Таким образом, функции собственно автора и ролевого героя схематично представляются так:

М. Мартинес и М. Шеффель, разрабатывая свою типологию гомодиегетического повествователя по степени участия, выделили два типа наблюдателя: сторонний, незаинтересованный (*unbeteiligter Beobachter*) и заинтересованный наблюдатель (*beteiligter Beobachter*) [2. С. 82–83]. Рассмотренные нами выше в пп. 1, 2, 3, 4 случаи присутствия наблюдателя в поэтических текстах П. Васильева можно отнести к типу заинтересованного наблюдателя (*beteiligter Beobachter*). Даже собственно автор не остается безучастным к происходящим событиям, персонажам, пейзажу и имплицитно проявляет свою точку зрения через выбор оценочно-экспрессивных и образных языковых средств, позволяющих читателю выводить из них определенные импликатуры [29].

Смена форм авторского сознания наблюдателя как способ усложнения субъектной организации поэтического нарратива.

Рассмотрев некоторые особенности функционирования субъектных форм наблюдателя и его пространственно-дейктических параметров, отметим, что в стихотворениях П. Васильева часто встречается усложненная субъектная организация, в которой варьируются формы субъектного сознания и восприятия, их корреляция с наблюдателем, происходит смена ролей наблюдателя, влияющая на пространственно-дейктические параметры (изменение его позиции, точек наблюдения в пространстве), и, соответственно, способов и средств их репрезентации в поэтическом нарративе.

Все это создает многоплановость пространства субъекта-наблюдателя, передает динамику развития художественного повествования, углубляет и расширяет образно-поэтический мир лирического произведения.

Павел Васильев искусно использует прием смены позиции наблюдателя, его ролей, способов и средств их экспликации для воссоздания полноценной объемной «живой» картины для читателя-зрителя и читателя-слушателя. Так, в стихотворении «Женихи» несколько раз меняются субъект восприятия, его позиция и роли при описании событий. Сначала это повествователь, наблюдающий и описывающий сцену в избе с участием персонажа – колдуна: $N = S_{2v}$. Повествователь-наблюдатель находится внутри, в избе, его присутствие не эксплицируется в лексических и грамматических средствах, но достаточно ясно прочитывается в импликатурах, выводимых из описания ситуации [30]. Он выступает в кадре в роли незримого наблюдателя:

(10) *Сам колдун
Сидел на крепкой плахе
В красной сатинетовой рубаше –
Черный,
Без креста,
И не спеша,
Чтобы как-нибудь опохмелиться,
Пробовал в раздумье не водичу –
Водку
Из неполного ковша* («Женихи». 1936) [26].

Затем наблюдатель в (11) меняется – это уже сам ролевой герой, наблюдающий за происходящим в его избе, во дворе, сначала он слушает, а потом и рассматривает сцену, в которой появляется еще один персонаж – Настя Стегунова. Ее появлению предшествуют звуки – *стукнула калитка*. Наблюдатель – колдун слышит звук открываемой калитки, находясь внутри избы, потому что «дверь открыта». Затем со своей наблюдательной позиции он видит мельканье во дворе (*по двору мелькнула*), ощущает дрожь половиц (*половицы пробирает дрожь*) и наконец *входит в избу Настя Стегунова*. Формула $N = S_{4vat}$ передает разные каналы восприятия наблюдателя: визуальный, акустический, тактильный.

(11) *Стукнула калитка,
Дверь открыта,
По двору мелькнула – шито-крыто,
Половицы пробирает дрожь:
Входит в избу Настя Стегунова,
Полымем
Горят на ней обновы...
– Здравствуй, дядя Костя,
Как живешь?* («Женихи») [26].

Повествователь проявляет себя в этом стихотворении эксплицитно, через ряд языковых средств. В следующей сцене (12) он наблюдает за толпой женихов, идущих к Насте, издалека, находясь на улице, обзору сцены ничего не мешает (*видно хорошо*) – $N = S_{2v}$. Наблюдатель выступает как непосредственный зритель, перед которым разворачиваются события, о чем говорит указательная частица *вот*, создающая эффект непосредственного присутствия лирического субъекта:

(12) *Вот они идут, и на ухабах
Видно хорошо их –
Кепки набок,
Руки молодые на ладах («Женихи»)* [26].

Смену субъектов сознания – наблюдателей в рассматриваемом произведении можно представить в виде цепочки: $N (S_{2v}) \rightarrow N (S_{4vat}) \rightarrow N (S_{2v})$.

Стихотворение «В защиту пастуха-поэта» построено П. Васильевым в плане субъектной организации несколько по-иному: во-первых, на смене ролей наблюдателя в рамках одной формы авторского сознания, лирический герой $N = S_{3va}$ переходит от роли стороннего, незаинтересованного наблюдателя (по Мартинесу, Шеффелю) до роли заинтересованного наблюдателя, а затем и до участника событий; во-вторых, на смене перцептивных акцентов наблюдателя: от визуального до акустического. Иными словами, субъектная организация стихотворения усложняется несколько иными, менее очевидными способами:

(13) *Лукавоглаз, широкорот, тяжел,
Кося от страха, весь в лучах отваги,
Он в комнату и в круг сердец вошел
И сел средь нас, оглядывая пол,
Держа под мышкой пестрые бумаги*
(«В защиту пастуха-поэта». 1934) [26].

Лирический герой находится на заседании литературного совета, где обсуждается творчество молодого безвестного поэта-новичка из глубинки. Наблюдатель описывает внешность поэта-новичка, его эмоциональное состояние: *Лукавоглаз, широкорот, тяжел, Кося от страха, весь в лучах отваги*, его действия: *Он в комнату и в круг сердец вошел И сел средь нас, оглядывая пол, Держа под мышкой пестрые бумаги*. Затем более внимательно приглядываясь к его тетрадке со стихами, он начинает испытывать сочувствие к новичку, вспоминая свой путь в литературу и сравнивая его с собой: *Не так ли начинались и мои С безвестностью суровые бои*.

Наблюдение (14) за известными поэтами – членами литературного совета сопровождается негативной оценкой их поведения (*откормленные славой пустомели; говоруны; вокруг него, нахохлившись, сидели*):

(14) *Так он вошел. Поэзии отцы,
Откормленные славой пустомели,*

*Говоруны, бывалые певцы
Вокруг него, нахохлившись, сидели
(«В защиту пастуха-поэта»)* [26].

Лирический герой-наблюдатель начинает проявлять заинтересованность в происходящем и поддерживать поэта-новичка, так как видит в нем себя прежнего. Заинтересованность его проявляется в мысленном подбадривании персонажа: *Ну, милый друг, повертывай страницы. Распахивай заветную тетрадь; Читай, читай...* Далее очень важными для идейно-художественной реализации авторской точки зрения в произведении становятся акустические образы, передаваемые лирическим героем как противостояние двух сторон, двух миров (15)¹: *тихий склад, звук дерева нецветшего, кленовый лесных орешков звонкий перецелк* – это акустическое восприятие стихов поэта-новичка, с одной стороны, с другой – *слова гостиных грязных, которые пошли, выламываясь хило; патефонный сброд; сбоку грянул гогот* – это акустическое восприятие и оценка слов и реакции маститых литераторов на стихи новичка.

*(15) Он для меня не новый,
Твой тихий склад. Я разбираю толк:
Звук дерева нецветшего, кленовый
Лесных орешков звонкий перецелк.*

*И вдруг пошли, выламываясь хило,
Слова гостиных грязных. Что же он?
Нет у него сопротивленья силы.
Слова идут! Берут его в полон!*

(«В защиту пастуха-поэта») [26].

Наблюдая за поведением «поэта-пастуха», его беззащитностью, лирический герой от роли заинтересованного наблюдателя, оказывающего моральную поддержку поэту, переходит к более активной роли (16) и становится действующим лицом – его защитником перед лицом нападающих:

*(16) Ах, пособить! Но сбоку грянул гогот.
Пускай теперь высмеивают двух –
Я поднимаюсь рядом: «Стой, не трогай!
Поэт пастух! Да здоровствует пастух!*

*Да здоровствует от края и до края!»
Я выдвинусь вперед плечом, – не дам!
Я вслед за ним, в защиту, повторяю:
«Нам что-то грустно, милая мадам»*

(«В защиту пастуха-поэта») [26].

¹ По мнению Т.А. Демешкиной, наибольшей образной яркостью обладают слуховые образы, тогда как при декодировании текста «лидируют» визуальные признаки [23. С. 13].

В четверостишии (17) от защиты он переходит к обвинениям в адрес маститых литераторов (*бывалые охвостья поколения прекрасного*) в «художественной глухоте» (*Не слышите ль, как дерево поет?*) и в непонимании чудосотворенья, происходящего перед их глазами:

(17) *Бывалые охвостья поколения
Прекрасного. Вы, патефонный сброд,
Присутствуя при чудосотворенье,
Не слышите ль, как дерево поет?..*

(«В защиту пастуха-поэта») [26].

Лирический герой в этом произведении сохраняет практически неизменной пространственную точку наблюдения – он находится среди литераторов, сначала он сидит, а затем встает. Лирический герой меняет акценты в каналах восприятия: сначала акцент на зрительном восприятии, затем – на акустическом. П. Васильев показывает, как наблюдатель – лирический герой от незаинтересованного наблюдения через стадию заинтересованности, сочувствия, эмпатии, скрытой поддержки становится активным действующим персонажем – защитником пастуха-поэта и обличителем членов литсовета.

Прием совосприятия наблюдателя и читателя в поэтическом нарративе. Иногда наблюдатель приглашает к совместному восприятию и переживанию читателя, обращаясь к нему во втором лице, используя глаголы восприятия в повелительном наклонении (*взгляни, приглядишься, послушай, посмотри* и т.п.). Ему важно, чтобы читатель обратил внимание на какие-то детали, услышал какие-то звуки, почувствовал определенный запах. Этот процесс совосприятия и в конечном счете сопереживания делает читателя и поэта совместными творцами нарратива и построения художественного пространства, помогает автору глубже передать свой взгляд на мир, свое мироощущение и мировосприятие:

(18) *Но сквозь ладонь **взгляни** на солнце –
Весь мир в березах, в камыше,
И слаще, чем зоря в оконце,
Медовая зоря в ковше*

(«Лето». 30 июня 1930) [26].

(19) ***Прислушайся!** Как мерно сердце бьется
Степной страны, раскинувшейся тут,
Как облака тяжелые плывут
Над пестрою юртою у колодца.
Кричит верблюд. И кони воду пьют*

(«Затерян след в степи солончаковой». 1929) [26].

Нами исследована субъектная организация поэтического нарратива П. Васильева, проанализированы соотношения различных форм авторского сознания с ролью наблюдателя, их пространственно-дейктические параметры, перцептивные каналы наблюдения (зрительный, акустический, тактильный и т.д.), выявлены эксплицитные и имплицитные способы репре-

зентации субъекта-наблюдателя. Такие формы авторского сознания, как собственно автор и повествователь в роли наблюдателя, выражаются в поэзии П. Васильева преимущественно имплицитными языковыми средствами, а лирический герой и герой ролевой лирики в роли наблюдателя – преимущественно эксплицитным способом. Кроме этого, анализ поэтического нарратива подтвердил мнение исследователей о приоритетной роли визуального и акустического видов перцепции, организующим центром которых выступает наблюдатель – субъект прежде всего «видения» и «слушания» [31. С. 46]. Еще одной особенностью поэтического нарратива можно назвать заинтересованность наблюдателя, независимо от различных форм авторского сознания. Иначе говоря, наблюдатель всегда проявляет то или иное отношение к наблюдаемым событиям, причем его заинтересованность варьируется от эмоционального отношения, эмпатии до активных действий в событийном ходе.

Также установлены приемы усложнения субъектной организации, используемые П. Васильевым: смена позиций и разных форм авторского сознания наблюдателя в одном произведении, а также смена ипостасей наблюдателя в рамках одной формы сознания, полисубъектное моделирование художественного пространства, привлечение читателя к совместно-зрительному или слуховому восприятию природы, событий и явлений. Все эти поэтические приемы и средства создают пространственную многоплановость, субъектную полифонию и диалогичность художественного мира поэта, передавая оттенки эмоциональных переживаний и рефлексии авторского сознания для читателей.

Использованная в нашей работе методика соотнесения роли наблюдателя с формами авторского сознания дала возможность выявить ряд специфических черт в субъектной организации поэтических текстов П. Васильева. Эта методика в перспективе может быть применена для анализа поэтического нарратива других авторов с целью установления общих, типичных и сугубо авторских приемов организации субъектной стороны поэтического произведения.

Литература

1. *Падучева Е.В.* Семантические явления в высказываниях от 1 лица: Говорящий и Наблюдатель. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/slavisty_2008.pdf (дата обращения: 13.12.2019).
2. *Martinez M., Scheffel M.* Einführung in die Erzähltheorie. München : C.H. Beck, 2002. YI. 285 s.
3. *Lintvelt J.* Essai de typologie narrative: Le “point de vue”: Theorie et analyse. Paris : Corti, 1981. 315 p.
4. *Андреева В.А.* Литературный нарратив: зона формирования смыслов. Казань : Бук, 2019. 320 с.
5. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
6. *Галанова В.А.* Специфика поэтического нарратива в жанре поэмы и в поэмах Ф.Н. Глинки // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. Вып. 22, № 5. С. 145–148.

7. *Tamary L.B.* Нарративный анализ лирической поэзии (стихотворение А.С. Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением») // Новый филологический вестник. 2011. № 19 (4). С. 102–110.
8. *McHale B.* Beginning to think about narrative in Poetry// Narrative. Columbus : Ohio state univ. press, 2009. Vol. 17. P. 11–27.
9. *Heiden B.* Narrative in poetry: A problem of narrative theory // Narrative. Columbus : Ohio state univ. press, 2014. Vol. 22, № 2. P. 269–283.
10. *Huhn P.* Transgeneric narratology: Applications to Lyric Poetry // The Dynamics of Narrative Form. Berlin : de Gruyter, 2004. P. 139–158.
11. *Бессмертнова С.В.* Нарративные и композиционные средства экспликации мотива экзистенциального опыта в поэтическом сборнике Брехта «Буковские элегии» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 4. С. 75–82.
12. *Чаркин В.В.* Лирический нарратив как способ выражения авторского сознания в лирике С.Я. Надсона // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 1 (70). С. 141–145.
13. *Темиргазина З.К.* Лирический субъект как наблюдатель в поэзии Павла Васильева // Идея евразийства в мировой культуре : материалы междунар. науч.-практ. конф. Павлодар, 2019. С. 19–24.
14. *Шмид В.* Нарратология. М. : Лабиринт : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
15. *Шмаль Х., Евграшкина Е.* (ред.). Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика. Bern, Switzerland : Peter Lange, 2019. URL: <https://www.peterlang.com/view/9783631770597/chapter24.xhtml> (дата обращения: 01.09.2020).
16. *Bürger Ch., Bürger P.* Das Verschwinden des Subjekts. Das Denken des Lebens: Fragmente einer Geschichte der Subjektivität. Frankfurt a.M. : Suhrkamp Verlag, 2000. 489 S.
17. *Корман Б.О.* Лирика Н.А. Некрасова. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. 388 с.
18. *Корман Б.О.* Изучение текста художественного произведения. М. : Просвещение, 1972. 113 с.
19. *Чевтаев А.А.* Повествовательность в лирике и концепция Б.О. Кормана // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2006. С. 103–114.
20. *Бройтман С.Н.* Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики: Субъектно-образная структура. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1997. 307 с.
21. *Падучева Е.В.* Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Труды международной конференции «Диалог 2006». М., 2006. С. 403–413.
22. *Мельник О.Г.* Роль дейксиса в интерпретации художественного произведения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 31–42. DOI: 10.17223/19986645/46/3.
23. *Демешкина Т.А.* Модели восприятия в поэтическом тексте как способ интерпретации мира // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы. Томск, 2006. С. 5–17.
24. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5–33.
25. *Ковалев О.А.* О наблюдающем за наблюдателями (об одном аспекте рецептивно-эстетического анализа художественного текста) // Критика и семиотика. 2005. Вып. 8. С. 119–125.
26. *Васильев П.* Все стихи Павла Васильева. URL: https://45parallel.net/pavel_vasilev/stihi (дата обращения: 06.09.2019).
27. *Petersen J.* Kategorien des Erzählens: Zur systematischen Deskription epischer Texte// Poetica. Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaft. 1977. Bd. 9. S. 167–195.
28. *Женетт Ж.* Фигуры. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.

29. *Temirgazina Z.K.* Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief Middle-East // *Journal of Scientific Research* 13: (Socio-Economic Sciences and Humanities). 2013. P. 224–229. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.sesh.1440
30. *Темиргазина З.К.* Намеренные недомолвки в устной речи: прагматический аспект // *Филологические науки*. 2013. № 1. С. 33–40.
31. *Авдеевнина О.Ю.* Перцептивно-семантические доминанты в художественном стиле-образовании // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика*. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 45–52.

An Observer in Poetic Narrative (In the Poems of Pavel Vasiliev)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 290–307. DOI: 10.17223/19986645/72/16

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan). E-mail: zifakakbaevna@mail.ru

Zhanarka B. Ibraeva, Innovative University of Eurasia (Pavlodar, Kazakhstan). E-mail: igb1006@mail.ru

Keywords: poetic narrative, an observer, spatial deixis, forms of author's consciousness, subject of perception.

The article analyzes the subjective organization of poetic narrative, the specificity of an observer in correlation with the forms of the author's consciousness, ways of expressing the subject of spatial deixis, and kinds of perception used by the observer. The analysis is carried out on the basis of the lyrics of the Russian Soviet poet Pavel Vasiliev (1910–1937). Supporting the opinion of many scholars about the narrative nature of poetry and its eventuality, we have applied some narratological concepts to the analysis of poetic texts. Based on the concept of an “observer” (Yu.D. Apresyan, E.V. Paducheva) in poetic narrative and correlating it with various forms of the author's consciousness (the author him-/herself, the narrator, the lyrical character, the role-playing character), in accordance with B.O. Korman, we have attempted to identify the specificity of the role and function of an observer as a subject of spatial deixis, explicit and implicit ways of its expression, and kinds of perception used. The observer in Vasiliev's poems acts as the subject of perception, most often visual or acoustic one, less often tactile and olfactory. By varying the channels of perception and using the figure of an observer, the poet creates a stereoscopic concrete-sensual reality for the reader, perceiving it through their eyes, ears, and other senses. Depending on the role of the subject, it is expressed explicitly using egocentric words: 1st person pronouns, 1st person verbs of perception (see, hear, look, etc.), particles (*vot, i vot*), or implicitly through implications derived from figurative-artistic linguistic means: metaphors, epithets, comparisons, rhetorical figures, etc. The reader and the observer, changing their positions and points of observation, move in space and become a spectator and a listener directly present at the events. The observer in poetic narrative, regardless of the forms of the author's consciousness, always shows interest in what is happening around in different degrees: from emotional acceptance or rejection to a direct involvement. The methods of complicating the subjective organization that Vasiliev uses are established as well. These are changing various forms of the author's consciousness as an observer in one work, changing the position and role of an observer within the same subject form, attracting the reader to a joint visual or auditory perception of nature, events, and things. These poetic techniques create the spatial diversity, subjective polyphony and dialogic nature of the poet's art world, conveying his emotional experiences and reflection, influencing the figurative and sensory perception of the reader as an interpreter of poetic narrative.

References

1. Paducheva, E.V. (2008) *Semanticheskie yavleniya v vyskazyvaniyakh ot 1 lica: Govoryashchiy i Nablyudatel'* [Semantic phenomena in utterances from the First Person: Speaker

and Observer]. [Online] Available from: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/slavyisty_2008.pdf (Accessed: 13.12.2019).

2. Martinez, M. and Scheffel, M. (2002) *Einführung in die Erzähltheorie*. München: C.H. Beck.

3. Lintvelt, J. (1981) *Essai de typologie narrative: Le "point de vue": Theorie et analyse*. Paris: Corti.

4. Andreeva, V.A. (2019) *Literaturnyy narrativ: zona formirovaniya smyslov* [Literary narrative: a zone of the formation of meanings]. Kazan: Buk.

5. Paducheva, E.V. (1996) *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic research. Semantics of tense and aspect in Russian. The semantics of narrative]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

6. Galanova, V.A. (2016) Poetic narrative in the poem genre and in the poems by Fyodor Glinka. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova*. 22 (5). pp. 145–148. (In Russian).

7. Tataru, L.V. (2011) Narrativnyy analiz liricheskoy poezii (stihotvorenie A.S. Pushkina "Net, ya ne dorozhu myatezhnym naslazhden'em") [Narrative analysis of lyric poetry (poem by A.S. Pushkin "No, I do not value rebellious pleasure)]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 19 (4). pp.102–110.

8. McHale, B. (2009) Beginning to think about narrative in Poetry. *Narrative*. 17. pp.11–27.

9. Heiden, B. (2014) Narrative in poetry: A problem of narrative theory. *Narrative*. 22 (2). pp. 269–283.

10. Huhn, P. (2004) Transgeneric narratology: Applications to Lyric Poetry. In: Pier, J. (ed.) *The Dynamics of Narrative Form*. Berlin: de Gruyter. pp. 139–158.

11. Bessmertnova, S.V. (2012) Narrativnye i kompozitsionnye sredstva eksplikatsii motiva ekzistentsial'nogo opyta v poeticheskom sbornike Brekhta "Bukovskie elegii" [Narrative and compositional means of explicating the motive of existential experience in the poetic collection of Brecht "Bukovsky Elegy"]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 4. pp. 75–82.

12. Charkin, V.V. (2016) Liricheskii narrativ kak sposob vyrazheniya avtorskogo soznaniya v lirike S.Ya. Nadsona [Lyrical narrative as a way of expressing author's consciousness in the lyrics of S.Ya. Nadson]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 1 (70). pp. 141–145.

13. Temirgazina, Z.K. (2019) [The lyrical subject as an observer in the poetry of Pavel Vasiliev]. *Ideya yevraziystva v mirovoy kul'ture* [The idea of Eurasianism in world culture]. Conference Proceedings. Pavlodar: Pavlodar State Pedagogical University. pp. 19–24. (In Russian).

14. Shmid, V. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Labirint: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

15. Shtal', Kh. & Yevgrashkina, E. (eds) (2019) *Sub'yekt v noveyshey russkoyazychnoy poezii – teoriya i praktika* [Subject in the latest Russian-language poetry – theory and practice]. Bern, Switzerland: Peter Lang. [Online] Available from: <https://www.peterlang.com/view/9783631770597/chapter24.xhtml> (Accessed: 01.09.2020).

16. Bürger, Ch. & Bürger, P. (2000) *Das Verschwinden des Subjekts. Das Denken des Lebens: Fragmente einer Geschichte der Subjektivität*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag.

17. Korman, B.O. (1964) *Lirika N.A. Nekrasova* [Lyrics of N.A. Nekrasov]. Voronezh: Voronezh State University.

18. Korman, B.O. (1972) *Izuchenie teksta khudozhestvennogo proizvedeniya* [Learning the texts of works of fiction]. Moscow: Prosveshcheniye.

19. Chevtayev, A.A. (2006) Narration in lyrics and the concept of B.O. Korman. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 7 (21). pp.103–114. (In Russian).

20. Broymann, S.N. (1997) *Russkaya lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoy poetiki: Sub'yektno-obraznaya struktura* [Russian Lyrics of the 19th – Early 20th Centuries in the Light of Historical Poetics: Subject-Image Structure]. Moscow: RSUH.

21. Paducheva, E.V. (2006) [Observer: typology and possible interpretations]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii "Dialog 2006"* [Proceedings of the International Conference Dialog 2006]. Moscow: RSUH. pp. 403–413. (In Russian).
22. Mel'nik, O.G. (2017) The role of deixis in the interpretation of a literary text. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 46. pp. 31–42. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/46/3
23. Demeshkina, T.A. (2006) Modeli vospriyatiya v poeticheskom tekste kak sposob interpretacii mira [Perception models in a poetic text as a way of interpreting the world]. In: Kafanova, O.B. & Razumova, N.E. (eds) *Evropejskiy interlingvizm v zerkale literatury* [European interlingualism in the mirror of literature]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–17.
24. Apresyan, Yu.D. (1986) Deixis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in vocabulary and grammar and a naive model of the world]. *Semiotika i informatika*. 28. Moscow. pp. 5–33.
25. Kovalev, O.A. (2005) O nablyudayushchem za nablyudatelyami (ob odnom aspekte receptivno-esteticheskogo analiza hudozhestvennogo teksta) [About observing observers (about one aspect of the receptive-aesthetic analysis of a literary text)]. *Kritika i semiotika*. 8. pp. 119–125.
26. Vasil'ev, P. (2019) *Vse stikhi Pavla Vasil'eva* [All poems by Pavel Vasiliev]. [Online]. Available from: https://45parallel.net/pavel_vasilev/stihi (Accessed: 6.09.2019).
27. Petersen, J. (1977) Kategorien des Erzählens: Zur systematischen Deskription epischer Texte. *Poetica. Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaft*. 9. pp. 167–195.
28. Genette, G. (1998) *Figury* [Figures]. Translated from French. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovyh.
29. Temirgazina, Z.K. (2013) Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief. *Middle-East Journal of Scientific Research*. 13 (Socio-Economic Sciences and Humanities). pp. 224–229. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.sesh.1440
30. Temirgazina, Z.K. (2013) Namerennyye nedomolvki v ustnoy rechi: pragmaticheskiy aspekt [Intentional Omissions in Oral Speech: Pragmatic Aspect]. *Filologicheskiye nauki*. 1. pp. 33–40.
31. Avdevnina, O.Yu. (2015) Perceptive and Semantic Keynotes in the Formation of Artistic Style. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 15 (4). pp.45–52. (In Russian).

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

DOI: 10.17223/19986645/72/17

В.Л. Агапов

БОРЬБА ПРЕССЫ И АДМИНИСТРАЦИИ В ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1910–1914 гг.)

Рассматрено развитие конфликта между высшей администрацией и периодической печатью в Приморской области в первой половине 1910-х гг. Показано, какие публикации газет вызывали неудовольствие властей, как действовали в этих случаях чиновники, наблюдавшие за печатью, приведены примеры административных преследований приморской прессы (конфискаций, штрафов, арестов и привлечений к суду редакторов). Выявлены методы борьбы журналистов с необоснованными, по их мнению, нападениями со стороны администрации и дана оценка эффективности этих методов.

Ключевые слова: Российская империя, Дальний Восток, региональная администрация, периодическая печать, журналистика, цензура

Введение

В июне 1913 г. в Санкт-Петербурге стало известно, что исполняющий обязанности военного губернатора Приморской области В.И. Лодыженский арестовал редакторов всех владивостокских газет. Столичной прессой был раздут большой скандал, в который были вовлечены как Главное управление по делам печати, так и Министерство внутренних дел. На первый взгляд всё было ясно: чиновник-самодур, не считаясь ни с чем, творит незаконный суд и расправу над честными работниками пера. Однако более внимательное знакомство с этой историей показывает, что, хотя Владимир Ильич Лодыженский действительно отличался, мягко говоря, причудливым нравом [1], в своём отношении к прессе он был не одинок, так как причины и расстановка сил в конфликте приморской администрации и местных газет сложились до его прибытия на Дальний Восток.

Общий обзор отношений периодической печати и органов государственной власти на Дальнем Востоке со второй половины XIX до начала XX в. был сделан И.А. Шаховой [2]. Более детально на примерах административного воздействия на газеты в начале XX в. останавливался М.А. Бордаков [3]. Рассматривая работу органов по надзору за печатью на Дальнем Востоке, он привёл семь эпизодов закрытия и приостановки периодических изданий в период 1906–1914 гг., из которых два относятся к 1907 г., один – к 1912, два – к 1913, один – к 1914 г. [2. С. 110–113]. Но все эти случаи даны у него только для примера, «чтобы иметь представление

об основных нарушениях, которые вменялись издателям», и далеко не составляют полную картину преступлений и наказаний в мире дальневосточной периодической печати обозначенного периода.

Цель статьи – на примере административных преследований прессы в Приморской области показать взаимоотношения власти, администрации и частной периодической печати в провинции Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- выявить и проанализировать случаи административных штрафов, арестов, конфискации и возбуждений судебного преследования против газет;
- на основании этого составить список тем и мнений, считавшихся в 1910-е гг. «неудобными» и запрещёнными к опубликованию в прессе;
- охарактеризовать роль инспекции по делам печати, полицмейстеров, военных губернаторов, вице-губернаторов и генерал-губернатора в контроле за печатью и в борьбе с нарушениями закона в печати в Приморской области;
- показать методы борьбы провинциальных журналистов против администрации и дать оценку эффективности этих методов.

В качестве **источников** использованы документы Российского государственного исторического архива (РГИА) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ). В первом изучались дела из Фонда 776 «Главное управление по делам печати», связанные с изданием газет на Дальнем Востоке, в том числе переписка с владивостокским инспектором по делам печати. Во втором – дела из трёх фондов: Фонда 1 «Приморское областное правление», Фонда 24 «Владивостокский инспектор по делам печати» (аресты и привлечения к ответственности по суду, отчеты по периодической и повременной печати, переписка с Главным управлением по делам печати и др.) и Фонда 702 «Канцелярия Приамурского генерал-губернатора». Важным источником являются и сами газетные публикации, послужившие основанием для возбуждения судебных преследований, конфискации номеров, штрафов и арестов, заставлявшие, в свою очередь, прессу организовываться для защиты своих прав и ответной борьбы против неблагоприятных к ней местных чиновников.

Хронологические рамки исследования – 1910–1914 гг. – охватывают период относительного успокоения в российском обществе после событий революции 1905–1907 гг. и перед началом Первой мировой войны в 1914 г. В предшествующий период во Владивостоке было три вооружённых восстания с участием солдат и матросов: в октябре 1905, январе 1906 и октябре 1907 г. Приморская область находилась на военном положении. Деятельность военного губернатора генерал-майора В.Е. Флуга, который в 1906–1909 гг. активно боролся с революционным движением и «за время своего губернаторства уморил до десятка газет, в одном только Никольске-Уссурийском три газеты» [4], его взаимодействие с полицией и охранкой и роль в наведении порядка заслуживают отдельного рассмотрения.

«Обязательные постановления» Приамурского генерал-губернатора от 1907 и 1912 гг. Не углубляясь подробно в проблему правового

положения российской прессы в период 1905–1914 гг., хорошо разобранного, например, в статье В.В. Воробьёва [5], отметим, что периодическая печать на Дальнем Востоке накануне Первой мировой войны жила под гнётом «Обязательных постановлений», изданных по всей империи в порядке чрезвычайной и усиленной охраны после роспуска II Государственной думы 3 июня 1907 г.

В Приамурском крае сначала действовало постановление Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера от 3 июня 1907 г. В нём объявлялось, что под страхом административной кары: «1) воспрещается оглашение или публичное распространение каких-либо статей или иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к Правительству; 2) воспрещается распространять произведения печати, подвергнутые аресту установленным в законе порядком; 3) воспрещается всякого рода публичное восхваление преступного деяния, равно как распространение или публичное выставление сочинения, либо изображения, восхваляющих такое деяние; 4) воспрещается оглашение или публичное распространение: а) ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица, войска или воинской части сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение, и б) ложных, возбуждающих общественную тревогу слухов о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии» [6. Л. 50]. На смену ему пришло «Обязательное постановление Приамурского генерал-губернатора, изданное на основании Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении», от 12 апреля 1912 г. Оно было подписано генерал-губернатором Н.Л. Гондатти и действовало до марта 1917 г. Печати была посвящена статья VIII, которой воспрещалось: «1) Оглашение или публичное распространение статей и сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству, 2) Восхваление преступного деяния или личности преступника, 3) Оглашение или публичное распространение ложных слухов, 4) Распространение произведений печати, подвергнутых аресту в законном порядке» [7. Л. 80–81].

Этими постановлениями власть пыталась оградить себя и свои действия от критики со стороны оппозиции. Циркуляр военного губернатора Приморской области генерал-майора М.М. Манакина от 19 января 1912 г. предписывал «следить за появлением в местной печати известий, заключающих в себе совершенно неверные или в искажённом виде сведения о тех или иных событиях в местной жизни, а равно и о действиях местных властей...» [8. Л. 26]. Чиновникам областного правления, «на коих возложено наблюдение за повременной печатью», приказывалось «неукоснительно наблюдать за появлением в местных газетах каких-либо ложных и тенденциозных сведений из местной жизни, напрасно волнующих население», и по всем обнаруженным случаям немедленно давать опровержения [8. Л. 29]. Показательно при этом, что доказывать «ложность» помещённых в газетах сведений чиновники были вовсе не обязаны. Такое положение открывало возможности для злоупотреблений и произвольных толко-

ваний закона и вызывало многочисленные конфликты, заставлявшие издателей обращаться с жалобами в Санкт-Петербург и изыскивать другие способы отстаивания своих прав. Иногда они оказывались довольно эффективными.

Перед схваткой. Преследования печати в Приморской области в 1910–1912 гг. В 1910 г. во Владивостоке чаще всего штрафовали газету «Океанский вестник» (основана в 1909 г.). Первый раз – 17 (30) мая – на 150 руб. за заметку «Губернатор». Второй – 30 ноября (13 декабря) – на 50 руб. за статью «Демонстрация против смертной казни». Третий и четвертый – 16 (29) декабря – оба раза на 100 руб. за заметку «Несколько слов г-же начальнице Алексеевской женской гимназии» и статью «Почему на газету иной раз накладывается штраф» [9. Л. 52, 80, 81, 83]. Владивостокский инспектор по делам печати Н.В. Дюфур в Приложении к отчёту за 1910 г. писал, что «наложенные на редактора в административном порядке 4 штрафа на общую сумму 400 рублей не должны давать представления о том, что газета эта беспокойна, так как взыскания были наложены больше в целях устрашения, чем в виде репрессий, и не вызывались действительной надобностью» [10. Л. 141 об.].

Совсем по-другому отнесся инспектор к газете «Дальний Восток» (основана в 1892 г.), опубликовавшей 4 (17) ноября статью «Юбилейные торжества», в которой был «помещён текст телеграммы на имя Его Императорского Величества Государя Императора». Как вспоминал редактор газеты В.А. Панов, «2 ноября 1910 г. город Владивосток торжественно праздновал день 50-летия своего существования. Устроен был грандиозный всенародный праздник. Толпы народа запруживали улицы, участвовали все учебные заведения, состоялся грандиозный парад всего гарнизона... Давая 4 ноября в № 240 (1910 г.) отчет об этом праздновании, я напечатал в нём также и подлинный текст телеграммы, посланной городским головою от населения города на имя царя» [11]. Н.В. Дюфур просил привлечь редактора «Дальнего Востока» В.А. Панова к ответственности на основании ст. 1024 Уложения о наказаниях за напечатание этой телеграммы без разрешения губернатора [8. Л. 78; 12. Л. 91]. Дело было возбуждено, но затем прекращено, а В.А. Панов после этого считал Н.В. Дюфура своим личным врагом [11].

В том же году редактор никольск-уссурийской «Уссурийской окраины» (основана в 1908 г.) К.И. Лепин был дважды оштрафован на 300 руб. постановлениями военного губернатора: 19 сентября (2 октября) – за заметку «Умопомешательство священника» и 17 (30) ноября – за статью «Министр путешествует» [9. Л. 76, 199].

В 1911 г. 7 (20) февраля редактор «Уссурийской окраины» К.И. Лепин был оштрафован на 200 руб. с заменой арестом на 1 месяц за статью «К борьбе с чумой» [13. Л. 10].

19 февраля (4 марта) 1911 г. газета «Океанский вестник» опубликовала статью «Немного истории», посвященную 50-летию отмены крепостного права. Лейтмотивом её была мысль, что «одним из главных активных фак-

тов уничтожения крепостничества является само крестьянство», и именно его непрекращающиеся восстания вынудили императора Александра II начать реформы [14]. Получив из типографии первые вышедшие номера, Н.В. Дюфур распорядился наложить арест на весь тираж газеты с возбуждением судебного преследования, поскольку всё содержание статьи «клонится к умалению великого акта освобождения, дарованного ИМПЕРАТОРОМ Александром II» и поэтому она «является одним из видов противоправительственной пропаганды». По причине нераспорядительности полиции большая часть тиража газеты в этот день успела всё-таки разойтись среди читателей, так что «из 2 000 выпущенных в тот день типографией №№ “Океанского вестника” конфисковано лишь 411, из коих 37 отобраны на улицах у разносчиков». Арест этих номеров был утвержден определением Владивостокского окружного суда 18 апреля 1911 г. [15. Л. 1–11]. Остальные 1 589 номеров дошли до читателя.

27 апреля (10 мая) 1911 г. за заметку об избииении женщины чинами полиции по постановлению военного губернатора области от 5 апреля был арестован на один месяц, без замены штрафом редактор «Уссурийской окраины» К.И. Лепин [16, 17]. До получения разрешения новым ответственным редактором выход газеты был приостановлен на неделю. В эту историю была вовлечена владивостокская пресса, перепечатавшая некоторые материалы о событиях в Никольск-Уссурийском. В ночь на 16 (29) мая был заключен под арест редактор газеты «Текущий день» (основана в 1910 г.) Ф.В. Мисюра [18]. Он провел трое суток, с 15 (28) по 18 (31) мая, в арестном доме при Владивостокском полицейском управлении [10. Л. 125]. В вгусте он же был оштрафован на 25 руб. с заменой арестом на трое суток за напечатание корреспонденции о действиях никольск-уссурийской полиции [19].

17 (30) августа редактор «Дальнего Востока» В.А. Панов был оштрафован на 500 руб. за статью «Вне закона» из вышедшего в этот день номера газеты, в которой губернатор М.М. Манакин усмотрел нарушение «п. 4а Обязательного постановления Приамурского генерал-губернатора от 3-го июня 1907 г. № 7» [12. Л. 93]. Панов не считал себя виновным и отказался платить штраф, поэтому против него было возбуждено уголовное преследование [20. Л. 188].

6 (19) ноября 1911 г. редактор хабаровской газеты «Приамурье» (основана в 1906 г.) К.К. Куртеев был посажен в тюрьму на 3 месяца. К исполнению своих обязанностей он смог вернуться лишь в феврале 1912 г., а до получения свидетельства новым ответственным редактором Шагиным выход газеты на некоторое время был приостановлен [21. Л. 1–42].

21 декабря 1911 г. (3 января 1912 г.) редактор-издатель «Далекой окраины» Д.П. Пантелеев был оштрафован на 100 руб. за заметку об обвале туннеля [22. Л. 31].

В 1912 г. 27 января (9 февраля) «за помещение в отделе хроники газеты “Океанский вестник” от 25 января 1912 г. заметки “Спектакль в пользу голодающих”» редактор Ф.Е. Ковтун постановлением военного губернато-

ра Приморской области был подвергнут штрафу в размере 200 руб. с заменой арестом на 10 суток [23. Л. 74].

5 (18) апреля 1912 г. редактор владивостокской «Далекой окраины» Г.С. Баршев был оштрафован на 200 руб. с заменой арестом на 7 суток за статью «Знамение времени» [22. Л. 34]. 3 (16) июля 1912 г. вечерняя газета «Текущий день» опубликовала «Открытое письмо священнику В. Давыдову», в котором содержалась критика «наших монастырей с их жирными, ленивыми и фальшивыми монахами» [24]. 4 (17) июля 1912 г. исполняющий обязанности губернатора Приморской области Н.В. Мономахов направил в канцелярию генерал-губернатора этот номер газеты, сообщив, что напечатанное в нём письмо священнику Давыдову носит тенденциозный характер и может посеять в населении вражду к духовенству [23. Л. 28]. 9 (22) июля 1912 г. генерал-губернатор Н.Л. Гондатти выпустил постановление о приостановке газеты «Текущий день» «на всё время действия военного положения в пределах Приамурского генерал-губернаторства» [23. Л. 33; 25. Л. 134]. Получив 26 июля (8 августа) 1912 г. свидетельство на издание газеты «Новости дня», Мисюра с 19 августа (1 сентября) продолжил выпуск своей газеты под этим названием [26. Л. 26]. До 17 (30) декабря было выпущено 90 номеров «Новостей дня», которые рассылались подписчикам «Текущего дня». К концу года «по случаю тезоименитства Государя Императора 6-го декабря» генерал-губернатор вновь разрешил Мисюре издавать «Текущий день» [23. Л. 40].

31 июля (13 августа) 1912 г. в газете «Хабаровский листок» (основана в 1911 г.) была напечатана статья «Дешёвая покупка» о том, как жандарм отобрал у китайца принадлежавшую тому собаку [27]. С точки зрения властей, в этой статье была «описана грязная небылица, порочащая жандармских унтер-офицеров». 18 (31) августа вышло постановление Приамурского генерал-губернатора: «Ввиду вредного направления издающейся в гор. Хабаровске под редакцией А.Е. Гришина газеты “Хабаровский листок”... издание газеты... приостановить на всё время действия в крае военного положения» [7. Л. 8, 14].

23 августа (5 сентября) 1912 г. «Далекая окраина» опубликовала статью «Идея конституции», в которой говорилось, что конституция – это не парламент, а наличие и судебная охрана прав граждан, «барьер, которого агенты власти переходить не могут под страхом уголовной ответственности», таким образом, парламент лишь «высший орган охраны гражданских прав». При этом в статье явно подразумевалось, что так как в России гражданские права до сих пор не защищены от посягательств власти, то и конституции в стране нет [28]. Владивостокский инспектор по делам печати наложил арест на этот номер газеты, написав в объяснении прокурору Владивостокского окружного суда, что усматривает в статье «Идея конституции» «нарушение ст. 128 Уголовного Уложения, выражающееся в порицании установленного Основными Государственными Законами образа правления посредством восхваления конституционных начал, проведение которых в жизнь государства автор признаёт необходимым... Прикры-

ваясь пониманием конституции как соединение прав граждан с участием их представителей в издании законов, автор сознательно умалчивает об одной из главных составных частей понятия, а именно об ограничении самодержавной власти Монарха... призывая к установлению конституции, заключающейся, по его разумению, в соединении прав граждан с участием представителей в издании законов, тем самым призывает к ограничению прав Монарха и изменению установленного... образа правления» [15. Л. 45–46]. Номера газеты были конфискованы полицией, а редактор (поручик запаса Н.А. Немирович-Данченко) был привлечён к судебной ответственности [29].

Первый раунд: «Выступление В.А. Панова». В 1910 г. в Приморье появился новый вице-губернатор Н.В. Мономахов. Сразу же газета «Приамурье» перепечатала из столичной прессы («Биржевых ведомостей» и «Речи») статьи, «которыми вновь назначенному вице-губернатору Приморской области статскому советнику Мономахову приписываются крайне неблаговидные действия в бытность его Вологодским вице-губернатором». От серьёзного наказания газету спас редакторский комментарий к заметке «Речи»: «Остается пожелать, чтобы сказанное “Речью” о г. Мономахове оказалось той тенденциозной ложью, к которой, в иных случаях, прибегают лица, имеющие свои счета с чинами администрации» [30. Л. 19].

Через полтора года после приезда в край Мономахов оказался в центре скандала. Расследуя жалобу Ивана Ивановича Свешникова на неправильные действия Удской полиции, он пришёл к выводу, что вдова-еврейка Эня Абрамовна Брунер, вдохновлённая «своим поверенным Хинцинским и евреем Самуилом Левиным» и чувствуя за своей спиной поддержку «тёмных дельцов или кагала», отняла у Свешникова основанное ими совместно товарищество по ловле, засолу, продаже, скупке и пр. операций рыбы кеты и горбуши на мысе Петах, взятом в аренду на 12 лет. При поддержке администрации были «взломаны некоторые помещения» и промысел перешел к Свешникову. При этом свое самоуправство чиновник прикрывал патриотизмом самого черносотенного толка: «Несомненно кагальное стремление Николаевских евреев захватить в свои руки ещё один рыбный промысел» [31. Л. 9, 15].

Редактор газеты «Дальний Восток» В.А. Панов начал публикацию серии статей под общим заглавием «В ожидании сенаторской ревизии». Первая такая статья вышла 22 июня (3 июля) 1912 г. В ней Панов излагал историю о том, как Эни Брунер и Свешников создали рыбные промыслы в Никольске. Г-жа Брунер дала все деньги, Свешников выступил в качестве знающего человека-организатора. Однако он забирал всю прибыль себе, а потом с помощью Мономахова отнял и всё дело. Журналист защищал Брунер и требовал проведения сенаторской ревизии [32]. Статья была перепечатана хабаровской газетой «Приамурье» под названием «Выступление В.А. Панова» [33]. Сам же редактор «Дальнего Востока» продолжал публиковать свои обличительные статьи в июне и июле 1912 г., не гнушаясь брать материал из далеких от места событий столичных изданий.

15 (28) июля в газете вышла корреспонденция «Под административным флагом», перепечатанная из номера московского «Русского слова» за 1 (14) июля. В ней давалось красочное описание того, как «Мономахов отправился в Николаевск “по служебным надобностям”». С ним вместе поехали Свешников и Власьев. На пароходе компания бурно веселилась. Заказывались обеды, рекой лилось шампанское. Вице-губернатор однажды так расчувствовался, что поднял тост за Свешникова и обещал ему полное покровительство. По приезде в Николаевск Мономахов остановился у Власьева. Компания продолжала жуировать. Обыватели только и видели всех троих друзей в кафе-шантанах и кабаре...» [34].

Редактор «Дальнего Востока» «за сообщение ложных сведений о деятельности правительственного установления» был оштрафован на 500 руб. [35. Л. 37]. Кампанию против Н.В. Мономахова продолжили другие газеты. 20 июля (2 августа) 1912 г. «Уссурийская окраина» перепечатала публикацию «Дальнего Востока» «Под административным флагом», сопроводив её следующим редакторским комментарием: «Оставляем это сообщение на ответственность авторов, помещая его лишь как штрих к сенсационному выступлению “Дальнего Востока”, о котором мы в своё время сообщали» [36]. 22 июля (4 августа) в заметке «К делу Эни Брунер» в отделе хроники со ссылкой на всё то же «Русское слово» газета сообщала, что якобы «Свешников предлагает г-же Брунер мировую с уплатой 200 000 руб. за отказ от всяких претензий» [37]. 5 (18) августа «Уссурийская окраина» писала: «Военный губернатор в Николаевске произвел полное расследование инцидента Мономахов – Брунер. Как сообщают “Приамурию”, результаты таковы, что перед ними бледнеют данные, помещённые В.А. Пановым в статьях “В ожидании сенаторской ревизии”» [38]. Месяц спустя, 7 (20) сентября, газета передавала, что, «по слухам, что камчатскому губернатору Мономахову, в связи с делом Э. Брунер в Николаевске, будет предложено подать в отставку» [39].

Второй раунд: «предел усмотрения» вице-губернатора Лодыженского. Преемником Н.В. Мономахова в должности приморского вице-губернатора с ноября 1912 г. стал В.И. Лодыженский. Новый администратор не стал ждать, пока пресса возьмётся за него так же, как за его предшественника. И сразу показал газетам, кто здесь главный.

В 1913 г. 8 (21) и 9 (22) января редактор-издатель возобновлённого «Текущего дня» Ф.В. Мисюра поместил две публикации, высмеивавшие начальника Владивостокского торгового порта барона Таубе, по упущению которого ледоколы не вышли на работу, порт замёрз, а грузы пошли через Дальний [40]: «А ведь легко можно было предвидеть такую случайность, как: зимой мороз, а от морозов замерзание льда» [41]. В.И. Лодыженский 10 (23) января телеграфировал генерал-губернатору Н.Л. Гондатти: «Прошу разрешения немедленно применить административную репрессию крупным штрафом редактору-издателю газеты “Текущий день” Мисюре... за наглую статью, номер пятьсот сорок два, направленную против начальника торгового порта» [25. Л. 288]. Ф.В. Мисюра 18 февраля (3 марта) был

оштрафован на 300 руб. с заменой арестом на 10 суток [35. Л. 30–31 об.]. Начальник торгового порта подал на издателя в суд за клевету [42]. Суд состоялся только 10 (23) июня 1914 г. и закончился поражением журналиста, который был приговорён к штрафу в 100 руб. с заменой заключением в течение трех недель [43].

В том же январе 1913 г. две другие владивостокские газеты – «Приамурский край» (основана в 1911 г.) и «Далекая окраина» – вызвали неудовольствие властей публикацией статей о Макарии (1835–1926) – архиепископе Томском и Алтайском, назначенном 25 ноября (8 декабря) 1912 г. митрополитом Московским и Коломенским. Обе перепечатали статью из петербургского журнала «Сибирские вопросы», но сделали это поразному. Инспектор Н.В. Дюфур 25 января (7 февраля) писал военному губернатору, что «отдельный эпизод, выхваченный газетой “Приам. край” без смягчения его местными отрывками о личности и нравственных качествах митр. Макария несомненно может вызвать совершенно ложное о последнем представление и возбудить враждебное к нему отношение населения», тогда как «весь тон статьи и самая обрисовка личности митр. Макария» в публикации «Далекой окраины» «исключают возможность применить к редактору пункт обязательного постановления о сообщении ложных сведений, возбуждающих враждебное отношение к данному лицу». Инспектор по делам печати считал заслуживающей административного наказания только газету «Приамурский край». Исполняющий обязанности военного губернатора вице-губернатор В.И. Лодыженский решил, что ответственность понесут обе. 26 января (8 февраля) редакторы «Далекой окраины» Д.П. Пантелеев и «Приамурского края» Г.И. Антипа были оштрафованы на 200 руб. с заменой арестом на 15 суток [44. Л. 4–5]. Но если Пантелеев, кажется, смог выплатить штраф [45], то Антипа денег так и не внёс. 12 (25) февраля он «был арестован и препровождён в арестный дом» [46], где провёл неделю [47].

21 февраля (6 марта) 1913 г., к 52-летней годовщине отмены крепостного права, «Уссурийская окраина» поместила статью А. Волинского «К юбилею». Это был очерк истории России, в котором рассказ о призвании князей, потому что в стране нет порядка, сопровождался примечанием: «Как и до сего времени», а рассказ о воцарении Михаила Романова заканчивался пожеланиями обществу заслуженных им свобод [48]. Редактор К.И. Лепин был арестован на 7 суток без замены штрафом [49, 50]. Постановление было подписано военным губернатором Манакиным. К.И. Лепин 12 (25) марта подал прошение, в котором уверял, что фраза, повлекшая за собой взыскание, попала в статью случайно (по недосмотру корректора), и обещал принять все меры, чтобы этого больше не повторилось. Губернатор уменьшил срок ареста с 7 суток до 3 [51. Л. 56].

28 марта (10 апреля) 1913 г. военный губернатор Приморской области генерал-майор М.М. Манакин выехал в отпуск. Фактически в край он больше не вернулся, а губернатор, назначенный ему на смену, прибыл лишь в марте 1914 г. На весь этот год вице-губернатор В.И. Лодыженский

стал исполняющим обязанности губернатора [52. Л. 7]. Вслед за тем на совещание в Санкт-Петербург выехал и Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Таким образом, весной 1913 г. Лодыженский временно вообще остался старшим чиновником края, и как раз на это время приходится пик репрессий против приморских газет.

5 (18) апреля за стихотворение «Спаси, Господи», перепечатанное из «Голоса Москвы», был оштрафован на 100 руб. с заменой арестом на 7 суток редактор «Текущего дня» Ф.В. Мисюра [53, 54]. Впрочем, как писал в Главное управление по делам печати сам Лодыженский, Мисюра был освобождён от заключения по случаю праздника Пасхи [55. Л. 82 об.].

Более тяжёлое наказание пало на «Уссурийскую окраину». В её номере от 27 марта (9 апреля) появился фельетон, сюжетом которого явилось неадекватное поведение священника, оскорбившего во время богослужения женщину [56]. Он не содержал никаких имён, однако 28 марта (10 апреля) газета напечатала заметку «Оскорбление в церкви»: «Надзирательница женской семинарии г-жа Макарова письмом в редакцию жалуется, что она была глубоко оскорблена словами о. Павлом» [57]. А 30 марта (12 апреля) в газете вышел фельетон, направленный против полиции [58].

Как сообщал в рапорте никольск-уссурийский полицмейстер И.М. Шадрин, случай с ругавшимся батюшкой фактами не подтвердился. По мнению полицмейстера, «редакция позволяет глумиться над священниками», что «очень пагубно может отразиться» на населении Николаевск-Уссурийского, «где и без подобных порицаний священнослужителей, свившие здесь гнездо, прибывшие с разных концов России, сектанты-штундисты ведут широкую пропаганду против православной церкви» [13. Л. 17–20]. В.И. Лодыженский арестовал К.И. Лепина на 1 месяц без замены штрафом [59].

22 апреля (5 мая) 1913 г. за публикации, направленные против полиции, редактор «Приамурья» Н.С. Арефьев был арестован на 45 суток без замены штрафом [7. Л. 34; 60].

«Уссурийская окраина» начала публикацию серии статей и фельетонов на тему притеснения администрацией провинциальной прессы [61–64]. За это постановлением от 9 (22) мая редактор-издатель К.И. Лепин получил две недели без замены штрафом [13. Л. 23] и с 12 (25) мая отбывал заключение в никольск-уссурийской гражданской тюрьме [65, 66]. В объяснении на имя начальника Главного управления по делам печати от 16 мая 1913 г. В.И. Лодыженский писал: «Фельетон “Что было ещё не всё” является продолжением той же газетной кампании, которая началась против священника Мичурина и духовенства» [13. Л. 22].

Следующая кара обрушилась на газеты за критику местных руководителей народного образования. 14 (27) апреля газета «Приамурье» опубликовала статью «Кто неблагонадёжен: учитель Егорушкин или инспектор Шосс», в которой рассказывалось об увольнении учителя и делался вывод: «Этим хозяевам русской школы теперь нет ровно никакого дела до народного просвещения». 20 апреля (3 мая) эта статья была перепечатана «Уссу-

рийской окраиной» [67]. Инспектор народных училищ Никольск-Уссурийского района Шосс 21 апреля (4 мая) писал Лодыженскому, что «газетная травля при помощи беззастенчивого извращения фактов и лжи, имеющая целью, с одной стороны, дискредитировать мои законные распоряжения, с другой – добиться восстановления неблагонадёжных учителей... совершенно нетерпима и вредна», и просил наложить взыскания на редакторов «Приамурья» и «Уссурийской окраины» [13. Л. 28–30]. 21 мая (3 июня) оба редактора получили по две недели с заменой штрафом 300 руб. 23 мая (5 июня) репрессии также подверглась газета «Океанский вестник» – за перепечатку 21 мая из сибирских газет обращения депутатов Государственной думы из фракции трудовиков к избирателям (статья «К обществу») редактор получил штраф 500 руб. с заменой арестом на 1 месяц [68–70]. Редактор-издатель К.А. Недзельский успел сбежать из Владивостока. Он был арестован по этому постановлению только 6 (19) ноября, уже в Москве, где провёл в тюрьме около трёх недель [71], пока не был освобождён, поскольку Главное управление по делам печати сочло арест незаконным [55. Л. 63].

Однако остальные редакторы приморских газет не были готовы сдаться так легко, и на этот раз они дали вице-губернатору бой. В апреле или мае 1913 г. по инициативе редактора-издателя «Далекой окраины» Д.П. Пантелеева «состоялось собрание представителей газет для объединения на почве противодействия взысканиям, налагаемым администрацией на печать. Объединение состоялось. В качестве ближайших мер противодействия административным взысканиям признаны следующие: одновременные выступления в местных газетах по “инкриминируемым” вопросам, опорочение неблагожелательно относящихся к прессе администраторов на страницах столичных газет, запросы в Государственную думу, в случае отмены какого-либо взыскания – жалобы в Сенат о возмещении с наложившего администратора убытков по изданию». Именно такая спланированная газетная кампания в 1913 г. «по всем пунктам была проведена по отношению к вице-губернатору Приморской области Лодыженскому» [72. Л. 9–10].

Первым делом журналисты направили жалобу на действия исполняющего обязанности губернатора находившемуся в Петербурге генерал-губернатору Н.Л. Гондатти. Текст этой жалобы был опубликован в газетах 12 (25) мая [73–75].

Следующая «просьба об ограждении печати от произвольного толкования местной администрации обязательных постановлений» полетела в Санкт-Петербург и была опубликована во владивостокских газетах 31 мая (13 июня). В тот же день за заметку «Второе ходатайство» «на две недели без замены штрафом» был арестован редактор «Океанского вестника» Г.И. Ефремов [44. Л. 10]. «Далекая окраина» 1 (14) июня опубликовала заметку об аресте Ефремова [76]. Тогда был арестован и редактор «Далекой окраины» В.П. Казанский [44. Л. 11]. «Уссурийская окраина» опубликовала заметку «Второе ходатайство» 2 (15) июня [77], в том же номере сообщила об аресте Ефремова [78], а 5 (18) июня – об аресте Казанского

[79] и собственного редактора К.И. Лепина [80]. Также в эти дни был арестован и только что вышедший из тюрьмы редактор хабаровского «Приамурья» Н.С. Арефьев.

В итоге к лету 1913 г. в разных тюрьмах одновременно оказались ответственные редакторы сразу четырёх приморских газет (владивостокских «Океанского вестника» и «Далекой окраины», никольск-уссурийской «Уссурийской окраины» и хабаровской «Приамурье»). Все свои надежды на спасение они связывали с Приамурским генерал-губернатором Н.Л. Гондатти, возвращение которого ожидалось в середине июня. Однако скандал вышел такой, что в дело пришлось вмешаться Главному управлению по делам печати и самому министру внутренних дел Н.А. Маклакову.

Третий раунд: газеты наносят ответный удар. В начале июня в петербургской газете «День» появилась явно подготовленная приморскими журналистами заметка о самоуправстве вице-губернатора. 4 (17) июня 1913 г. начальник Главного управления по делам печати граф С.С. Татищев отправил военному губернатору Приморской области телеграмму: «В газете “День” сообщение об аресте редакторов всех владивостокских прогрессивных газет за жалобу генерал-губернатору на действия вице-губернатора Лодыженского. Благоволите сообщить необходимые по сему предмету сведения» [55. Л. 66]. Видно, что начальник управления плохо представлял себе ситуацию во Владивостоке, в котором военный губернатор в тот момент отсутствовал, вследствие чего адресатом телеграммы оказывался сам «фигурант». Впрочем, и он буквально накануне выехал из Владивостока [81], так что ответ Татищеву 6 (19) июня отправил замещавший Лодыженского неперменный член областного по крестьянским делам присутствия подполковник Н.И. Гауффе. Он телеграфировал, что во Владивостоке арестованы не все, а только 2 из 5 редакторов, но не за жалобу генерал-губернатору, а за слово «произвольного», использованное в тексте жалобы. Но ответ не убедил С.С. Татищева, писавшего министру внутренних дел, что за «просьбу» наказывать нельзя [55. Л. 69–70]. В итоге министр признал постановления от 31 мая и 1 июня 1913 г. «подлежащими отмене». Телеграмма об этом была получена во Владивостоке 8 (21) июня, а 9 (22) июня было издано постановление военного губернатора области об освобождении Г.И. Ефремова и В.П. Казанского от наложенного на них взыскания. За Лодыженского его подписал Н.И. Гауффе [52. Л. 12].

Вернувшийся во Владивосток вице-губернатор 13 (26) июня 1913 г. отправил в Петербург в министерство внутренних дел шифрованную телеграмму, в которой объяснил, что «редакторы газет были подвергнуты аресту за систематические демонстративные выходы, явно направленные к подрыву авторитета власти». Более подробно он изложил свою точку зрения в докладе о состоянии печати в области от 21 июня 1913 г. В нём он давал характеристику ведущим газетам, причисляя большинство из них явно к «жёлтой» прессе, описывал историю штрафов и арестов и называл инициатором подачи жалобы Лепина, о котором писал, что это «латыш или эстонец», «человек без всяких нравственных устоев», который «поль-

зуется своей газетой исключительно для снискания себе низкопробной популярности, обливая грязью неугодных ему лиц», против него возбуждено у мировых судей 6 дел в 1909 г., 16 – в 1910 г. и 21 уголовное дело во Владивостокском окружном суде в 1911 г. [55. Л. 73, 81 об.].

18 июня (1 июля) газета «Приморский край» напечатала в отделе хроники заметку «К аресту редакторов местных газет», содержащую ссылку на петербургскую газету «День»: «По поводу ареста местных редакторов в № 147 газеты “День” помещена телеграмма из Владивостока и статья “Предел усмотрения”, характеризующая это событие» [82]. Телеграмма заключала подробное описание незаконных действий исполняющего должность Приморского военного губернатора надворного советника Лодыженского (арест ряда редакторов местных газет без замены штрафом) [52. Л. 46]. 20 июня (3 июля) газетой была опубликована заметка «Краевая печать», пересказывавшая статью московского «Русского слова»: «По поводу репрессии на краевую печать “Р.С.” в № 128 [№ 128 «Русского слова» в 1913 г. вышел 5 июня] указывает, что всё время своего генерал-губернаторства Н.Л. Гондатти только утвердил один штраф на газету. И стоило г. Гондатти уехать в Петербург, куда он был вызван для участия в междуведомственном совещании по делам Дальнего Востока, как набросились на бедные газеты. Уже вдогонку г. Гондатти понеслись в Петербург коллективные телеграммы от издателей и редакторов дальневосточных газет. В Петербурге в ежедневной почте, получавшейся г. Гондатти, значительный процент занимали телеграммы и письма редакторов и издателей. Все они умоляли его как можно скорее вернуться во Владивосток и спасти их. Конечно, Н.Л. Гондатти, занятый делами в Петербурге, ничего сделать не мог. То же “Рус. Сл.” сообщает, что сибирские депутаты вносят по поводу последних арестов редакторов запрос в Гос. думу» [83]. Сведения об этом запросе содержались в публикации «Уссурийской окраины» от 21 июня (4 июля) [84].

Мы видим, что план борьбы с администрацией, разработанный владивостокскими журналистами в мае 1913 г., был действительно выполнен по всем пунктам. Были и подача жалоб высшему начальству, и совместные выступления по инкриминируемым вопросам (поэтому редакторы оказались под арестом все одновременно). Но «опорочение неблагоприятно относящихся к прессе администраторов на страницах столичных газет» оказалось наиболее эффективным. Публикации в московских и петербургских газетах повлияли на решение министра освободить Ефремова и Казанского. В текстах телеграмм журналистов 12 и 31 мая и в перепечатке из «Русского слова» 20 июня бросается в глаза восхваление газетами мудрости генерал-губернатора и его якобы гуманного отношения к прессе: «Всё время своего генерал-губернаторства Н.Л. Гондатти только утвердил один штраф на газету». Последнее представляет собой неправду для недостаточно осведомлённого столичного читателя: как минимум в 1912 г. Гондатти закрыл «Текущий день» и «Хабаровский листок». То есть «опорочение» не предполагало обязательной правдивости порочащих публикаций.

Найдя эффективный способ борьбы с администрацией, журналисты продолжали активно использовать его и в дальнейшем. Никаких средств повлиять на московские и петербургские газеты В.И. Лодыженский не имел. Даже его возможности воздействия на приморскую прессу после возвращения в край генерал-губернатора в июне 1913 г. были уменьшены: вице-губернатор лишился права штрафовать и арестовывать редакторов – это право перешло к Главному начальнику края. Однако борьба продолжалась.

2 августа в петербургской газете «День» появилась публикация «Полиция напоролась на юстицию», в которой рассказывалось о неблагоприятном поведении вице-губернатора Приморской области и, в частности, сообщалось: «Общее мнение в городе таково, что, хотя у Ладыженского и имеются в Петербурге покровители, однако едва ли это ему сойдёт даром» [52. Л. 37–43]. В ответ исполняющий обязанности губернатора в августе выслал из Владивостока руководителей газеты «Далекая окраина»: издателя Пантелеева и редактора Казанского, объяснив генерал-губернатору, что сделал это по просьбе коменданта Владивостокской крепости [26. Л. 82]. Вероятно, это была месть за публикацию, источником которой Лодыженский счёл «Далекую окраину» как наиболее влиятельную из краевых газет.

Таким же образом в октябре был обставлен и арест редактора «Уссурийской окраины» И.И. Соломко якобы по инициативе начальника никольск-уссурийского охранного отделения [51. Л. 77]. Редактор провел в тюрьме 12 дней, в его квартире и в редакции прошли обыски. В инкриминируемой статье не нашлось признаков преступления, и 1 (14) ноября Соломко был освобождён [85]. Тем не менее судьба газеты была решена: постановлением Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти от 27 ноября (10 декабря) 1913 г. «Уссурийская окраина» была приостановлена «на всё время действия в крае военного положения» [51. Л. 80]. Её последний номер вышел 28 ноября (11 декабря) 1913 г. 6 (19) января 1914 г. в шифрованной телеграмме в департамент полиции канцелярия генерал-губернатора сообщала: «Причина закрытия газеты вредное направление» [13. Л. 43]. Несогласный с этим, К.И. Лепин уверял Главное управление по делам печати, что «в политическом отношении газета всегда была лояльной» [13. Л. 32], а председателю совета министров В.Н. Коковцову осмелился писать, что «причиной репрессий против газеты послужили систематические ложные доносы» [13. Л. 56–59]. Эта история показывает, что Н.Л. Гондатти, в сущности, относился к печати ничуть не либеральнее, чем В.И. Лодыженский.

Взаимный пат. Тем не менее власть не была в состоянии окончательно одолеть прессу. Подтверждением этого является характерная история с выдачей К.И. Лепину разрешения на издание новой газеты взамен закрытой. Первоначально В.И. Лодыженский отказал в выдаче свидетельства нескольким людям, от имени которых Лепин надеялся продолжить своё издание. Из слов вице-губернатора: «...тотчас же по приостановлении “Уссурийской окраины” ко мне от различных лиц стали поступать прошения о разрешении издавать в Никольск-Уссурийском газеты. По справкам, со-

бренным об этих лицах, оказалось, что они, будучи политически неблагонадёжны, в то же самое время являлись и подставными лицами... Лепина... Я считал нужным провести в жизнь это постановление [о закрытии газеты] не формально только, но и по внутреннему существу решения генерал-губернатора» [13. Л. 86–90]. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков с этим не согласился, написав генерал-губернатору Н.Л. Гондатти, что нельзя отказывать тем или иным лицам в выдаче свидетельств на право издания на основании подозрений, что эти лица являются подставными» [13. Л. 70–71]. Как писал самому В.И. Лодыженскому начальник Главного управления по делам печати граф С.С. Татищев, «всецело разделяя соображения Ваши о необходимости борьбы с преступным элементом населения, Его Высокопревосходительство, однако, не допускает возможности применения должностными лицами мер, законом не предусмотренных» [13. Л. 91–93]. Несмотря на сопротивление В.И. Лодыженского, в итоге К.И. Лепину было разрешено открыть новую газету «Уссурийский край» [86. Л. 3].

Борьба с вице-губернатором В.И. Лодыженским показала высокую организованность приморской прессы, способной к объединению, невзирая на различие взглядов, для достижения общих целей и защиты своих прав, а также силу печатного слова, сделавшего чиновника-самодура знаменитостью общероссийского масштаба, о котором говорили в правительстве и в стенах Государственной думы [1, 87]. Фактически В.И. Лодыженский был в Российской империи одним из последних чиновников, осмеливавшихся открыто бросать вызов газетам. И это могло сработать в 1880-х или даже в 1890-х гг., но в 1910-х эти методы уже не достигали цели. Даже в правительстве сознавали возросшее влияние прессы и старались избегать открытой конфронтации с ней.

В 1914 г. волна репрессий против прессы в Приморской области пошла на спад. В январе новый редактор «Океанского вестника» П.В. Веселков подвергся штрафу в 100 рублей за помещение заметки «Как едят рабочие», где речь шла об условиях питания служащих военного порта. В частности, еда для них сравнивалась с собачьим кормом, от которого даже четвероногие бегут за 10 верст. Штраф редактору заменили позднее на пятидневный арест [3. С. 111].

В феврале наблюдающий за повременными изданиями в Хабаровске делопроизводитель IV делопроизводства канцелярии Приамурского генерал-губернатора В.И. Лавров просил генерал-губернатора закрыть за вредное направление газету «Голос Приамурья», напечатавшую статьи против общества взаимного кредита. Н.Л. Гондатти писал: «Лично принял надлежащие меры; если же и после этого будет продолжаться в прежнем направлении, то будет немедленно закрыта» [6. Л. 57–58]. Газета после этого просуществовала очень недолго.

18 (31) июля 1914 г. злополучный редактор-издатель «Уссурийского края» К.И. Лепин был оштрафован генерал-губернатором на 300 рублей с заменой, в случае несостоятельности, арестом при тюрьме на 2 недели [86. Л. 25]. Отбывать очередное заключение Лепину не пришлось, так как на этот раз он сумел выплатить штраф [86. Л. 33].

Последующие случаи репрессий против приморской печати приходятся уже на период Первой мировой войны.

Заключение

В период с 1910 по 1913 г. количество разнообразных административных репрессий против газет в Приморской области стабильно возрастало каждый год. В 1910 г. от репрессий пострадали три газеты. На две было наложено 6 штрафов (по 2 и 4) на общую сумму 1 000 руб. Один редактор был привлечён к судебной ответственности (дело впоследствии прекращено). В 1911 г. пострадали семь газет. В этом году три редактора отбывали тюремное заключение от трёх дней до трёх месяцев, из-за чего выход двух газет был приостановлен на неделю, кроме того, наложено 4 штрафа на сумму 825 руб. (в том числе один – с возбуждением судебного преследования) и конфискованы номера одной газеты. В 1912 г. жертвами стали 6 газет. Две газеты были приостановлены (одна окончательно, одна – на полгода), наложено 3 штрафа на 900 руб. (один редактор, не сумев выплатить штраф, отбывал тюремное заключение) и конфискованы номера одной газеты. Также было возбуждено и одно судебное преследование. В 1913 г. фигурантами дел стали шесть газет. Было наложено семь штрафов на сумму 1 900 руб. Для небогатых провинциальных газет это были очень серьёзные наказания. Достаточно сказать, что редакторы не всегда могли собрать 100 или 200 руб. для выплаты штрафа. 7 редакторов отбывали заключение, в т.ч. пять – по одному разу (из них двое из-за невыплаты штрафа), Н.С. Арефьев – два раза, а К.И. Лепин («Уссурийская окраина») – четыре (или даже шесть раз). Сроки заключения варьировались от 3 до 45 дней. Кроме того, были высланы редактор и издатель одной газеты и приостановлена (фактически закрыта) другая.

По газетам наказания распределялись так... Чаше всего «под раздачу» попадала «Уссурийская окраина» – 11 раз (в итоге она была закрыта, но возобновилась под другим названием), далее идут «Океанский вестник» – 8 раз, «Далекая окраина» – 6, «Текущий день» – 4 (газета приостановлена, возобновилась под прежним названием), «Приамурье» – 4, «Дальний Восток» – 3, «Хабаровский листок» – 1 (газета закрыта), «Приамурский край» – 1. Эти цифры более или менее соответствуют политическому направлению газет: «левая» «Уссурийская окраина» наказывалась чаще и жёстче, чем либеральная «Далекая окраина» или «правый» «Дальний Восток». Хотя чиновники старались действовать по закону, формулировка Обязательных постановлений 1907 и 1912 гг., которыми они руководствовались, была слишком широкой и оставляла простор для произвольных толкований, что было отмечено как самими сотрудниками газет, так и Владивостокским инспектором по делам печати, считавшим, что местная пресса придерживается корректного тона и не заслуживает столь многих наказаний. Иначе думали вице-губернатор В.И. Лодыженский и генерал-губернатор Н.Л. Гондатти, относившиеся к

прессе с недоверием и стремившиеся не допустить появления в газетах критики власти и её представителей.

Именно от высшей администрации края исходила основная угроза для печати. Неудовольствие чиновников вызывали статьи (как оригинальные, так и перепечатанные из крупных российских газет), выражавшие симпатии к идеям конституции и свободы, критикующие или иногда просто упоминавшие в двусмысленном контексте духовенство русской православной церкви, полицию, цензуру и т.п. Газеты могли быть приостановлены за публикацию письма о «жирных, ленивых и фальшивых монахах» и за заметку о краже собаки жандармским унтер-офицером, редактор газеты мог быть арестован за перепечатку статьи об архиепископе, стихотворение, заметки о ругавшемся священнике, неблаговидных действиях полиции, за подачу жалобы на незаконные преследования со стороны администрации и т.п. Субъективный фактор, важный на начальном этапе развития региональной печати в Российской империи и отмеченный Н.В. Жиликовой в статье, посвящённой конфликту «Сибирской газеты» и цензуры в 1880-х гг. [88], продолжал сохранять своё значение и в 1910-е гг. Однако в новой исторической ситуации центральные власти уже не поддерживали однозначно репрессивные действия местных властей, а нередко выступали в защиту прав печати, опасаясь огласки в столичной прессе и нежелательной для правительства реакции общества. Это доказывается решением министра внутренних дел освободить от незаконного ареста редакторов Ефремова, Казанского и Недзельского и выдачей К.И. Лепину разрешения на учреждение новой газеты взамен закрытой за «вредное направление», несмотря на упорное сопротивление этому и.о. губернатора Приморской области.

Конфликт между приморской прессой и администрацией в 1910–1913 гг. также показывает возросшее влияние прессы и её высокую организованность, причём во всероссийском масштабе. Несмотря на все репрессии, штрафы, аресты, власти, по сути, не удалось одолеть прессу. Будучи оштрафованными за статьи о священниках, полиции и учителях, редакторы печатали фельетоны, высмеивающие цензуру, а, получив наказание за публикации о цензуре, коллективно подавали жалобы в Главное управление по делам печати и, как говорят в наши дни, «сливали» компромат (далеко не всегда бывший правдой) на местных чиновников в столичные газеты, оказывая этим давление на правительственные круги. Таким образом, в лице печати нарождающееся российское общество одним фронтом выступало против бюрократии, что составляло один из факторов жизни страны накануне революции. Показателем успешности этой борьбы для прессы можно считать то, что власти в Приморье не удалось повторить 1913 г. даже в 1916 г., когда из-за поражений в войне и нарастания кризисных явлений внутри страны тон печати стал гораздо более оппозиционным, чем был до войны.

Литература

1. Агапов В.Л. «Макс Линдер на экране Владивостока»: российская пресса о дальневосточном вояже вице-губернатора В.И. Лодыженского (1912–1914 гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 4 (42). С. 127–148.
2. Шахова И.А. Периодическая печать и органы государственной власти Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начала XX вв.) : дис... канд. ист. наук. Благовещенск, 2001. 325 с.
3. Бордаков М.А. Становление и развитие института цензуры на Дальнем Востоке России в 1901–1917 годах : дис... канд. ист. наук. Владивосток, 2018. 215 с.
4. Хроника. Генерал Флуг // Текущий день. Владивосток. 1913. 4 янв. С. 2.
5. Воробьев В.В. Правовое положение сибирской периодики в 1905–1914 гг. // Вестник Омского университета. 1997. № 3. С. 55–58.
6. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 654.
7. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 426. 86 л.
8. РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1. 303 л.
9. РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. 461 л.
10. РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 10. 143 л.
11. Панов В. Тройственный союз // Дальний Восток. 1917. 15 апр. С. 2.
12. РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1892 г. Д. 18. 149 л.
13. РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 2. 1907 г. Д. 223. 101 л.
14. Немного истории // Океанский вестник. Владивосток. 1911. 19 февр.
15. РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 15. 49 л.
16. Хроника. Арест редактора К.И. Лепина // Уссурийская окраина. Никольск-Уссурийский. 1911. 28 апр. С. 2.
17. Хроника. Освобождение из-под ареста // Уссурийская окраина. 1911. 28 мая. С. 2.
18. Хроника. Арест редактора «Текущего дня» // Уссурийская окраина. 1911. 19 мая. С. 2.
19. Хроника. Штраф на редактора // Уссурийская окраина. 1911. 10 авг. С. 2.
20. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 342.
21. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4481. 107 л.
22. РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 2. 1907 г. Д. 121. 73 л.
23. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. 127 л.
24. Открытое письмо священнику В. Давыдову // Текущий день. 1912. 3 июля.
25. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 431. 308 л.
26. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 423. 275 л.
27. Дешёвая покупка // Хабаровский листок. 1912. 31 июля. С. 2.
28. А. В-в. Идея конституции // Далекая окраина. 1912. 23 авг. С. 2.
29. Хроника // Далекая окраина. 1912. 24 авг. С. 3.
30. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2216. 245 л.
31. РГИА ДВ. Ф. 520. Оп. 1. Д. 57. 38 л.
32. Панов В. В ожидании сенаторской ревизии // Дальний Восток. 1912. 22 июня.
33. Выступление В.А. Панова // Приамурье. 1912. 26 июня.
34. Под административным флагом // Дальний Восток. 1912. 15 июля.
35. РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. 42 л.
36. «Под административным флагом» // Уссурийская окраина. 1912. 20 июля. С. 3.
37. Хроника. К делу Эни Брунер // Уссурийская окраина. 1912. 22 июля. С. 2.
38. Хроника. К разоблачениям Панова // Уссурийская окраина. 1912. 5 авг. С. 3.
39. Хроника. Слух об отставке Мономахова // Уссурийская окраина. 1912. 7 сент. С. 3.
40. Кэкс. Маленький фельетон // Текущий день. 1913. 8 янв. С. 3.
41. Хроника. Пока гром не грянет... // Текущий день. 1913. 9 янв. С. 3.
42. Мисюра Ф. К суду // Текущий день. 1913. 27 июля. С. 2.
43. Хроника. Литературное дело // Уссурийский край. 1914. 12 июня. С. 2.

44. РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 27. 12 л.
45. *Хроника*. Штраф // Уссурийская окраина. 1913. 29 янв. С. 3.
46. *Хроника*. Арест редактора-издателя «Приамурского края» // Приамурский край. 1913. 13 февраля. С. 3.
47. *Хроника*. Освобождение редактора «Приамурского края» // Восток. 1913. 20 февр. С. 3.
48. *Волынский А.* К юбилею // Уссурийская окраина. 1913. 21 февр. С. 2.
49. *Хроника*. Арест редактора нашей газеты // Уссурийская окраина. 1913. 15 марта. С. 3.
50. *Хроника*. Арест редактора за юбилейный № // Приамурский край. 1913. 16 марта. С. 3.
51. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2640.
52. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2205. 118 л.
53. *Хроника*. Штраф // Уссурийская окраина. 1913. 12 апр. С. 2.
54. *Постановления* военного губернатора Приморской области // Приамурские ведомости. 1913. 18 апреля. С. 1.
55. РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 2. 1909 г. Д. 130. 92 л.
56. *Маленький фельетон* // Уссурийская окраина. 1913. 27 марта. С. 3.
57. *Хроника*. Оскорбление в церкви // Уссурийская окраина. 1913. 28 марта. С. 3.
58. *Маленький фельетон* // Уссурийская окраина. 1913. 30 марта. С. 3.
59. *Постановление* военного губернатора Приморской области № 23089 // Уссурийская окраина. 1913. 21 апреля. С. 3.
60. *Постановление* и.д. губернатора Приморской области // Приамурские ведомости. 1913. 27 апр. С. 1.
61. *Как я был редактором* // Уссурийская окраина. 1913. 21 марта. С. 2.
62. *По России*. Свобода слова в Ташкенте // Уссурийская окраина. 1913. 1 мая. С. 3.
63. *Маленький фельетон*. Что такое редактор? // Уссурийская окраина. 1913. 2 мая. С. 3.
64. *Маленький фельетон*. Что было ещё не все... // Уссурийская окраина. 1913. 5 мая. С. 3.
65. *Хроника*. Арест редактора // Далекая окраина. 1913. 16 мая. С. 5.
66. *Постановление* военного губернатора Приморской области // Приамурские ведомости. 1913. 16 мая. С. 2.
67. *Кто благонадежнее: учитель Егорушкин или инспектор Шосс* // Уссурийская окраина. 1913. 20 апр. С. 3.
68. *Постановления* военного губернатора Приморской области // Приамурские ведомости. 1913. 28 мая. С. 1.
69. *Хроника*. Постановления военного губернатора Приморской области // Далекая окраина. 1913. 31 мая. С. 4.
70. *Хроника*. Штрафы на краевые газеты, наложенные военным губернатором Приморской области // Уссурийская окраина. 1913. 31 мая. С. 2.
71. *Хроника*. Злоключения Недзельского // Приморский край. 1913. 11 дек. С. 4.
72. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1368. 26 л.
73. *Хроника* // Далекая окраина. 1913. 12 мая. С. 4.
74. *Местная жизнь*. Обращение представителей краевой печати к Н.Л. Гондатти // Приморский край. 1913. 12 мая. С. 3.
75. *Хроника*. Положение краевой печати // Уссурийская окраина. 1913. 12 мая. С. 3.
76. *Хроника* // Далекая окраина. 1913. 1 июня. С. 3.
77. *Хроника*. Второе ходатайство // Уссурийская окраина. 1913. 2 июня. С. 4.
78. *Хроника*. Арест редактора // Уссурийская окраина. 1913. 2 июня. С. 4.
79. *Хроника*. Редактор «Д.О.» В. П. Казанский // Уссурийская окраина. 1913. 5 июня. С. 2.
80. *Хроника*. Арест редактора // Уссурийская окраина. 1913. 5 июня. С. 2.
81. *Хроника* // Далекая окраина. 1913. 5 июня. С. 5.
82. *Хроника*. К аресту редакторов местных газет // Приморский край. 1913. 18 июня. С. 3.

83. *Хроника*. Краевая печать // Приморский край. 1913. 20 июня. С. 3.
84. *Хроника*. Запрос о незаконных действиях вице-губернатора Лодыженского // Уссурийская окраина. 1913. 21 июня. С. 3.
85. *Хроника*. Освобождение И.И. Соломко // Уссурийская окраина. 1913. 2 нояб. С. 3.
86. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2384.
87. Агапов В.Л. Общественное мнение и политический конфликт в Приморье в 1914 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 131–138.
88. Жиякова Н.В. Злой цензор, добрый цензор: специфика цензурирования первой частной газеты в Томске («Сибирская газета», 1881–1888 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 256–270.

The Struggle Between the Press and the Administration in Primorskaya Oblast on the Eve of World War I (1910–1914)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 308–331. DOI: 10.17223/19986645/72/17

Vadim L. Agapov, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).
E-mail: agapov_vl@mail.ru

Keywords: Russian Empire, Far East, regional administration, journalism, periodicals, censorship.

The article deals with the origin and development of a conflict between the top administration and the periodicals in Primorskaya Oblast from 1910 to 1914 on the basis of a study of archival files of the Russian State Historical Archive and the Russian State Historical Archive of the Far East. Documents from the Office of the Amur Governor-General, the Primorskaya Oblast Administration, the Vladivostok Inspector for the Press, the General Directorate for the Press were used as the sources. The publications reporting fines and arrests imposed on editors of Vladivostok, Khabarovsk and Nikolsk-Ussuriysk local newspapers, which displeased censorship, were also used. Particular attention is focused on the history of the confrontation between the newspapers and the vice-governor in 1913. The number of repressions against the press increased every year from 1910 to 1913. The article contains 38 examples of administrative penalties of the newspapers. Officials overseeing the press were displeased with publications expressing sympathy for the ideas of the constitution and freedom, or criticizing the Orthodox Church, monarchy and bureaucracy. For their part, regional authorities were often forced to take actions against the press following complaints of the police, low officials and priests. Penalties imposed on the press, usually in the face of newspaper editors, included confiscation of issues of newspapers, administrative fines, arrests of the editors. The most resolute supporter of a widespread use of such measures was Vladimir Lodyzhensky, the vice-governor of Primorskaya Oblast. He was biased against the local press, believing newspapers were anti-government and untrustworthy. There was a huge scandal during his governing. The editors of four newspapers were arrested at the same time. They appealed to the Minister of the Interior, the General Directorate of the Press, sent requests to the State Duma. However, the most effective method of the struggle against the administration turned out to be the defamation of local officials on the pages of the metropolitan newspapers. In the historical situation, during the Duma monarchy, the central authorities in Saint Petersburg no longer supported the unambiguously repressive actions of the local authorities, fearing publicity in the metropolitan press and public reaction undesirable for the government. The author comes to the conclusion that the reasons for the conflict between the local press and the administration in Primorskaya Oblast were the nature of the newspapers, which were in opposition to the authorities; the features of legislation, which left a wide space for arbitrary interpretation; and the subjective factor, personal characteristics of individual government officials. Despite the fact that the authorities had repressive mechanisms, the conflict showed the increased influence of the regional press in Russia on the eve of the revolution.

References

1. Agapov, V.L. (2014) "The Max Linder of Vladivostok": The Russian Press about Vice-Governor V. Lodyzhenskiy's Far East Tour (1912–1914). *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 4(42). pp. 127–148. (In Russian).
2. Shakhova, I.A. (2001) *Periodicheskaya pechat' i organy gosudarstvennoy vlasti Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachala XX vv.)* [Periodicals and state authorities in the Russian Far East]. History Cand. Diss. Blagoveshhensk.
3. Bordakov M.A. (2018) *Stanovlenie i razvitie instituta tsenzury na Dal'nem Vostoke Rossii v 1901–1917 godakh* [Formation and development of the institute of censorship in the Russian Far East in 1901–1917]. History Cand. Diss. Vladivostok.
4. *Tekushhiy den'*. (1913) Khronika. General Flug [Chronicle. General Flug]. 4 January. p. 2.
5. Vorob'yov V.V. (1997) Pravovoe polozhenie sibirskoy periodiki v 1905–1914 gg. [Legal status of Siberian periodicals in 1905–1914]. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 3. pp. 55–58.
6. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 702. List 4. File 654. (In Russian).
7. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 702. List 3. File 426. 86 p. (In Russian).
8. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 24. List 1. File 1. 303 p. (In Russian).
9. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 24. List 1. File 9. 441 p. (In Russian).
10. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 24. List 1. File 10. 143 p. (In Russian).
11. Panov, V. (1917) Troystvenniy soyuz [Triple Alliance]. *Dal'niy Vostok*. 15 April. p. 2.
12. Russian State Historical Archive. Fund 776. List 12. Year 1892. File 18. 149 p. (In Russian).
13. Russian State Historical Archive. Fund 776. List 21. Part 2. Year 1907. File 223. 101 p. (In Russian).
14. *Okeanskiy vestnik*. (1911) Nemnogo istorii [A bit of history]. 19 February.
15. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 24. List 1. File 15. 49 p. (In Russian).
16. *Ussuriyskaya okraina*. (1911) Khronika. Arest redaktora K.I. Lepina [Chronicle. The arrest of the editor Lepin]. 28 April. p. 2.
17. *Ussuriyskaya okraina*. (1911) Khronika. Osvobozhdenie iz-pod aresta [Chronicle. Release from arrest]. 28 May. p. 2.
18. *Ussuriyskaya okraina*. (1911) Khronika. Arest redaktora "Tekushchego dnya" [Chronicle. The arrest of the editor of Tekushchiy Den']. 19 May. p. 2.
19. *Ussuriyskaya okraina*. (1911) Khronika. Shtraf na redaktora [Chronicle. Fine for the editor]. 10 August. p. 2.
20. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 1. List 11. File 342. (In Russian).
21. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 1. List 1. File 4481. 107 p. (In Russian).
22. Russian State Historical Archive. Fund 776. List 21. Part 2. Year 1907. File 121. 73 p. (In Russian).
23. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 1. List 2. File 2086. 127 p. (In Russian).
24. *Tekushchiy den'*. (1912) Otkrytoe pis'mo svyashchenniku V. Davydovu [Open letter to priest Davydov]. 3 July.

25. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 702. List 3. File 431. 308 p. (In Russian).
26. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 702. List 3. File 423. 275 p. (In Russian).
27. *Khabarovskiy listok*. (1912) Deshyovaya pokupka [Cheap purchase]. 31 July. p. 2.
28. A. V-v. (1912) Ideya konstitutsii [The idea of a constitution]. *Dalekaya okraina*. 23 August. p. 2.
29. *Dalekaya okraina*. (1912) Khronika [Chronicle]. 24 August. p. 3.
30. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 702. List 1. File 2216. 245 p. (In Russian).
31. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 520. List 1. File 57. 38 p. (In Russian).
32. Panov, V. (1912) V ozhidanii senatorskoy revizii [In anticipation of the senatorial revision]. *Dal'niy Vostok*. 1912. 22 June.
33. *Priamur'e*. (1912) Vystuplenie V.A. Panova [V. Panov's offensive]. 26 June.
34. *Dal'niy Vostok*. (1912) Pod administrativnym flagom [Under the administrative flag]. 15 July.
35. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 24. List 1. File 11. 42 p. (In Russian).
36. *Ussuriyskaya okraina*. (1912) "Pod administrativnym flagom" ["Under the administrative flag"]. 20 July. p. 3.
37. *Ussuriyskaya okraina*. (1912) Khronika. K delu Ehni Bruner [Chronicle. To the Eni Bruner case]. 22 July. p. 2.
38. *Ussuriyskaya okraina*. (1912) Khronika. K razoblacheniyam Panova [Chronicle. To the revelations of Panov]. 5 August. p. 3.
39. *Ussuriyskaya okraina*. (1912) Khronika. Slukh ob otstavke Monomakhova [Chronicle. Rumor about the resignation of Monomakhov]. 7 September. p. 3.
40. Keks. (1913) Malen'kiy fel'eton [Little feuilleton]. *Tekushhiy den'*. 8 January. p. 3.
41. *Tekushhiy den'*. (1913) Khronika. Poka grom ne gryanet ... [Chronicle. Until the thunder cuts loose ...]. 9 January. p. 3.
42. Misyura, F. (1913) K sudu [To court]. *Tekushhiy den'*. 27 July. p. 2.
43. *Ussuriyskiy kray*. (1914) Khronika. Literaturnoe delo [Chronicle. Literary lawsuit]. 12 June. p. 2.
44. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 24. List 1. File 27. 12 p. (In Russian).
45. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) Khronika. Shtraf [Chronicle. Fine]. 29 January. p. 3.
46. *Priamurskiy kray*. (1913) Khronika. Arest redaktora-izdatelya "Priamurskogo kraya" [Chronicle. The arrest of the editor of Priamurskiy Kray]. 13 February. p. 3.
47. *Vostok*. (1913) Khronika. Osvobozhdenie redaktora "Priamurskogo kraya" [Chronicle. The release of the editor of Priamurskiy Kray]. 20 February. p. 3.
48. Volynskiy, A. (1913) K yubileyu [For the anniversary]. *Ussuriyskaya okraina*. 21 February. p. 2.
49. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) Khronika. Arest redaktora nashey gazety [Chronicle. The arrest of the editor of our newspaper]. 15 March. p. 3.
50. *Priamurskiy kray*. (1913) Khronika. Arest redaktora za yubileynyi № [Chronicle. The arrest of the editor for the anniversary issue of the newspaper]. 16 March. p. 3.
51. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 1. List 2. File 2640. (In Russian).
52. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 702. List 1. File 2205. 118 p. (In Russian).
53. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) Khronika. Shtraf [Chronicle. Fine]. 12 April. p. 2.
54. *Priamurskie vedomosti*. (1913) Postanovleniya voennogo gubernatora Primorskoy oblasti [Resolutions of Primorskaya Oblast military governor]. 18 April. p. 1.

55. Russian State Historical Archive. Fund 776. List 21. Part 2. Year 1909. File 130. 92 p. (In Russian).
56. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) Malen'kiy fel'eton [Little feuilleton]. 27 March. p. 3.
57. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) Khronika. Oskorblenie v cerkvi [Chronicle. The insult in church]. 28 March. p. 3.
58. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) Malen'kiy fel'eton [Little feuilleton]. 30 March. p. 3.
59. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) Postanovlenie voennogo gubernatora Primorskoy oblasti № 23089 [Resolution No. 23089 of Primorskaya Oblast military governor]. 21 April. p. 3.
60. *Priamurskie vedomosti*. (1913) Postanovlenie i.d. gubernatora Primorskoy oblasti [Resolution of Primorskaya Oblast military governor]. 27 April. p. 1.
61. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) Kak ya byl redaktorom [How I was an editor]. 21 March. p. 2.
62. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) Po Rossii. Svoboda slova v Tashkente [Across Russia. Freedom of speech in Tashkent]. 1 May. p. 3.
63. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) Malen'kiy fel'eton. Chto takoe redaktor? [Little feuilleton. What is an editor?]. 2 May. p. 3.
64. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) Malen'kiy fel'eton. Chto bylo eshhyo ne vse... [Little feuilleton. That was not all ...]. 5 May. p. 3.
65. *Khronika*. Arest redaktora [Chronicle. The arrest of the editor] (1913). *Dalekaya okraina*. 16 May. p. 5.
66. *Priamurskie vedomosti*. (1913) Postanovlenie voennogo gubernatora Primorskoy oblasti [Resolution of Primorskaya Oblast military governor]. 16 May. p. 2.
67. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) Kto blagonadezhnee: uchitel' Egorushkin ili inspektor Shoss [Who is more reliable: teacher Yegorushkin or Inspector Shoss]. 20 April. p. 3.
68. *Priamurskie vedomosti*. (1913) Postanovleniya voennogo gubernatora Primorskoy oblasti [Resolutions of the Primorskaya Oblast military governor]. 28 May. p. 1.
69. *Dalekaya okraina*. (1913) *Khronika*. Postanovleniya voennogo gubernatora Primorskoy oblasti [Chronicle. Resolutions of Primorskaya Oblast military governor]. 31 May. p. 4.
70. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) *Khronika*. Shtrafy na kraevye gazety, nalozhennyye voennym gubernatorom Primorskoy oblasti [Chronicle. Fines for regional newspapers imposed by the Primorskaya Oblast military governor]. 31 May. p. 2.
71. *Primorskiy kray*. (1913) *Khronika*. Zloklyucheniya Nedzel'skogo [Chronicle. Misadventures of Nedzelsky]. 11 December. p. 4.
72. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 1. List 7. File 1368. (In Russian).
73. *Dalekaya okraina*. (1913) *Khronika* [Chronicle]. 1913. 12 May. p. 4.
74. *Primorskiy kray*. (1913) Mestnaya zhizn'. Obrashhenie predstaviteley kraevoy pechati k N.L. Gondatti [Local life. Appeal of representatives of the regional press to N.L. Gondatti]. 12 May. p. 3.
75. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) *Khronika*. Polozhenie kraevoy pechati [Chronicle. Situation in the regional press]. 12 May. p. 3.
76. *Dalekaya okraina*. (1913) *Khronika* [Chronicle]. 1 June. p. 3.
77. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) *Khronika*. Vtoroe khodataystvo [Chronicle. Second petition]. 2 June. p. 4.
78. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) *Khronika*. Arest redaktora [Chronicle. The arrest of the editor]. 2 June. p. 4.
79. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) *Khronika*. Redaktor "D.O." V.P. Kazanskiy [Chronicle. Editor Kazanskiy]. 5 June. p. 2.
80. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) *Khronika*. Arest redaktora [Chronicle. The arrest of the editor]. 5 June. p. 2.
81. *Dalekaya okraina*. (1913) *Khronika* [Chronicle]. 5 June. p. 5.
82. *Primorskiy kray*. (1913) *Khronika*. K arestu redaktorov mestnykh gazet [Chronicle. To the arrest of local newspaper editors]. 18 June. p. 3.

83. *Primorskiy kray*. (1913) Khronika. Kraevaya pechat' [Chronicle. Regional Press]. 20 June. p. 3.

84. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) Khronika. Zapros o nezakonnykh deystviyakh vice-gubernatora Lodyzhenskogo [Chronicle. Request on illegal actions of Vice-Governor Lodyzhensky]. 21 June. p. 3.

85. *Ussuriyskaya okraina*. (1913) Khronika. Osvobozhdenie I.I. Solomko [Chronicle. Release of I. Solomko]. 1913. 2 November. p. 3.

86. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 1. List 2. File 2384. (In Russian).

87. Agapov V.L. (2017) Public opinion and political conflict in the Russian Far East in 1914. *Rossiyskaya istoriya – The Russian History*. 2. pp. 131–138. (In Russian).

88. Zhilyakova, N.V. (2019) Bad Censor, Good Censor: The Specificity of Censoring of the First Private Newspaper in Tomsk (*Sibirskaya Gazeta*, 1881–1888). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 61. pp. 256–270. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/61/15

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГАПОВ Вадим Львович – канд. ист. наук, доцент департамента коммуникаций и медиа Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

E-mail: agapov_vl@mail.ru

БАРАНОВ Дмитрий Александрович – науч. сотр. лаборатории прикладных и экспериментальных лингвистических исследований Пермского государственного университета.

E-mail: baranov@semograph.com

БЕЛОУСОВ Константин Игоревич – д-р филол. наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного университета.

E-mail: belousovki@gmail.com

БЛЮДОРН Хардари́к – PhD, ст. науч. сотр. кафедры грамматики Института немецкого языка им. Лейбница (г. Мангейм, Германия).

E-mail: bluehdorn@ids-mannheim.de

ГЛУЩЕНКО Владимир Андреевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой германской и славянской филологии Донбасского государственного педагогического университета (г. Славянск, Украина).

E-mail: sdprunauka@ukr.net

ДЕМЕНТЬЕВ Вадим Викторович – д-р филол. наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

ЕРОХИН Александр Владимирович – д-р филол. наук, профессор кафедры «Английский язык» Ижевского государственного технического университета им. М.Т. Калашникова.

E-mail: erochin@yandex.ru

ЖДА́НОВ Серге́й Серге́евич – д-р филол. наук, зав. кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий (г. Новосибирск); доцент кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета.

E-mail: fstud2008@yandex.ru

ЗАЙКОВА Ирина Викторовна – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 Иркутского технического университета.

E-mail: irazaykova@mail.ru

ЗЕЛЯ́НСКАЯ Ната́лья Льво́вна – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. лаборатории прикладных и экспериментальных лингвистических исследований Пермского государственного университета.

E-mail: zelyanskaya@gmail.com

ИБРАЕВА Жанарка Бакибаевна – канд. филол. наук, профессор кафедры языков, литературы и журналистики Инновационного Евразийского университета (г. Павлодар, Казахстан).

E-mail: igb1006@mail.ru

КАЗАКОВА Ирина Борисовна – д-р филол. наук, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры Самарского государственного социально-педагогического университета.

E-mail: kib_sam@mail.ru

КОНДРАТЬЕВА Ольга Николаевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета.

E-mail: Kondr25@rambler.ru / Olnik25@mail.ru

ЛЕНАРТ Иштван – PhD, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова.

E-mail: istvan.lenart@1msmu.ru

МАРКОВИНА Ирина Юрьевна – канд. филол. наук, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова.

E-mail: markovina_i_yu@staff.sechenov.mail.ru

НИКОЛАЕВА Марина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Московского городского педагогического университета.

E-mail: marinik2@yandex.ru

НИКОНОВА Наталья Егоровна – д-р. филол. наук, зав. кафедрой романо-германской филологии Томского государственного университета.

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

ПАНОВА Юлия Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Тульского государственного университета.

E-mail: julie.panova2015@mail.ru

ПISKУНОВ Александр Викторович – канд. филол. наук, доцент кафедры германской и славянской филологии Донбасского государственного педагогического университета (г. Славянск, Украина).

E-mail: piskunov.oleksandr@gmail.com

ПОНОМАРЕВ Николай Филиппович – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного университета.

E-mail: aprioripr@gmail.com

РЫЖКОВА Татьяна Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 Иркутского технического университета.

E-mail: ryzhkova08@mail.ru

РЯБИНИН Константин Валентинович – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры математического обеспечения вычислительных систем Пермского государственного университета.

E-mail: kostya.ryabinin@gmail.com

СМИРНОВА Александра Юрьевна – канд. филол. наук, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург.
E-mail: sandy.86@inbox.ru

ТЕМИРГАЗИНА Зифа Какбаевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Павлодарского государственного педагогического университета (Казахстан).
E-mail: zifakakbaevna@mail.ru

ТОЛОЧИН Игорь Владимирович – д-р филол. наук, профессор кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: itfipe@gmail.com / i.tolochin@spbu.ru

ТОМСКАЯ Наталья Николаевна – ст. преподаватель кафедры зарубежной филологии Московского городского педагогического университета.
E-mail: natalie_tomsкая@mail.ru

ШУБИНА Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, профессор кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университета).
E-mail: elvira.shubina@mail.ru

ЭНДРОДИ Орсоля – PhD, доцент Института межкультурной психологии и образования Университета Этвоша Лоранда (Будапешт, Венгрия).
E-mail: endrody.orsolya@ppk.elte.hu

ЯКОБА Ирина Александровна – канд. социол. наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Иркутского технического университета.
E-mail: irina_yakoba@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2021. № 72

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 25.08.2021 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 21; усл. печ. л. 27,3. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 4762.

Дата выхода в свет 30.08.2021 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru